РОЗАМУНДА ПИЛЧЕР

В канун Рождества

Annotation

Пятеро не слишком счастливых людей по воле обстоятельств оказываются в одном доме на севере Шотландии. Розамунда Пилчер с теплой, доброй улыбкой рассказывает о своих героях, и читатель начинает верить, что приближающееся Рождество обязательно принесет в их жизнь чудесные перемены. Новый роман известной английской писательницы отличают лиризм, мягкий юмор и неожиданные повороты сюжета.

- Розамунда Пилчер
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- ОБ АВТОРЕ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

Розамунда Пилчер
В канун Рождества

1
ЭЛФРИДА

Прежде чем навсегда покинуть Лондон и уехать в деревню, Элфрида Фиппс посетила приют для собак в Баттерси и возвратилась оттуда с четвероногим компаньоном. Найти его было нелегко, это заняло душераздирающие полчаса, но как только она его увидела — он сидел у самой решетки своей конуры и смотрел на нее своими черными ласковыми глазами, — она поняла, что это тот, кто ей нужен. Элфрида не хотела большого зверя или какую-нибудь истеричную болонку. Пес был как раз подходящего размера. Нормальная собака.

Он был лохматый, густая мягкая шерсть падала на глаза, уши то вставали торчком, то опадали, а хвост увенчивала роскошная кисточка.

Окрас — коричневые и белые пятна вразброс, без какой-либо симметрии. Коричневые, в точности цвета какао с молоком. На вопрос о его породе служительница ответила, что, по ее мнению, это помесь сторожевого колли с бородатым колли. А может, с примесью и еще каких-то пород. Элфриду это не занимало. Ей понравилось выражение его морды — он был добрый.

Она пожертвовала приюту умеренную сумму, и новый приятель, сидя на заднем сиденье ее старенького автомобиля и с довольным видом поглядывая в окошко, уехал вместе с ней. Похоже, начало новой жизни ему нравилось.

Назавтра Элфрида отвела его к собачьему парикмахеру — стричься, мыться и сушиться. Он был возвращен ей пушистым, свежим, источающим приятный лимонный аромат. В ответ на такое изысканное внимание он, как мог, демонстрировал благодарность, преданность и обожание. Пес был скромен, даже несколько робок, но и в храбрости ему нельзя было отказать. Едва раздавался звонок в дверь, как он сначала заливался оглушительным лаем, а затем прятался в свою корзину или прыгал на колени к Элфриде.

Имя ему она нашла не сразу, но в конце концов нашла: Горацио, «мой друг Горацио».

День был хмурый, унылый, ничем не примечательный. С деревьев слетали последние листья, дул холодный пронизывающий ветер — обычно такие ветра в октябре еще не дуют, — и даже самые ревностные садоводы предпочли остаться дома; улица была пуста, дети еще были в школе. По

низко нависшему небу нескончаемой чередой неслись облака. Элфрида шла быстрым шагом, за ней без особой охоты семенил Горацио, как видно, понимая, что другой прогулки сегодня не будет и, следовательно, придется довольствоваться этой.

Сюда, в деревню Дибтон в Гэмпшире, Элфрида приехала полтора года назад. Здесь для нее началась новая жизнь. Поначалу она чувствовала себя немного одиноко, но теперь и представить не могла, что поселилась бы в каком-то другом месте. Время от времени кто-нибудь из ее старых подруг по театру отважно пускался в путь, чтобы навестить ее. Спать гостье приходилось на старой бугристой кушетке в задней комнатке, которую Элфрида называла своей мастерской. Здесь стояла швейная машинка, на которой она шила диванные подушки для интерьерного салона на Слоун-стрит, зарабатывая себе на мелкие расходы.

Уезжая, подруги настойчиво допытывались: «Ты довольна, Элфрида? Не хочешь вернуться обратно в Лондон?» И она не кривила душой, успокаивая их: «Вполне довольна. Здесь мое стариковское убежище. Здесь я проведу сумерки жизни».

Теперь все тут было ей хорошо знакомо. Она знала, кто живет вот в этом доме или вон в том коттедже. Люди обращались к ней по имени: «Доброе утро, Элфрида» или «Славный сегодня денек, миссис Фиппс». Жизнь некоторых из ее соседей была прочно связана с Лондоном: каждое утро глава семейства спешил на скоростной поезд, а поздно вечером возвращался домой, в Дибтон. Другие прожили здесь всю свою жизнь в маленьких кирпичных домах, принадлежавших когда-то их отцам, а еще раньше дедам. Были в Дибтоне и вовсе новички — рабочие из соседнего городка, недавно вселившиеся в новые муниципальные дома на окраине деревни. В общем, ничего примечательного, обыкновенная деревушка. Как раз такая, в какой и хотелось поселиться Элфриде.

Она миновала пивную, подновленную и несколько модернизированную в духе времени — кованая железная вывеска, просторная автомобильная стоянка. Теперь она называлась «Дибтонский каретный двор». Затем Элфрида прошла мимо церкви, стоявшей в окружении тисов, мимо кладбищенских ворот и доски для объявлений, на которой трепетали на ветру листочки, извещавшие о приходских новостях: концерт гитариста, пикник для малышей с мамами. На церковном дворе служитель развел костер, в воздухе тянуло дымком от тлеющих листьев. Над головой кричали грачи. На одном из столбов калитки сидел кот, к счастью, Горацио его не заметил.

Улица делала поворот, и в конце ее, за новым безликим одноэтажным

домом священника, открылась деревенская лавка с развевающимися над ней рекламными флажками. У входа болтались без дела три паренька с велосипедами, почтальон вытряхивал содержимое почтового ящика в свой красный пикапчик.

Витрина была забрана решеткой — чтобы юные вандалы не смогли разбить стекло и украсть коробки печенья и аккуратно расставленные баночки консервированной фасоли. Миссис Дженнингс гордилась своей витриной. Элфрида поставила корзинку и привязала Горацио к решетке, чем явно его огорчила. Ему очень не нравилось, когда его оставляли на тротуаре на милость глумливых юнцов, но миссис Дженнингс не пускала собак в свои владения. Она говорила, что они грязные животные и все время задирают лапу.

Внутри было тепло и светло. Тихо жужжали холодильники и морозильники, ярко светили лампы дневного света, товары были разложены на стеллажах, на современный манер. Грандиозные преобразования были произведены несколько месяцев назад, и миссис Дженнингс утверждала, что теперь у нее мини-маркет. Из-за этих стеллажей трудно было сразу увидеть, кто еще пришел за покупками, и только завернув за стенд с быстрорастворимым кофе и чаем, Элфрида углядела возле кассы знакомую спину.

Оскар Бланделл! Элфрида уже вышла из того возраста, когда вдруг радостно вздрагивает сердце, но Оскара ей всегда приятно было видеть. Он был едва ли не первым, с кем она познакомилась в Дибтоне. В воскресное утро она пошла в церковь, и, когда кончилась служба, викарий остановил ее на паперти — от свежего весеннего ветерка волосы у него стояли торчком и белая сутана развевалась, как простыня на веревке во дворе. Он сказал Элфриде несколько приветственных слов, намекнул насчет вступления в «Женский институт»[1] и участия в изготовлении искусственных цветов, но затем, слава Богу, перевел разговор.

— А вот и наш органист, Оскар Бланделл, — сказал он. — Не постоянный органист, а палочка-выручалочка в трудные дни. И отличная палочка-выручалочка.

Элфрида повернулась и увидела, что из темного нутра церкви на залитую солнцем паперть выходит мужчина. Мягкое улыбающееся лицо, полуприкрытые веками глаза, седая шевелюра, которая, похоже, когда-то была просто светлой.

Как ни странно, он был того же роста, что и Элфрида. Обычно она возвышалась над мужчинами — под шесть футов и худа, как щепка, — но Оскару она смотрела глаза в глаза, и ей понравился его взгляд. По случаю

воскресенья он был в твидовом костюме и при галстуке. Ей было приятно его рукопожатие.

Она сказала:

— Как это здорово — играть на органе. Это ваше хобби?

— Нет, моя работа. Моя жизнь, — ответил он вполне серьезно, но тут же улыбнулся и тем самым снял некоторую высокопарность своих слов. — Это моя профессия, — пояснил он.

Прошло дня два, и в домике Элфриды раздался первый телефонный звонок.

— Здравствуйте, говорит Глория Бланделл. В воскресенье после службы вы познакомились с моим мужем. Он органист. Приходите-ка в четверг к нам на обед. Мы живем в Грейндже. Красный кирпичный дом с башенкой, в конце деревни.

— Мне очень приятно ваше приглашение. Приду с удовольствием.

— Как вам на новом месте?

— Обживаюсь понемногу.

— Отлично. Значит, в четверг увидимся. В семь тридцать — чуть раньше, чуть позже.

— Спасибо огромное, — сказала Элфрида, но на другом конце линии уже положили трубку. Судя по всему, миссис Бланделл не любила тратить время попусту.

Грейндж был самым большим домом в Дибтоне. Он стоял в стороне от дороги, в конце подъездной аллеи, которая начиналась от весьма претенциозных ворот. И сам дом, и ворота не очень-то сочетались с Оскаром Бланделлом, но будет интересно пойти к ним, познакомиться с его женой, посмотреть, как они живут. Людей не узнаешь по-настоящему, пока не посмотришь на них в их собственном доме. Увидишь обстановку, книги, поймешь стиль их жизни.

Утром в четверг Элфрида вымыла голову и подновила цвет волос. Вообще-то этот оттенок назывался «рыжеватая блондинка», но иногда получался ближе к оранжевому. На этот раз именно таким он и получился, однако Элфриду волновала более важная проблема: что надеть? В конце концов она выбрала цветастую юбку по щиколотку и длинный трикотажный кардиган зеленого цвета. Сочетание рыжих волос, цветастой юбки и кардигана выглядело довольно экстравагантно, но это прибавляло ей уверенности в себе.

Элфрида двинулась в путь. Десятиминутная прогулка вдоль центральной улицы, и вот она уже прошла через претенциозные ворота и по подъездной аллее. Редкий для нее случай, но она пришла вовремя.

Поскольку это был ее первый визит в этот дом, она не стала отворять парадную дверь сама, не вошла в дом и не крикнула «Эй!», как делала обычно. Она нажала кнопку звонка и услышала, как он зазвонил в глубине дома. Элфрида подождала и поглядела по сторонам. Газон выглядел прекрасно, как будто его первый раз подстригли в этом году. Пахло свежескошенной травой и весенней прохладой.

Шаги… Дверь отворилась. Женщина в синем платье и цветном фартуке, явно не хозяйка дома.

— Добрый вечер. Если я не ошибаюсь, вы миссис Фиппс. Проходите, пожалуйста, миссис Бланделл сейчас будет, она поднялась причесаться.

— Я первая?

— Да, но как раз вовремя. Вот-вот подойдут и другие. Позвольте ваш жакет…

— Нет, нет, спасибо, я останусь в нем.

Не станешь же распространяться, что на шелковой блузке под жакетом дырка под мышкой.

— Гостиная…

Но их прервали.

— Вы Элфрида Фиппс! Простите, что не встретила вас…

Элфрида подняла голову. С огороженной балюстрадой площадки спускалась хозяйка дома — крупная дама, высокая и статная, в черных шелковых брюках и свободной, украшенной вышивкой китайской блузе. В руках у нее был стакан, наполовину полный. Похоже, виски с содовой.

— …Я немного замешкалась, а тут еще телефонный звонок. Здравствуйте, — она протянула руку, — я — Глория Бланделл. Очень приятно, что вы пришли.

У Глории было открытое, румяное лицо, голубые глаза. Волосы, очевидно, подкрашены, но не в такой вызывающе яркий цвет, как у Элфриды.

— Спасибо за приглашение.

— Пойдемте к камину. Спасибо, миссис Масвелл. Надеюсь, остальные гости войдут без звонка. Вот сюда, миссис Фиппс…

Элфрида проследовала за хозяйкой в большую комнату в стиле тридцатых годов, обшитую панелями, с большим камином из красного кирпича, в котором ярко пылали поленья. Перед камином решетка, установленная на кожаном коврике, мебель современная — мягкие диваны и кресла с узорчатой обивкой. Шторы из темно-фиолетового бархата обшиты золотым шнуром, пол сплошь застелен толстыми яркими персидскими коврами. Ничего старого, потертого, поблекшего, все здесь

дышало теплым веселым бодрым комфортом.

— Вы уже давно здесь живете? — спросила Элфрида, стараясь не проявлять излишнего любопытства.

— Пять лет. Дом достался мне в наследство от моего дядюшки. Я всегда обожала это место, ребенком часто приезжала сюда. — Миссис Бланделл со стуком поставила стакан на ближайший столик и подошла к камину швырнуть туда еще одно большущее полено. — Не представляете, в каком он был состоянии! Ковры истерты, побиты молью. Пришлось буквально все обновить. И, конечно же, оборудовать новую кухню и добавить две новые ванные комнаты.

— А где вы жили раньше?

— В Лондоне. У меня был дом в Элм-Парк-Гарденс. — Миссис Бланделл взяла свой стакан, отхлебнула глоток и снова поставила стакан на столик. Она улыбнулась. — Для поднятия настроения. Когда у нас гости, я всегда делаю глоток-другой, пока одеваюсь. Что вам налить? Хереса? Или джина с тоником? Да, Элм-Парк-Гарденс — прекрасное место, изумительно красивое. И церковь святого Биддульфа, где Оскар был органистом, в десяти минутах ходу. Думаю, мы там и остались бы до конца жизни, но мой дядя, старый холостяк, как говорится, отправился к праотцам — так у меня появился Грейндж. И у нас уже была Франческа, наша дочь. Сейчас ей одиннадцать. Я всегда считала, что ребенку лучше расти в деревне… Что там делает Оскар? Это он должен наливать нам. Видно, зачитался и забыл про все на свете. Придут гости — знакомиться с вами. Чета Макгири. Он работает в Сити. И еще — Джоан и Томми Миллс. Томми — консультант в нашей больнице в Педбери. Прошу прощения, вы сказали херес или джин с тоником?

— Джин с тоником, — сказала Элфрида и проследила взглядом, как Глория Бланделл подошла к заставленному графинами столу в дальнем конце комнаты. Она щедро плеснула виски и в свой стакан.

— Это вам, — сказала она, возвратясь и передавая бокал Элфриде. — Надеюсь, достаточно крепко. Вы любите со льдом? А теперь давайте-ка сядем. Устраивайтесь поудобнее и расскажите мне о вашем коттедже.

— Ну… он маленький.

Глория рассмеялась.

— На Пултонс-роу, как я слышала? Их строили для железнодорожников. Очень тесный?

— Да нет, на самом деле нет. Мебели у меня почти никакой, а мы с Горацио много места не занимаем. Горацио — это мой пес. Метис. Не красавец.

— А у меня два китайских мопса, вот они-то уж точно красавцы, да только кусают гостей и потому в данный момент заперты на кухне, в компании с миссис Масвелл. Но каким это образом вы попали в Дибтон?

— Увидела объявление в «Санди таймс». И фото. Мне коттедж показался очень милым. И недорогой.

— Я непременно должна прийти посмотреть. Давно не была внутри такого домика — с тех пор как навещала вдову станционного служителя. А чем занимаетесь?

— Простите, не поняла?

— Возделываете сад? Играете в гольф? Совершаете благочестивые дела?

Элфрида чуточку помедлила с ответом. Перед ней была сильная женщина, таких она угадывала сразу.

— Пытаюсь привести в порядок сад, но пока что дело ограничивается расчисткой.

— Увлекаетесь конным спортом?

— Никогда в жизни не садилась на лошадь.

— Откровенный ответ! Я увлекалась, пока мои сыновья были мальчишками, но это было так давно. У Франчески есть маленький пони, но, боюсь, она не очень-то им занимается.

— Так, значит, у вас есть и сыновья?

— О, да. Уже взрослые, и оба женаты.

— Вот как…

— Я уже была замужем. Оскар мой второй муж.

— Извините. Я не поняла.

— Не извиняйтесь, все в порядке. Мой сын Джайлз работает в Бристоле, а Кроуфорд в Сити. Компьютеры или что-то там еще — я в этом мало разбираюсь. Конечно же, Оскара мы знали много лет. Наша церковь на Рэли-сквер, церковь святого Биддульфа. На похоронах моего мужа Оскар играл просто божественно. Вы не представляете, как все были удивлены, когда мы с ним поженились! «Он же закоренелый холостяк, — говорили мне, — ты отдаешь себе отчет, какую взваливаешь на себя обузу?»

Элфрида была заинтригована.

— Оскар всегда был музыкантом? — спросила она.

— Всю жизнь. Учился пению в Вестминстерском аббатстве, потом стал преподавать музыку в Гластонберийском колледже, несколько лет был там хормейстером и органистом. Потом переехал в Лондон и поступил на место органиста в церкви святого Биддульфа. Наверное, так там и служил бы, пока его не вынесли бы вперед ногами, но тут умер мой дядюшка, и

судьба распорядилась иначе.

Элфрида немного огорчилась за Оскара.

— А он был не против отъезда из Лондона?

— Очень даже против. Как будто вырывали с корнями старое дерево. Но ради Франчески делал вид, что все прекрасно. А здесь у него есть своя комната, там все его книги и партитуры, он немного преподает — просто чтобы не терять форму. Музыка — это его жизнь. Он всегда радуется, когда его просят поиграть на заутрене в Дибтонской церкви. И конечно же, он нередко играет там тайком, чтобы попрактиковаться.

Дверь за спиной Глории тихонько отворилась. Она заметила, что Элфрида отвлеклась, повернулась в кресле и бросила взгляд через плечо.

— А, вот и ты, старина. Мы как раз говорим о тебе.

Тут нагрянули другие гости, все сразу. Они сами отворяли парадную дверь, и дом наполнился их голосами. Бланделлы вышли навстречу, и на минуту-другую Элфрида осталась в гостиной одна. Вот бы улизнуть сейчас домой, подумала она, провести вечер в одиночестве, поразмыслить над тем, что сейчас узнала. Но, конечно же, это невозможно. Она еще не успела отогнать от себя крамольную мысль, как хозяева уже вернулись. Гости двинулись в столовую, и обед начался.

Это был обед по всем правилам: обильный, с соблюдением традиций, с отличными кушаньями и превосходным вином. Начали с копченого лосося, за ним последовало замечательно приготовленное седло барашка, потом подали три пудинга, густой крем в мисках и стилтон.[2] За портвейном Элфрида не без удивления заметила, что дамы не покинули столовую, а остались с мужчинами. Сама она выпила два бокала воды, однако другие дамы с удовольствием пили портвейн.

Хозяйка, похоже, несколько перебрала спиртного. Как бы она не шлепнулась, когда придет время подниматься, забеспокоилась Элфрида, и напрасно. Когда миссис Масвелл, заглянув в дверь, объявила, что в гостиной подан кофе, Глория твердым шагом повела гостей через холл в гостиную.

Гости расселись в кружок перед камином, Элфрида взяла с подноса чашечку кофе. Шторы не были задернуты, и в окне светилось сапфирово-синее небо. Весь день погода менялась: то припускал дождь, то ярко светило солнце, но пока все сидели за столом, облака рассеялись и в небе над дальним буком зажглась первая звезда. Элфрида с чашкой в руках присела на кушетку у окна и стала смотреть на звезды. Вскоре к ней присоединился Оскар.

— Как вы? — спросил он.

Элфрида повернулась к нему. Он был так занят во время обеда: наливал вино, собирал тарелки, раздавал восхитительный пудинг, что она не перекинулась с ним и двумя словами.

— Отлично. Очень приятный вечер. Ваши нарциссы скоро распустятся.

— Вы любите сад?

— Люблю, хотя и не очень опытна в этом деле. Но ваш так и манит в нем прогуляться.

— Хотите посмотреть все поближе? Еще не очень стемнело.

Элфрида оглянулась. Гости удобно расположились у огня, и разговор не умолкал ни на минуту.

— Да, хочу, но не сочтут ли это невежливым?

— Ни в коей мере.

Оскар взял из ее рук чашку и отнес обратно на поднос.

— Мы с Элфридой хотим прогуляться по саду, — объявил он.

— Сейчас? — удивилась Глория. — Уже темно и холодно.

— Не так уж. Мы на десять минут, не больше.

— Хорошо, только позаботься, чтобы Элфрида не замерзла. В саду так сыро и зябко. А вы, дорогая, не разрешайте ему задерживаться надолго…

— Хорошо.

Оживленный разговор у камина возобновился. Речь шла о том, как чудовищно подскочили цены в частных колледжах. Элфрида и Оскар вышли в холл. Оскар неслышно прикрыл дверь и взял с кресла кожаное пальто с меховой подстежкой.

— Позаимствуем у Глории, — сказал он и закутал в него Элфриду. Затем отворил наполовину застекленную парадную дверь, и они вышли в холод и прозрачную чистоту весеннего вечера.

В сумеречном свете неясно вырисовывались кусты и бордюры. В конце газона проходила кирпичная стена, посередине ее рассекал арочный пролет с красивой калиткой из кованого железа. Оскар распахнул ее, и перед ними предстал огороженный стеной сад, четко поделенный живой изгородью на четыре участка. Один из них занимали розы, аккуратно обрезанные и удобренные. Когда настанет лето, здесь будет чем полюбоваться.

Элфрида глядела на этот с любовью обихоженный розарий с завистью.

— И все это ваша работа?

— Нет-нет. Я только планирую, но у меня есть помощник.

— Я не сильна в ботанике. Настоящего сада у меня никогда не было.

— Моя матушка никогда не терялась в таких случаях. Если ее спрашивали, как называется цветок, она с уверенным видом заявляла: *Inapoticum Forgetanamia*.[3] Это почти всегда срабатывало.

— Надо мне это запомнить.

Они шли бок о бок по широкой, покрытой гравием дорожке.

— Надеюсь, за обедом мы не очень утомили вас своими разговорами?

— Нет, нисколько. Напротив, мне было очень интересно. Я люблю слушать.

— Сельская жизнь. Сплошные интриги.

— Скучаете по Лондону?

— Иногда очень. По концертам и опере. По моей церкви святого Биддульфа.

— Вы верующий человек? — неожиданно спросила Элфрида и тут же пожалела о своей импульсивности. Слишком рано задавать такие личные вопросы.

Но Оскар отреагировал спокойно.

— Не знаю. Но большая часть моей жизни связана с духовной музыкой, литургиями и магнификатами[4] англиканской церкви. Мне неуютно жить в мире, где некого благодарить.

— Вы имеете в виду — за благодеяния?

— Именно.

— Понимаю. Хотя я совсем нерелигиозна. В это воскресенье я пошла в церковь только потому, что мне не хватает общения с людьми. Не ожидала, что услышу такую дивную музыку. Никогда прежде не слышала «Te Deum» в подобной аранжировке.

— Орган тут новый. Прихожане провели немало благотворительных ярмарок, чтобы собрать деньги на его покупку.

Минуту-другую они шли молча. Потом Элфрида сказала:

— Вы приняли это как дар Божий? Я имею в виду — новый орган?

Оскар засмеялся.

— Вы словно маленькая собачка, которая все грызет и грызет свою косточку. Конечно же, именно так.

— Ну а что у вас здесь есть еще?

Он ответил не сразу. Элфрида думала о Глории, об их роскошном комфортабельном доме, о его музыкальной комнате, друзьях, материальном благополучии. Интересно было бы узнать, как случилось, что Оскар женился на Глории. Долгие годы холостяцкой жизни, ученики, скудный заработок, пыльные классы академии… Может быть, он испугался

одинокой старости и нашел простейший выход? Богатая, волевая вдова, рачительная хозяйка, хороший друг, заботливая и умная мать. Или это Глория выбрала его и приняла решение? А может быть, они страстно влюбились друг в друга? Как бы там ни было, свадьба состоялась.

Возникла долгая пауза. Потом Элфрида сказала:

— Не хотите отвечать, не отвечайте.

— Я просто думаю, как бы это лучше объяснить. Женился я поздно, у Глории уже были сыновья от первого брака. Не знаю почему, но мне никогда не приходило в голову, что у меня будет свой ребенок. Когда родилась Франческа, я был потрясен: не просто потому, что появилось на свет Божий крохотное человеческое существо, но и потому, что она была так прекрасна. И она была *моя*. Самая-самая близкая. Как будто я знал ее всегда. Это было чудо! Сейчас ей одиннадцать, и я по-прежнему не верю в свое счастье.

— Она здесь? Дома?

— Нет, в школе-интернате. Завтра вечером заберу ее на выходные.

— Мне бы очень хотелось с ней познакомиться.

— Вы познакомитесь. Хочется думать, она вас очарует. Когда Глория унаследовала этот домище, я противился как мог — не хотел уезжать из Лондона. Но уступил ради Франчески. Здесь простор и свобода. Деревья, запах трав. Есть место, где расти. Простор для кроликов, морских свинок и пони.

— А для меня, — сказала Элфрида, — самое прекрасное — это пение птиц поутру и большое небо.

— Вы тоже, как я понимаю, совершили побег из Лондона?

— Да. Пришло время.

— Расставание было тяжелым?

— В какой-то мере. Я прожила в Лондоне всю жизнь. С того самого дня, когда ушла из школы и из дома. Я стала актрисой. К ужасу родителей. Они так и не смирились. Но мне было все равно.

— Актриса. Я мог бы догадаться.

— И певица тоже. И танцовщица. Пела и танцевала в ревю и американских мюзиклах. Вообще-то я всегда стояла в заднем ряду хора — из-за своего роста. Потом работала на телевидении, участвовала в телеспектаклях. Но я не знаменитость.

— Вы по-прежнему работаете?

— Упаси Бог, нет. Бросила уже несколько лет назад. Я вышла замуж за актера, и это была самая чудовищная ошибка в моей жизни. Потом он уехал в Америку. Я много работала. Потом снова вышла замуж. И тоже не

слишком удачно. Почему-то я все время выбирала не того, кого надо.

— Ваш второй муж был тоже актером? — Оскара явно забавлял ее рассказ, и это было как раз то, чего хотела Элфрида. Она не любила вспоминать о своих мужьях, и помогал в таких случаях только юмор.

— Нет-нет, он был бизнесмен. Торговал дорогими виниловыми полами. Казалось, меня ждал покой и достаток, однако мой муж придерживался викторианской морали. Он был твердо убежден, что все, что от него требуется, это обеспечивать свою жену жильем и изредка давать ей деньги на домашнее хозяйство.

— Ничего удивительного, — сказал Оскар. — Это вековая традиция. Только когда-то это называлось рабством.

— Как приятно, что вы меня понимаете. Знаете, какой день стал лучшим в моей жизни? Когда мне стукнуло шестьдесят. Я получила пенсионную книжку и знала, что теперь могу пойти на ближайшую почту и мне выдадут деньги, наличными, прямо в руки, ни за что. Никогда в жизни я не получала деньги ни за что. Мне открылся новый мир.

— У вас были дети?

— Нет.

— Вы так и не объяснили, почему переехали именно сюда.

— Мне надо было куда-то уехать.

— Решительный шаг.

Уже совсем стемнело. Элфрида повернулась к дому — сквозь кованую вязь калитки приглушенно светились окна гостиной. Кто-то задернул шторы.

— Я никогда об этом не рассказывала, — сказала она. — Никому.

— Можете и мне не рассказывать.

— Я уже столько всего нарассказала! Наверное, выпила много вина за обедом.

— Вовсе нет.

— Был один мужчина. Необыкновенный. Красивый, нежный, веселый и остроумный. Замечательный! Еще один актер, но удачливый и знаменитый в ту пору — я не стану называть его имя. Блестящий! Три года мы жили вместе в его маленьком домике в Барнсе, а потом он заболел болезнью Паркинсона и через два года умер. Дом принадлежал ему. Мне нужно было искать другое жилье. Через неделю после похорон я увидела в «Санди таймс» объявление, что продается коттедж на Пултонс-роу. Я его купила. Денег у меня было совсем немного, но он стоил недорого. Для компании я привезла с собой Горацио. У меня есть пенсия и небольшой приработок — я шью декоративные подушки для очень модного

лондонского дизайнера по интерьеру. Работа неутомительная, я при деле и свожу концы с концами. Я всегда любила шить, а работать с красивыми дорогими тканями очень приятно, и модели все время новые. Вот и вся история, довольно банальная. Не знаю, почему я вам ее рассказала. Это совсем неинтересно.

— Мне очень интересно.

— Просто вы добрый человек. — Стало уже так темно, что Элфриде не удалось разглядеть выражения его полуприкрытых веками глаз. — Пожалуй, нам пора возвращаться.

— Да, конечно.

— Спасибо за прогулку. Мне очень нравится ваш сад. Хотелось бы посмотреть на него при дневном свете.

Это было в четверг. В воскресенье утром пошел дождь — не весенний ливень, резвый и короткий, а монотонно барабанящий по стеклам надоедливый зимний дождик, и в домике Элфриды стало так темно, что пришлось включить все лампочки. Она выгуляла Горацио, приготовила себе чашку чая и, прихватив ее, снова улеглась в постель, намереваясь провести праздное утро в тепле и удобстве за чтением вчерашних газет и разгадыванием кроссворда.

Но сразу же после одиннадцати зазвонил дверной колокольчик. Его оглушительный звон можно было сравнить разве что с пожарной тревогой. Элфрида даже подскочила от неожиданности. Горацио, лежавший поперек кровати у нее в ногах, порывисто сел и разок-другой тявкнул — не в его привычках было рычать на незваного гостя и уж тем паче кусать его.

Удивленная, но ничуть не испуганная, Элфрида вылезла из постели, надела халат, завязала кушак и стала спускаться по узенькой, крутой лесенке. Входная дверь открывалась прямо в миниатюрный палисадник. Там стояла девчушка в джинсах, теннисных туфлях и куртке, с которой стекали струйки воды. Куртка была без капюшона, и голова у девочки намокла. Волосы у нее были рыжеватые, заплетенные в косички, лицо в веснушках, на щеках румянец.

— Миссис Фиппс?

Зубы у девчушки были обвиты какими-то проволочками вперемежку с железными звездочками.

— Да.

— Я — Франческа Бланделл. Мама сказала: сегодня такой ужасный день… Не придете ли вы к нам на ланч? Будет большущий кусок мяса и горы…

— Но я ведь на днях обедала у вас.

— Она сказала: вы так и скажете.

— Спасибо за приглашение. Но, видишь, я даже не одета. Я и не думала о ланче.

— Мама хотела вам позвонить, но я сказала: я съезжу на велике.

— Ты на велосипеде?

— Оставила его на дороге. Все в порядке.

Поток воды из водосточного желоба на крыше едва не окатил девочку.

— Думаю, тебе лучше зайти, — сказала Элфрида, — пока ты совсем не промокла.

— О, спасибо! — Франческа мгновенно приняла предложение.

Услыхав мирные голоса и решив, что теперь можно без опаски выходить, Горацио с важным видом спустился по лестнице. Элфрида затворила входную дверь.

— Это мой пес Горацио, — сообщила она.

— Какой симпатяга! Привет, Горацио! Мамины мопсы, когда у нас гость, тявкают целыми часами. Вы не против, если я сниму куртку?

— Нисколько. Очень разумная мысль.

Франческа расстегнула молнию и повесила куртку на столбик перил. С куртки тут же начало капать на пол.

Девчушка огляделась.

— Я все время думала, какие милые маленькие домики, но внутри никогда не была. — У девчушки были большие серые глаза, обрамленные красивыми густыми ресницами. — Когда мамочка сказала, что вы тут живете, я дождаться не могла, чтобы прийти и посмотреть. Вот и примчалась на велике. Вы не против?

— Ничуть. Только у меня ужасный беспорядок.

— А мне кажется, тут здорово.

Это, конечно, было не так. Мебели маловато, и она не в лучшем виде. Элфрида привезла из Лондона свой любимый и, увы, немного продавленный диван, викторианское кресло, медную каминную решетку, старый письменный стол, лампы, ничего не стоящие картины и уйму книг.

— Я хотела разжечь камин, но еще не успела. Хочешь чаю или кофе? Или еще чего-нибудь?

— Спасибо, нет. Я только что попила кока-колы. А куда ведет вот эта дверь?

— В кухню. Я тебе покажу.

Элфрида пошла впереди, отодвинула щеколду на деревянной двери и распахнула ее настежь. Кухня была не больше корабельного камбуза. Тут кипел небольшой котел, обогревая весь дом; деревянный шкафчик был

полон посуды, под окном помещалась фаянсовая раковина, оставшееся место заполняли деревянный стол и два стула. Еще одна дверь сбоку от окна вела в огород. Ее верхняя часть была застеклена, и был виден вымощенный плиткой дворик, окаймленный узким цветочным бордюром. Только этот бордюр Элфрида и успела сделать, до клумб дело не дошло. Кое-где между плитами пробивался папоротник, а по соседской стене взбиралась жимолость.

— В такой день, как сегодня, во дворик, конечно, не тянет, но летом приятно будет посидеть в шезлонге.

— Мне у вас нравится. — Франческа с хозяйственным видом окинула взглядом кухоньку. — Холодильника у вас нет. И стиральной машины тоже. И морозильника нет.

— Да, морозильника у меня нет. Но холодильник есть, и стиральная машина тоже, они стоят в сарайчике в конце двора. А тарелки я мою в раковине — для посудомоечной машины нет места.

— А мне кажется, моя мама скорее умрет, чем станет сама мыть посуду.

— Не такой это тяжкий труд, когда живешь одна.

— Мне нравятся ваши чашки. Синие с белым.

— И мне нравятся. Каждый раз, когда мне попадается красивая чашка, я не могу удержаться и покупаю ее. Уже столько набралось, что еле в шкаф помещается.

— А что на втором этаже?

— Две комнатки и крохотная ванная. Ванна такая маленькая, что мне приходится свешивать ноги через край. А комнаты — это спальня и мастерская, там я шью. Если кто-то приезжает в гости, ему приходится спать в мастерской, рядом со швейной машинкой и лоскутками.

— Да, папа говорил мне, что вы делаете подушки. Что ж, для одного человека здесь как раз хватает места. Ну и для собаки тоже. Как в кукольном домике.

— У тебя есть кукольный домик?

— Есть, но я больше с ним не играю. У меня теперь животные. Морская свинка, ее зовут Красотка, только она сейчас не очень красивая — у нее по всей шкурке пошли какие-то ужасные пятна. Надо идти к ветеринару. И еще кролики. И пони. — Франческа сморщила нос. — Его зовут Принц, только он очень мохнатый. Пожалуй, мне пора. Мама сказала, что я до ланча должна его почистить, а его хоть целый век чисть — и все равно не вычистишь. Особенно в дождь. Спасибо, что показали мне ваш дом.

— Мне это было приятно. Спасибо, что привезла мне такое любезное приглашение.

— Вы придете?

— Конечно приду.

— Пешком?

— Нет. В такой дождь надо ехать на машине. Знаешь, где я держу свою машину? На улице.

— Это старый синий «форд-фиеста»?

— Он самый. Но старый — понятие относительное. Главное, колеса крутятся и мотор работает.

Франческа мило улыбнулась, продемонстрировав свои утыканные железками зубы.

— Значит, увидимся, — сказала она. Взяла куртку, с которой все еще капало, напялила ее на себя, высвободила косички. Элфрида открыла дверь. — Мама сказала: без четверти час.

— Я не опоздаю. И спасибо тебе, что навестила меня.

— Я к вам еще приеду, — пообещала Франческа.

Элфрида смотрела, как девочка шлепает к калитке. Минуту спустя она уже вскочила на велосипед, помахала рукой и, бешено крутя педали, помчалась по лужам. Еще мгновение — и она скрылась из вида.

Оскар, Глория и Франческа стали первыми друзьями Элфриды. Через них она познакомилась с другими. Не только с Макгири и Миллсами, но и с Фубистерами, респектабельным семейством, которое ежегодно устраивало праздник в парке, окружавшем их старый викторианский дом. И с еще одним старожилом — капитаном в отставке Бартоном-Джонсом, вдовцом, заядлым садоводом, председателем Ассоциации общественных тротуаров и ведущим певчим в церковном хоре. Бартон-Джонс, которого друзья звали просто Бобби, любил устраивать вечеринки с выпивкой и называл свою спальню каютой. Ну и, наконец, ее друзьями стали Данны — очень богатые люди, которые купили старый дом приходского священника и превратили его в чудесное, удобное обиталище с игровыми комнатами и крытым плавательным бассейном с подогретой водой.

Другие обитатели Дибтона, из тех, что поскромнее, входили в жизнь Элфриды постепенно, один за другим, вместе с повседневными заботами и делами: миссис Дженнингс, хозяйка деревенского магазина и почты; мистер Ходкинс, который раз в неделю объезжал всех жителей деревни на своем мясном фургончике (он придерживался твердых политических воззрений, а также был надежным источником новостей и сплетен),

Альберт Меддоуз, который отозвался на ее объявление (почтовую карточку, выставленную в витрине миссис Дженнингс) о том, что она нуждается в помощи садовника, и при том, что оказался одноруким, энергично взялся за дело.

Викарий и его жена пригласили Элфриду на ужин а-ля фуршет, во время которого она снова получила приглашение вступить в «Женский институт». Вежливо отклонив его (ей не доставляли удовольствие автобусные экскурсии, и она в жизни не законсервировала ни одной банки джема), она все же согласилась принять участие в работе начальной школы и на Рождество поставила с ребятишками пантомиму.

Новые знакомые были очень приветливы и гостеприимны, но больше всех Элфриде нравились Бланделлы — с ними было интересно и приятно проводить время. Гостеприимство Глории не знало границ. Не проходило недели, чтобы Элфриду не пригласили в Грейндж — на обильный обед или ужин, на теннисный турнир (сама Элфрида в теннис не играла, но очень любила смотреть, как играют другие) или на пикник. Случались и другие, более значительные события: весенний кросс на соседней ферме, посещение Национального парка, вечер в театре в Чичестере. Элфрида провела с Бланделлами Рождество и встретила Новый год, а когда она устроила первый прием для новых друзей (к тому времени Альберт Меддоуз все же реанимировал ее садик, выровнял каменные плиты на дорожках, подрезал жимолость и покрасил сарай), Оскар вызвался быть барменом, а Глория на своей просторной кухне наготовила всяких вкусностей.

Однако все хорошо до известных пределов. Если Элфрида не хотела, чтобы Бланделлы полностью завладели ею, надо было что-то делать. Она с самого начала поняла, что Глория очень властная женщина, и вполне отдавала себе отчет о грозящей опасности. Элфрида уехала из Лондона, чтобы жить своей собственной жизнью, и понимала, что Глории в порыве истового служения обществу ничего не стоит смести со своего пути (а может быть, и утопить в море бурной энергии) одинокую, начисто лишенную бойцовских качеств женщину.

И Элфрида стала время от времени находить предлог отказаться от приглашения. Она говорила, что перегружена работой или что она уже приняла приглашение каких-то воображаемых знакомых, которых Глория не знает. Время от времени они с Горацио уезжали в какую-нибудь дальнюю деревню, где их никто не знал, поднимались по склону холма, минуя отары овец, или шли по берегу темноводного, быстрого ручья. В конце тропинки, как правило, оказывался трактирчик, полный незнакомых

людей, где можно было съесть сэндвич, выпить кофе и насладиться одиночеством.

Только так Элфрида могла спокойно проанализировать свои отношения с Бланделлами объективно и беспристрастно, расставив все по местам.

Во-первых, ей очень нравился Оскар; может быть, даже слишком нравился. Она уже давно вышла из возраста романтической влюбленности, другое дело — дружеские отношения. С самой первой их встречи возле Дибтонской церкви она почувствовала к нему симпатию и получала все больше удовольствия от общения с ним. Оказывается, первое впечатление не так уж обманчиво, время это доказало.

Но лед был тонок. Элфрида не отличалась излишне высокими моральными принципами — все время, что она жила со своим дорогим, ныне покойным, возлюбленным, он оставался мужем другой женщины. Правда, Элфрида никогда не встречалась с его женой, да и его брак уже потерпел крах к тому времени, как они с Элфридой нашли друг друга, поэтому она никогда не испытывала чувства вины. С другой стороны, довольно часто разыгрывался другой, не столь безобидный сценарий, и не раз Элфрида была ему свидетельницей: одинокая леди, которую брала под крыло близкая подруга, сбегала с мужем этой сердобольной подруги.

Но с Элфридой такое не случится. Она знала, что ее сила — в понимании опасности и здравом смысле.

Во-вторых — Франческа, одиннадцатилетняя дочка Бланделлов. Элфрида была бы счастлива иметь такую дочь: независимую, открытую, прямую, смешливую. И с богатым воображением, как видно, развившимся в девочке от ненасытного чтения книг. Франческа так погружалась в чтение, что головы от книги не поднимала, даже если кто-нибудь входил в комнату, включал телевизор и заводил громкий разговор. В школьные каникулы она частенько заглядывала на Пултонс-роу — поиграть с Горацио, посмотреть, как Элфрида шьет свои подушки. Девочка засыпала Элфриду вопросами о театральном прошлом и слушала ее рассказы как завороженная.

Ее отношения с отцом были удивительно нежными и близкими. По возрасту он годился ей в деды, но удовольствие, которое они получали от общения друг с другом, невозможно было сравнить с обычным общением детей и родителей. Из-за двери музыкальной комнаты неслась веселая песенка — это отец и дочь играли в четыре руки, и неверная нота вызывала не взаимные обвинения, а веселый смех. Зимними вечерами отец читал дочери вслух; они уютно усаживались в большом кресле, и девочка то и

дело обвивала руками шею отца и целовала его в белую макушку.

Что до Глории, то она больше дружила со своими взрослыми сыновьями, чем с поздней дочкой. Элфрида общалась с ними и с их хорошенькими, модно одетыми женами, когда они заезжали в Грейндж по пути на уик-энд или прибывали из Лондона на воскресный ланч. Оба светски вежливые и самоуверенные, они были так похожи друг на друга, что казались близнецами. У Элфриды было такое чувство, что ни тот, ни другой не одобряют ее присутствия в доме, но поскольку они ей не нравились, это ее не беспокоило. Глория их обожала: одаривала овощами и фруктами с огорода, а в час отъезда махала вслед рукой как всякая сентиментальная мать. Она свято верила, что ни один из ее сыновей не может совершить ничего плохого, но Элфрида подозревала, что без одобрения матери Дафне и Арабелле тут же была бы дана отставка.

Франческа была другая. Безусловно, Оскар оказывал на нее большое влияние, но все же она шла своим путем. Хотя книги и музыка нравились ей больше, чем занятия спортом в пони-клубе, она никогда не бунтовала, не дулась, с любовью ухаживала за своим строптивым пони, регулярно трусила на нем по кругу на лужайке, которую Глория выделила для выгула лошадей, и совершала дальние выезды по укромным тропинкам вдоль речки. В этих прогулках ее часто сопровождал Оскар — на допотопном велосипеде, сохранившемся со школьных лет.

Глория не мешает этой дружбе, очевидно, потому, что Франческа не представляет для нее особого интереса, решила Элфрида. Эта женщина вся поглощена своей бурной жизнью, приемами, друзьями. Ей важна роль лидера. Иногда она напоминала Элфриде охотника, трубящего в рог, чтобы привлечь внимание, и размахивающего плеткой, чтобы собрать в круг своих собак.

Лишь однажды Элфрида вызвала неодобрение Глории. Это случилось на праздничном обеде у Фубистеров. Чинный прием с соблюдением всех формальностей, зажженные свечи, поблескивающее серебро, старый дворецкий, ожидающий гостей у стола. После обеда в длинной и довольно холодной (вечер был промозглый) гостиной Оскар сел за рояль и сыграл этюд Шопена, а потом сказал, что Элфрида должна спеть.

Она растерялась, стала отказываться: она уже столько лет не поет, голос безнадежно сел…

Но тут к уговорам присоединился старый сэр Эдвин Фубистер.

— Прошу вас, — сказал он, — я так люблю пение.

Он сказал это столь простодушно, что Элфрида заколебалась. Да, ее голос утратил юношеский тембр и вибрирует на высоких нотах, да, она

сделает себя посмешищем, ну и что? В этот момент ее взгляд упал на раскрасневшееся лицо Глории — в нем проступило что-то бульдожье и ясно читалось неодобрение и тревога. Значит, Глория не хочет, чтобы она пела? Чтобы встала рядом с Оскаром и развлекала гостей? Глории явно не нравилось, когда кто-то отвлекал внимание от нее самой. Элфрида даже ощутила неловкость, словно застала ее неодетой.

Конечно, можно было бы проявить осторожность, все же вежливо отказаться, принести извинения. Но Элфрида вкусно пообедала, выпила превосходного вина и расхрабрилась. Она никогда не позволяла себя запугивать и не собиралась изменять этому правилу. Поэтому она улыбнулась, глядя в нахмуренное лицо Глории, и повернулась к хозяину дома.

— Что ж, я не против. С удовольствием…

— Замечательно! — Сэр Эдвин, как ребенок, захлопал в ладоши. — Вы нам доставите удовольствие.

Элфрида встала и пошла к роялю, где ее ждал Оскар.

— Что будете петь?

Она сказала:

— Песню, которую пели когда-то Роджерс и Харт. Вы ее знаете?

— Конечно.

И он заиграл вступление. Элфрида расправила плечи, глубоко вздохнула…

Я бросил взгляд на тебя,
лишь единственный взгляд.

Голос у нее стал слабее, но она не фальшивила.

И сердце замерло…

Ее вдруг охватило беспричинное счастье: она снова почувствовала себя молодой, вместе с Оскаром они наполняли комнату музыкой своей юности.

До конца вечера Глория не произнесла ни одного слова, о ней все словно забыли. Пока гости выражали свое восхищение и поздравляли Элфриду, она пила бренди. Когда пришло время расходиться, сэр Эдвин проводил их к машине. Элфрида пожелала ему доброй ночи и забралась на

заднее сиденье. За руль сел Оскар, и Глории пришлось довольствоваться ролью пассажира в ее собственном авто.

Уже подъезжая к дому, Оскар спросил жену:

— Как тебе понравился вечер?

— У меня болит голова, — коротко ответила она.

Ничего удивительного, подумала Элфрида, но благоразумно промолчала. Она давно заметила, что Глория Бланделл, расчетливая, практичная, с луженым желудком, слишком много пьет. Не раскисает, держится на ногах, но пьет действительно много. И Оскар это знает.

Оскар. Сейчас, в серый октябрьский день, в лавке миссис Дженнингс он забирает свои газеты и покупает пакет собачьего корма. Он в вельветовых брюках, толстом домашнем свитере и грубых башмаках. Наверное, копался в саду, вспомнил про газеты и пришел сюда.

Миссис Дженнингс подняла глаза.

— Добрый день, миссис Фиппс.

Оскар повернулся и увидел ее.

— Элфрида! Добрый день.

— Вы пешком пришли? Я не заметила вашей машины.

— Оставил ее за углом.

Он отступил в сторонку, давая место Элфриде.

— Давно мы вас не видели. Как жизнь?

— Погода осточертела.

— Да уж, отвратная, — встряла миссис Дженнингс. — Холодно, грязь, делать ничего не хочется. Ну, что у вас там, миссис Фиппс?

Элфрида выложила содержимое корзины на прилавок. Хлеб, полдюжины яиц, бекон и масло, две банки собачьего корма и журнал под названием «Красивый дом».

— Записать на ваш счет?

— Будьте любезны. Кошелек оставила дома.

Оскар увидел журнал.

— Решили заняться ремонтом?

— Да нет. Но мне нравится читать о том, что делают другие — это успокаивает. Все равно что слушать советы, как надо стричь газон.

Миссис Дженнингс рассмешили ее слова.

— Дженнингс убрал косилку в сарай еще в сентябре. Ненавидит косить траву.

Оскар подождал, когда Элфрида переложит все покупки в свою корзину, потом предложил:

— Вас подвезти?

— Я не прочь и пешком пройтись. Со мной Горацио.

— И его я тоже приглашаю. Спасибо, миссис Дженнингс, до свидания.

— Всего хорошего, мистер Бланделл. Передавайте привет жене.

Они вместе вышли из магазина. На тротуаре по-прежнему торчали мальчишки. К ним присоединилась сомнительного вида девчонка, с иссиня-черной копной волос, в кожаной юбчонке, которая едва прикрывала зад, и с сигаретой в зубах. Ее присутствие, наверное, раззадоривало подростков: они разыгрывали какие-то пантомимы и оглушительно гоготали. Горацио, явно страдавший от такого соседства, выглядел несчастным. Элфрида отстегнула поводок от решетки, и он облегченно замахал хвостом. Они завернули за угол и прошли по узкому переулку до того места, где Оскар оставил машину. Элфрида села сзади, а Горацио устроился на полу и положил морду ей на колени. Когда Оскар присоединился к ним, захлопнул дверцу и включил зажигание, она сказала:

— Вот уж не думала, что встречу кого-то в магазине в такой час. Обычно все собираются с утра. Там-то и узнаешь все новости.

— Да, конечно. Но Глория в Лондоне, а я забыл про газеты.

Он выехал на главную улицу. Уроки в школе кончились, и по тротуарам, волоча по земле ранцы, тащились домой усталые, чумазые ребятишки. На церковном дворе служитель жег листву, в промозглый недвижный воздух поднимался струйками серый дымок.

— Когда же она уехала?

— Вчера. Там у нее какие-то дела, встречи. Не говоря уже о сыновьях. Она поехала на поезде, я должен встретить ее в половине седьмого.

— Может, заглянете ко мне на чашку чая? Или предпочитаете вернуться к своим клумбам?

— Как вы узнали, что я возился в саду?

— Неопровержимые улики плюс женская интуиция. У вас грязь на башмаках.

Он рассмеялся:

— Совершенно верно, Холмс! Что ж, от чашки чая я не откажусь.

Они миновали трактир. Еще минута-другая, и машина въехала в переулок, где вниз по склону тянулся ряд маленьких коттеджей — улочка Пултонс-роу. У калитки Оскар остановился, и Элфрида с Горацио выбрались из машины. Освободившись от поводка, пес помчался по тропинке к дому; Элфрида с корзиной в руке последовала за ним и открыла дверь.

— А вы когда-нибудь ее запираете? — спросил у нее за спиной Оскар.

— Во всяком случае, не тогда, когда иду за покупками. Воровать у меня нечего. Входите. — Элфрида прошла на кухню и принялась выкладывать на стол содержимое корзины. — Будьте добры, разожгите камин. А то что-то сегодня мрачноватый денек.

Она наполнила чайник и поставила на плиту. Потом сняла жакет, повесила его на спинку стула и начала накрывать на стол.

— Вам кружку или чашку? — спросила она.

— Садовникам полагаются кружки, — отозвался он из комнаты.

— Будем пить у камина или сядем здесь?

— Мне всегда приятнее, когда мои колени под столом.

Элфрида без особой надежды открыла коробки с печеньем. Две были пусты, в третьей оказалась половина имбирного пряника. Она поставила коробку на стол, положив рядом нож. Отыскала в холодильнике молоко и перелила из картонного пакета в желтый фаянсовый кувшинчик. Нашла сахарницу. Из гостиной послышалось потрескивание дров в камине. Элфрида подошла к двери и, прислонясь к косяку, стала наблюдать за Оскаром. Он осторожно укладывал на вершину костерка из тонких поленьев два куска угля.

Почувствовав присутствие Элфриды, он выпрямился и, повернув голову, улыбнулся ей.

— Хорошо занялся. Я правильно уложил и поджег со всех сторон. Вам нужны дрова на зиму? Если хотите, могу прислать.

— А где мне их хранить?

— Можно сложить в палисаднике, у стены.

— Замечательно, если это вас не разорит.

— У нас их более чем достаточно. — Оскар вытер руки о брючины. — А знаете, у вас тут очень мило.

— Да, только трудно навести порядок. Мало места. С этими вещами такая морока! Я не очень-то люблю выкидывать то, к чему привыкла. Есть две-три вещички, которые я вожу с собой многие годы, с тех пор, как я выступала на сцене. Таскаю на горбу раковину, как улитка. Шелковая шаль и забавные безделушки всегда делали мои временные квартиры немного уютнее.

— Пара стаффордширских собачек просто очаровательна.

— Я всегда возила их с собой, только на самом деле они не парные.

— И маленькие дорожные часы.

— Они тоже всегда путешествовали со мной. Их оставил мне мой крестный отец. А одна вещь, возможно, действительно ценная — вон та маленькая картина.

Она висела по левую сторону от камина, и Оскар надел очки, чтобы лучше ее разглядеть.

— Где вы ее приобрели?

— Это подарок одного актера. Мы с ним участвовали в новой постановке «Сенной лихорадки» в Чичестере, и под конец сезона он сказал, что хочет, чтобы эта картина была у меня. Он откопал ее в какой-то лавке и, думаю, не так уж много за нее заплатил, но был уверен, что это Дэвид Уилки.

— Сэр Дэвид Уилки? — Оскар нахмурился. — Ценная вещь. Но почему он отдал ее вам?

— В благодарность за то, что я штопала ему носки, — невозмутимо ответила Элфрида.

Оскар снова повернулся к картине. На небольшом пространстве — двенадцать на восемь дюймов — была изображена пожилая пара в одеждах восемнадцатого века, сидящая за столом, на котором лежит огромная Библия в кожаном переплете. Фон приглушен, мужчина в темном костюме, а женщина в красном платье, канареечно-желтой шали, накинутой на плечи, и белом капоре с оборками и лентами.

— Мне кажется, что она собралась на какой-то веселый праздник.

— Вне всякого сомнения. Элфрида, вам все-таки следует запирать входную дверь.

— Наверное.

— Картина застрахована?

— Она сама — моя страховка. На черный день.

— Значит, это талисман? — Оскар улыбнулся и снял очки. — Мне кажется, Элфрида, у вас особый дар: вы так удачно подбираете себе вещи, что все вместе они выглядят удивительно мило. Уверен, здесь нет ни одной, которую бы вы не считали прекрасной или полезной.

— Оскар, вы говорите мне приятнейшие слова.

В этот момент из кухни донесся свист чайника. Элфрида пошла снять его с горелки, и Оскар последовал за ней. Он смотрел, как она заваривает чай в круглом коричневом чайнике.

— Пусть настоится хорошенько. Вот лимон, если хотите. А еще есть имбирный пряник, только он немного подсох.

— Чудесно! — Оскар выдвинул стул и уселся на него с явным облегчением, точно у него устали ноги.

Элфрида устроилась напротив и стала разрезать пряник.

— Оскар, — сказала она, — я уезжаю.

Он не ответил. Она подняла глаза и увидела на его лице удивление и

испуг.

— Навсегда? — спросил он.

— Конечно же нет.

— Слава Богу! Вы меня здорово напугали.

— Я уже никогда не покину Дибтон, я же вам говорила. Я приехала сюда провести сумеречные годы. Но пора немного отдохнуть.

— Вы устали?

— Нет, но осень всегда действует на меня угнетающе. Она — словно какая-то тоскливая полоса между летом и Рождеством. Мертвый сезон. К тому же приближается мой день рождения. Шестьдесят два. Так что самое время для перемен.

— Разумное решение. Это пойдет вам на пользу. Куда же вы едете?

— На самый кончик Корнуолла.[5] Туда, где чихнешь — и рискуешь свалиться со скалы в Атлантический океан.

— Корнуолл? — На лице Оскара отразилось изумление. — Почему Корнуолл?

— Потому что там живет мой кузен. Зовут его Джеффри Саттон, и он ровно на два года моложе меня. Мы с ним давние друзья. Он из тех милых людей, которым можно запросто позвонить и сказать: «Я хочу приехать и пожить у тебя». И он наверняка ответит: «Приезжай». Причем так, что веришь: действительно этому рад. Так что мы с Горацио завтра выезжаем.

Оскар в сомнении покачал головой.

— Никогда не слышал, что у вас есть кузен. И вообще какие-то родственники.

— Что ж я, по-вашему, родилась от непорочного зачатия?

— Да нет. Просто я удивлен.

— Я не часто вспоминаю о своей семье. — Элфрида сбавила тон. — Живу сама по себе. Но Джеффри — особенный родственник. Мы с ним не теряем связь.

— У него есть жена?

— Даже две. Правда, первая уже в прошлом. Это была настоящая головная боль по имени Доди. Думаю, его пленило ее хорошенькое личико и беззащитность, но вскоре выяснилось, что он связал себя узами брака с жуткой эгоисткой и бездельницей. Она стремилась под любым предлогом ускользнуть из дома, и Джеффри тратил чуть ли не весь заработок на оплату кухарок и нянь для дочерей.

— И что же произошло с их браком? — с интересом спросил Оскар.

— Когда девочки выросли, получили образование и сами начали зарабатывать деньги, Джеффри ушел. К Серене. Она прелестная женщина,

намного моложе его. Работала цветочницей, делала букеты для всяких там званых вечеров и прочее. Джеффри знал ее давно. Он ушел от жены и с работы одновременно и уехал с Сереной подальше от Лондона. Когда кончился пренеприятный бракоразводный процесс, женился. У них есть сын и дочь. Живут они скромно, разводят кур и летом пускают туристов. Постель и завтрак.

— Счастливы?

— О да!

— А дочери от первого брака?

— Я потеряла с ними связь. Старшую зовут Никола. Она вышла замуж, родила ребенка. Неприятная особа, вечно всем была недовольна и жаловалась, что судьба к ней несправедлива. По-моему, она всегда завидовала Кэрри.

— Родной сестре?

— Именно. А вот Кэрри — прелесть. Вся в Джеффри. Лет десять назад, когда мне делали операцию, она приехала и шесть недель ухаживала за мной. Я тогда жила в маленькой квартирке в Патни. Кэрри все взяла в свои руки, и мне было с ней очень хорошо. — Элфрида нахмурилась, что-то подсчитывая в уме. — Сейчас ей должно быть около тридцати.

— Она замужем?

— Не думаю. Знаю, что она жила в Австрии, работала в туристической компании, инструктором по лыжам. Больше всего на свете она любила лыжный спорт. Что бы там ни было, я уверена — Кэрри счастлива. Кажется, чай заварился. — Элфрида наполнила кружку Оскара и отрезала ломтик пряника. — Так что у меня есть родственники, хотя и не очень близкие. — Элфрида улыбнулась. — А у вас?

Оскар поскреб в затылке.

— Как и вы, я не очень хорошо представляю, где они сейчас находятся и чем занимаются.

— Расскажите.

— Ну… — он задумчиво жевал пряник, — моя бабушка была шотландкой. Как вам для начала?

— Неплохо!

— У нее был дом в Сазерленде, большое поместье, ферма.

— Состоятельная леди.

— Обычно я проводил у нее летние каникулы, но она умерла, когда мне было шестнадцать лет, и больше я туда не ездил.

— Как называлось поместье?

— Корридэйл.

— Наверное, дом был огромный?

— Да нет. Но очень удобный. Мне запомнились сытная еда, резиновые сапоги и удочки, разбросанные по всему дому. И чудесные запахи: цветов, пчелиного воска — им полировали мебель, аромат поджаривающихся тетеревов и куропаток.

— Восхитительно! Даже слюнки текут. Ваша бабушка наверняка попала в рай.

— Не знаю. Хотя она была необычайно талантлива и ни на что не претендовала.

— Талантлива в чем?

— У нее был талант жить. И, несомненно, музыкальный. Она была замечательной пианисткой. Думаю, я унаследовал способности к музыке от нее, и именно она направила меня на эту стезю. В Корридэйле всегда звучала музыка. Она стала частью моей жизни.

— Что еще вы там делали?

— Не помню. По вечерам охотился на зайцев. Ловил форель. Играл в гольф. Бабушка пыталась научить меня, как целиться в лунки, но с ней я не мог состязаться. Приезжали гости, и мы играли в теннис, а если было тепло, что случалось редко, я на велосипеде ездил к морю купаться. В Корридэйле не важно было, что ты делаешь. Это был отдых, и очень веселый.

— И что же случилось потом?

— Бабушка умерла во время войны. Поместье унаследовал мой дядя и переехал туда жить.

— Он приглашал вас на летние каникулы?

— Мне исполнилось шестнадцать лет. Я был весь погружен в музыку. Сдавал экзамены. Другие интересы, другие люди. Другая жизнь.

— Он так там и живет? Я имею в виду, ваш дядя.

— Нет, теперь он живет в Лондоне, неподалеку от Альберт-холла.

— Как его фамилия?

— Маклеллан. Гектор Маклеллан.

— Великолепно! У него есть килт[6] и рыжая борода?

— Нет, он уже очень стар.

— А Корридэйл?

— Он передал его своему сыну Хьюи, лентяю и бездельнику. А тот любит шикарно жить и оригинальничать. Хьюи сразу же стал приглашать в Корридэйл приятелей, которые пили его виски и вели себя так, что слуги, проработавшие в поместье много лет, были просто в отчаянии. Потом Хьюи решил, что жизнь на севере не для него. Он продал поместье и

отправился на Барбадос. Насколько мне известно, он и сейчас живет там со своей третьей женой и продолжает развлекаться.

Элфрида позавидовала:

— Какой интересный человек!

— Нет, вовсе не интересный. Его поступки весьма предсказуемы. Мы поддерживаем с ним связь, но друзьями никогда не были.

— Значит, вы никогда больше там и не побываете?

— Похоже, что так. — Оскар откинулся на спинку стула и скрестил руки. — Правда, бабушка оставила нам с Хьюи еще один дом. Он уже много лет сдается какой-то пожилой паре. Каждые три месяца я получаю небольшую ренту. Хьюи, разумеется, тоже. Думаю, ему хватает этих денег на пару попоек.

— А дом большой?

— Не очень. Стоит в центре маленького городка. Когда-то это была контора управляющего поместьем, а потом его переделали в жилой дом.

— Очень интересно. Хотела бы я иметь дом в Шотландии!

— Полдома.

— Полдома лучше, чем ничего. Вы можете поехать туда с Франческой на каникулы.

— Мне почему-то это и в голову не приходило. Честно говоря, я вообще про этот дом не вспоминаю. Скорее всего, рано или поздно Хьюи предложит мне либо выкупить его половину, либо продать ему мою. Но меня это мало беспокоит. Я предпочитаю не торопить события. Чем меньше дел я имею с Хьюи Маклелланом, тем лучше.

— Прячетесь от проблем?

— Просто ни за чем не гонюсь. Ну, и когда же вы уезжаете?

— В следующую среду.

— Надолго?

— На месяц.

— Открытку нам пришлете?

— Непременно.

— Дайте знать, когда вернетесь.

— Сразу же.

— Нам будет вас недоставать, — сказал Оскар, и у Элфриды потеплело на сердце.

Домик назывался Эмбло-коттедж. Гранитным фасадом он был обращен к северным ветрам и к Атлантике, и немногочисленные на этой стороне окошки были маленькие, глубоко посаженные, однако

подоконники достаточно широкие для горшков с геранью, причудливых обломков плавника и раковин. Серена любила собирать раковины. Когда-то этот коттедж был частью Эмбло, процветающей молочной фермы, и в нем жил пастух, но он ушел на пенсию, потом умер; молочные хозяйства механизировали, и фермер, дабы сократить расходы, продал коттедж. С тех пор тут трижды сменились хозяева, и в последний раз коттедж был объявлен на продажу, как раз когда Джеффри принял судьбоносное решение распрощаться с Лондоном, с Доди и со своей работой. Он прочел объявление в «Таймс», немедля сел в машину, ехал всю ночь напролет, чтобы посмотреть коттедж одним из первых, и обнаружил отсыревший домик, спрятавшийся в разросшихся кустах неухоженного сада и убого обставленный для сдачи в летний сезон. Но отсюда открывался вид на скалы и на море, по южной стене вилась глициния, а на лужайке цвел куст камелии.

Джеффри позвонил управляющему своего банка и купил коттедж. Когда они с Сереной въехали, в печных трубах были птичьи гнезда, обои клочьями свисали со стен, а в комнатах стоял запах сырости и плесени. Но какое это имело значение! Они расположились на спальных мешках и откупорили бутылку шампанского. Они были вместе и в своем доме.

Прошло десять лет. Два из них ушли на то, чтобы привести дом в порядок. Все это время водопроводчики, плотники, плиточники и каменщики в заляпанных грязью башмаках бродили по комнатам, без конца пили чай и вели долгие разговоры о смысле жизни.

Время от времени Джеффри и Серена выходили из себя из-за того, как медленно продвигается работа, но одержать верх над этими философами-любителями было невозможно. Они не понимали смысла слова «поторопитесь» и дружно сходились на том, что поработать можно и завтра.

Но в конце концов рабочие удалились, оставив хозяевам небольшой, ладный, крепкий кирпичный дом с кухней и маленькой гостиной внизу и верхним этажом, куда вела скрипучая деревянная лестница. К задней стене кухни примыкало довольно просторное помещение, вымощенное плиткой. Прежде там была прачечная, а теперь висели дождевики и стояли резиновые сапоги; здесь же Серена установила стиральную машину и морозильник. Огромную фаянсовую раковину, которую Джеффри нашел в канаве, отмыли и отчистили, и теперь она пользовалась постоянным спросом: в ней мыли яйца, купали собак, составляли букеты из дикорастущих цветов, которые Серена любила расставлять по дому в старомодных глиняных кувшинах. Наверху располагались три чистенькие

спаленки со скошенными потолками и небольшая ванная комната, из окна которой открывался самый красивый вид на юг, на фермерские поля и поросший вереском склон холма.

Хозяевам не было здесь одиноко. Примерно в ста ярдах от них стоял фермерский дом с хозяйственными пристройками, по переулку мимо их калитки постоянно двигались тракторы, грузовички с молочными бидонами, машины; ребятишки, которых школьный автобус высаживал в конце дороги, шли домой. В фермерской семье было четверо детей, и все они стали лучшими друзьями Бена и Эми — вместе гоняли на велосипедах, собирали ежевику, с тяжелыми рюкзаками за спиной уходили к скалам поплавать и попировать у костра.

Элфрида еще ни разу не приезжала сюда. И вот теперь она уже в пути. Джеффри ощущал странное, полузабытое чувство, которое он в конце концов определил как волнение.

Элфрида. Сколько ей сейчас?.. Шестьдесят один? Шестьдесят два? Мальчишкой он был очень высокого о ней мнения — она ничего и никого не боялась и постоянно смешила его. Джеффри учился в школе-интернате, и по сравнению с ее казенной дисциплиной общение с Элфридой было для него словно луч света: необыкновенно привлекательная бунтарка, она неустанно сражалась против родителей и в конце концов победила — стала актрисой. Такая целеустремленность, смелость и воля к победе восхищали Джеффри, и он был предан Элфриде всей душой. Раза два она по собственной инициативе забирала его из интерната на выходные, и он не торопился выходить, чтобы мальчишки успели полюбоваться на нее: в темных очках, с ананасного цвета волосами, затянутыми в пучок шифоновым шарфиком, она ждала его в своем маленьком красном спортивном автомобиле.

— Это моя кузина. Она поет в каком-то шоу. В Лондоне, — небрежно сообщал он приятелям. — Они привезли это шоу из Нью-Йорка.

Потом он бежал к Элфриде с извинениями за опоздание и втискивался в тесное пассажирское сиденье. Ревел мотор, летел во все стороны гравий, и они уносились вдаль. По возвращении в школу он хвастался прогулкой:

— Ну, мы заехали в мотель. Поплавали в бассейне, пообедали.

Он страшно гордился кузиной и был в нее не на шутку влюблен.

Но время шло, они повзрослели. У каждого из них теперь была своя жизнь, и они потеряли связь. Элфрида вышла замуж сначала за актера, потом за какого-то скучнейшего типа и в конце концов завела себе знаменитого и преуспевающего любовника. Казалось, она нашла свое счастье, но у него началась болезнь Паркинсона и спустя какое-то время он

умер.

Последний раз Джеффри видел кузину в Лондоне, вскоре после того, как она встретилась с этим замечательным человеком, которого всегда называла Джимбо.

— Это не настоящее имя, — объясняла Элфрида, — я сама его придумала. Знаешь, я и не представляла, что так может быть, что кто-то может стать мне таким близким человеком. Мы с ним совершенно не похожи, и все же я люблю его больше всех на свете. Я никогда никого так не любила.

— Но что же будет с твоей карьерой? — спросил ее тогда Джеффри.

— А, гори она синим пламенем! — сказала Элфрида и рассмеялась.

Джеффри никогда не видел ее такой счастливой, такой красивой, такой довольной. Его собственный брак был на последнем издыхании, и она всегда была где-то рядом, на другом конце провода, давала ему советы, иногда удачные, иногда не очень, но, самое главное, искренние. Когда он познакомил ее с Сереной, она на следующий вечер позвонила ему и сказала:

— Джеффри, милый, она просто прелесть!.. Перестань терзаться и сосредоточься на ней.

— А как же дочери?

— Они уже взрослые и сами о себе позаботятся. Ты должен подумать о себе. Не упусти свой шанс. Не сомневайся. У тебя нет времени. Жизнь только одна.

— А Доди?

— Она переживет. Оберет тебя до нитки и успокоится. Она не поступится собственным комфортом. Отдай ей все, уходи и будь счастлив.

Уходи и будь счастлив. Он именно так и поступил.

Осенний вечер был хмур. Поднимался ветер. Джеффри собрал яйца, загнал квохчущих кур в их деревянные домики. Темнело. Серена включила в коттедже электричество, и в густеющих сумерках засветились желтым светом маленькие окошки. Сегодня четверг, надо подвезти тачку с мусором к шоссе, утром за мусором заедет грузовичок. Ветер крепчал, теперь он пахнул морем и был соленым на вкус. Зашуршали, заплясали над изгородью ветки дрока. В их жалобный шелест вплеталось журчание ручейка, бегущего по обочине проулка и вниз по склону холма. Похолодало, и Джеффри вошел в дом надеть куртку поплотнее. Серена что-то помешивала на плите, дети за кухонным столом готовили уроки.

Он сказал:

— Тачка…

— Вот умница, что вспомнил.

— Вернусь через пять минут.

— Может, Элфрида как раз подъедет.

Джеффри покатил тачку по изрытому колеями проулку и поставил у обочины. Прислонившись к изгороди, как усталый пожилой крестьянин, он достал пачку сигарет и прикурил от своей старой стальной зажигалки. День угасал. Он смотрел на потемневшее, затянутое облаками небо. Море было синевато-серое, в белых барашках. У подножия скал глухо рокотали буруны, влажный туман с моря оседал на щеках.

Джеффри вспомнил полузабытые стихи:

Хрупка моя хрустальная обитель,
Все бури Корнуолла рвутся в двери.
Плывут, белея, корабли зимы
По пустоши, где цвел недавно вереск.

Он стоял, пока не докурил сигарету, потом швырнул окурок и повернул к дому, но в этот момент увидел свет фар. Они приближались с восточной стороны, мигая на поворотах. Джеффри остановился. Появилась старенькая синяя «фиеста» и осторожно повернула на Эмбло. Он понял, что это Элфрида, ступил на дорогу и замахал руками. Машина остановилась. Он отворил дверцу, сел на сиденье и вдохнул знакомый аромат. Элфрида всегда душилась этими духами.

Он сказал:

— Не стоит останавливаться на шоссе. Тут ездят тракторы и автобусы с немецкими туристами. Свернем в проулок.

Элфрида последовала его совету.

— Привет! — сказала она.

— Ты все-таки приехала.

— Пять часов добиралась.

— Легко нашла дорогу?

— Ты отлично нарисовал схему.

— А кто это на заднем сиденье?

— Мой пес Горацио. Я ведь говорила тебе, что он тоже приедет.

— А я с такой ненавистью смотрел на телефон. Боялся, что ты позвонишь и скажешь, что передумала.

— Ни за что, — сказала Элфрида и перешла к делу: — Это подъезд к

твоему дому?

— Он самый.

— Узковат.

— Ничего, проедем.

— Тогда вперед.

Джеффри засмеялся:

— Вперед.

Элфрида нажала на педаль газа, и машина осторожно въехала в узкий проезд.

— Как дорога? — спросил Джеффри.

— Нормально. Правда, я немного нервничала — давно не отправлялась в такие дальние поездки. Знаешь, незнакомые магистрали и громыхающие автофургоны ужасно действуют на нервы. Я ведь не на «феррари».

— У тебя хорошая машина.

Снаружи у коттеджа зажегся свет — видимо, Серена услышала шуршание гравия. Фонарь осветил открытую площадку с высокой гранитной стеной.

— Остановимся здесь, — скомандовал Джеффри.

Тут откуда-то выскочили две овчарки и с оглушительным лаем запрыгали вокруг машины.

— Не пугайся, — сказал Джеффри, — это Тарбой и Финдус. Они не кусаются.

— И Горацио не тронут?

— И его.

Они вышли из машины и выпустили Горацио. Собаки обнюхали его, и он с умиротворенным видом вскинул лапу под ближайшим развесистым кустом.

На Джеффри такая непринужденность произвела впечатление.

— Какой он породы?

— Неизвестно. Но хороший пес, спокойный и чистоплотный. Он может спать со мной в комнате. Я привезла его корзинку.

Джеффри открыл багажник «фиесты», вынул оттуда потертый чемодан и большой бумажный пакет.

— Приехала с собственным довольствием?

— Это еда для Горацио и его миска.

С заднего сиденья Элфрида достала корзинку Горацио и еще один объемистый бумажный пакет. Дверцы машины захлопнулись. Джеффри пошел по вымощенной плитами дорожке и повернул за угол дома, Элфрида

последовала за ним. И сразу же на них налетел ветер с моря. Джеффри поставил чемодан Элфриды, отворил дверь, и она вошла в кухню.

Двое ребятишек, сидящие за столом, уставились на нее. Серена, раскрыв объятия, шагнула навстречу.

— Джеффри, ты и правда *нашел* Элфриду! Вот умница, отправился отвезти мусор, а возвратился с вами. Как точно рассчитал! Тяжелая была поездка, да? Хотите чаю и что-нибудь перекусить? Ах, вы же еще не познакомились с ребятами. Это Бен, а это Эми. А это Элфрида, птички мои.

— А мы знаем, — сказал мальчик. — Вы ведь только о ней и говорили. — Он был темноволосый, а его младшая сестричка светленькая.

Бен встал из-за стола и подошел пожать руку Элфриде, с интересом косясь на ее багаж в ожидании подарка. Он был смуглый, с темными отцовскими глазами и копной густых черных волос. Придет время, и этот парнишка разобьет не одно нежное сердечко, подумала Элфрида.

Джеффри оставил чемодан у подножия лестницы и тоже вошел в кухню.

— Привет, папа.

— Привет, Бен. Сделал домашнее задание?

— Да.

— Молодчина. А ты, Эми?

— Давным-давно, — гордо ответила девочка и тут же застеснялась. Она подошла к отцу и, обхватив его ногу, тесно прижалась к нему лицом. Элфрида решила, что дети необыкновенно похожи на Джеффри и очень красивы. Но ведь Серена тоже очень красива. Ее светлые, как у дочки, волосы скручены в узел и скреплены черепаховой заколкой, глаза ярко-голубые, на нежном лице россыпь веснушек. Она была в узких джинсах, которые делали ее длинные ноги еще длиннее, синем пуловере и шелковом шарфике на шее.

— Какова программа? — спросил Джеффри, и Серена сказала:

— Для Элфриды я сейчас приготовлю чай, если, конечно, она хочет. Или посидите у камина? А могу проводить вас в вашу комнату, если вы хотите распаковать чемодан или принять ванну.

— Когда ужин?

— Часов в восемь. Сначала я покормлю Бена и Эми.

Эми оторвалась от отцовской ноги и сказала:

— Сосиски.

— Прости, не поняла. — Элфрида шутливо нахмурила брови.

— У нас на ужин будут сосиски. И картофельное пюре. И запеченная фасоль.

— Как вкусно!

— А у вас кое-что другое. Мамочка приготовила.

— Не говори! Пусть это будет сюрприз.

— Курица с грибами!

— *Эми!* — завопил брат. — Тебе ведь сказали: *не говори!*

Элфрида засмеялась.

— Не сердись на нее. Я уверена, что это будет просто объедение.

— Ну так как же? — спросила Серена. — Выпьете чаю?

— Пожалуй, я лучше пойду наверх, разложу вещи и приму ванну, ладно?

— Отлично. Правда, у нас только одна ванна, но дети могут помыться после вас. Горячей воды сколько угодно.

— Тогда я так и поступлю.

— А Горацио? — спросил Джеффри. — Надо его покормить?

— Да, конечно. Дай ему два совка галет и полбанки мяса. И немного теплой воды.

— Горацио — это собака? А где он? — спросил Бен.

— Возле дома. Знакомится с вашими собаками.

— Я хочу на него посмотреть…

— И я тоже!

— Погодите!

Но ребята уже выскочили в сад, не слыша протестов матери. В открытую дверь потянуло холодом. Джеффри закрыл ее и поднял чемодан Элфриды.

— Идем, — скомандовал он и зашагал по скрипучим деревянным ступеням.

Он показал ей комнату и ушел, притворив за собой дверь.

Элфрида села на кровать и только тогда почувствовала, что очень устала. Она зевнула во весь рот и оглядела комнату. Небольшая, но миленькая и очень уютная. Похожа на Серену. Белые стены, белые занавески, тростниковые коврики на полу. На комоде из соснового дерева белая полотняная салфетка с кружевной оборкой. Деревянные крючочки и набор разноцветных вешалок вместо гардероба. Поверх пухового одеяла синее бумажное покрывало, на столике возле кровати — книги, свежие журналы и розовая гортензия в синей керамической кружке.

Элфрида снова зевнула. Она приехала. Не сбилась с пути, не попала в аварию. Машина не сломалась. И Джеффри встречал ее в конце проулка. Выскочил с обочины словно разбойник и замахал руками. Его так легко было узнать — высокого, худощавого, подвижного, несмотря на возраст. По

всей видимости, он ни в чем не уступает своей молодой жене и маленьким ребятишкам. А самое главное, выглядит вполне довольным. Он правильно сделал. Его прежняя жизнь исчерпала себя и закончилась, чего Элфрида всегда ему и желала.

Она посидела еще немного, потом встала, открыла чемодан и разложила на комоде свои вещички. Комнатка сразу стала своей. Элфрида разделась, накинула халат и отправилась в маленькую ванную комнату, где понежилась немного в горячей ванне. Усталость как рукой сняло, и она радовалась предстоящему вечеру. Элфрида надела вельветовые брюки и шелковую блузу, собрала в саквояж подарки и пошла вниз, точно моряк, спускающийся на нижнюю палубу. На кухне дети ели сосиски, а Серена взбивала миксером белки. Увидев Элфриду, она улыбнулась.

— Джеффри ждет вас в гостиной, — сказала она. — Он затопил камин.

— Я могу чем-то помочь? Правда, готовить я не умею, но на чистке кастрюль собаку съела.

Серена засмеялась:

— Нет у меня грязных кастрюль.

— Я сегодня еще увижу Бена и Эми?

— Непременно. Они примут ванну и придут сказать спокойной ночи.

— Вода была чудесная. Я просто возродилась.

Бен спросил:

— Что такое — возродилась?

— Это значит помолодела.

— Что-то незаметно.

— Это потому, что я уже старая, — сказала Элфрида. — Обязательно приходи сказать спокойной ночи, потому что у меня кое-что для тебя есть… — она подняла саквояж: — вот здесь.

— А можно посмотреть сейчас?

— Нет, сейчас нельзя, посмотришь позже, у камина. Понимаешь, это как рождественский чулок.

Элфрида нашла Джеффри в маленькой гостиной. Как всякий пожилой джентльмен, он сидел у камина и читал «Таймс». Увидев Элфриду, он отложил газету в сторону и осторожно поднялся — в этой комнате, неизвестно по какой причине, потолок был ниже, чем везде, и Джеффри явно опасался удариться головой об одну из белых балок. Это было бы особенно чувствительно для его загорелой лысины, вокруг которой опускались на воротник все еще черные волосы. Глаза были тоже темные, и когда он смеялся, по худым щекам веером разбегались морщинки. На нем был синий свитер и красная бандана вместо галстука. Элфрида, которая

всегда ценила мужскую красоту, с удовлетворением констатировала, что на кузена по-прежнему приятно посмотреть.

— Ты блестяще выглядишь, — сказал он.

— Хорошо отмылась. Как это чудесно — понежиться в ванне.

Она поставила на пол саквояж, опустилась в кресло по другую сторону камина и с одобрением огляделась. Знакомые картины на стенах, яркий огонь в камине, кувшины с засушенными травами, семейные фотографии в серебряных рамках, немного старинной мебели.

— У вас очаровательный дом.

— Это не моя заслуга, Элфрида. Все делала Серена. Выпьешь вина?

— С удовольствием! Здесь совсем другой мир, правда? Он так отличается от твоей прежней жизни. Дом в Кэмдене, ежедневные утомительные поездки в Сити, официальные приемы, общение с нужными людьми…

Джеффри подал Элфриде бокал и опустился в свое широкое кресло. Их глаза встретились.

— Извини, — сказала она.

— За что?

— За бестактность. Ты же знаешь, я сначала говорю, а потом думаю.

— Ты права. Это был совсем другой мир, и я по нему не горюю. Погоня за деньгами, чудовищно дорогие школы для девочек. Званые обеды, для которых мы каждый раз нанимали дворецкого. Новый дизайн кухни, потому что супруги Харли Райт на другой стороне площади переделали свою и Доди не может от них отстать. Постоянная тревога: по какому курсу идут акции, что требуют страховые компании. И вечная угроза сокращения. Сколько ночей я не спал! А, собственно, во имя чего?

— Теперь все в порядке?

— В каком смысле?

— Материально.

— Да, все хорошо. Даже отлично. Зарабатываем мы не Бог весть сколько, но нам хватает.

— А на что вы живете? Куры?

Джеффри засмеялся.

— На них не проживешь. Масса хлопот, а доход небольшой. Летом выручают туристы и отпускники: мы сдаем комнату — постель и завтрак, но поскольку она одна, да и ванной отдельной нет, хорошую плату не возьмешь. Вот подумываем, не превратить ли заброшенное строение между нашим участком и соседней фермой в дополнительное помещение для платных приезжих, но это серьезная затея, и мы все никак не раскачаемся.

Серена продолжает составлять букеты для свадеб и званых вечеров, Бен и Эми учатся в местной школе. Для меня это настоящее открытие — как просто, оказывается, можно жить!

— И счастливо?

— Счастливее не бывает.

— А Доди?

— У нее квартира неподалеку от Херлингема,[7] очень хорошая, с видом на реку. Никола развелась и живет с ней, так что они вынуждены терпеть друг друга.

— А ребенок Николы?

— Люси? Ей сейчас четырнадцать. Бедняжка, она тоже живет с ними. Я пытался пригласить ее пожить у нас, хотя бы временно, но Никола считает меня негодяем, а Серену ведьмой и отказывается отпускать к нам дочку.

Элфрида вздохнула. Она отлично понимала, насколько безнадежна ситуация.

— А как Кэрри? — спросила она.

— По-прежнему в Австрии. У нее хорошая работа в туристической компании. Она на ответственной должности.

— Вы встречаетесь?

— Когда я был в Лондоне последний раз, мы позавтракали вместе, но наши пути редко пересекаются.

— Она не замужем?

— Нет.

— Сюда приезжает?

— Нет. Говорит, что не хочет мешать, смущать Серену. Кэрри уже тридцать, она не ребенок. У нее своя жизнь. Если ей захочется приехать в Эмбло, достаточно поднять телефонную трубку, и она это знает. — Он замолчал, поставил стакан, закурил сигарету.

— Курить ты не бросил, — заметила Элфрида.

— И не собираюсь. Тебя это раздражает?

— Ничуть. Меня никогда ничто не раздражает.

— Выглядишь ты замечательно. Как поживаешь?

— Отлично.

— Не страдаешь от одиночества?

— Теперь стало легче.

— Жизнь обошлась с тобой жестоко.

— Ты о Джимбо? С ним она обошлась еще более жестоко, чем со мной. Что может быть хуже для замечательного, блестящего человека, чем

медленное угасание. Но я ни о чем не сожалею, Джеффри. Мы с ним недолго жили вместе, но это было что-то особенное. Немногим выпадает такое счастье.

— Расскажи мне про свое новое пристанище.

— Дибтон? Обыкновенная скучная деревушка. Как раз то, что я хотела. Маленький коттедж, в нем жил кто-то из железнодорожных рабочих, таких коттеджей там целая улочка. Больше мне ничего и не нужно.

— А люди приятные?

— Опять же самые обыкновенные. Добрые, приветливые. Встретили меня вполне дружелюбно. Оставаться в Лондоне я не могла.

— А какие-то близкие друзья появились?

Элфрида начала рассказывать ему о Фубистерах и Бобби Бартон-Джонсе, о викарии и его жене, о пантомиме в воскресной школе. Потом поведала о миссис Дженнингс и Альберте Меддоузе, о сказочно богатом мистере Данне, о его закрытом плавательном бассейне и огромной оранжерее с огненно-красными геранями и фикусами. Завершали рассказ Бланделлы: Оскар, Глория и Франческа.

— Они, и правда, необыкновенно добры ко мне. Можно сказать, взяли под свое крыло. Глория богатая и щедрая. Она — владелица дома, в котором они живут. Он называется «Грейндж» и ужасно уродлив, но необыкновенно теплый и комфортабельный. Глория уже была прежде замужем, у нее два взрослых сына, а маленькая Франческа — девочка оригинальная, очень забавная и милая. Глория — очень гостеприимная хозяйка, постоянно устраивает приемы, пикники, дружеские вечеринки или собрания комитета. Она поклонница верховой езды и любит собирать большие компании и устраивать гонки. Багажник она превращает в бар, а к бамперу привязывает своих мопсов, которые лают на всех как сумасшедшие.

Джеффри явно нравился ее рассказ.

— А Оскару тоже нравятся такие развлечения?

— Не знаю. Но он мягкий, приветливый человек… очень обаятельный… Они с Франческой не отходят друг от друга, делают ставки на никому не известных лошадей и едят мороженое.

— А чем он занимается? Или он на пенсии?

— Он музыкант. Органист. Пианист. Преподаватель.

— Ты молодец, что подружилась с такой интересной парой. Они, конечно же, полюбили тебя, ты для всех как глоток свежего воздуха.

Но Элфрида поспешила добавить:

— И все же я не хочу, чтобы меня покорили и проглотили со всеми потрохами.

— Кому же не захочется тебя покорить!

— Ты не можешь судить объективно.

— Да, я всегда на твоей стороне.

Годы спустя, вспоминая те недели, что она провела в Эмбло, Элфрида отчетливее всего представляла себе гудение ветра. Он дул бесконечно, иногда веселым бризом, иногда грозно налетая на скалы, завывая в трубах, сотрясая двери и оконные стекла. Она скоро привыкла к нему, но по ночам не замечать его было невозможно, и она лежала в темноте, вслушиваясь, как он налетает из Атлантики, стремительно проносится по вересковой пустоши, заставляет ветви старой яблони, точно привидение, стучать в ее окно.

Лето кончилось — ветер не оставлял в этом сомнений. Октябрь перешел в ноябрь, и темнота с каждым вечером подступала все раньше. Фермерское стадо — красивые гернзейские дойные коровы каждый день месили грязь в проулке, направляясь с пастбища на утреннюю и вечернюю дойки. После вечерней они снова возвращались на пастбище и быстро отыскивали себе укрытие под стеной, огораживающей пастбище, или в зарослях дрока.

— Почему они не ночуют в хлеву? — поинтересовалась как-то Элфрида.

— У нас это не принято. Морозов здесь не бывает, и трава круглый год в достатке.

— Бедняжки. — Однако Элфрида не могла не признать, что бока у коров гладкие и вид вполне довольный.

Элфрида взяла на себя часть домашних дел и быстро приспособилась к их размеренному течению. Надо было то развесить белье, то погладить рубашки, то почистить овощи, то накормить кур и помыть яйца. Спустя неделю она с удивлением поняла, что за все семь дней не прочла ни одной газеты и ни разу не смотрела телевизор. Мир мог разлететься на кусочки, а Элфрида думала о том, не снять ли с веревки простыни, пока не полил дождь.

Иногда по вечерам она готовила ужин для Бена и Эми, чтобы Джеффри и Серена могли посидеть вдвоем в ресторане или сходить в кино. Она учила ребят играть в рамми[8] и развлекала их рассказами о театре.

В одно из воскресений переменчивая погода обернулась необычайно теплым, почти весенним днем: ветер стих, с безоблачного неба сияло

солнце. Такой день нельзя упустить, решила Серена, и, прихватив корзины со снедью и четверых соседских ребятишек, они отправились к скалам: шестеро ребятишек, трое взрослых и три собаки.

Эми с Элфридой шли рядышком, замыкая шествие. Тропинка поднялась по каменным ступеням и стала пробираться вниз меж кустами дрока и куманики. Элфрида углядела ежевику.

— Давай соберем, — предложила она Эми. — Сделаем ежевичное желе.

— Нет, — твердо заявила та. — Нельзя собирать ежевику, если уже начался октябрь, потому что как раз в это время корнуоллские ведьмы делают на нее пи-пи.

— Как интересно! Откуда ты это знаешь?

— Нам учительница сказала. Только она сказала не «пи-пи», она сказала: они на нее мочатся.

Они вышли на обрыв, и перед ними во всю ширь открылся сказочно синий сверкающий солнечными бликами океан. Тропинка совсем сузилась и круто пошла вниз, словно устремляясь в какую-то тайную пещеру. Прилив еще только начинался, песчаный берег лежал узким полукругом, и озерца между скалами сверкали, как драгоценные камни.

Первыми бесстрашно попрыгали вниз собаки, остальные члены экспедиции с определенными предосторожностями спустились или сползли вниз. Эми оставила Элфриду и побежала на песок к остальным ребятам: под руководством Джеффри они уже воздвигали гигантский песчаный замок, а Серена искала красивые раковины и голыши, чтобы украсить это величественное сооружение.

Теперь, в полдень, на солнышке стало так тепло, что Элфрида скинула куртку и закатала рукава свитера. На большом плоском камне были расстелены пледы, на них стояли корзины и сумки с провизией, и она сидела рядышком, любуясь бесконечно изменчивым морем, словно зачарованная его величием и безбрежностью. Вода переливалась тончайшими оттенками и была так чиста, что захватывало дыхание: голубые, зеленые, бирюзовые, багряные струи, оттененные белым кружевом прибоя. Вдали поднимался тяжелый вал и, ощериваясь белыми бурунами, катился, набирал высоту и мощь и, наконец, разбивался о зазубренный гранитный берег, вздымаясь вверх огромными фонтанами шипящих брызг. Над головой кружили чайки, а вдали, у линии горизонта, маленькая рыбачья шхуна то поднималась на волну, то ныряла вниз.

Элфрида, словно загипнотизированная, не отводила глаз от моря. Время остановилось. Но вот к ней подошла Серена — пора раскладывать

угощение. Из рюкзаков достали бутылки, пластиковые чашечки, бумажные салфетки, пакет с яблоками. В воздухе поплыл вкусный запах горячих пирожков, от которого слюнки текли. Элфрида ахнула:

— Когда же ты успела их испечь? На это уходит уйма времени.

— Я всегда держу их в морозилке про запас. Дети их очень любят.

— И я тоже.

— А вчера вечером вынула. У меня было предчувствие, что нас ждет хороший день. Что будешь пить — вино или пиво? Или, может, лимонад?

— Вино — это прекрасно!

Бутылка была холодной, а пластиковый стакан, как ни странно, придавал вину особенно изысканный вкус, такого Элфрида еще никогда не пила. Она снова повернулась к морю.

— Божественно.

— Летом мы сюда ходим чуть ли не каждые выходные. Теперь это не трудно — дети подросли и всю дорогу идут сами.

— Какая у вас счастливая семья!

— Да, — с улыбкой согласилась Серена. — Я это знаю. Нам повезло. Я действительно *это понимаю*, Элфрида. Честное слово! И каждый день благодарю тебя.

Время от времени Элфрида покидала Эмбло, уезжала в своей маленькой «фиесте» одна, оставляя Горацио в обществе овчарок Джеффри. Она не переставала удивляться: в этой глухомани жизнь представала во всем своем разнообразии. Туристический сезон давно закончился, узкие извилистые дороги были пусты, и навстречу ей попадался разве что случайный автобус, фургончик мясника или трактор. Иногда за обширной пустошью дорога неожиданно спускалась в маленькую поросшую рододендронами долину, где в садах все еще зеленела трава и рдели цветки фуксии, похожие на маленьких балерин.

Однажды Элфрида совершила поездку в соседний городок. Оставив машину на парковке, она углубилась в лабиринт переулков и переходов, которые вывели ее к порту. По дороге к нему расположились рестораны, сувенирные ларьки и много маленьких галерей, где были выставлены картины, скульптуры и другие предметы искусства. Элфрида обнаружила книжную лавку, зашла в нее и выбрала по книжке для Бена и Эми. Это было такое приятное занятие, что она продолжила его, имея в виду Франческу, и в результате купила для нее книжку в букинистическом отделе. Это был «Овечий остров» Джона Бьюкэна, Элфрида вспомнила, как зачитывалась им в детстве. Оскар и Франческа наверняка будут читать эту

книжку вместе, уютно устроившись в широком кресле у догорающего камина.

Покупки завернули, Элфрида заплатила и пошла дальше по улице. В лавке художественных изделий она выбрала два свитера ручной вязки с красивым орнаментом — один для Джеффри, другой для Серены. Купила открытки, бутылку вина и отправилась в обратный путь по лабиринту мощенных булыжником переулков, где сушилось на веревках белье, а в ящиках на подоконниках ярко пестрели настурции и розовые петунии. Но вот еще одна галерея. Элфрида не могла не остановиться у витрины. Взгляд ее задержался на небольшой абстрактной картине в блеклой раме. Все цвета древней земли запечатлелись на этом полотне именно такими, какими их увидела она.

Элфриде ужасно захотелось купить картину — не для себя, а в подарок. Будь Джимбо жив, ему бы такая точно понравилась. Она представила себе, как приносит эту картину в его дом в Барнсе, где они были так счастливы, как он разворачивает бумагу, как на его лице отражается восторг…

Картина вдруг дрогнула и затуманилась. Элфрида поняла, что глаза наполнились слезами. Она не плакала, когда Джимбо умер, прятала скорбь и старалась научиться жить в холодном одиночестве. И считала, что научилась, но, оказывается, ошиблась. Наверное, она из тех женщин, которые не могут жить без мужчины, и тут уж ничего не поделаешь.

Слезы высохли. Смешно! Ей шестьдесят два года, а она распускает нюни, как какая-нибудь молоденькая девушка, потерявшая возлюбленного! И все же Элфрида не отходила от витрины, она все стояла и смотрела на картину. Ей хотелось разделить с кем-нибудь удовольствие. Кому-нибудь подарить ее.

Может, купить ее для Оскара Бланделла? Но ведь у Оскара есть Глория, и та будет озадачена таким подарком. Элфрида словно наяву услышала ее голос: «*Элфрида!* Это несерьезно! Это же всего лишь какие-то мазки. Четырехлетний ребенок и то нарисует лучше. И куда же ее повесить? Ты чудачка. Что это на тебя нашло? Потратила столько денег на такую ерунду. Тебя обворовали».

Нет, неудачная мысль. Элфрида неохотно отошла от витрины и пошла дальше. Улицы остались позади, она вышла на дорожку, зигзагами поднимавшуюся на вершину поросшего травой мыса, который делил берег пополам. Ветер разгулялся не на шутку, и когда она добралась до плоской вершины, вокруг были только океан и небо, смыкавшиеся на горизонте изогнутой синей полоской. Как будто плывешь по морю. Она спустилась на

берег, села, поплотнее запахнула куртку и разложила вокруг пакеты и свертки, как какая-нибудь старуха пенсионерка, уставшая от хождения по магазинам.

Но она не старуха. Она Элфрида. Она выжила и продолжала жить. Только вот ради чего?

Чайка спланировала сверху и опустилась у ее ног в поисках чего-нибудь съедобного. Глаза у птицы были холодные и жадные. Элфрида улыбнулась. Ей захотелось, чтобы кто-то был рядом с ней. Хорошо бы Оскар. Провел с ней здесь хотя бы один день, и по возвращении в Дибтон они смогли бы поговорить о ветре, море и чайке, вспомнить и подивиться волшебству вот таких мгновений.

Наверное, это хуже всего — когда не с кем разделить воспоминания.

Настал день отъезда. Элфрида поверить не могла, что провела в Эмбло целый месяц, так быстро пролетело время. Конечно же, все семейство уговаривало ее остаться.

— Живи сколько захочется, мы будем только рады, — говорила Серена, и Элфрида знала, что она искренна. — Ты замечательная. Мать, сестра и подруга в одном лице. Мы будем по тебе ужасно скучать.

— Серена, ты очень милая, но мне пора возвращаться к обычной жизни.

— Ты приедешь снова?

— Непременно!

Элфрида планировала выехать как можно раньше, чтобы добраться до дому еще засветло. В восемь утра она уже стояла у машины, а Джеффри грузил вещи. Все маленькое семейство собралось вокруг. Эми плакала.

— Не хочу, чтобы ты уезжала! Хочу, чтобы осталась! — твердила она.

— Гости не остаются навсегда, лапочка моя. Настало время уезжать.

Горацио так явно не считал. Каждый раз, когда его загоняли в машину, он выпрыгивал обратно. В конце концов его взяли за ошейник, посадили на заднее сиденье и захлопнули дверцу. Он смотрел в окошко: лохматая морда печально поникла, в черных глазах страдание.

— По-моему, он сейчас тоже заплачет, — заметил Бен.

Ни он, ни его сестричка не успели одеться и в резиновых сапогах и теплых куртках, надетых на пижамы, выглядели довольно забавно. Эми расплакалась еще пуще, когда ее братишка пожалел Горацио. Мать наклонилась, подхватила ее и прижала к себе.

— Не унывай, Эми. Как только машина отъедет, Горацио успокоится.

— Не хочу, чтобы *они уезжали*!

Расставание затягивалось. Элфрида повернулась к Джеффри.

— Дорогой, — сказала она, — я тебе очень, очень благодарна! — Он не успел побриться, щека была колючей. — Серена!.. — Быстро поцеловав ее, Элфрида провела ладонью по льняной головке Эми и, решительно усевшись за руль, включила зажигание.

Машина тронулась. Провожающие стояли и махали руками, пока машина не скрылась из вида. Элфрида была уверена, что они не ушли в дом, пока ее маленькая «фиеста» не свернула на шоссе.

Нечего чувствовать себя одинокой и осиротевшей. Она простилась не навсегда, захочет — и снова приедет в Эмбло. Через год, а может, и раньше. Джеффри и Серена всегда будут там, и Бен, и Эми тоже. Взрослые не изменятся, а вот Бен и Эми станут выше, тоньше или толще, озорнее, у них выпадут молочные зубы. Они никогда уже не будут малышами, которых она полюбила в этот период их жизни. Как и ее каникулы, он кончился.

Надо развеяться, развеселиться, а для этого следует смотреть вперед, причем с оптимизмом — это самый надежный способ избавиться от чувства утраты. Она едет домой, в свое гнездышко, к своим вещам. В маленькое скромное пристанище, которое делит с Горацио. Раскроет двери и окна, проверит, все ли благополучно в саду, разожжет камин.

А завтра, может быть, позвонит в Грейндж и поговорит с Глорией. Услышит радостные возгласы: «Элфрида вернулась!» и настойчивые приглашения немедленно явиться к ним. И она возьмет с собой «Овечий остров», который купила для Франчески, и скажет: «Я выбрала для тебя эту книгу, потому что очень любила ее, когда была такая, как ты. Уверена, ты тоже ее полюбишь».

Надо купить по дороге что-нибудь съестное: перед отъездом она вымыла холодильник. Надо остановиться у мини-маркета миссис Дженнингс. Элфрида начала составлять в уме список. Хлеб, молоко. Сосиски, яйца, масло. Кофе. Печенье и несколько банок еды для Горацио. Может, какие-нибудь консервы себе на ужин. Что-нибудь калорийное, вроде супа с моллюсками.

Спустя полчаса Элфрида выехала на автостраду, что вела в глубь страны. Включила радио и приготовилась к долгой дороге.

Когда она въехала на главную улицу, на часах Дибтонской церкви была половина третьего. Возле мини-маркета миссис Дженнингс, как всегда, торчали хамоватые подростки, чуть дальше Бобби Бартон-Джонс подстригал свою живую изгородь. Мало что изменилось, разве что большая часть деревьев сбросила листву и в воздухе запахло зимой.

Элфрида остановила машину, взяла сумочку и пошла в магазин. Народу не было. Она взяла проволочную корзину и пошла вдоль полок. Потом к кассе, где миссис Дженнингс что-то подсчитывала на оборотной стороне конверта. Та явно не слышала, как Элфрида вошла.

Но теперь она подняла глаза, увидела Элфриду, положила ручку и сняла очки.

— Миссис Фиппс! Вот это сюрприз! Сколько же времени я вас не видела? Хорошо отдохнули?

— Замечательно. Только что вернулась. Еще не была дома — надо запастись кое-какой провизией. — Она поставила корзину перед кассой и потянулась за «Дейли телеграф». — Не поверите, целый месяц газету в руках не держала. И, признаться, не чувствовала надобности.

Миссис Дженнингс, закусив губу, с тревогой смотрела на нее и молчала. Положив газету сверху корзины, Элфрида спросила:

— Что-нибудь случилось, миссис Дженнингс?

— А вы ничего не знаете?

У Элфриды вдруг пересохло во рту.

— Нет.

— Миссис Бланделл…

— Что с ней?

— Миссис Фиппс, она погибла. Большой грузовой фургон врезался в них на вираже у Падстона. Машина всмятку. Миссис Бланделл везла домой дочку с какого-то детского праздника. Четвертого ноября это случилось. Она не заметила фургон. Ужасный был вечер. Все время лил дождь. — Потрясенная Элфрида не могла вымолвить ни слова. — Простите, миссис Фиппс, я думала, вы знаете.

— Откуда? Газет я не читала. Никто не знал, где я. Я не оставила адреса.

— Такая трагедия, миссис Фиппс. Мы поверить не могли. Никто не мог поверить.

— А Франческа? — страшась ответа, спросила Элфрида.

— Она тоже погибла, миссис Фиппс. И две собачки на заднем сиденье. Их большую машину просто сплющило. У них не было ни малейшего шанса. Полицейские говорили: хорошо, что это случилось мгновенно. Они и подумать ни о чем не успели. — Голос у миссис Дженнингс дрогнул. — Мы нередко слышим о таких происшествиях, но когда это случается с твоими знакомыми…

— Да…

— Вы побелели как полотно, миссис Фиппс. Хотите, я приготовлю вам

чаю? Пойдемте ко мне в заднюю комнату.

— Спасибо, не надо, я в порядке. — Элфрида словно оцепенела. Она спросила: — А похороны?

— Два дня назад. Здесь, в деревне. Столько было народу! Вот горе-то!

Значит, она пропустила даже возможность проститься, оплакать.

— А Оскар? Как мистер Бланделл?

— Его я давно не видела. Только на похоронах. Бедный джентльмен. Даже думать невыносимо, что ему пришлось перенести. И каково ему сейчас.

Элфрида представила себе Франческу, как она смеется и поддразнивает отца, разыгрывает с ним дуэты на рояле, забирается к нему под бочок в большое кресло, чтобы вместе почитать книжку. И тут же изгнала из мыслей эту картинку — вспоминать было невыносимо.

— Он в Грейндже? — спросила Элфрида.

— Насколько я знаю, да. Наш посыльный возит ему молоко, газеты и прочее. Похоже, мистер Бланделл ушел в себя, отгородился ото всех. Естественно. Викарий пошел его навестить, но он даже викария не захотел видеть. Миссис Масвелл ходит в Грейндж каждый день, как раньше, она говорит, что он всегда в музыкальной комнате, не выходит оттуда. Она оставляет на кухонном столе поднос с ужином, но, говорит, он почти никогда до него не дотрагивается.

— Как вы думаете, он впустит меня?

— Откуда мне знать, миссис Фиппс. Хотя ведь вы были близкими друзьями…

— Я должна была быть здесь!

— Это не ваша вина, миссис Фиппс.

Кто-то вошел в магазин. Миссис Дженнингс снова нацепила на нос очки и постаралась придать себе деловой вид:

— Сейчас я все подсчитаю, хорошо? Рада, что вы вернулись, миссис Фиппс. Мы все тут по вас скучали. Очень сожалею, что расстроила вас. Простите.

— Нет, хорошо, что я узнала все именно от вас.

Элфрида вышла из магазина, села в машину и какое-то время сидела неподвижно. За один день ее жизнь раскололась надвое, и эти половины уже никогда не соединить. От смеха и счастья Эмбло она вернулась к утратам и немыслимой боли. Больше всего ее удручало, что она ничего не почувствовала, ничего не заподозрила. Почему-то это вселяло в нее чувство вины: как будто она отреклась, ушла от ответственности, сидела в Эмбло, когда надо было быть здесь. В Дибтоне. С Оскаром.

С тяжелым сердцем она завела машину и тронулась. Бобби Бартон-Джонс кончил подстригать изгородь и ушел в дом. И то слава Богу — Элфриде не хотелось ни с кем разговаривать. Она проехала по главной улице мимо своего поворота, к большим воротам Грейнджа, по подъездной аллее. Перед ней открылся вычурный фасад дома; сбоку от парадной двери на площадке, посыпанной гравием, стоял большой черный лимузин.

Она припарковалась чуть поодаль, вышла и только тогда увидела, что на водительском месте лимузина сидит шофер в униформе и кепочке и читает газету. Услышав шаги, он бросил взгляд в окно и снова углубился в таблицу скачек. Элфрида поднялась по лестнице, прошла через открытую парадную дверь в знакомую выложенную кафелем галерею. Застекленная сверху дверь была закрыта. Элфрида не стала звонить, она просто вошла в дом.

Там стояла полнейшая тишина, нарушаемая лишь тиканьем длинных настенных часов, отсчитывающих секунды. Элфрида постояла, надеясь услышать мирное домашнее позвякивание посуды из кухни или звуки музыки сверху. Ничего. Тишина душила, точно туман.

Дверь в гостиную была открыта. Элфрида пересекла холл — толстый ковер приглушал шаги — и вошла туда. Сначала ей показалось, что комната пуста, но потом она увидела, что у потухшего камина в кресле с подголовником сидит человек. Ноги в твидовых брюках, начищенные башмаки. Больше ничего не было видно.

— Оскар, — тихо произнесла Элфрида.

Она двинулась вперед, чтобы увидеть его, и испытала второе за этот день ужасное потрясение. Да, это был Оскар, но чудовищно постаревший, в очках, морщинистый, сгорбившийся в мягком кресле. Его шишковатые пальцы сжимали набалдашник трости из черного дерева. Элфрида инстинктивно зажала ладонью рот, чтобы не закричать.

Он поднял на нее глаза и воскликнул:

— Боже! — И такое облегчение вдруг охватило ее, что она испугалась: сейчас подогнутся ноги, и она упадет. Она поспешно плюхнулась на кожаный табурет у каминной решетки. Они смотрели друг на друга. Он продолжал: — Я не слышал, как вы вошли. Вы позвонили? Я немного глуховат, но звонок обычно слышу. Я бы подошел к двери…

Это не постаревший до неузнаваемости Оскар. Это другой человек, похожий на Оскара, но не Оскар. Быть может, на двадцать или больше лет старше. Старый джентльмен на девятом десятке, очень вежливый, говоривший с заметным шотландским акцентом. Его голос напомнил Элфриде любимого старого доктора, который лечил ее в детстве. Почему-то

от этого ей стало легче с ним говорить.

— Нет, — сказала она. — Я не позвонила. Я просто вошла.

— Извините, что не встаю. Я точно оцепенел за эти дни, мне трудно двигаться. Мы не представились друг другу. Я — Гектор Маклеллан. Оскар мой племянник.

Гектор Маклеллан, который когда-то владел Корридэйлом, а теперь живет в Лондоне. И чей сын Хьюи уехал на Барбадос.

Она сказала:

— Оскар рассказывал мне о вас.

— А вы кто, дорогая?

— Элфрида Фиппс. У меня тут домик в деревне. Я живу одна. Глория и Оскар были бесконечно добры ко мне. Извините, я подумала, что вы Оскар, и не сразу поняла свою ошибку.

— Оскар, постаревший от горя?

— Да. Понимаете ли, я еще не видела его. Я целый месяц гостила в Корнуолле у кузена. И только что узнала о том, что здесь случилось. Мне сказала миссис Дженнингс, хозяйка местного мини-маркета. Как это случилось?

Старик пожал плечами.

— Глория на вираже врезалась в фургон.

— Как же она его не заметила?

— Было очень темно и шел дождь.

— Миссис Дженнингс сказала, что Глория с Франческой были на детском празднике. Фейерверк и прочие забавы.

— Это так.

Элфрида закусила губу. Потом сказала:

— Иногда она сильно выпивала на вечеринках. — И тут же пожалела о своих словах.

Но лицо старого джентльмена не дрогнуло.

— Я знаю, моя дорогая. Мы все это знали. Иногда она немного перебарщивала. Особенно под конец какого-нибудь веселого вечера. Не могла остановиться. А потом садилась за руль. Оскар знал об этом лучше, чем любой из нас. Он страшно мучается, его терзает чувство вины: почему он не повез Франческу на этот праздник сам. Думаю, ему и в голову не приходит, что это был не только детский праздник и Глория не сразу повезла Франческу домой. Там были и другие родители, веселье продолжалось. Дождь начался как раз перед тем, как они выехали. А потом… Тяжелый автомобиль, мокрая дорога… — Он красноречиво повел рукой. — Все кончено. Они погибли.

— А я даже не была на похоронах.

— Я тоже. Подхватил простуду, и доктор запретил мне ехать. Конечно же, я послал телеграмму, поговорил с Оскаром по телефону, выразил ему мое глубочайшее сочувствие. Когда мы разговаривали, я понял, в какой он оказался ситуации, и потому, как только смог, поехал сюда. Я, конечно, старик, но все же его дядя. Вы, наверное, заметили у крыльца мою машину и шофера.

— Да. — Элфрида нахмурилась. — А о какой такой ситуации идет речь?

— В этом нет никакого секрета, дорогая. Глория оставила все, включая этот дом, своим сыновьям. На следующий день после похорон они заявили Оскару, что ему нельзя оставаться в этом доме, поскольку они намерены его продать.

— Где же он будет жить?

— Они предложили ему перебраться в дом для престарелых «Прайори». Привезли с собой брошюры. — Он добавил с мягкой иронией: — Они тщательно все продумали, это ясно.

— В дом для престарелых? *Оскара?* Они сошли с ума!

— Нет. Не думаю, что они на самом деле безумны, просто алчны и бессердечны. К тому же существуют еще две маленькие жадные женушки.

— Значит, Оскару надо купить другой дом.

Гектор Маклеллан наклонил голову и поверх очков устремил взгляд на Элфриду.

— Он небогат. У него есть пенсия, ну и немного отложено, но этого недостаточно, чтобы купить в наши дни приличный дом — цены поднялись.

— Сыновья Глории должны были знать об этом. Да и сама она тоже. Могла бы хоть что-то оставить Оскару. Ведь она была такая щедрая, всем старалась помочь.

— Может быть, Глория и собиралась для него что-то сделать. Но, по всей вероятности, у нее и в мыслях не было, что она может умереть раньше Оскара. А может, просто не удосужилась написать новое завещание или хотя бы сделать дополнение. Мы этого уже не узнаем.

— Но Оскар не может жить в доме для престарелых! — Даже такое предположение казалось Элфриде оскорбительным: неужели Оскар обречен доживать свой век среди страдающих недержанием мочи старцев, есть молочные пудинги и плести корзины?! Уж кто-кто, а он такого не заслуживает. У Элфриды было довольно смутное представление о доме для престарелых, но она твердо сказала: — Я этого не допущу.

— И что же вы сделаете?

— Он может поселиться у меня. — Элфрида понимала, что это нереально. В ее домике на Пултонс-роу и одной-то тесновато, о двоих и говорить нечего. И куда она поставит его рояль? На крышу или в сарай в саду? Глупо. Нет, это невозможно.

— Думаю, — сказал старый джентльмен, — Оскар должен уехать отсюда. Этот дом, эта деревня полны мучительных воспоминаний. Он должен освободиться от них. За тем я и приехал сюда сегодня. Миссис Масвелл покормила нас. Я высказал мои соображения. Но он, похоже, не в состоянии принять какое-то решение. Кажется, ему совершенно безразлично, что происходит.

— Где он сейчас?

— Его позвали в сад. Какие-то проблемы с оранжереей, с отопительной системой. Я сказал, что дождусь его, потом уеду в Лондон. Вот почему вы застали меня здесь, в кресле моего племянника… сидит эдакий старый вурдалак.

— Вы совсем не похожи на старого вурдалака. А что вы ему посоветовали?

— Чтобы он хотя бы на какое-то время уехал в Сазерленд. В Криган, в так называемую «Старую усадьбу». Как-никак, половина ее принадлежит ему, а мой сын Хьюи, который является совладельцем, живет на Барбадосе и, похоже, там и останется.

— Я слышала, дом кому-то сдан. Там кто-то живет.

— Нет. В данный момент он пуст. Его занимала пожилая супружеская пара — Кочрейны, но муж умер, и жена уехала к дочери. Я узнал об этом от нашего бывшего управляющего имением, майора Билликлифа. Он теперь ушел на пенсию, но по-прежнему живет в поместье Корридэйл. Когда Хьюи устроил большую распродажу, он купил коттедж в парке. Я ему позвонил, и мы долго говорили. Он сказал, что дом в хорошем состоянии, может, только стоит немного подкрасить его, но он крепкий и сухой.

— Мебель там есть?

— Да. Никакой роскоши, но все необходимое.

Сазерленд. Элфрида представила себе торфяные болота и овец. Далеко, как до луны.

— Это неблизкий путь для Оскара, если он поедет один, — сказала она.

— И в Корридэйле, и в Кригане его знают. Он член семьи, внук своей бабушки, мой племянник. Люди там радушные. Его вспомнят, хотя он и не был там пятьдесят лет.

— Но сможет ли он вырвать себя из привычной среды? Совершить такой резкий поворот? Почему бы ему не вернуться в Лондон, не поселиться где-то рядом с церковью, где он был органистом? Не будет ли это более разумно?

— Это возврат к прошлому. И, я думаю, его будут преследовать воспоминания о девочке.

— Да, вы правы.

— А что печальнее всего, он бросил музыку. Как будто умерла его лучшая часть.

— Чем я могу помочь?

— Это вам решать. Быть может, советом. Мягко, не настаивая.

— Я постараюсь, — сказала Элфрида и тут же подумала: но где же мне найти силы?

Они смолкли, печально глядя друг на друга. Тишина была нарушена звуком шагов по гравию. Элфрида подняла голову и увидела Оскара — он проходил мимо длинного окна. И тут же занервничала. Вскочила на ноги.

— Он идет! — прошептала она.

Входная дверь открылась и закрылась. Они ждали. Затем повернулась ручка двери в гостиную, дверь распахнулась, и Оскар остановился на пороге, глядя на них. Он был в вельветовых брюках и толстом теплом свитере в крапинку. Густая седая прядь упала на лоб, и он отвел ее рукой. Она ожидала увидеть его другим: может быть, сломленным происшедшей трагедией. Но разбитое сердце не увидишь, а Оскар умел скрывать свои чувства.

— Элфрида. Я понял, что вы приехали — увидел вашу машину.

Она подошла поздороваться. Он взял ее руки в свои, наклонился и поцеловал в щеку. Губы у него были ледяные. Она посмотрела ему в глаза.

— Дорогой Оскар. Я снова дома.

— Как давно вы здесь?

— Минут пятнадцать. Выехала из Корнуолла сегодня утром. Я зашла в магазин к миссис Дженнингс, и она мне все рассказала. Я ничего не знала. Целый месяц не читала газет. От нее я поехала прямо сюда и вот познакомилась с вашим дядюшкой.

— Я вижу. — Он выпустил ее руки и повернулся к Гектору, который, сидя в кресле, наблюдал их встречу. — Извини, Гектор, что заставил тебя ждать. Там какие-то неполадки, надо что-то делать с выключателем. Вижу, Элфрида составила тебе компанию.

— И очень приятную. Однако мне пора ехать обратно.

Старый джентльмен оперся на свою трость и попытался подняться с

кресла. Оскар подошел и помог ему встать. Гектор медленно двинулся через гостиную, потом через холл. Оскар подал ему старомодное пальто и старую мягкую фетровую шляпу. Тот небрежно нахлобучил ее.

— Хорошо, что ты приехал, Гектор. Я очень тронут. Рад был повидать тебя.

— Милый мой мальчик! Спасибо за ланч. Случится быть в Лондоне, обязательно загляни.

— Конечно загляну.

— И подумай над моим предложением. По крайней мере, это даст тебе передышку. Ты не должен оставаться здесь. — Гектор пошарил в кармане пальто. — Чуть было не забыл. Записал для тебя. Телефон Билликлифа. Все, что тебе нужно будет сделать, это позвонить ему, ключ от твоего дома у него. — Пожилой джентльмен извлек из кармана сложенную бумажку и протянул Оскару. — Только не откладывай звонок на поздний час, — добавил он и подмигнул слезящимся глазом, — майор Билликлиф имеет привычку прикладываться к бутылке виски и к вечеру уже почти ничего не соображает.

Элфриду интересовали куда более практические вопросы.

— Как давно дом пустует?

— Месяца два. Но там есть некая миссис Снид, она приходит убирать и проветривать помещение. Это устроил Билликлиф, а я плачу ей жалованье.

— Похоже, вы обо всем позаботились, — сказала Элфрида.

— Не так уж много у меня осталось забот. Ну что ж, мне и правда пора. До свидания, дорогая. Мне было очень приятно познакомиться с вами. Надеюсь, мы еще встретимся.

— И я тоже надеюсь. Мы проводим вас до машины.

Оскар взял Гектора под руку, они проследовали через парадное и спустились с лестницы. Похолодало, начал моросить мелкий дождь. Заметив их, шофер вышел из машины, обошел вокруг и открыл дверцу. Общими усилиями Гектора устроили на сиденье и пристегнули ремнем безопасности.

— До свидания, дорогой мой мальчик. Мысленно я с тобой.

Оскар обнял старика.

— Еще раз спасибо тебе, Гектор, что приехал.

— Надеюсь, мне удалось хоть немного поддержать тебя.

Оскар отступил назад и захлопнул дверцу. Машина тронулась. Гектор помахал скрюченной старческой ладонью. Оскар и Элфрида стояли, глядя вслед неспешно удалявшейся в сторону Лондона машине.

Наступившую тишину нарушали только крики грачей. Было холодно и сыро. Элфрида поежилась. Оскар сказал:

— Пойдемте в дом.

— Может, мне лучше уехать?

— Нет, останьтесь.

— Миссис Масвелл в доме?

— Нет. Она уходит после ланча.

— Хотите, я приготовлю нам чай?

— Пожалуй.

— А можно взять в дом Горацио? Он весь день просидел в закрытой машине.

— Ну конечно. Теперь ему некого опасаться. Мопсы на него не накинутся.

«О Боже!» — подумала Элфрида. Она подошла к своей «фиесте» и выпустила Горацио. Он радостно выскочил и стрелой понесся по газону к ближайшему лавровому дереву, потом, как положено, поскреб немного землю и вернулся к ним. Оскар нагнулся, ласково погладил пса по голове, и они направились к дому. Просторная кухня Глории, в которой всегда стоял дым коромыслом, теперь казалась пустой и непривычно прибранной, но там было тепло. Миссис Масвелл оставила на столе только поднос с единственной кружкой, кувшинчик с молоком и коробку печенья.

Элфрида нашла чайник, налила воду и поставила на плиту. Она повернулась к Оскару — он сидел, прислонясь спиной к теплой печке.

— Я хотела бы найти для вас нужные слова, но не умею, Оскар. Простите меня. Я очень сожалею, что ни о чем не знала. Я тут же приехала бы из Корнуолла. И успела хотя бы на похороны.

Он передвинул стул к кухонному столу, оперся локтями о стол и спрятал лицо в ладонях. На какое-то мгновение ей показалось, что он плачет, и она испугалась. Она слышала свой голос как бы со стороны.

— Сама не знаю почему, но за целый месяц я ни разу даже не заглянула в газету. Никакого предчувствия. Пока сегодня…

Оскар медленно отнял от лица ладони, и она увидела, что он не плачет, но в глазах была такая боль, что уж лучше бы он плакал. Он сказал:

— Я бы сообщил вам, но не имел ни малейшего представления, где вы.

— Мне и в голову не приходило, что вам понадобится мой адрес. — Элфрида глубоко вздохнула. — Оскар, я хорошо знаю, что это такое — терять близких. Все то время, что Джимбо болел, я знала, что это конец, что он никогда не поправится. Но когда он умер, оказалось, что я совершенно не готова к чудовищной боли и страшной пустоте. Я знаю: то,

что я пережила тогда, всего лишь малая крупица того, что предстоит выстрадать вам. И я ничего не могу сделать, я ничем не могу вам помочь, не могу облегчить вам эту боль.

— Вы здесь…

— Если вы хотите поговорить, я готова слушать.

— Еще не сейчас.

— Знаю. Слишком рано. Слишком скоро.

— Викарий пришел ко мне почти сразу после того, как это случилось. Мне только что сообщили, что Глория и Франческа погибли. Он старался успокоить меня и все говорил о Боге, а я думал: неужели он совсем лишен человеческих чувств? Вы как-то спросили меня, религиозен ли я, и я понял, что не могу ответить на ваш вопрос. Я только знал, что музыка и моя работа, мой хор значат для меня больше, чем любая церковная догма. *Te Deum*. Помните тот день, когда мы впервые встретились у церкви, и вы сказали, что вам особенно понравилось исполнение *Te Deum*? Слова и мелодия наполняли меня верой в добро и, быть может, в вечность.

Тебя, Бога, хвалим. Тебя, Господи, исповедуем.

Тебя, Отца Вечного, вся земля величает.

Под мощные звуки органа, слыша мальчишечьи голоса, взмывающие вверх, я воистину верил и думал, что мою веру ничто не сможет поколебать.

Он смолк. Элфрида не сразу осмелилась спросить:

— А теперь?

— Все это дела Божьи. Но я не могу верить в Бога, который забрал у меня Франческу. Я отослал викария домой. Кажется, он обиделся.

— Бедняга!

— Переживет, можете не сомневаться.

Вода закипела. И очень кстати. Элфрида отыскала заварочный чайник, насыпала в него чаю, залила кипятком. Взяла еще одну кружку, для себя, отнесла все на стол и села напротив Оскара. Вот так же они сидели в тот день — вечность тому назад — накануне ее отъезда в Корнуолл в домике на Пултонс-роу.

— Кажется, вы любите крепкий чай?

— Да.

Она налила себе и оставила чайник настаиваться.

— Гектор рассказал мне о ваших пасынках и о их намерении продать дом.

— Они считают, что я должен перебраться в дом для престарелых, в «Прайори». Это викторианская усадьба, где устроили приют для немощных

джентльменов.

— А вы этого не хотите?

— Признаюсь, нет.

— Что же вы намерены делать?

— Я хотел бы остаться один, зализывать раны. Но только *не здесь*. Джайлз и Кроуфорд хотят, чтобы я как можно скорее убрался отсюда, спешат выставить дом на продажу.

— Твари! — Элфрида налила в кружку черного, как чернила, чаю и подвинула ее Оскару. Он плеснул туда немного молока и отхлебнул. Она сказала: — Гектор Маклеллан рассказал мне о том, что предлагает вам. По-моему, это неплохая идея.

— Элфрида, это безумие.

— Но почему?

— Потому что Сазерленд на другом конце страны, и я не был там пятьдесят лет. Гектор — оптимист, но я не знаю там ни единой души. Дом наверняка почти пуст, там уже давно никто не живет. Я даже не представляю, с чего начать, как обживать этот дом. И к кому же я обращусь?

— К миссис Снид.

— Элфрида!

Это был упрек, но она стояла на своем.

— Дом стоит на отшибе?

— Нет, в центре Кригана, маленького городка.

Элфрида нашла, что это вполне подходит.

— Неужели он так плох? — спросила она.

— Нет. Просто большой, квадратный, ничем не примечательный викторианский жилой дом. Не такой уж уродливый, но и не отличающийся особой красотой. При нем есть сад. Но какая от него радость в середине зимы?

— Зима когда-нибудь кончится, — заметила Элфрида.

— Не представляю, что мне там делать? Чем занять себя?

— Ясно одно: вы не можете остаться здесь. И в дом для престарелых я вас не отпущу. Значит, надо рассмотреть любую подходящую альтернативу. Вы могли бы переехать ко мне на Пултонс-роу, но там даже нам с Горацио едва хватает места — уж слишком маленький коттедж. — Оскар никак не прокомментировал эти слова. — Я предположила, что вы захотите вернуться в Лондон, но Гектор со мной не согласился.

— Он прав.

— Шотландия, — размышляла Элфрида. — Сазерленд. Это все-таки

начало чего-то нового.

— Мне шестьдесят семь лет, и я не в той форме, чтобы что-либо начинать. Но, хотя мне тяжко даже разговаривать с людьми, я все же боюсь остаться в полном одиночестве. До того как я женился на Глории, рядом всегда были мои коллеги, хористы, ученики… У меня была полная жизнь.

— Она снова может стать такой.

— Нет.

— Может. Конечно, не такой, как была, это понятно. Но вам еще есть что дать людям. В вас столько теплоты, душевности, благородства. Мы не должны тратить это попусту.

Он нахмурился:

— Вы сказали «мы»?

— Я оговорилась. Я имела в виду *вы*.

Оскар допил чай, потянулся к заварочному чайнику и налил себе еще.

— Допустим, я поеду в Шотландию. Но это так далеко.

— Есть самолеты, поезда.

— Я предпочел бы ехать на своей машине.

— Значит, поедете на машине. Спешить вам некуда. С остановками…

Голос Элфриды начал стихать, и она не смогла закончить фразу. Она представила себе, как Оскар один едет в неведомые места, и всем своим существом ощутила это беспросветное одиночество. Глория всегда ездила рядом с ним и сменяла за рулем. На заднем сиденье сидела Франческа и болтала всю дорогу. Тявкали мопсы, в воскресные дни в багажнике лежали сумки с клюшками для гольфа и удочки… Больше этого никогда не будет.

Оскар накрыл ее руку ладонью.

— Вы должны быть мужественной, Элфрида, иначе я рухну.

— Я стараюсь. Но как же вы? Это невыносимо…

— Давайте обсудим вашу идею. Допустим, я поеду в Шотландию, в Сазерленд. Вы поедете со мной?

Она молчала, пристально глядя на него. Действительно ли он сделал ей это невероятное предложение или же, в смятении и печали, она это просто вообразила?

— С вами?

— Почему бы и нет? Разве это плохая идея? Возьмем ключ у майора Билликлифа, отыщем мой дом, проведем там зиму.

— А как же Рождество?

— Никакого Рождества. Не в этом году. Но разве это так уж плохо? Сазерленд далеко на севере, дни там короткие, а ночи душные и темные, и я, скорее всего, буду не самым веселым компаньоном. Но, может быть, к

весне сил у меня прибавится. Пройдет время. Здесь, вы правы, у меня нет будущего. Джайлз и Кроуфорд хотят заполучить этот дом, и я должен его отдать. Как можно скорее.

— А мой дом, Оскар? Что мне делать с моим маленьким коттеджем?

— Сдайте его. Или заприте. Ничего с ним не случится. Соседи за ним присмотрят.

Значит, он говорил серьезно. Он звал ее уехать с ним. Он нуждался в ней. В ней, Элфриде. Эксцентричной, неорганизованной, чуть-чуть беспутной, теперь уже немолодой и некрасивой.

— Оскар, я не уверена, что вы делаете правильную ставку.

— Вы недооцениваете себя, Элфрида. Прошу вас, поедемте со мной. Помогите мне.

Чем я могу помочь? — спрашивала она Гектора, когда они поджидали Оскара. Сейчас сам Оскар ответил на этот вопрос.

Элфрида всегда была импульсивна. Всю жизнь она принимала решения, не задумываясь о будущем, и ни разу ни о чем не пожалела. Разве что об упущенных возможностях, когда она вдруг робела и теряла свой шанс.

Она глубоко вздохнула.

— Хорошо, — сказала она. — Я еду.

— Дорогая моя…

— Я поеду *ради вас*, Оскар, но это и мой долг перед Глорией. Никогда не забуду, как она встретила меня, с какой добротой и радушием. Вы, Глория и Франческа стали моими первыми друзьями в Дибтоне…

— Продолжайте…

— Мне стыдно… Мы все обсудили, а я только сейчас произнесла их имена. В Корнуолле я много о вас рассказывала. Обо всех вас. О том, как вы были добры ко мне. Когда я ездила в приморский городок, то прошлась по магазинчикам на набережной. Купила Франческе книжку, а для вас присмотрела картину, но подумала, что Глории она не понравится.

— А мне бы понравилась?

— Не знаю… — Комок застрял у нее в горле. Она заплакала, и теплые слезы, катившиеся по щекам, как ни странно, принесли ей облегчение. Старые люди, сказала она себе, выглядят ужасно, когда плачут, и стала смахивать слезы пальцами. — Я однажды была в Шотландии. Много лет назад, в Глазго. С театральной труппой. Принимали нас очень хорошо, и все время шел дождь… — Она пошарила в рукаве, достала носовой платок и высморкалась. — И я не понимала ни единого слова, когда мне что-то говорили.

— Это же *глазгеанцы.*
— Тогда мне было не смешно.
— Да и сейчас не смешно, но вы всегда вызываете у меня улыбку.
— Как клоун?
— Нет, как милый и занятный друг.

2
СЭМ

Ранним декабрьским утром, в пятницу, еще затемно, Сэм Ховард вкатил тележку с багажом в зал прибытия аэропорта Хитроу. За ограждением, как всегда, толпились встречающие: пожилые супружеские пары, юноши в спортивных костюмах, усталые матери с детьми, а также шоферы в униформе, ожидающие «Очень Важных Гостей», к которым Сэм не имел отношения. Еще здесь были люди, которые держали в руках плакатики с таинственными надписями вроде: «Ждем мистера Уилсона» или «Союз Объединенных рабочих Абдул Азиза».

Сэма никто не встречал. У него не было ни жены, ни личного шофера. Он знал, что за стенами жарко натопленного терминала очень холодно. Их предупредили об этом еще на борту самолета, да и встречающие были тепло одеты: в куртках, в перчатках, с шарфами на шее, на головах — вязаные шапки.

В Нью-Йорке тоже стоял бодрящий морозец. С Ист-Ривер дул порывистый ветер, а флаги словно застыли в одностороннем движении.

На его тележке неуклюже громоздились два чемодана, огромная сумка с принадлежностями для гольфа и портфель. Сэм направил тележку к автоматическим дверям и очутился во тьме холодного и сырого зимнего английского утра. Он встал в очередь на такси. Ждать пришлось минут пять-шесть, но этого хватило, чтобы ноги у него заледенели. Машина была почему-то раскрашена под газетные полосы, а шофер, человек с большими моржовыми усами, казался угрюмым. «Хорошо, что не болтун», — подумал Сэм. Он был не в настроении разговаривать.

— Куда едем?

— В Уондсворт, пожалуйста. Юго-запад, Семнадцатый район. Бьюли-роуд, четырнадцать.

— Понял.

Шофер не потрудился помочь с вещами, решив, очевидно, что пассажир достаточно молод и силен. Сэм втиснул в багажник чемоданы, поставил сумку с клюшками на пол машины, откатил тележку подальше, чтобы другим не мешала, и, наконец сев, хлопнул дверцей. «Дворники» заметались по стеклу, такси двинулось с места.

Сэм замерз, хотя и ждал недолго. Он поднял воротник синего пальто, поглубже вдавился в грязноватое, в пятнах, сиденье и зевнул, ощущая

усталость и нечистоту во всем теле. Он летел в спаянной мужской компании бизнесменов. Перед посадкой все они по очереди незаметно исчезали в туалет, чтобы умыться, побриться, завязать заново галстук и вообще освежиться. Очевидно, этим бедолагам предстояли ранние деловые встречи. Сэму такая перспектива не грозила, и он был очень рад, что первое деловое свидание назначено на двенадцать тридцать в понедельник. Ему предстояло явиться в ресторан «Уайт» на ланч со своим непосредственным боссом, сэром Дэвидом Суинфилдом, президентом фирмы «Старрок и Суинфилд». До этой встречи можно располагать временем как угодно.

Сэм снова зевнул и провел рукой по подбородку. Наверное, следовало побриться, подумал он, я выгляжу как бродяга в этом толстом свитере, старых джинсах и широких туфлях типа «сабо». Было такое ощущение, будто глаза засорило песком, но он сам виноват: не спал всю ночь, читал в самолете книгу. К тому же его слегка мутило: в два часа ночи по здешнему времени он очень плотно пообедал.

Такси остановилось на красный свет. Шофер бросил через плечо:

— Отдыхали?

— Нет.

— А я смотрю, клюшки у вас…

— Нет, я не отдыхать ездил.

— По делам, значит?

— Можно сказать и так. Я шесть лет проработал в Нью-Йорке.

— Вот это да. И как вам тамошняя суета?

— Нормально. К этому привыкаешь.

Пошел дождь.

— Не очень-то приятное утро для возвращения домой.

Зажегся зеленый. Они снова тронулись с места.

— Да, — согласился Сэм. Но не добавил «а я вернулся не домой». Сейчас у него не было дома, как и полагается бродяге. Впервые в жизни, а ему исполнилось уже тридцать восемь, у него не было крыши над головой.

Он угрюмо скрючился в углу и начал вспоминать все дома, где ему довелось жить. Сначала была усадьба Рэдли-Хилл в Йоркшире, где он родился и вырос, единственный ребенок в семье. Большой, основательный, удобный дом, где пахло дымом очага, весенними цветами и свежеиспеченной сдобой.

При доме было четыре акра земли с теннисным кортом и небольшим леском, где в осенние вечера, с ружьем в руке, он ждал, когда со жнивья налетят голуби. Он возвращался в Рэдли-Хилл из начальной школы,

приезжал из частного пансиона на каникулы в компании кого-нибудь из приятелей. То было место уютное, как старый твидовый пиджак, и Сэму казалось, что ничего никогда не изменится. Но, конечно, изменилось. В последний год его учебы в Ньюкаслском университете умерла мать, и уже ничто не было прежним.

Семья владела небольшой фабрикой шерстяных тканей в маленьком йоркширском городке. Сэм поначалу планировал расправить крылышки и, возможно, поискать какую-нибудь работенку за пределами Англии, но после смерти матери у него не хватило духу оставить отца в одиночестве. С дипломом инженера в кармане он вернулся домой, на фабрику. Несколько лет отец и сын удачно справлялись с делом, и оно давало прибыль, а затем фабрика, выпускавшая тонкие сукна и легкие твидовые ткани, столкнулась с конкуренцией более технологически совершенного производства. В Англию хлынул поток дешевого импорта из Европы. Возникли финансовые проблемы. В результате на сцене появился мощный лондонский текстильный концерн «Старрок и Суинфилд» и поглотил маленькую фабрику. Сэм получил место под новой вывеской, а отец был уже не в том возрасте, чтобы осваивать новые методы производства. Он раньше времени ушел в отставку, копался в саду, время от времени играл в гольф. Это не спасало от одиночества, скуки и бездеятельности, и через год он умер от обширного инфаркта.

Рэдли-Хилл был завещан Сэму. С болью в душе он выставил его на продажу. Тогда это казалось наиболее разумным поступком, ведь он уже осел в Лондоне, трудясь на компанию «Старрок и Суинфилд» и постигая премудрости брокерского дела в торговле шерстью. На деньги, вырученные от продажи Рэдли-Хилл, Сэм приобрел квартиру с садом в Ил-Парк-Коммон, так близко от метро, что по ночам до него доносился шум поездов. Однако в крошечном садике по вечерам иногда гостило солнце, и после того как он перевез часть наименее громоздкой мебели из йоркширского дома, квартира стала казаться привычной и уютной. Сэм вел беззаботную веселую холостяцкую жизнь, и в его воспоминаниях квартира осталась согретой теплом солнца и дружбы. Он устраивал бесконечные вечеринки экспромтом, комнаты заполнялись гостями, и в конце концов все высыпали на террасу. Запомнились и шумные зимние уик-энды, когда старые друзья с севера приезжали на футбольные матчи. А разве можно забыть любовные интрижки! Сэм как раз в муках переживал одну из драм, когда вдруг получил повеление сэра Дэвида Суинфилда явиться в главный офис и здесь, в престижных деловых апартаментах на самом высоком этаже здания, вздымавшегося над лондонским Сити, узнал, что его направляют на

службу в Нью-Йорк. Глава нью-йоркского отделения концерна, Майк Пассано, запрашивал не кого-нибудь, а именно Сэма. Это означало повышение в должности, большую ответственность и прибавку к жалованью. «У вас нет причин не ехать, Сэм», — услышал он приговор.

Он ответил: «Да, сэр». Причин не ехать действительно не существовало — никаких семейных уз, ни жены, ни детей. Наоборот, это был шанс, которого Сэм подсознательно жаждал со времен окончания университета. Новая работа. Новый город. Новая страна. Новая жизнь.

Сэм пригласил тогдашнюю возлюбленную пообедать и попытался объяснить причины отъезда. Она всплакнула и сказала, что, если он хочет, готова поехать с ним. Сэм был уверен, что как раз этого и не хочет. Чувствуя себя подонком, он так и сказал ей, и она еще немного поплакала. Когда подошло время расставаться, он усадил ее в такси и больше никогда не видел.

Столь же немилосердно Сэм расстался и с имуществом. Кончался большой отрезок его жизни, и он не имел ни малейшего представления о том, когда вернется в Лондон снова, да и вернется ли вообще. Поэтому он продал автомобиль и квартиру, оставив и сдав на хранение лишь несколько любимых картин, книг и кое-что из мебели. В офисе он освободил от своих принадлежностей письменный стол. Кто-то устроил прощальную вечеринку, и Сэм сказал «до свиданья» всем друзьям.

«Не оставайся там надолго», «Возвращайся поскорее», — говорили они.

Однако, попав в Нью-Йорк, Сэм был сразу же покорен. Он чувствовал себя там как рыба в воде и наслаждался каждой минутой жизни в этом бурлящем энергией космополитическом плавильном котле. Обосновался Сэм в Гринвич-Вилледж, но, когда женился на Деборе, она уговорила его переехать, и они поселились в модной двухуровневой квартире на Восточной Семидесятой улице. Сэму всегда нравилось устраиваться на новом месте, знакомиться со всеми его закоулками, что-то перекрашивать, расставлять заново мебель и развешивать картины, однако Деборе не улыбалась мысль перевозить старые вещи из Гринвич-Вилледж в прекрасную новую квартиру. Она и дизайнера по интерьеру уже пригласила, а тот не вынес бы, если бы старый продавленный кожаный диван нарушил его до малейшей детали продуманный замысел. Последовало несколько мелких стычек, и Сэм, как обычно, уступил. К тому же он был только рад поставить диван в каморке, где держал компьютер и факс. Тот отлично вписался в рабочую обстановку, и иногда, по выходным, когда Дебора считала, что ее муж занят сверхсрочной работой, Сэм

возлежал на старом диване и смотрел по телевизору футбол.

Его дома… Квартира на Восточной Семидесятой была для Сэма последним домом, и его он тоже потерял, а заодно и Дебору.

Она не отличалась нерешительностью, поэтому так и сказала ему прямо в лицо, что уходит. Ей надоело играть вторую скрипку, так как на первом месте в его жизни — компания «Старрок и Суинфилд». Она устала быть женой трудоголика. И, разумеется, у нее есть другой мужчина. Когда она назвала его имя, Сэм был не просто потрясен, он даже испугался за Дебору и ее будущее. Он сказал ей об этом, но она осталась непреклонна. Слишком поздно. Она приняла решение, и ее не переубедить. Сэм рвал и метал. Он был сбит с толку и унижен. «Рогатый муж», вспомнилось ему старомодное выражение. «*Я рогат. Мне наставили рога*».

И все же, до известной степени, он Дебору понимал.

В офисе его встретили уклончивые взгляды и сочувственное выражение лиц. Некоторые из сослуживцев были, пожалуй, даже чересчур внимательны. Они похлопывали Сэма по плечу и заверяли в своей неизменной дружбе. Но были и другие, например Лайми, который поглядывал на него с ухмылкой, словно кот, который дорвался до хозяйских сливок. И Сэма вдруг осенило: а ведь все эти люди, наверное, давно были в курсе его семейных дел, он же, как и положено главному персонажу мелодрамы, обо всем узнал последним.

Днем появился Майк Пассано. Он скользнул в открытую дверь и уселся на краешек стола. Они немного поговорили о текущих делах, а потом Майк сказал:

— Сочувствую. Я имею в виду Дебби…

— Спасибо.

— Хорошо, что у вас нет детей. Меньше проблем.

— Да.

— Если захочешь, приезжай как-нибудь вечерком, поужинаем вместе.

— Я в порядке, Майк.

— Ладно. Хорошо. Но предложение остается в силе.

Полтора месяца Сэм трудился не покладая рук. Он пользовался малейшим предлогом, чтобы задержаться на работе, и возвращался в пустую квартиру, где его никто не ждал с ужином. Иногда заскакивал в бар, заказывал сэндвич и порцию виски. Или две порции. У него началась бессонница, а днем нападало нервическое беспокойство. Вся жизнь пошла под откос.

Майк Пассано посоветовал ему взять отпуск, но как раз этого Сэм желал меньше всего. Однако постепенно он стал ощущать, что, пожалуй,

Нью-Йорка с него достаточно. Ему захотелось в Англию. Домой. Снова увидеть английские туманные небеса, неяркую зелень полей. Пить теплое пиво и ездить на красных автобусах.

Однажды вечером, в разгар отчаяния, в квартире раздался телефонный звонок. Это звонил из Лондона сэр Дэвид Суинфилд.

— Мы можем поговорить, Сэм?

— Конечно, сэр.

— Слышал, что у тебя не все ладится.

— Плохие вести распространяются быстро.

— Мне рассказал Майк Пассано. Сегодня утром. Сочувствую.

— Благодарю вас.

— Хочешь сменить обстановку?

— Что вы имеете в виду? — осторожно спросил Сэм.

— У меня возникла идея. Новый проект. Как раз по твоей части. Может тебя заинтересовать.

— А где?

— В Англии.

— Вы хотите сказать, что мне надо покинуть Нью-Йорк?

— Ты там уже шесть лет. Я согласую вопрос с Майком.

— А кого назначат на мою должность?

— Наверное, Лоуэлла Олдберга.

— Но у него нет опыта работы!

— У тебя его тоже не было.

Сэм решил убедиться, что понял правильно.

— Это понижение в должности? — напрямик спросил он.

— Нет, просто перевод. Наверх и с большой перспективой. — И, помолчав немного, сэр Дэвид добавил: — Я хочу, чтобы ты вернулся, Сэм. Ты мне нужен. Думаю, что сейчас самое время.

*** * ***

Дом на Бьюли-роуд представлял собой половину трехэтажного викторианского особняка, отделенного от проезжей дороги палисадником, приспособленным под заасфальтированную автомобильную площадку. Вся эта тихая улица была уставлена машинами, что говорило о состоятельности здешних обитателей. Росли здесь и деревья. Сейчас они стояли голые, но летом, в роскошной листве, создавали впечатление удаленности от центра

Лондона, и улица казалась почти загородной.

В это мрачное утро было еще темно. Когда Сэм расплачивался за такси, входная дверь распахнулась, из дома вырвался поток света и на пороге появилась фигура крупного мужчины.

— Сэм! — крикнул Нил Филип. На нем были брюки от делового костюма и темно-синий свитер с застежкой «поло». Он спустился на дорожку и подошел к воротам. — Как я рад тебя видеть!

Нил никогда не стеснялся выражать свои чувства. Сэма словно облапил медведь. Такси уехало, а Нил, нагнувшись, подхватил два огромных чемодана и потащил их к дому, оставив Сэму сумку с клюшками и портфель.

— Джэни собирает ребятишек в школу, она скоро спустится вниз. Как долетел? Наверное, чертовски устал. — И Нил плюхнул чемоданы внизу лестницы. — Чайник кипит. Хочешь кофе?

— Жажду.

— Тогда пойдем.

Сэм снял пальто и бросил его на перила. Сверху доносился недовольный детский голос. На ступеньке стояли пара маленьких резиновых сапог и игрушечный автомобиль. Сэм прошел за Нилом по коридору в просторную кухню с окнами над раковиной. Стол, застеленный клетчатой скатертью, был накрыт к завтраку: пакеты с овсяными и кукурузными хлопьями, молочник, подставка для яиц.

Нил насыпал несколько ложек кофе в кружку и залил кипятком. Восхитительный аромат наполнил кухню.

— А поесть хочешь?

— Нет, только кофе.

Сэм подвинул стул, сел и с облегчением вздохнул. Странно, почему он так устал? Ведь последние семь часов он провел главным образом в сидячем положении.

— Ты потрясающе выглядишь, Нил.

— Да, не так уж плохо для человека семейного. — Нил достал хлеб и положил два ломтика в электрический тостер. — Ты ведь этот дом еще не видел? Мы купили его через два года после твоего отъезда в Нью-Йорк. Так сказать, улучшили жилищные условия. И нам нужен был сад для детей.

— Сколько им сейчас?

— Дэйзи — десять, а Лео — шесть. Они ужасно рады, что ты у нас поживешь. После твоего звонка только и говорят об этом. Ты надолго в Англию?

— Я не в отпуск приехал, Нил. По делу. Меня вызвал президент

фирмы. Какой-то новый проект.

— Значит, прощай, Нью-Йорк?

— По крайней мере, на время.

— Сэм, я так расстроился из-за Деборы…

— Мы об этом еще поговорим, но позже. Слишком много и долго надо рассказывать.

— Давай сегодня вечерком заглянем в паб, и ты мне все выложишь за кружкой пива. И знай, у нас ты можешь оставаться сколько захочешь.

— Ты очень добр. Даже слишком.

— Такая уж у меня натура, старик, такая натура.

Щелкнул тостер. Нил вынул готовые ломтики и вставил еще два. Сэм молча наблюдал за аккуратными и точными движениями большого и на первый взгляд неуклюжего человека. Волосы у Нила были все еще густые и темные, лишь кое-где проблескивали серебряные нити. Он прибавил в весе, как это бывает с мужчинами атлетического сложения, но вообще-то изменился мало.

С Нилом Филипом была связана большая часть жизни Сэма. Они подружились в школьном пансионе в первый же день. Оба с опаской и недоверием присматривались к новой жизни. Потом Нил часто проводил каникулы в Рэдли-Хилл, и мать Сэма стала считать его чуть ли не вторым сыном. Когда Сэм поступил в университет Ньюкасла, Нил отправился учиться в Эдинбургский университет, где до безумия увлекся регби и даже один сезон играл полузащитником в сборной Шотландии. Окончив университеты, уже в Лондоне, когда Сэм обосновался в Ил-Парк-Коммон, они встретились так непринужденно и дружески, будто расстались только вчера. Сэм был шафером на свадьбе Нила и Джэни, а когда Сэм женился на Деборе — церемония состоялась в саду при доме ее родителей в Истхэмптоне, — Нил и Джэни прилетели в Нью-Йорк и Нил был шафером у Сэма, у того почти не было в Нью-Йорке друзей.

Нил налил кофе и поставил вариться яйца. Сверху еще громче звучали голоса, затем раздался быстрый топот ног по лестнице, и в кухню ворвались двое ребятишек. Дэйзи была одета в школьную форму, Лео в джинсы и пуловер. Они уставились на незнакомца.

— Привет, — сказал Сэм, но дети молчали, словно онемев от изумления.

— Поздоровайтесь, — велел Нил.

Вместо этого Лео выпалил:

— А я думал, что вы приедете в ковбойской шляпе.

— В Нью-Йорке ковбойских шляп не носят, — оборвала его сестренка.

— А что там носят?

— Наверное, ничего.

— Кто ничего не носит? — в кухню вошла Джэни, одетая почти так же, как сынишка, и направилась к Сэму с распростертыми объятиями. — Ой, Сэм, как же давно мы не виделись! Так чудесно снова встретиться.

Сэм встал, она обняла его и поцеловала.

— Ой, ты еще не побрился, негодник!

— Да, лень одолела.

— Надеюсь, ты приехал насовсем? Дэйзи, ты решила съесть все кукурузные палочки с какао? Отсыпь немного в миску Лео.

Дом затих. Хозяева ушли. Нил отправился на свою ежедневную каторгу в Сити, Джэни повела детей в школу. Сэму показали его спальню. Он принял ванну, побрился и, завернувшись в махровый халат, с наслаждением рухнул в постель. Уже рассвело. В окно он видел кружевные ветки платана. По шоссе мчались машины. Высоко над головой в небе летел реактивный самолет. Сэм спал.

Почти все выходные шел дождь, но утром в понедельник он перестал и сквозь плывущие облака проглянуло ясное небо. Нил, который просидел всю субботу перед телевизором, наблюдая, как футболисты вяло гоняют мяч по мокрой траве, а в воскресенье утром организовал долгую прогулку в Ричмонд-парк, во время которой все промокли, и после чая вынужден был играть с детьми в бесконечную «монополию», взглянув на небеса, огорченно процедил: «закон подлости» — и уехал на работу. Потом настала очередь детей отправляться в школу, но на этот раз их провожала вместе со своими детьми соседка. Затем явилась прислуга родом с Ямайки, а Джэни собралась в магазин.

— Тебе дать ключи? — спросила она. — Я буду только после четырех.

— Ну, тогда мне ключ не понадобится.

— А когда ты вернешься?

— Понятия не имею.

— Ладно, — улыбнулась она и, быстро поцеловав Сэма, добавила: — Желаю удачи.

Вскоре ушел и Сэм, одетый соответственно важному свиданию, застегнутый на все пуговицы и вооруженный зонтиком Нила на случай неожиданного ливня. Он закрыл за собой входную дверь под звуки гимнов, которые пела бывшая жительница Ямайки, уже драившая ванны. В двадцать пять минут первого он свернул на Сент-Джеймс-стрит, вошел в

ресторан «Уайт» и спросил у портье, здесь ли сэр Дэвид Суинфилд. Тот ответил, что сэр Дэвид ждет гостя в баре.

В половине четвертого они вместе вышли из ресторана. Сэр Дэвид предложил подбросить Сэма до дому, однако тот вежливо отказался. Огромный черный лимузин нырнул в поток машин и исчез по направлению к Пикадилли.

Сэм решил прогуляться хотя бы часть пути до Уэндсворта. Он пошел к Грин-парку, потом по Белгрейв-сквер, Слоун-стрит и Кингз-роуд. День уже кончался, зажглись уличные фонари. Витрины магазинов сверкали ярким рождественским убранством, соблазняя и маня покупателей. Сэм даже забыл, что в этом мире бывает Рождество. Он понятия не имел, где будет его встречать и кто мог бы ожидать от него подарков. Это была горькая правда, но она заставила Сэма действовать. Он купил огромный букет белых лилий для Джэни, коньяк и шампанское для Нила. Дэйзи и Лео тоже нужны подарки, но Сэм понятия не имел, что им может понравиться. Надо было заранее их расспросить.

Когда Сэм измученный вышел из магазина игрушек, пошел дождь. Было уже почти пять вечера, час пик, и машины двигались со скоростью улитки. Однако ему удалось поймать такси. Они бесконечно долго тащились через Уэндсворт-бридж, наконец одолели длинную Бьюли-роуд, и когда Сэм увидел огоньки, сияющие за спущенными занавесками дома № 14, то почувствовал, что его там ждут.

Дверь открыла Джэни.

— Наконец-то. Я уж думала, ты заблудился.

На ней были джинсы и красный пуловер, темные волосы она зачесала наверх и закрепила черепаховым гребнем.

— Прогулялся немного.

Джэни закрыла дверь.

— Ну, как все прошло? Я имею в виду ланч с президентом.

— Отлично. Расскажу, но потом. — И он вручил ей лилии. — Это тебе. Подарок доброй хозяйке дома.

— Спасибо. Совсем не обязательно было покупать цветы, но я им рада. Тем более — лилиям. От них во всем доме аромат будет, как в раю. Иди в кухню, я налью тебе чаю.

Сэм снял пальто и двинулся вслед за Джэни, таща сумку с бутылками. Он поставил коньяк в бар, а шампанское сунул в холодильник.

— Шампанское! — Джэни наполнила чайник и включила его. — Есть что праздновать?

— Возможно, — Сэм выдвинул стул, сел и оперся локтями о стол. — А

где Дэйзи и Лео?

— Наверху. Телевизор смотрят. А может, играют на компьютере. Я позволяю им, если они уже сделали уроки.

— Как вкусно пахнет!

— Ужин готовлю. У меня неприятная новость. У нас будет гость.

— И что же в этом неприятного?

— Он несносный человек.

— Тогда зачем ты его пригласила?

— Он сам напросился. Это старый знакомый моих родителей. Он сейчас один в Лондоне, и ему плохо. Он позвонил мне, и голос у него был такой жалобный, что я невольно предложила ему зайти. И очень жалею об этом — так хотелось побыть втроем. Я уже сообщила Нилу, и он тоже скис, но сказал, что постарается приехать домой немного пораньше, приготовить напитки, накрыть на стол и зажечь камин.

— Но я тоже мог бы все это сделать.

— Прими душ и отдохни. Ты должен быть в форме.

— Чтобы произвести хорошее впечатление на твоего гостя? — Джэни сделала гримасу. — Да ладно тебе, Джэни, чем он тебе так не нравится?

Она достала разноцветный кувшин, налила в него воды и стала бережно расставлять лилии.

— Он не то чтобы *очень* неприятный. Просто скучноват. И желает, чтобы его воспринимали как старого roue.[9] Поэтому все сторонятся его, чтобы не выслушивать занудные истории.

Сэм рассмеялся.

— А что, он действительно повеса?

— Да, можно сказать и так. Три раза был женат и теперь опять свободен.

— А откуда он?

— Кажется, он учился в школе с моим па, но теперь живет то ли на Багамах, то ли на Барбадосе, а может, еще где. Не был в Англии целую вечность.

— И что он делает в Лондоне?

— Точно не знаю. Здесь он проездом во Францию. Рождество проведет в Ницце.

— Интересный тип.

— Да нет, нисколько. Ты посмотри, как они прекрасны! Спасибо тебе еще раз. Я поставлю их на самое почетное место в гостиной.

Вода закипела, и Джэни достала заварной чайник.

— Я сгораю от любопытства, но, когда стряпаю, не могу

сосредоточиться на чем-то еще, а мне надо приготовить пудинг.

— С рассказом можно и подождать.

— Но все в порядке, Сэм? Хорошо прошло?

— Да. По-моему, да.

— Очень интересно. Я рада.

Сэм выпил чаю, а потом Джэни выставила его из кухни, и он поднялся наверх. Дэйзи и Лео сидели в детской. Телевизор был выключен, а они расположились за видавшим виды столом, вырезая что-то из бумаги. Там же лежали тубы с клеем, фломастеры, клубок разноцветной тесьмы и обрывки капроновой ленты. Дети явно что-то мастерили.

— Привет. Чем это вы занимаетесь?

— Клеим рождественские открытки, — важно разъяснила Дэйзи. — Учительница по рисованию показала нам сегодня, как это делать, и я теперь учу Лео. Надо намазать бумагу клеем, потом посыпать ее блестками, и они прилипнут. Но сначала надо что-нибудь нарисовать.

— Что, например?

— Ну, елку. Или рождественский чулок. Или домик с освещенными окнами. Вот только клей пачкается и блестки осыпаются. Лео их называет «сверкалками». Лео, бумагу надо сгибать вот так, очень-очень ровно…

Дети явно не нуждались в его помощи. Сэм ушел к себе, разделся и встал под душ.

Он захватил с собой «Таймс» и после душа, надев махровый халат, лег, собираясь почитать, однако так и не смог сосредоточиться. Уронив газету на пол, он просто-напросто лежал, глядя в потолок. Через закрытую дверь доносились детские голоса, телефонные звонки, шаги Джэни, вкусные запахи. Потом Сэм услышал шум воды в детской ванной.

Как давно он не был в центре семейной жизни, как давно за ним не ухаживали, не радовались его присутствию! Раскручивая в голове эту мысль, Сэм понял: охлаждение между ним и Деборой началось задолго до ее заявления об уходе, но он был слишком поглощен своими делами, чтобы заметить это. В крушении брака — и это он твердо знал — всегда виноваты обе стороны, и каждая должна принять на себя долю ответственности.

Атмосфера скромного лондонского дома, где Нил и Джэни растили своих детей, навеяла мирные утешительные воспоминания об усадьбе, в которой Сэм провел детство. Там его тоже всегда ждали, там горел огонь в камине, а из кухни разносились восхитительные запахи вкусной, здоровой еды. Там валялись сапоги у порога и теннисные ракетки в холле, там звучали голоса друзей детства и юности, звук их шагов, громкий смех и крики на лестнице.

Интересно, достигнет он когда-нибудь благословенной гавани семейной жизни? До сих пор все попытки кончались неудачей. Они с Деборой могли бы иметь детей, но она относилась к этой идее без энтузиазма, а Сэм не настаивал. Что ж, если учесть, чем кончился их брак, это было к лучшему. Однако их дом на Семидесятой улице стал для обоих лишь местом жительства, не более того. Да, их гостиная в сливочно-бежевых тонах, с модернистской скульптурой и хитроумно подсвеченной абстрактной живописью на стенах была предметом зависти всех друзей, а кухня — чудом современной бытовой техники, но там не готовилось ничего, кроме пиццы, разогретой в микроволновке. Дебора, устраивая вечеринки, предпочитала приглашать гостей в рестораны.

А вот Рэдли-Хилл… Бросая взгляд в прошлое, через годы городской жизни, полной суеты и стрессов, с ее коловращением, сделками, поздними ночными сборищами, долгими днями работы, запахами подземки и выхлопных газов, Сэм снова увидел Йоркшир, основательный, без претензий, каменный дом, террасу, лужайки, бордюры из роз, которые разводила мать. Он вспомнил маленький городок, где ветер гнал косые струи дыма из труб отцовской фабрики, речку, бегущую с окрестных холмов и змейкой скользящую между зелеными берегами. Ее шум стал таким привычным, что его перестали слышать. Сэм вспоминал, как совершал с отцом долгие велосипедные прогулки, как они ловили рыбу в отдаленных темных заводях, разбросанных по вересковым пустошам, где воздух был свеж, холоден и чист, как над вересками раздавался резкий птичий крик.

Снаружи, под окном, затормозил автомобиль. Открылась и потом захлопнулась входная дверь. Сэм услышал, как Джэни сказала:

— Нил? Привет, милый.

Его друг приехал домой.

Сэм вскочил, сбросил махровый халат и стал одеваться. Брюки из плотного хлопка, свежая рубашка без галстука, синий шерстяной свитер, светлые носки и удобные мягкие туфли. Потом он причесался, протер лицо лосьоном и спустился вниз. Дверь в гостиную была распахнута. Сэм вошел и увидел Нила, который, засучив рукава, протирал бокалы. Комната выглядела готовой к веселью: журналы и книги убраны подальше, диванные подушки взбиты, в камине горит огонь. Лилии стояли на круглом полированном столике в окружении коробок с подарками. Цветы благоухали, их аромат наполнил всю комнату. Часы на каминной полке показывали четверть восьмого.

— Привет, — сказал Сэм.

Нил оторвался от своего занятия.

— Хорошо отдохнул?

— Да, но мне надо было давно спуститься помочь тебе.

— Вовсе нет. Я нарочно удрал пораньше.

— Я слышал, что к ужину будут гости?

Нил сделал гримасу.

— Да, придет один старый зануда. Джэни следовало бы отшить его, но у нее слишком доброе сердце.

Он протер последний бокал, аккуратно поставил его на столик и отложил полотенце.

— Ну, вот и делу конец. Все готово, все в порядке. Давай-ка выпьем и посидим немного в тишине. Расскажи, как что было, пока гость не пришел, а то нам придется слушать только его. Виски? С содовой или с водой? Или со льдом?

— С содовой. А где Джэни?

— Крем сбивает.

— А дети?

— Надеюсь, уже в постели. Читают. Иначе — беда.

Нил разлил виски, добавил лед, подал Сэму стакан, а затем, облегченно вздохнув, плюхнулся в одно из удобных кресел, стоящих по обе стороны горящего камина.

— Теперь рассказывай, как прошел ланч.

Сэм опустился в кресло напротив.

— Думаю, все в порядке.

— Ничего неприятного? Никаких намеков на увольнение?

Сэм рассмеялся. Хорошо, когда не ходят вокруг да около, а сразу приступают к делу. Приятно иметь дело с человеком, которого знаешь почти всю жизнь.

— Как раз наоборот.

— Да ну? Значит, новая должность?

— Ага.

— В Штатах?

— Нет, здесь. В Великобритании.

— А где именно?

Сэм ответил не сразу. Он сделал глоток — виски было холодное, крепкое, с «дымком», потом поставил стакан на столик.

— Ты слышал когда-нибудь о Мактаггертах из Бакли?

— Что? Те самые спецы по твиду из Сазерленда?

— Да.

— Конечно слышал. Любой мало-мальски уважаемый сельский джентльмен носит охотничий костюм из твида «бакли». У отца был такой, вернее сказать, был и остался. Материал вечный, словно панцирь. Только не говори, что у них плохи дела. — Нил фыркнул, такой невероятной казалась ему подобная мысль.

— Были плохи. Но «Старрок и Суинфилд» выкупили фирму несколько месяцев назад. Странно, что ты об этом не знал. Или ты не читаешь «Файнэншнл таймс»?

— Читаю ежедневно, но эту информацию пропустил. Я ведь не занимаюсь текстильной промышленностью. Черт, в голове не укладывается, что Мактаггерт пошел ко дну. — Нил невесело усмехнулся. — Вечная история. Нельзя делать деньги на продукции, которой сносу нет.

— Да, конечно, это одна из трудностей, но были и другие. Они совсем не разнообразили ассортимент. Судя по всему, хозяева были людьми старомодными и не видели необходимости что-то менять. Но даже классический твид не пользуется прежним спросом. Большие поместья продаются, охотничьи угодья пустеют, и одежду из твида для егерей и лесничих заказывают все меньше. Кроме того, старик Мактаггерт пару лет назад умер, а двое его сыновей семейным бизнесом не интересуются. Один занимается компьютерами, а у другого — огромный гараж на окраине Глазго. И возвращаться на фабрику у них желания не было. Полагаю, жизнь на далеком севере потеряла для них всякую притягательность.

— Обычная история, — вздохнул Нил. — Что ж, у каждого свои цели. Так что же было потом?

— Они сразу же распродали прилегающие здания, а потом выставили на продажу главный корпус фабрики и землю. Однако с выгодой продать не удавалось. Тем временем рабочие обратились в местное муниципальное управление промышленностью и, объединив средства и усилия, выкупили фабрику. Трудность заключалась в том, что в тех местах, как тебе известно, ограничен резерв рабочей силы. Хотя те, что работают, — настоящие мастера и умельцы, передают навыки по наследству, от отца к сыну. — Сэм осушил стакан. — Ну, в общем, они работали, получали кое-какие заказы, экспортировали часть продукции в Штаты, и так оно шло помаленьку, как вдруг случилось несчастье. На два месяца зарядили непрерывные дожди, река вышла из берегов и затопила фабрику на высоту человеческого роста. Все пропало — товар на складах, компьютеры, большая часть оборудования. Это был конец. Банки отказались кредитовать фабрику, муниципальное управление помочь не могло, и рабочим грозила полная

безработица.

Нил встал и взял у Сэма стакан.

— Господи, какая невезуха!

— Оказавшись в отчаянном положении, они обратились к концерну «Старрок и Суинфилд». Дэвид Суинфилд тщательно изучил обстановку и вовремя принял меры к спасению фирмы, хотя сама фабрика по-прежнему в ужасном состоянии. Она бездействует с начала наводнения, и почти всех рабочих отправили в бессрочный отпуск.

Нил подал Сэму вновь наполненный стакан.

— Так какова же будет твоя роль?

— Я должен поставить дело на ноги. И наладить производство.

— Только и всего? Вот так сразу?

— Ну, конечно, не сразу. Фабрика и до наводнения была в довольно плачевном состоянии. Большая часть оборудования устарела. Понадобится по меньшей мере год, чтобы возродить ее.

— Странно, что такой деловой человек, как Суинфилд, пошел на это. Неужели ты думаешь, что промышленное производство может процветать в таком отдаленном районе? Сомневаюсь, что овчинка стоит выделки.

— А я думаю, что стоит. Разумеется, там предстоит очень многое изменить и переделать, но самое главное, марка раскручена, фирма Мактаггертов имеет огромную популярность и вес во всем мире. Дело чертовски стоящее, если учесть, что сейчас выбрасывают на самые дорогие рынки.

— И вы по-прежнему будете выпускать старые, тяжелые, грубые «деревенские ткани»? Но это же катастрофа!

— Мы будем по-прежнему их производить, и пледовые ткани для Шотландии тоже. Это мактаггертовская марка, основной вид продукции. Это традиция. Но такие ткани будут составлять лишь часть продукции. Мы же сконцентрируем усилия на более легких и красочных. Для итальянского рынка. Будем делать шали, шарфы, накидки, свитера — все, что модно. И дорогие вещи, и подешевле, пользующиеся широким спросом.

— А что с машинами?

— Очевидно, закупим новые, в Швейцарии.

— Но это означает переподготовку рабочей силы.

— Да, но поставщики организуют ее прямо на месте. К сожалению, штат рабочих придется сократить.

Нил некоторое время молча переваривал услышанное. Затем вздохнул и покачал головой.

— Трудно поверить, что ты сможешь жить в такой глуши — после

Лондона, и тем более Нью-Йорка. Это все равно что ссылка. Не очень-то радужная картина.

— Но я знаю производство и свои возможности.

— А жалованье?

— Повысят.

— Но это же подкуп!

Сэм улыбнулся.

— Вовсе нет. Просто поощрение.

— А что ты будешь делать в свободное время? Сомневаюсь, что Бакли — веселое местечко. Станешь играть в лото?

— Могу удить рыбу. Помнишь, как мы с моим отцом ездили на рыбалку? И в гольф буду играть. Там есть по меньшей мере пять превосходных площадок. Стану членом местных клубов, завяжу знакомства со старыми джентльменами в закапанных супом пуловерах…

— Значит, тебе не кажется, что это шаг назад?

— Если возвращение к корням — шаг назад, то я на это согласен. Однако мне нравится мысль стать возмутителем спокойствия. Я знаю, как управлять небольшой фабрикой. У отца научился. А он был предан своему делу. Любил ткацкие машины, как другие любят автомобили. С любовью прикасался к рулонам ткани, словно хотел приласкать их, получал удовольствие, ощущая фактуру шерсти, ее плетение. Наверное, я из того же теста. И знаю одно: довольно с меня маркетинга. Жду не дождусь, когда опять ступлю на порог фабрики, опять вернусь к началу. Похоже, именно это мне сейчас необходимо.

Нил пристально посмотрел на Сэма, а потом сказал:

— Не обижайся, но мне кажется, что твой президент распоряжается тобой, как отец сыном, просто чтобы чем-то тебя занять.

— Потому что моя личная жизнь рухнула?

— Если честно, то да.

— Я спросил его об этом. Но оказывается, он задумал перебросить меня на фабрику в Бакли задолго до того, как узнал о Деборе.

— Ну конечно. Глупый вопрос. Сэр Дэвид Суинфилд недалеко бы ушел, имей он мягкое сердце. Когда же ты едешь?

— Чем раньше я там окажусь, тем будет лучше. Но предстоит еще кое-что утрясти, прежде чем я туда отправлюсь. Завтра утром встречаюсь с банкирами. Надо составить заново сроки инвестиций и прочее.

— А где ты там будешь жить? Ты, кажется, сказал, что сыновья Мактаггерта продали все дома?

— Да, верно, но это неважно. Наверное, остановлюсь в гостинице или

сниму дом. А может, познакомлюсь с черноволосой девицей и поселюсь с ней в хижине под камышовой крышей.

Нил рассмеялся.

— Ну ты даешь! — Он взглянул на часы, устроился в кресле поудобнее и широко зевнул. — Что ж, желаю тебе удачи, старик.

В этот момент раздался звонок.

— О черт, — сказал Нил, поставил стакан и встал. — Это явился старый зануда.

Больше он ничего не успел прибавить, потому что открылась кухонная дверь и в холле раздались быстрые шаги Джэни, а затем — ее голос:

— Здравствуйте, как поживаете? Чудесно снова встретиться. — В голосе ее звучала неподдельная радость, и Сэм уже не в первый раз подумал, какая она добрая. — Проходите.

Затем что-то неразборчивое произнес мужской голос.

— О, конфеты! Спасибо. Надо будет спрятать от детей подальше. Вы на метро или удалось поймать такси? Давайте мне ваше пальто, я повешу. Нил там, в гостиной.

Джэни распахнула дверь, и Нил пошел приветствовать гостя.

Сэм тоже поднялся на ноги.

— Нил! Рад вас видеть. Давненько мы не встречались. Спасибо, что пригласили меня.

— Да что вы, что вы…

— Ты посмотри, что он принес мне! — вмешалась Джэни, показывая мужу небольшую коробку конфет. Она переоделась в черные бархатные брюки и белую шелковую блузу, но фартук в красно-белую полоску еще не сняла. — Мятная помадка в шоколаде — это так вкусно!

— Пустяки, — отмахнулся гость. — Пытаюсь вспомнить, сколько лет мы не виделись. Когда это было? За ланчем с твоими родителями, Джэни. Да, очень-очень давно.

Повернувшись спиной к камину, Сэм внимательно разглядывал гостя. Перед ним стоял солидный мужчина за шестьдесят с повадками молодого повесы. Возможно, когда-то он был недурен собой и чем-то даже смахивал на Дэвида Найвена,[10] но сейчас черты лица его расплылись, щеки покрылись сеткой красных прожилок, а выхоленные усики и пальцы пожелтели от табака. Волосы у гостя были седые, редеющие, но длинные, ниспадающие на воротник. Выцветшие бледно-голубые глаза блестели, а сильно загоревшее лицо и руки были усыпаны веснушками. Он был в брюках из серой шерстяной фланели, коричневых замшевых туфлях, синем блейзере с медными пуговицами и рубашке в бело-голубую полоску. Под

высоким жестким воротником завязан шелковый галстук буйной красно-желто-зеленой расцветки, браслет от часов золотой, запонки в манжетах рубашки тоже. Он явно старался принарядиться и слегка злоупотребил одеколоном «О Соваж».

— Да, целую вечность, — подтвердила Джэни, — лет семь. Наверное, родители тогда еще жили в Уилтшире. А теперь я должна вас познакомить. Это Сэм, а это Хьюи Маклеллан.

— Как поживаете?

— Приятно познакомиться.

И они обменялись рукопожатием.

— Сэм и Нил дружат еще со школы.

— Старый друг лучше новых двух. Господи, какое ужасное в Лондоне движение. Никогда еще не было таких пробок. Пятнадцать минут ждал такси.

— А где вы остановились?

— Да в своем клубе, конечно, но он теперь далеко не тот, что прежде. Первоклассный швейцар, но в остальном… Мог бы вполне сэкономить.

— Разрешите предложить вам стаканчик, Хьюи.

Хьюи просветлел лицом.

— Хорошее предложение. — Он оглядел столик с бутылками и стаканами. — Джин с тоником, если можно. И, — он похлопал себя по карманам, — вы не против, если я закурю, а, Джэни?

— Нет, нет, конечно. Где-то здесь была пепельница.

Она поискала ее взглядом, нашла, вытряхнула оттуда обрывки бумаги и поставила на столик возле дивана.

— Черт побери, ну и времена наступили. Никто не курит. В Нью-Йорке кошмар что творится. Только щелкнешь зажигалкой, подходит какой-нибудь тип и стреляет в тебя. Насмерть.

Хьюи вынул из кармана блейзера серебряный портсигар, вытащил сигарету, щелкнул золотой зажигалкой и выпустил изо рта облачко дыма, после чего сразу расслабился и потянулся к Нилу за стаканом джина с тоником.

— Да благословит тебя Бог, мой мальчик.

— А ты не хочешь выпить, Джэни?

— Мой стакан вина на кухне. Кстати, Нил, открой нам бутылочку к обеду.

— Конечно. Извините. Мне нужно было об этом пораньше позаботиться. Простите меня, Хьюи, я отлучусь на минуту. Располагайтесь поудобнее, а Сэм составит вам компанию.

Хозяева вышли и закрыли за собой дверь, а Хьюи с комфортом уселся в уголок дивана, так, чтобы стакан и пепельница были под рукой, и откинулся на мягкие подушки.

— Очаровательный у них дом. Я еще не бывал здесь. В последний мой приезд они жили в Фулэме. Я знаю Джэни с детства. Ее родители — мои старые друзья.

— Она рассказывала. Вы, очевидно, сейчас с Барбадоса?

— Да. У меня дом в Спайтс-тауне. Время от времени наезжаю в Лондон тряхнуть стариной, посоветоваться с биржевым маклером, подстричься у своего парикмахера и побывать у портного. Печально, что друзья мало-помалу уходят. Каждый раз узнаю, что какой-нибудь старый греховодник откинул копыта. Да, печально. Но все мы стареем, такова жизнь.

Он погасил сигарету, сделал большой глоток и нацелился оценивающим взглядом в Сэма.

— А вы приехали в отпуск, на праздники?

— Можно и так сказать, но всего на несколько дней.

— Чем занимаетесь?

— Продаю шерстяные ткани. — Сэму не хотелось рассказывать о себе, и он спросил: — А вы давно живете на Барбадосе?

— Лет тридцать. Из них пятнадцать владел клубом на побережье, но завязал, чтобы окончательно не спиться. А до этого жил в Шотландии, там у меня был большой дом. Его всучил мне отец, чтобы не платить налоги на наследство.

Сэм заинтересовался:

— А что это за дом?

— О, большущая усадьба. Фермы, земельные угодья и все такое прочее. Викторианский громоздкий дом. Там и поохотиться есть где, и хорошая рыбалка.

— И вы жили в усадьбе постоянно?

— Пытался, старина, но зимы на той широте нешуточные. Чтобы оценить по достоинству жизнь в такой глуши, нужно быть немного отсталым человеком и любить прошлое. Все это подходило для наших бабушек и дедушек с большим штатом слуг, кухарками и домоправительницами, работающими от зари до зари за невероятно низкое жалованье. А когда я туда переехал, то, чтобы просто обогреть дом, надо было потрудиться. Не говоря уже о том, — он вздернул бровь и хитро улыбнулся, — не говоря о том, что мы там не скучали. Моя первая жена обожала принимать гостей. Еды в Корридэйле готовили — на целую армию

хватило бы, а напитков — на армию алкоголиков. Незабвенные денечки.

Вспоминая это, очевидно, счастливейшее время, Хьюи теребил галстук, поглаживая его и пропуская через пальцы.

— Разумеется, это не могло продолжаться долго. Элейн сбежала с брокером по продаже бытовой техники, и смысла тянуть эту лямку уже не было. Тем более что половина прислуги уволилась, а банковский менеджер стал выказывать недовольство…

Сэм слушал Хьюи со смешанным чувством раздражения и жалости. Перед ним был человек, которому преподнесли сокровище на серебряной тарелочке, а он большую его часть пустил по ветру. Симпатии это не вызывало, но за бравадой Хьюи ощущалась печаль.

— …Так что я продал усадьбу, и дело с концом. И уехал на Барбадос.

— Продали? Со всеми потрохами?

— Ну, не совсем. Недвижимое имущество частично перешло другим владельцам. Ферму выкупил долгосрочный арендатор, один-два коттеджа получили верные старые слуги, которые в них жили. А остальное — дом, конюшни, землю — я продал тресту, который владел деревенскими гостиницами. Да вы знаете, для тех, кто любит порыбачить и подстрелить фазана или перепелку.

Он допил джин и задумчиво уставился на пустой стакан.

— Налить вам еще? — спросил Сэм.

Лицо у Хьюи опять просветлело.

— Замечательная мысль. Только тоника поменьше.

Сэм взял у него из рук стакан, а Хьюи снова достал портсигар.

Наливая джин, Сэм осведомился:

— Вы долго пробудете в Лондоне?

— Хотелось бы не задерживаться. Я прилетел сюда четыре дня назад. И улетаю в среду. Нацелился в Ниццу. Там у меня есть старая приятельница, Моди Пибоди, случайно не знаете ее? С Моди я познакомился в начале моей барбадосской жизни. Американка. Богата как Крез. Живет в божественной вилле на холмах над Каннами. Проведу с ней Рождество и Новый год. А потом обратно на Барбадос.

Сэм снова сел в свое кресло у камина.

— У вас все спланировано.

— Да, стараюсь смотреть вперед. Я сейчас один, сам веду хозяйство. В матримониальном плане не повезло. И это обошлось мне очень дорого. Все бывшие жены хотят завладеть куском пирога. Вернее — тем, что от него осталось!

— А дети у вас есть?

— Нет. Еще студентом, в Итоне, переболел свинкой, и это сказалось на способности к воспроизведению рода. Чертовски этого стыжусь. Неплохо, если бы сейчас обо мне заботились ребятишки. Честно говоря, родственников у меня вообще маловато. Еще жив отец, но мы лишь разговариваем иногда, и только. Он рвал и метал, когда я продал усадьбу, но никак не мог этому помешать. Есть еще двоюродный брат, скучнейший тип. Живет в Гэмпшире. Пытался дозвониться до него, но телефон не отвечает.

— А где живет ваш отец?

— Недалеко от Альберт-холла, в одиночестве и комфорте. Я еще не встречался с ним, откладываю это на потом. Может, загляну на обратном пути из Франции. С визитом вежливости. Нам почти не о чем разговаривать.

Сэм почувствовал облегчение, когда к ним снова присоединились хозяева. Джэни, очевидно, уже закончила с готовкой и сняла фартук. Сияя от радости, она сразу же направилась к Сэму и, обняв его за шею, звучно чмокнула в щеку.

— Нил мне рассказал. О твоей новой работе. Я просто в восторге. Это просто замечательно. Я так рада за тебя. Ничего лучше нельзя и придумать.

Сэм поймал немного смущенный взгляд Нила.

— Сэм, ничего, что я рассказал ей?

— Конечно нет. — И Сэм обнял Джэни. — Ты избавил меня от необходимости снова все повторять.

— О чем речь? — Хьюи навострил уши. — А мне можно узнать?

Джэни обернулась:

— Мы говорим о новой должности Сэма. Он только сегодня обо всем узнал. Это в самой северной части Шотландии. Он должен там снова наладить производство на старой ткацкой фабрике.

— Неужели?

Впервые за все время Хьюи проявил интерес и внимание к чему-то, что не касалось его самого.

— В Шотландии? А где именно?

— В Бакли. В Сазерленде, — ответил Сэм.

Хьюи даже разинул рот.

— Господи помилуй. *Бакли*. Не Мактаггертовская ли фабрика?

— А вы их знаете?

— Дорогой мой мальчик, как самого себя. Бакли же всего в нескольких милях от Корридэйла. Я все свои охотничьи костюмы шил из твида «бакли». А моя няня вязала мне спортивные носки на мактаггертовской вязальной машине. Старая фамильная фирма. Существует по крайней мере

сто пятьдесят лет. Что же, черт побери, с ними случилось?

— Старик Мактаггерт умер, а сыновья его бизнесом не интересовались. Деньги у них кончились, а окончательно их разорило наводнение.

— Какая трагическая история. У меня такое чувство, будто умер старый друг. И вы, значит, займетесь ею? И когда вы туда едете?

— Скоро.

— А вам есть где жить?

— Нет. Все жилые дома при фабрике были проданы. Остановлюсь в гостинице, освоюсь немного и что-нибудь куплю.

— Интересно, — сказал Хьюи.

Все посмотрели на него, но он молчал и сосредоточенно тушил окурок в пепельнице.

Наконец Джэни спросила:

— А что именно вам «интересно»?

— Дело в том, что у *меня* там есть дом.

— И где же он?

— Не в Корридэйле, конечно, а в Кригане. Это даже ближе к Бакли. Это был старый особняк, приспособленный под контору. Там жила семья управляющего. Большой дом в викторианском стиле. С садом. Но бабушка решила, что он расположен слишком далеко от Корридэйла и это затрудняет повседневную деятельность управляющего. Она переселила его в более подходящее жилье на территории парка в Корридэйле, а особняк завещала мне и моему кузену. Мы владеем им совместно.

Нил нахмурился:

— А кто там теперь живет?

— Дом сейчас пустует. Последние двадцать лет его арендовала одна супружеская пара, Кочрейны, но муж умер, а вдова переехала к родственникам. Откровенно говоря, одна из причин моего приезда в Лондон — необходимость продать дом. Хочу избавиться от этой развалюхи. Я пытался дозвониться до Оскара, это мой кузен, чтобы все обсудить, но никак не могу его застать. Может быть, он умер. Наверное, сам себе надоел до смерти.

Джэни, не обращая внимания на несколько злорадную интонацию Хьюи, поинтересовалась:

— А он захочет продать свою половину?

— Почему бы и нет. Его не интересуют земные блага. На завтрашнее утро у меня назначена встреча с агентством «Херст и Филдмор». Хочу выяснить, не смогут ли они организовать продажу.

— Но ваш кузен…

— О, я улажу с ним все дела, когда вернусь из Франции.

— Почему вы рассказываете нам все это, Хьюи?

— Вашему другу нужно жилье, а я продаю дом. Думаю, он Сэма устроит. Недалеко до фабрики, поблизости от магазинов, кроме того, там есть отличная площадка для гольфа. Все, что требуется мужчине. — Хьюи повернулся к Сэму. — Почему бы вам не посмотреть его? Вы ничем не рискуете. Мы могли бы договориться полюбовно. Приватная сделка меня бы очень устроила.

— А сколько вы за него хотите? — осторожно спросил Сэм.

— Ну, дом не оценивался. Но, — Хьюи опустил взгляд и смахнул пепел с колен, — думаю, он стоит примерно сто пятьдесят тысяч фунтов.

— На двоих — вас и вашего кузена?

— Совершенно верно. Каждый из нас получит по семьдесят пять тысяч.

— Как скоро вы сможете с ним связаться?

— Понятия не имею, старина. Он неуловим. Но это не мешает вам поехать взглянуть на дом.

— А есть там агент или еще какое-нибудь официальное лицо, с которым я смогу иметь дело?

— В этом нет необходимости.

Хьюи пошарил в кармане брюк, вытащил оттуда большой старомодный ключ с красной биркой, на которой было заглавными буквами написано «Старая усадьба», и торжественно, как трофей, поднял его над головой.

Джэни изумилась.

— Этот ключ постоянно при вас?

— Нет конечно. Я же сказал, что завтра утром собирался в «Херст и Филдмор». Вот и хотел передать ключ им.

Сэм взял ключ.

— А как мне с вами связаться?

— Я дам вам свою визитную карточку. Вы можете послать мне факс на Барбадос. И вот вам еще телефон Моди на юге Франции, в случае если вы примете решение сразу.

— Я, конечно, осмотрю дом. Очень вам благодарен. Но, разумеется, я не могу вступить с вами ни в какие деловые отношения, пока ваш кузен не согласится продать свою часть дома.

— Ну конечно. Все честно, открыто, без утайки. Но я считаю, предложение стоящее.

Наступило молчание. Потом Джэни сказала:

— Какое изумительное совпадение, просто не верится. Это, конечно, знамение судьбы. Чудесное знамение. И означает оно, что все складывается благоприятно. Может, отметим такое событие? Сэм подарил нам бутылку шампанского. Почему бы нам не откупорить ее и не выпить за Сэма, фабрику Мактаггерта и счастливую жизнь в новом доме?

— Великолепная идея, — подхватил Хьюи. — Но, если не возражаете, я бы предпочел еще один джин с тоником.

3
КЭРРИ

Ночью Кэрри приснилась Австрия, Обербейрен. Бездонно-синее небо, ослепительный снег; он сияет и искрится, и каждая снежинка будто драгоценный алмаз. Кэрри скользит на лыжах. На тропе — ни души. Кэрри будто плывет по белому бескрайнему морю. Лыжня вьется между сосен. Кэрри совсем одна. И вдруг, обогнув сосны, она видит далеко впереди такого же одинокого лыжника. Черный силуэт стремительно удаляется от нее вниз по склону, вальсирует меж деревьев. Она знает, это Андреас; ей хочется, чтобы он понял, что она здесь, тогда он непременно ее подождет. Она кричит: «Андреас! Постой, позволь мне быть с тобой. Пусть наши лыжи скользят рядом». Она слышит свой голос, ветер подхватывает его и уносит прочь; ее лыжи шуршат по умятому снегу. «Андреас!» Но он уходит от нее. Она поднимается на холм, теперь он слышит ее голос и ждет ее. Он опирается на лыжные палки, следит за ней взглядом; голова запрокинута, темные очки подняты высоко надо лбом.

Он смеется. Белые зубы на бронзово-загорелом лице. Наверное, выкинул какой-нибудь головоломный трюк. Она приближается к нему, останавливается и только тут понимает, что это не Андреас, а незнакомец с волчьим оскалом и холодными, как серая галька, глазами. Небо уже не синее, оно потемнело, как перед бураном. Кэрри страшно…

Страх разбудил ее, глаза распахнулись в темноте. Она слышала, как колотится у нее сердце. Не сразу сообразив, где она, Кэрри увидела пробивающийся между штор свет уличных фонарей. Это не Австрия, не Обербейрен. Это Лондон. Не пахнущий елкой номер с балконом, а Патни, гостевая спальня в доме ее друзей, Сары и Дэвида Ламли. Не мороз и звезды, а серый шорох дождя. Сон ушел. Ушел и Андреас, который никогда ей не принадлежал. Все кончено.

Она протянула руку, нащупала на ночном столике часы. Шесть часов, темное утро, начало декабря.

В пустой постели так сиротливо. Кэрри охватила острая тоска. Ей нужен Андреас, она отчаянно хочет, чтобы он был здесь, с нею, хочет прижаться к его литому мускулистому телу. Вернуться туда, где они принадлежали друг другу. Необъятная резная кровать в косых солнечных лучах, влюбленные, накрепко спаянные в огне страсти и неги. Кэрри повернулась на бок, обхватила себя за плечи, чтобы согреться и

успокоиться. Все будет хорошо. Это как болезнь, но она выздоровеет. Она закрыла глаза, уткнулась лицом в подушку и заснула.

В девять Кэрри снова проснулась. Хмурое зимнее утро начинало светлеть. Дэвид и Сара, должно быть, уехали на работу, оставив ее одну в доме. Уже неделя, как она здесь, но ничего еще не сделано: ни с кем не повидалась, новой работы не нашла. Сара и Дэвид все понимают и не тормошат ее. Из всей своей семьи Кэрри общалась только с отцом — позвонила ему в Корнуолл и долго, почти час, задушевно говорила. «Ты ведь повидаешься с матерью, правда?» — спросил он, и она пообещала, но все время под разными предлогами откладывала. Неделя — это слишком долго, и Кэрри понимает, что тянуть больше нельзя. Сегодня, прямо утром, она обязательно позвонит Доди и беззаботно скажет: «У меня сюрприз. Я вернулась. Я здесь, в Лондоне».

Пойдут удивленные ахи, охи, объяснения, оправдания, потом они договорятся о встрече. Кэрри все это не пугало, хотя она и не испытывала никакого удовольствия при мысли о предстоящем общении с матерью и сестрой Николой. Они наговорят ей с три короба, но при этом не сообщат ни одной хорошей новости. Однако родню не выбирают, так что чем скорее Кэрри выполнит свой долг, тем лучше.

Она вылезла из постели, накинула халат и спустилась вниз. Кухня сверкала чистотой. Сара хоть и работала полный день, была отменной хозяйкой. Кэрри заметила записку, прислоненную к цветочному горшку, стоявшему посреди стола.

> *«Доброе утро. Бекон и апельсиновый сок — в холодильнике. У Дэвида вечером собрание, а я приду домой как обычно. Если пойдешь в магазин, купи, пожалуйста, овощей к ужину. Например, цветной капусты. И еще, пожалуйста, китайского чая „Лапсанг Соучон“ в пакетиках.*
>
> *Целую. Сара».*

Кэрри вскипятила воду, заварила кофе, опустила в тостер ломтики хлеба. Кофе выпила, но к тостам не притронулась. Телефонный аппарат, стоящий на кухонном шкафу, угнетал ее, как нечистая совесть. К тому времени, как она выпила три чашки кофе, часы показывали без четверти десять. Надо полагать, даже Доди Саттон должна уже проснуться. Кэрри сняла трубку и набрала номер. В окно стучал дождь. Послышались телефонные гудки. Кэрри терпеливо ждала.

— Алло.

— Ма.

— Кто говорит?

— Это я, Кэрри.

— Кэрри? Ты звонишь из Австрии?

— Нет. Из Лондона.

— С Рэнферли-роуд?

— Нет. Рэнферли-роуд сдан в аренду сроком на три года. Он освободится только через три месяца. Так что я бездомная.

— Тогда где ты?

— В Патни. У друзей. Напротив тебя, через реку.

— Давно вернулась?

— Примерно неделю назад. У меня куча дел, не то я позвонила бы раньше.

— Неделю? У тебя каникулы? — недоверчиво спросила Доди.

— Нет, не каникулы. Я бросила работу. Решила, что с меня хватит.

— Я всегда считала, что тебе лучше вернуться сюда. Мы не видим тебя годами. Что же случилось?

— Ничего. Просто мне так захотелось.

— А ты найдешь другую работу?

— Должна найти. Послушай, ма, я хочу с тобой повидаться. Ты сегодня дома?

— Утром да. Вечером собираюсь играть в бридж с Лейлой Максвелл. У нее, бедняги, катаракта, она с трудом видит карты. Как отказать ей в такой малости.

— Тогда, может быть, увидимся за ланчем?

— Где, у меня?

— Если хочешь, пойдем куда-нибудь.

— Нет. Лучше я приготовлю суп, паштет или еще что-нибудь. Согласна?

— Конечно. Как Никола?

— Ох, это просто трагедия.

Сердце у Кэрри упало.

— Трагедия?

— По-моему, она сошла с ума. Расскажу тебе все при встрече. — Доди помолчала, потом добавила, будто эта блестящая мысль только что пришла ей в голову: — В самом деле, все получится как бы случайно. В смысле, твой приход. Никола вернется к ланчу, но, если ты придешь чуть раньше, мы успеем поболтать с глазу на глаз.

Лучше бы мне вообще не звонить, подумала Кэрри.

— А что Люси?

— Люси дома. Не пошла в школу, там у них меняют котел отопления. Она в своей комнате. Кажется, зубрит что-то к экзамену. Она нам не помешает.

— Хотелось бы и ее повидать.

— Повидаешь, повидаешь. Когда ты придешь?

— В половине двенадцатого, хорошо? Наверное, пойду пешком.

— Разве у тебя нет автомобиля?

— Есть, но прогулка мне не повредит.

— Погода отвратительная.

— Ничего страшного. Ну, до встречи, ма.

— Жду тебя, — сказала Доди и дала отбой.

Кэрри тоже положила трубку и минуту-другую на нее глядела, а потом вдруг обнаружила, что улыбается. Но не радостно, а скорее кисло, потому что ощутила холодность и отстраненность матери, чего и ждала, и боялась.

Собственно, так было всегда. Недостаток внимания, неприязнь — уже в раннем отрочестве Кэрри столкнулась с этим и научилась принимать. Она видела, как общаются друг с другом в чужих семьях, и понимала, что, не будь у нее отца, она бы выросла, так и не узнав, что значит любить и быть любимой.

Ей так и не удалось понять, почему Джеффри Саттон женился на Доди. Возможно, потому, что та была хорошенькой, кокетливой, обаятельной и, как любая юная девушка, умела прикинуться такой, какой каждый мужчина видел свою избранницу. То, что это был от начала до конца тонкий расчет, выяснилось слишком поздно. Доди видела в Джеффри не только привлекательного зрелого мужчину, но и гарантию обеспеченного будущего — у него была солидная работа, он служил брокером в Сити, делал успешную карьеру, и его сослуживцы принадлежали к тому самому социальному слою, в который стремилась попасть Доди.

Никола родилась первой; потом, пять лет спустя, появилась Кэрри. Сестры были такие разные, что казалось, каждая из них принадлежит только кому-то одному из родителей. Как если бы Доди родила Николу без участия Джеффри, а Джеффри сам каким-то чудесным образом произвел на свет Кэрри.

Он был ее отцом, другом, союзником… Он, супруг, связанный узами мезальянса. Именно он, Джеффри, водил дочерей в школу, пока их мать лежала в постели, прихлебывая китайский чай и почитывая романы. Кэрри

помнит, как он приходил с работы, как поворачивался ключ в американском замке, как она бежала вниз по лестнице, чтобы встретить отца, ведь Доди еще не вернулась — она играла в бридж — и в кухне возилась только прислуга. Усталый, измученный после целого дня изнурительной работы, он швырял портфель, сбрасывал пальто, шел наверх и помогал Кэрри с уроками или слушал, как она играет этюды на фортепиано. Именно Джеффри вносил веселье в их жизнь, он всегда готов был устроить пикник, загородную прогулку, праздник. Не кто иной как Джеффри впервые повез Кэрри в Валь д'Изер кататься на лыжах, а ей только исполнилось десять. Они поселились на снятой в аренду вилле вместе с веселой компанией из двух других семей. Это были лучшие в жизни Кэрри каникулы. С тех пор она на всю жизнь полюбила лыжи. Никола не поехала с ними: она не увлекалась спортом и ей нравилось оставаться дома с Доди. Они вместе ходили по магазинам, покупали новые платья к рождественским вечеринкам, которые Никола не собиралась пропускать.

Наряды, мальчики, вечеринки будили у Николы страстный интерес, поэтому никто не удивился, что она рано вышла замуж. Ей едва исполнился двадцать один год. Молодого человека звали Майлс Уэсли. О таком муже для своей старшей дочери Доди могла только мечтать. У него была бабушка, леди Берфилд, и родители, владевшие завидной собственностью в Гэмпшире. Он учился в Хэрроу, а потом получил хорошую должность в «Херст и Филдмор», известном агентстве по продаже недвижимости с филиалами по всей стране. Майлс служил в главном офисе на Дейвис-стрит, набирался опыта в вопросах продажи огромных охотничьих угодий, тетеревиных болот и участков для рыбной ловли. Доди восхитительно проводила время, строя планы на свадьбу, которая должна была стать предметом зависти всех ее подруг и темой для разговоров на многие годы.

Кэрри отказалась быть подружкой невесты. Долговязая, худая, она вся отдавалась учебе, мечтала поступить в университет. Ее внешний вид приводил в отчаяние мать, которая питала отвращение к любимой одежде дочери — поношенным джинсам, тяжелым башмакам и мешковатым теннискам. Доди чуть не упала в обморок, когда Кэрри принесла из благотворительного магазина «Оксфам» немыслимо потертую кожаную куртку.

Когда в доме произнесли слова «подружка невесты», Кэрри высказалась очень решительно.

— Нет, — заявила она.

Разразился скандал.

— Как можно быть такой эгоисткой? — возмущалась Доди.

— Очень просто.

— У тебя одна-единственная сестра, подумай о ней.

— Послушай, мама, я бы не согласилась на это даже ради самой королевы. Во мне пять футов девять дюймов, я не гожусь в подружки невесты. Представь, как я иду по проходу в церкви. На что я буду похожа в розовой тафте? Просто бред.

— Никакой тафты не будет, и тебе это хорошо известно. Мы с Николой выбрали темно-розовый шифон.

— Тем хуже.

— Ты ни о ком не думаешь, только о себе.

— Напротив. Никола не станет противиться. У нее куча хорошеньких подружек, пусть осчастливит одну из них. И вообще, — Кэрри зевнула, — не понимаю, что за бред венчаться в церкви. — Ей иногда нравилось выводить мать из себя. — Почему нельзя пойти в ближайшее бюро регистрации? Подумай, какая экономия. Хотя я тебя понимаю: ведь тогда не будет ни свадебных подарков, ни чеков на кругленькую сумму.

— Как ты можешь!

— Я всего лишь прагматична.

Доди глубоко вздохнула и сказала твердым спокойным тоном:

— Если кто-то пожелает подарить Николе на свадьбу чек, мы его примем с благодарностью. В конце концов, надо меблировать новую квартиру. Холодильники, лампы, ковры. Все это стоит не дешево.

— А можно положить эти денежки на специальный счет — они понадобятся при разводе…

Доди вышла, хлопнув дверью. Больше о подружке невесты в доме не заговаривали.

Кэрри была первой, кому доверился Джеффри. Ей было девятнадцать, она изучала литературу и философию в Оксфорде и наслаждалась каждой минутой своей новой жизни. Однажды воскресным утром он позвонил ей из Лондона.

— Ты сегодня очень занята?

— Да нет, не особенно.

— Можно, я приглашу тебя на ланч?

— Спасибо.

— Твоя мама уехала к Николе, у Люси температура. Я буду у тебя около двенадцати.

Кэрри была заинтригована.

— Жду.

Стоял золотой октябрьский день. Джеффри заехал за Кэрри и повез за город в ресторан Le Manoir aux Quatre Saisons.[11] Это была отменная, обильная, дорогостоящая трапеза. После ланча они побродили по саду, потом сели на скамейку, греясь на ласковом солнышке «бабьего лета». Пели птицы, ветерок срывал листья, и они медным дождем падали в траву.

И тогда Джеффри рассказал ей о Серене, о том, как они встретились, как он в нее влюбился.

— Мы знакомы уже пять лет. Она молода, годится мне в дочери. Теперь она все для меня, и я больше не могу без нее жить.

У ее отца есть возлюбленная. Кэрри трудно было подыскать слова.

— Ты шокирована?

— Нет конечно. Просто это так неожиданно.

— Я собираюсь оставить вас и соединить свою жизнь с Сереной. — В его темных глазах была боль. — Мне очень трудно тебе это говорить.

— Почему? Это же правда.

— Я бы ушел раньше. Но не мог, пока вы с Николой не… встали на ноги. Не повзрослели. Я должен был быть рядом, пока вы во мне нуждались, пока я был вам нужен. Теперь совсем другое дело. Теперь, я уверен, вы обе стали самостоятельными. Никола замужем, у нее дочь. Надеюсь, она довольна своей жизнью. Майлс всегда казался мне достойным человеком, разве что только он неравнодушен к горячительным напиткам. Кажется, он у нее под каблуком, но это его проблемы.

— Папа, бедный. — Кэрри думала о браке отца с Доди. — Все эти годы ты был несчастлив!

Джеффри покачал головой.

— Нет. У меня в жизни было много радостных минут, особенно связанных с тобой. Но я устал носить маску и делать вид, что все хорошо. Я измучен постоянной необходимостью добывать деньги, вечно бороться за существование, работать из последних сил. Хочу жить по-другому. Хочу тепла, любви, дружеского общения, смеха… Доди не в состоянии дать мне это. Наверное, ты знаешь, что мы с ней давно спим в разных комнатах. Мне нужен дом, куда могут приходить мои друзья посидеть на кухне за спагетти и бутылкой вина. В конце дня хочу открывать парадную дверь, зная, что меня ждут. А бреясь утром, хочу слышать, как жарится яичница с беконом, как вскипает кофе. Это не мужской климакс, это глубокая внутренняя потребность, жившая во мне годами.

— У меня и мысли не было о мужском климаксе.

— Знаю.

Какая-то семья вышла из гостиницы на теплое послеполуденное

солнце. Молодая мать, отец и маленький мальчик. Ребенок нашел крокетный молоток и мяч и начал размахивать молотком, стараясь попасть по мячу. После трех неудачных попыток к малышу подошел отец, обхватил его сзади и показал, как надо бить.

Кэрри сказала:

— Ты сделал для нас все, что было в твоих силах. Никто бы не мог сделать большего. Думаю, теперь ты имеешь полное право уйти.

— А как же твоя мать?

— Конечно, ее мирок рухнет, гордость будет уязвлена. Но, насколько я знаю, ее вклад в ваш брак не был слишком велик. — Кэрри вздохнула. — Кстати, учти, она наверняка наймет хорошего юриста, чтобы обобрать тебя до нитки.

— Знаю. Я готов заплатить эту цену.

— Что у тебя с работой?

— Я ее брошу.

— Не будешь скучать по ней?

— Нет. Я добился всего, чего хотел. И устал от этих крысиных гонок, от необходимости постоянно стремиться сохранить лицо. Наверное, я никогда не был особенно честолюбив, а теперь стал законченным эгоистом. Или в мои годы уже поздно хотеть счастья?

— Ты знаешь, что я об этом думаю.

Какое-то время они просто сидели и молчали в полном душевном единении. Наконец Джеффри сказал:

— Теперь о тебе. Когда ты родилась, я выделил тебе капитал, вверенный попечителю. У Николы он тоже был, но почти весь ушел на эту дурацкую свадьбу. Сейчас твои деньги лежат в банке и приносят небольшую прибыль, но, по-моему, будет разумно, если ты обратишь их в наличность и купишь себе дом. В Лондоне или где-нибудь еще. Недвижимость — это всегда хорошее помещение денег. Мне бы хотелось, чтобы ты была независима… Капитал невелик, но его достаточно, чтобы купить скромный дом. Что скажешь?

— Прекрасная мысль. — Кэрри поцеловала отца в щеку. — Какой ты милый. Спасибо. Мы ведь не будем забывать друг друга, правда? Будем переписываться, обмениваться факсами, будем звонить друг другу, где бы мы ни были, общаться.

Джеффри улыбнулся. Вид у него был не такой подавленный, как всегда. Кэрри поняла, как долго он терзался тревожными мыслями.

— Если в следующее воскресенье мы с Сереной приедем в Оксфорд, может быть, ты захочешь с ней познакомиться?

— Конечно. И пусть она не думает, что я собираюсь встать между вами. Она не должна испытывать чувство вины. Теперь твои старые обязательства кончаются, начинается новая жизнь. На этот раз счастливая.

— А ты, дорогая? Как ты? Есть у тебя кто-нибудь?

— О да, — засмеялась Кэрри. — И не один.

— Но никакого намека на вторую грандиозную свадьбу?

— Ни малейшего. Я должна очень много сделать в жизни. Для начала купить дом. Как много планов мы с тобой наметили, сколько вопросов обсудили!

— Подожди радоваться, Кэрри. Нам предстоит пережить тяжелые времена.

Она взяла его за руку и сказала:

— Я с тобой, папа. Мы будем стоять плечом к плечу.

Джеффри оказался прав. Им действительно выпали тяжкие испытания. Долгое время не смолкали обвинения, но в конце концов Доди прекрасно устроилась и обратила печальные обстоятельства себе на пользу. Как и предвидела Кэрри, она отпустила Джеффри, обобрав до нитки, — семейный дом в Кэмден-Хилл, автомобиль, большая часть имущества и денег отошли к ней. Он ничего не оспаривал и делал все, что мог, чтобы загладить свою вину.

Как только Доди узнала, что Кэрри купила небольшой дом на Рэнферли-роуд, она чрезвычайно выгодно продала особняк в Кэмден-Хилл, патетически объявив, что он полон печальных воспоминаний, и купила прелестную квартиру в старинном доме в Фулэме, выходящую окнами на юг, на реку и Патни.

— Мое уединенное гнездышко, — с грустью, но отважно говорила она друзьям, и все находили, что она держится восхитительно. На самом же деле Доди была очень довольна: ее ждали бридж, вечеринки с легкими возлияниями и неизменное лекарство от всех невзгод — поездки по магазинам и возвращение домой с фирменными пакетами и коробками, набитыми свертками в китайской шелковой бумаге. Праздники она теперь проводила с друзьями за границей: ездила первым классом в Париж или отправлялась в круиз по Средиземному морю на сногсшибательном лайнере, демонстрируя только что обновленный гардероб. В одном из таких круизов она познакомилась с Джонни Стратерсом, отставным полковником авиации, вдовцом. Доди ему явно нравилась, и время от времени, приезжая в Лондон, он звонил ей и приглашал пообедать. Она была счастлива как никогда.

Через семь лет после развода родителей Никола Уэсли обнаружила, что обходительный Майлс закрутил роман с какой-то дамой. Она с радостью ухватилась за этот повод и вырвалась из оков брака, который стал обыденным и скучным. Вырвалась, разумеется, к матери, в ее вместительную нарядную квартиру. И все было бы нормально, не привези Никола с собой девятилетнюю дочь Люси. Доди поняла, что ее безмятежной жизни пришел конец.

Кофейник пуст, осадок в чашке остыл. Кэрри встала, выбросила в мусорное ведро нетронутые тосты, ополоснула кофейник, положила чашку и блюдце в посудомоечную машину. Потом поднялась наверх, приняла душ, вымыла короткие волосы, оделась. В последнее время она не слишком заботилась о своей внешности: носила старые джинсы и не пользовалась косметикой. Но сегодня утром ей нужно было почувствовать себя немного более уверенно.

Итак, узкие брюки верблюжьего цвета, кашемировый свитер, изящные ботинки, золотые сережки и цепочка на шее. Кэрри брызнула на себя духами, набросила на плечо кожаную сумку, вынула из шкафа пальто и спустилась вниз.

Ключи от входной двери лежали в холле на сундуке в латунной чашке, рядом с синей вазой с белыми гиацинтами. Над сундуком висело большое зеркало. Надевая пальто, Кэрри вгляделась в свое отражение. Высокая, стройная темноволосая девушка… или, скорее, молодая женщина. Что ж, скоро ей стукнет тридцать. Каштановые волосы сияют чистотой, гладкая прядь птичьим крылом падает на лоб. Глаза, подчеркнутые тенями и тушью, кажутся огромными и темными, цвета кофейных зерен. Лицо, загоревшее под солнечными лучами, отраженными от сверкающих снежных полей, еще не потеряло красок. Так что все в порядке. Кэрри уверена в себе. К жалости не взывает.

Она застегнула пуговицы на купленном год назад в Вене темно-сером шерстяном пальто, отделанном зеленым кантом. Андреас помогал ей выбрать его и настоял на том, чтобы оплатить покупку. «В нем ты будешь выглядеть на миллион долларов», — сказал он. День был очень холодный, с мелким снегом. Они пошли к «Саше» позавтракать. Ели что-то необыкновенное и…

Не думать об этом.

Кэрри взяла ключи, нажала кнопку охранной сигнализации и вышла из дома; она повернула на Патни-Хай-стрит и по людному тротуару направилась к набережной. На мосту было холодно, вдоль реки дул

восточный ветер с моря. От моста рукой подать до Фарнем-корта — большого дома в вычурном эдвардианском стиле, где на пятом этаже помещается квартира Доди. Кэрри поднялась по ступеням, отворила тяжелые парадные двери, вошла в лифт, нажала кнопку. Лифт поплыл вверх, вздрогнул, остановился.

Кэрри открыла оглушительно лязгающую дверцу, пересекла холл и позвонила в дверь.

Доди уже ждала ее. Почти сразу щелкнул двойной замок и дверь распахнулась.

— Кэрри!

Она такая же, как всегда, не постарела, не похудела, не поправилась. Маленькая, изящная, с темными, аккуратно уложенными волосами, в которых сверкают белые пряди — естественно и на зависть элегантно. На ней костюм — жакет и коротенькая, по моде, юбочка, изящные туфли украшены квадратными золотыми пряжками. Еще вполне хорошенькая женщина, все при ней. Выдает ее только рот, форма которого на протяжении многих лет искажалась выражением постоянного недовольства. Все твердят, что глаза — зеркало души, но Кэрри давно поняла, что по-настоящему разоблачает человека рот.

Она вошла, и Доди тщательно заперла дверь. Ни рукоплесканий, ни распахнутых объятий — никакого выражения восторга.

— Привет, ма. Ну, как ты? — спросила Кэрри, сбрасывая пальто. — Великолепно выглядишь.

— Спасибо, дорогая. Ты тоже хорошо выглядишь. Загорелая. Будто только что отдыхала на юге. Клади пальто на стул. Хочешь кофе или еще чего-нибудь?

— Нет, я только что позавтракала. — Они коснулись друг друга щеками. У Доди щека была нежная и благоухающая. — Раньше девяти я не встаю.

— Приятно утром поваляться. Проходи…

Доди провела дочь в гостиную. Тучи на холодном небе неожиданно расступились, и комната с большими, выходящими на юг окнами, балконом и видом на реку наполнилась ослепительным солнечным светом. Приятная комната. Рядом, за двустворчатыми всегда раскрытыми дверьми, располагалась столовая. Кэрри увидела стол красного дерева, красивый буфет — часть ее детства, вещи из их дома в Кэмден-Хилл. Везде множество цветов, воздух тяжелый, густо напоенный ароматом белых лилий.

— А где все остальные? — спросила Кэрри.

— Я тебе говорила. Люси у себя в комнате, а…

— Она не слишком общительна?

— Не слишком. Обожает свою комнату. У нее там письменный стол, компьютер, маленький телевизор.

В белом мраморном камине вспыхивал фальшивыми углями небольшой электрический нагреватель. Доди села напротив него в свое привычное кресло. Когда Кэрри позвонила в дверь, она читала газету и теперь холеной рукой с розовыми ногтями взяла ее, свернула и положила на кофейный столик.

Набежала туча, и солнечный свет погас.

— Хорошо, что ты так быстро пришла. Я хотела с тобой поговорить. Знаешь, разыгралась эта дурацкая драма…

— А где Никола?

— Она скоро придет.

Кэрри опустилась в кресло перед камином, по другую сторону коврика из белой овчины.

— Куда она ушла?

— В туристическое бюро.

— Собирается путешествовать?

— По-моему, она сошла с ума. Разве я тебе не рассказала? Она встретила этого типа. Он американец. Познакомились два-три месяца назад на какой-то вечеринке и с тех пор встречаются.

Звучит многообещающе, подумала Кэрри, похоже, что старшая сестра вовсе не сумасшедшая.

— И что он такое? — осторожно спросила Кэрри.

— Вполне приличный человек. Коммерсант. Занимается то ли железными дорогами, то ли сталью, то ли еще чем-то. Живет в Кливленде, штат Огайо. Зовут Рэндал Фишер. Сейчас он в Америке и пригласил туда на Рождество Николу.

— В Кливленд?

— Нет, у него загородный дом во Флориде, он там всегда проводит Рождество.

Пока все звучало настолько здраво, что Кэрри не могла понять, о какой драме шла речь.

— Он женат?

— Говорит, что разведен.

— Ты с ним знакома?

— Конечно. Раза два Никола заходила с ним сюда, и однажды он нас обеих приглашал пообедать в «Кларидж». Он там останавливался.

— В таком случае он, должно быть, при деньгах, — Кэрри нахмурилась. — Ма, тебе он не нравится?

— Ну что ты, по-моему, с ним все в порядке: лет пятидесяти, не слишком привлекателен.

— А Никола? Ей он нравится?

— Думаю, да.

— Тогда что тут страшного?

— Но она ведь ничего о нем не знает!

— Ма, ей тридцать пять лет. Она в состоянии сама о себе позаботиться и даже вправе наделать ошибок, если пожелает.

— Дело не в этом.

— А в чем? Объясни.

— Кэрри, как ты не понимаешь? Дело в Люси.

— Ты хочешь сказать, что Люси он не приглашает?

— Очень даже приглашает, но она отказывается. Говорит, что не хочет ехать во Флориду, что она там никого не знает, что ей нечего там делать и что на самом деле Рэндалу она не нужна. Он пригласил ее только потому, что так положено.

Кэрри преисполнилась сочувствием к племяннице.

— Я ее понимаю. Сколько ей лет? Четырнадцать. Наверное, она себя чувствует как рыба, выброшенная из воды. Думаю, не очень-то приятно видеть, как твою мать трясет любовная лихорадка.

Шея Доди чуть-чуть порозовела — верный признак того, что она смущена. Она ненавидела, когда ей возражали, вынуждая ее отстаивать свою точку зрения.

— Но девочке предоставляется редкая возможность! Посмотреть мир…

— А если она этого не хочет?

— Ну а здесь что она будет делать?

Так, подумала Кэрри, теперь мы подобрались к самой сути.

— Ты имеешь в виду, на Рождество? Останется с тобой. В конце концов, теперь это ее дом. Куда же еще ей идти?

Доди ответила не сразу. Она поднялась, отошла к окну и стала глядеть на реку. Кэрри ждала. Наконец мать повернулась к ней.

— Я не могу остаться с ней. У меня своя жизнь. У меня свои планы… Я хочу поехать в Борнмут с Фриманами. Они каждый год туда ездят, останавливаются в отеле «Палас». И пригласили меня поехать с ними. — Ее тон ясно говорил, что в этом головокружительном плане Люси места нет. — Я теперь не так молода, как прежде. Прошло то время, когда мне

приходилось заниматься детьми. И я не собираюсь менять свои планы ради упрямой девчонки.

Я в этом и не сомневалась, подумала Кэрри. Помолчав, она сказала:

— А что ее отец? Майлс? Не может ли она провести Рождество с ним и его новой женой? Или теперь они не видятся?

— Нет, конечно видятся, — Доди вернулась на свое место, села, подалась вперед. — Изредка она проводит с ними воскресенье, но без особого восторга.

— У них ведь нет детей?

— Нет. И сомневаюсь, что когда-нибудь будут. У его жены на уме одна карьера, — проговорила Доди, скривив губы. — Дети не вписываются в ее жизнь.

— Значит, они не возьмут Люси на Рождество?

— Я позвонила Майлсу и все ему рассказала. Мне пришлось это сделать, потому что Никола отказывается даже произносить его имя. Но Майлс с женой на Рождество собираются в Сен-Морис кататься на лыжах, причем в компании одни взрослые. Люси никогда не каталась на лыжах, кроме того, она диковата с незнакомыми людьми. Майлс сказал, что она им все испортит.

Кэрри стало отчаянно жаль ребенка, заброшенного черствыми, враждующими между собой родителями. Она сказала, стараясь, чтобы ее слова не прозвучали слишком холодно:

— В таком случае, по-моему, у тебя нет выхода.

— Никола решительно настроена ехать во Флориду. Ты ее знаешь, она та еще эгоистка. Я так много сделала для нее…

— Может, она просто хочет немного развлечься.

— Немного развлечься… — с горечью повторила Доди, придав словам почти непристойный оттенок.

Кэрри наблюдала за матерью. Ей вдруг показалось, что Доди не хочет встречаться с ней глазами. Смотрит вниз, теребит обшлага жакетика, поправляет золотую пуговицу.

— Теперь понимаешь, что я имела в виду, когда говорила, что твое возвращение из Австрии оказалось очень кстати.

— Ты хочешь, чтобы я избавила тебя от Люси.

Доди подняла взгляд.

— У тебя уже есть какие-то планы?

— Ма, я только что вернулась. У меня не было времени строить планы. У меня даже нет дома, я не могу вернуться на Рэнферли-роуд до конца февраля. Живу на чемоданах. Я не в состоянии никого принять.

— Об этом нет речи. Я просто подумала, может быть… — Доди замялась, — твой отец…

— Джеффри?

— Для тебя он теперь Джеффри?

— Я стала называть его так после развода. Он мой отец, конечно, но он также муж Серены и мой друг.

Доди едва заметно передернуло, но Кэрри не обратила на это внимания и жестко продолжила:

— Не думаю, что из этого что-нибудь получится.

— Но ведь он дедушка Люси. И, конечно…

— Послушай, ма. Я разговаривала с Джеффри. Позвонила ему на следующий день после возвращения. Мы долго говорили, в том числе и о Рождестве. Дело в том, что к ним на праздники приезжают брат Серены с женой и ребенком. Эмбло будет забит до отказа, ни дюйма лишнего, куда уж тут еще двое.

— Ты могла бы попросить…

— Нет. Это нечестно по отношению к Серене. Она не сможет нас принять и будет мучиться из-за этого. Поэтому я не буду спрашивать.

— Ох! — Доди вздохнула и откинулась в кресле. Она была похожа на воздушный шар, из которого вышел воздух, — сморщенная, постаревшая. — Я так больше не могу. Все это выбивает меня из колеи. Никакой поддержки, ни от кого, даже от членов семьи!

— Но, ма…

Кэрри не закончила. Послышался звук ключа, поворачиваемого в замке, дверь открылась и снова закрылась.

— Это Никола, — сказала Доди, хотя могла бы и не говорить. Она подобралась, поправила волосы, оживилась.

Никола вошла в гостиную. Кэрри встала, повернулась к сестре.

— Привет, — сказала она.

— Кэрри! — Глаза у Николы округлились. — Какого черта ты здесь делаешь? Ты же была в Австрии.

— Была. А теперь вернулась.

Сестры смотрели друг на друга. Они никогда не были особенно дружны, никогда не делились секретами. Кэрри пришло в голову, что в пору зрелости Никола стала еще больше походить на мать: тот же рост, та же изящная фигура, густые темные волосы. Тот же маленький злой рот. Если поставить рядом, их легко можно принять за двойняшек.

Думая о Николе, Кэрри всегда представляла ее в каких-то тщательно продуманных одеяниях. Юбки и специально подобранные к ним свитеры.

Туфли, подходящие к сумкам, шелковые шарфы точно под цвет губной помады. Словно кукла, вырезанная из картона, которую одевают в бумажные наряды с отгибающимися ушками: бумажное пляжное платье, пальто с меховым воротником для зимних прогулок, кринолин и шляпа с полями и козырьком для маскарада. И сестра не обманула ее ожиданий — на ней был безупречного кроя брючный костюм и жакет из искусственного леопарда. Шоколадно-коричневая замшевая сумочка и точно такого же цвета замшевые сапоги.

Никола положила сумку на стул у стены и начала расстегивать меховой жакет.

— Ты вернулась навсегда? — спросила она.

— Не знаю. Посмотрим. — Кэрри подошла к сестре и поцеловала ее. Никола ответила ей небрежным поцелуем.

— Когда ты приехала?

— Примерно неделю назад. Была страшно занята, и только сегодня утром смогла позвонить маме.

— А я бы и звонить не стала, — заявила Никола и бросила на Доди холодный взгляд. — Наверное, мама уже рассказала тебе о нашей драме? Склоняла тебя на свою сторону.

Видимо, сейчас отношения у них — хуже некуда. Бедная Люси, подумала Кэрри, должно быть, ей чертовски нелегко общаться с этой парочкой.

Доди, кажется, была уязвлена.

— Никола, это несправедливо, — сказала она.

— Но, готова поспорить, это правда. — Никола с размаху плюхнулась на диван. — Как бы то ни было, теперь уже поздно. Я заказала билет. Лечу восемнадцатого декабря. На две недели.

За этим вызывающим заявлением последовало многозначительное молчание. Доди отвернулась и уставилась на мерцающие электрические угли. Всем своим видом она демонстрировала неодобрение. Никола поймала взгляд Кэрри и состроила гримасу, будто они в заговоре против матери. Кэрри не ответила ей понимающим взглядом — сейчас и та, и другая были ей противны.

Однако нельзя становиться с ними на одну доску. И Кэрри сказала как можно спокойнее:

— А как же Люси?

— Ее пригласили во Флориду, но она отказалась.

— Я ее понимаю.

— Еще бы.

— Ма предложила, чтобы на Рождество Люси взяла я.

— Ты? — с оскорбительным удивлением произнесла Никола. Потом минуту подумала и повторила: — Ты? — Теперь это местоимение прозвучало уже по-другому и совсем не оскорбительно. Блестящая идея, которая раньше не приходила ей в голову.

— Но я не могу.

— Почему?

— У меня нет дома.

— А Рэнферли-роуд?

— Сдан внаем.

Доди решила вмешаться в разговор.

— Я предложила Кэрри взять Люси и погостить с ней у вашего отца в Корнуолле. Но об этом тоже не может быть речи.

— Почему? — удивилась Никола.

— Там нет места.

— Проклятый Майлс со своей проклятой женой тоже не хотят взять Люси, эгоисты чертовы. Только и знают, что извиняться и оправдываться. — Никола прикусила ноготь на большом пальце. — Как бы то ни было, я лечу во Флориду, к Рэндалу, и никто мне не помешает. Я никогда не отдыхала, а теперь буду.

В известном смысле Кэрри ей сочувствовала, но, помня о Люси, постаралась урезонить:

— Никола, и все-таки…

Но закончить ей не дали.

— Хорошо тебе говорить. — Кэрри тысячи раз слышала эти причитания. — Хорошо тебе говорить. У тебя никогда не было семьи, ты не знаешь, что такое изо дня в день возиться с ребенком. Занятия в школе, каникулы. Развлекать, решать школьные проблемы. И все самой. У тебя не жизнь, а сплошной отдых, только и знаешь, что кататься на лыжах и весело проводить время. Отель в горах, приятное общество, вечеринки с глинтвейном. Тебе на все наплевать. Сколько лет мы тебя не видели!

С трудом сохраняя спокойствие, Кэрри проговорила:

— Никола, ты понятия не имеешь, чем я занималась. Я отвечала за связи с общественностью в престижной туристической компании. Каждое утро девять человек докладывали мне о состоянии дел. У меня был секретарь и собственная квартира. В разгар сезона я нередко работала по семь дней в неделю. Поэтому давай не будем об этом.

— И все же, — возразила Никола со свойственным ей ослиным упрямством, — это совсем не то, что растить ребенка.

Кэрри сдалась.

— Пусть так, ну и что?

Никола пропустила слова сестры мимо ушей.

— Ты незаменима, мама. Придется тебе забыть о Борнмуте.

Доди польстили, и довольно естественно.

— И не подумаю, — сказала она.

— Вряд ли ты сможешь оставить Люси одну.

— Почему именно я должна принести себя в жертву?

Кэрри вдруг поняла, что больше не в состоянии слушать бессмысленную перепалку матери и сестры. Каждая из них твердо стоит на своем, и никакими доводами их не проймешь.

— Хватит! — решительно сказала она.

Они удивленно смолкли. Потом Никола сказала:

— Ты хочешь предложить что-то дельное?

— Не знаю. Но ведь речь идет о твоей дочери, а не о собаке, которую можно отправить в питомник. Если не возражаешь, я поговорю с Люси. Не думаю, что у нее меньше здравого смысла, чем у матери и бабушки.

— Большое тебе спасибо.

— Где ее комната?

— Сразу за кухней, — Никола мотнула головой. — В глубине.

Кэрри направилась к выходу. Когда она открыла дверь, мать сказала:

— Может, тебе удастся ее убедить?

Кэрри не ответила. Она вышла из комнаты и тихо прикрыла за собой дверь.

4
ЛЮСИ

Фарнем-корт был построен в те времена, когда в семьях среднего достатка держали прислугу, живущую в доме. Поэтому в каждой квартире была предусмотрена маленькая неприметная комната для горничной или кухарки. Когда Люси после развода родителей переехала к бабушке, ей отвели такую каморку. Девочку мало заботило, что она узкая и темная, ведь это была ее собственная комната.

Окно выходило в мощеный двор-колодец, где стояло несколько кадок с нарциссами и тюльпанами. Считалось, что консьерж должен их поливать и содержать в порядке. В сущности, из окна не было никакого вида, и его задрапировали складками белого тюля. Стены комнаты были желтые, что создавало иллюзию солнечного света, шторы — тоже желтые в белую полоску. Там помещались кровать, заваленная мягкими игрушками, большой стол с выдвижными ящиками, за которым Люси готовила уроки, и множество полок с книгами. На столе стояли компьютер, настольная лампа и небольшой телевизор, на синем ковролине лежал маленький коврик из овечьей шкуры. Школьные друзья завидовали Люси: у нее была комната, которая принадлежала только ей, которую не приходилось делить с надоедливой младшей сестрой.

Комната поражала опрятностью, под стать самой Люси. Книги на полках стояли безукоризненно ровными рядами, на постели ни складочки, одежда тщательно сложена. Такой же аккуратной была и ее парта в школе: карандаши заточены, книги лежат аккуратной стопкой. Раз в неделю миссис Бургес, которая убирала квартиру Доди, проходилась с пылесосом и тряпкой по комнате Люси, оставляя сильный запах лавандовой полировки, но Люси любила сама мыть и чистить комнату, протирать зеркало на туалетном столике, полировать серебряную рамку с фотографией отца.

Люси отчаянно его не хватало, не только по-человечески, но и так, как, например, не хватает столу или стулу отломанной ножки, ибо с его уходом ее представление о семье пошатнулось и рухнуло, и Люси сознавала, что это непоправимо, что возврат к прежнему невозможен. Ей было девять лет, когда родители развелись. Плохой возраст, но разве для этого существует хороший возраст? Она была уже достаточно взрослой, чтобы понять, что произошло. Теперь они будут жить отдельно, их с мамой бросили, и им придется собирать обломки прошлого. Они переехали к бабушке, и Люси

сначала думала, что это их временное пристанище, но постепенно поняла, что они поселились тут навсегда. По непонятной причине, несмотря на разлад и случающиеся время от времени скандалы, совместная жизнь, казалось, устраивала обеих женщин. Что до Люси, то никого не интересовало ее мнение, и она держала его при себе.

Иногда она виделась с отцом, но его новая жена, которую звали Мерилин, видимо, не питала никакого интереса ни к детям, — в частности, к падчерице, — ни вообще к чему бы то ни было, кроме своей работы; в противном случае она уже давно завела бы собственного ребенка. У них с Майлсом не было даже дома с садом; они жили в такой квартире, где можно было заказать по телефону немудрящую еду.

Мерилин, безусловно, была не из тех, кому поверяют тайны, и Люси чувствовала, что с отцом тоже больше не может поговорить по душам — это было бы нелояльно по отношению к матери.

Иногда ей казалось, что она больше не выдержит, если не найдет среди взрослых того, с кем можно поделиться. Мисс Максвелл-Браун, школьная директриса, подходила на эту роль и не раз даже намекала, что если Люси хочет высказаться, то она была бы счастлива ее выслушать. Но сдержанность и все та же гипертрофированная лояльность мешали Люси. Ее ужасала мысль, что она может вызывать жалость, как если бы была сиротой. Поэтому она упрямо отвечала: «У меня все в порядке». И мисс Максвелл-Браун неохотно отпускала ее.

Сегодня, в пятницу, без четверти двенадцать Люси кончила готовить уроки, за которые села сразу после завтрака, и теперь писала дневник. Переплетенный в кожу, толстый, как маленькая Библия, дневник запирался на замочек. Бумага плотная и гладкая, писать на ней одно удовольствие. Это был подарок из Корнуолла. «Счастливого Рождества, Люси, — написано на форзаце. — От дедушки, Серены, Эми и Бена».

Они никогда не забывают про Рождество и ее день рождения. А ведь когда они поженились, Люси была совсем маленькая. Она даже не помнила Джеффри Саттона и, разумеется, никогда не видела ни Серену, ни Эми, ни Бена. Временами, когда жизнь казалась беспросветно унылой, Люси, лежа в постели, мечтала о том, чтобы они пригласили ее погостить и — что было еще менее вероятно — чтобы мама и бабушка отпустили ее. Она уже все продумала. Такси до Паддингтона, затем поезд. Ее встречают пальмы и голубое море, дом с замечательным садом, может быть, совсем рядом пляж, и морской ветерок влетает в открытые окна спальни. А Бен и Эми как ее родные брат и сестра.

Люси начала вести дневник с того самого дня, как получила его в

подарок. Скорее это был даже не дневник, а записная книжка, потому что там не было дат, только чудесные чистые страницы. Иногда писать было почти нечего, а иногда, если Люси шла со своим классом в кино или в концерт, ей хотелось так много сохранить в памяти, что она исписывала по две-три страницы. Ей очень нравилось писать самой любимой авторучкой на этой замечательной плотной кремовой бумаге. У нее была страсть к записным книжкам, бумаге, ручкам, ей нравился запах чернил и письменных принадлежностей. Она обожала канцелярские магазины и редко выходила оттуда без коробочки цветных скрепок, набора почтовых открыток или новых красных чернил Биро.

Люси писала:

> *Утром, сразу после завтрака, мама ходила в туристическое бюро. Они с бабушкой разговаривают друг с другом сквозь зубы, и все из-за Рождества, Борнмута и Флориды. Хоть бы они поняли, как я ненавижу Флориду. Нельзя же целый день болтаться в бассейне. И вообще не люблю я ни этого Рэндала, ни мороженое, ни видео.*

Конечно, дневник лучше, чем ничего, но это все-таки не живой человек. Люси отложила ручку и посмотрела в окно. За легкой белой шторой стояло унылое зимнее утро. Люси думала о Кэрри, маминой младшей сестре и своей любимой тетке. Кэрри умела говорить с ней как со взрослой и всегда придумывала что-то новое и интересное. Она была для Люси доброй феей, дарящей редкие удовольствия, пока не уехала в Австрию. Они ходили в Ковент-Гарден на «Беспризорную девчонку», а однажды в теплый весенний день ездили в оранжерею Кью. Даже походы в Музей естественной истории Кэрри умудрялась сделать забавными и увлекательными. А один раз они даже плавали на катере по реке, до самого Тауэрского моста, и завтракали на борту. С катера Лондон казался незнакомым иностранным городом с башнями и шпилями, купающимися в солнечном свете.

Люси снова взялась за ручку.

> *Я бы не прочь провести Рождество с папой и Мерилин, но они едут кататься на лыжах. Мерилин говорит, что поездка задумана давно. Папа, конечно, отменил бы ее, но Мерилин не позволит. Не понимаю,*

что такого особенного в Рождестве и почему вокруг него вечно устраивают такую шумиху. Сегодня после обеда мы с Эммой собираемся в кино, а потом придем к нам и будем пить чай.

Пока Люси сидела в своей комнате, готовила уроки и писала дневник, за закрытыми дверьми ее спальни бабушка жила своей привычной жизнью. Время от времени Люси слышала телефонные звонки и тихий голос. Приблизительно час назад позвонили в дверь, кто-то пришел. Люси заканчивала задание по французскому, когда услышала, как в конце коридора за дверью гостиной бабушка с кем-то тихо разговаривает. Люси не представляла, кто бы это мог быть, да ей, собственно, было все равно. Наверное, кто-нибудь из скучных бабушкиных приятельниц. Потом она услышала, как гудит поднимающийся лифт, лязгает ключ от американского замка парадной двери, и поняла, что это ее мать вернулась из туристической компании.

Несмотря на решительное нежелание лететь во Флориду, Люси не была уверена, что мать со своим безрассудством не закажет для нее билет. И это ужасно, потому что тогда волей-неволей придется ехать. В конце концов, что ты можешь в четырнадцать лет? Разве что дуться недели две, мечтая насолить всем и каждому.

Люси подняла голову и прислушалась. Вот кто-то прошел мимо ее двери и направился по коридору, ведущему в гостиную. Вот дверь отворилась, потом затворилась. Снова послышались голоса. Люси закрыла глаза. Жаль, что нельзя и уши тоже закрыть.

Короткое затишье, затем вспыхивает новая ссора, но третья собеседница — кто бы это мог быть? — предотвращает ее, во всяком случае на некоторое время. Люси ждала, что будет дальше. Минут пять ничего не происходило, но вот дверь гостиной снова скрипнула, потом послышались чьи-то приближающиеся шаги. Люси захлопнула дневник, накрыла его ладонью, повернулась, посмотрела на дверную ручку. Наверное, идет мама, чтобы сообщить последние новости о поездке во Флориду. Люси начало поташнивать от дурных предчувствий. Но раздался негромкий стук, и Люси поняла, что ошиблась. Мама никогда не стучит, просто врывается в комнату, и все, и ей наплевать, что бы ты там ни делала.

Мисс Максвелл-Браун, заслышав стук, всегда говорит: «Войдите». Но прежде чем Люси собралась сказать «войдите», дверь медленно отворилась.

— Помешала?

Это не мама, не бабушка и не какая-нибудь надоедливая бабушкина знакомая. Это Кэрри!

Кэрри. А ведь Люси только что о ней думала. Кэрри не в Австрии, где, как считала Люси, она ведет восхитительную жизнь — лыжные прогулки, шикарные отели. Обычно Кэрри носит длинные волосы, а сейчас у нее короткая стрижка. Она очень тоненькая и загорелая. И высокая.

Кэрри. Люси ошеломлена, у нее нет слов. Только вихрь разнообразных чувств. Изумление, недоверчивый восторг. Неужели такое чудесное, такое неожиданное событие и в самом деле произошло? Кэрри. Люси чувствует, как счастливый румянец теплой волной заливает ее щеки. Такое случается не часто, и Люси теряется. Ей хочется вскочить и броситься в объятия Кэрри, но вдруг та подумает, что это по-детски. Вдруг…

Кэрри говорит:

— Хватит таращить глаза. Это действительно я.

Люси медленно встает и говорит:

— О Господи.

Кэрри входит, затворяет за собой дверь.

— Удивлена?

— Да. Я и не знала… Ты здесь давно?

— Примерно час. Болтала с мамой.

— Нет. В смысле, в Лондоне.

— Неделю,

— Я не знала.

— Никто не знал. Ничего, зато теперь знаешь. — Кэрри поцеловала Люси в щеку, обдав восхитительным ароматом. — Ты выросла. Поразительно. Раньше мне приходилось складываться вдвое, чтобы тебя поцеловать. — Кэрри огляделась. — Какая миленькая комната. И совсем не мрачная. Как у тебя чистенько! Ты только что убрала?

— Сегодня еще нет. Это бабушка отремонтировала. И позволила мне самой подбирать цвета.

— Замечательно. И так весело.

У кровати стояло небольшое кресло с синей обивкой. Кэрри опустилась в него, вытянула длинные изящно обутые ноги, скрестила лодыжки.

— Ты занималась?

— Да, готовила уроки. — Люси взяла со стола дневник и незаметно спрятала его в ящик, потом снова села и повернулась на вращающемся стуле лицом к тетке. — Когда ты вернулась?

— Я же сказала. Неделю назад. Надо было сообщить вам, что я

возвращаюсь, но все случилось так внезапно…

— Ты надолго приехала?

— Пока не знаю. Работу в туристической фирме я бросила. Сейчас у меня нет ни дома, ни работы, но это неважно. А как дела у тебя?

Люси пожала плечами:

— Нормально.

— Кажется, тут у вас назревает некий конфликт. Пожалуй, он даже уже возник. Бедная моя девочка! Ты, должно быть, хочешь знать, что еще, черт побери, может случиться.

Вот именно, с благодарностью подумала Люси. Кэрри всегда отличалась прямотой, не избегала щекотливых вопросов и решительно вникала в суть проблемы. Люси осмелела и спросила:

— Мама купила только один билет во Флориду?

Кэрри засмеялась:

— Не волнуйся, она летит одна. В этой схватке победила ты. Наверное, у вас тут разгорелось настоящее сражение.

— Должно быть, ты считаешь меня законченной дурой из-за того, что я отказываюсь с ней ехать?

— Нет, по-моему, ты совершенно права. Ты была бы там совсем не к месту. Третий лишний. Для Николы гораздо лучше поехать одной. Но, конечно, возникают проблемы.

— Ты имеешь в виду Рождество?

— Нет, не Рождество. Я имею в виду тебя. Что ты намерена делать? Готова поспорить, никто даже не спросил тебя об этом.

— И правда.

— Я думала, что ты могла бы поехать к своему отцу, но оказалось, они с Мерилин собираются большой компанией кататься на лыжах.

— А мне и не хотелось с ними ехать. Мерилин меня недолюбливает, и вообще я никогда не ходила на лыжах, так что, думаю, мне было бы не слишком весело.

— А может, у какой-нибудь из твоих подружек уютный дом и заботливая мама, и тебе понравилось бы у них?

Люси немного смутилась — таких подруг у нее не было. Нет, у нее, конечно, было множество приятельниц, но ни у кого из них не было заботливой мамаши. А у самой близкой подруги, Эммы Форбс, мама — редактор журнала, которая вечно мчится на какие-нибудь встречи. Люси с ней едва знакома. Эмма совершенно независима, ей предоставлена полная свобода действий, ключи от дома и помощь экономки-шведки. Они с Люси проводят вместе много времени, общаются, болтают, но Эмма ни разу не

упомянула о Рождестве.

Кэрри ждала. Ее темные глаза были исполнены внимания и доброты. Люси сказала:

— Я бы поехала в Корнуолл. К дедушке. Правда, я никогда там не бывала, не помню дедушку, не знакома ни с Сереной, ни с Беном, ни с Эми. Бабушка всегда дурно о них отзывается и слышать не хочет их имен, но если у нее не будет выхода, то они с мамой отпустят меня туда. — Голос у Люси упал. — Хотя, может быть, они вообще не захотят, чтобы я к ним приезжала.

Кэрри сказала:

— Ну что ты! По-моему, это замечательная мысль и когда-нибудь ты обязательно к ним поедешь. Но только не на это Рождество. Я говорила с Джеффри, когда вернулась из Австрии. У них мало места, домик, в сущности, крошечный и будет набит гостями по самую крышу.

Надежда умерла.

— А-а… Ну ладно.

— Но ты как-нибудь непременно к ним поедешь. Например, весной. Они будут рады, и ты их всех полюбишь. А сейчас нам придется придумать что-то другое.

«Нам» — это очень существенно.

— Нам?

— Да. Нам с тобой. Сироты в бурю… Что будем делать?

— На Рождество?

— Конечно на Рождество.

— В Лондоне?

— По-моему, оставаться в Лондоне довольно глупо, как ты думаешь? Может быть, лучше уехать?

— Куда?

Казалось, ответа нет. Они посмотрели друг на друга. Кэрри встала, подошла к окну, подняла тюль, посмотрела вниз, в безрадостный двор.

— Есть у меня одна мысль. Только что пришла в голову. — Кэрри опустила занавеску, отошла от окна и присела на край письменного стола. — Ты когда-нибудь слышала об Элфриде Фиппс?

Люси помотала головой, с интересом ожидая продолжения.

— Это необыкновенная женщина. Кузина Джеффри. Твоя бабушка ее не выносит, считает безнравственной. Элфрида актриса, у нее всегда была куча возлюбленных и мужей. У них с Доди нет ничего общего. А я очень люблю Элфриду. Когда я училась в Оксфорде, мы с ней возобновили знакомство и стали большими друзьями.

— А сколько ей лет?

— За шестьдесят, совсем старушка. Но живая и веселая, такую редко встретишь.

— Где она живет?

— Раньше жила в Лондоне, но потом ее муж… впрочем, он не был ее мужем, но она его обожала… умер, и Элфрида переехала в деревню. Несколько лет назад ей сделали операцию, и я ухаживала за ней, пока она не поправилась. Мы с ней никогда не теряли связи. Сейчас она живет в небольшой деревне в Гэмпшире. Дом, как она говорит, крошечный, но для нас с тобой места наверняка хватит. А если нет, то она что-нибудь придумает. По-моему, мысль хорошая, как ты считаешь? Давай попробуем.

— Ты и я?

— И Элфрида.

— На две недели?

— Конечно.

— А она не будет возражать?

— Готова держать пари на последний доллар, она будет вне себя от радости.

— Как мы ее спросим?

— Я ей позвоню. Телефон у меня есть.

— Сейчас позвонишь?

— Нет, не сейчас. Когда вернусь в Патни. Не хочется, чтобы о наших планах кто-то узнал, пока они не оформились окончательно. Потом мы представим их как свершившийся факт.

— А если Элфрида не примет нас на Рождество?

— Не будем пессимистами. Надо верить, что все устроится. А пока никому ни слова, договорились? Это будет наш секрет. — Кэрри посмотрела на часы. — О Господи, уже почти час. Я умираю с голоду, а ты? Твоя бабушка сказала, что приготовит суп и паштет, но я не уверена, что мне этого хватит. Почему нам не отправиться на ланч всем вместе? Есть тут какое-нибудь недорогое заведение с хорошей кухней?

— Да, «Розетти», в пяти минутах ходу.

— Итальянская кухня?

— Да. Спагетти и тому подобное.

— Моя любимая еда. Давай пойдем и объявим нашим мамам, что хотим их угостить.

Люси вспомнила об Эмме.

— Сегодня после ланча мы с подругой собирались пойти в кино. Я с ней встречаюсь в половине третьего.

— Как ты туда едешь?

— На метро.

— Нет проблем. Мы пообедаем, а потом я посажу тебя в такси. Ты не опоздаешь.

Все устраивалось просто замечательно. Ланч в ресторане, такси. Люси хотелось бы знать, богата ли Кэрри сейчас, когда вернулась из Австрии. Выглядела она, без сомнения, здорово — классная одежда, сияющие волосы, эффектная косметика… совсем как те изысканные модели, позирующие в коже и мехах, фотографии которых мелькают среди глянцевитых страниц любимого бабушкиного журнала «Vogue». Люси вдруг показалось, что из темного холодного угла она вышла на яркий и ласковый солнечный свет. Все ее существо будто освободилось, сбросило тревоги; Кэрри вернулась, и ее благотворное присутствие преобразило все вокруг. К своему ужасу, Люси почувствовала, как ее глаза затуманивают непрошеные слезы, а лицо морщится, как у ребенка.

— Ой, Кэрри…

— Эй, не плачь. Не о чем плакать. Мы прекрасно проведем время.

Кэрри распахнула объятия, и Люси приникла к ней, прижимаясь щекой к мягкому кашемировому свитеру, вдыхая его аромат. Кэрри и в самом деле здесь, с нею. Слава Богу, странные слезы не пролились, отступили. Люси нашла носовой платок и энергично высморкалась:

— Извини.

— Иди умойся и оденься. А я пойду к нашим мамам и порадую их хорошей вестью.

— Только о ланче?

— Конечно. Остальное — пока что наша с тобой тайна.

Доди была в маленькой кухне, где без всякого энтузиазма пыталась приготовить обещанную легкую закуску. Она уже накрыла на стол и сейчас держала в руках консервную банку с супом.

Кэрри сказала:

— Подожди, не открывай.

Доди обратила к дочери удивленный взгляд:

— Почему?

В кухне она казалась не на месте — в нарядном, изящном платье, причесанная волосок к волоску, даже без передника. Банку она держала на отлете, в вытянутой руке, будто боясь, что та ее укусит.

— Потому что мы идем в ресторан. Я угощаю. Мы с Люси решили, что надо немного себя побаловать. Она предложила пойти к «Розетти». Ты

согласна?

— Да. — В голосе Доди слышалось сомнение. — Но я думала, мы удовольствуемся супом и паштетом.

— Да, но потом мы передумали.

— Уже почти час. Будет ли там свободный столик?

— Может быть, ты позвонишь туда? Знаешь номер?

— Кажется, да.

— Тогда позвони, пожалуйста. А суп оставь на ужин. Где Никола?

— В гостиной.

— Дуется?

— Нет. Очень собой довольна.

— Давай заключим договор. За ланчем ни слова о Флориде. С Люси довольно.

— С меня тоже.

Никола сидела в глубоком кресле и листала новый номер «Харперз Куин», который купила, когда возвращалась домой из туристического бюро.

— Обдумываешь гардероб для Флориды?

Никола захлопнула журнал и швырнула его на пол.

— Я знаю, что у тебя на уме, Кэрри, но мне на это наплевать.

— Понимаю… Почему бы тебе не поехать, если хочется.

— Ты действительно так думаешь?

— Все лучше, чем торчать здесь, ссориться с матерью и чувствовать себя обиженной.

— Чрезвычайно тебе признательна.

— Ох, Никола… — Кэрри присела на подлокотник дивана. — Давай заключим перемирие. Мы собираемся пойти на ланч. Это нас немного ободрит. И не будем говорить ни о Флориде, ни о Борнмуте, ни о Рождестве.

— Это Люси предложила?

— Нет, я… Никола, хочу тебя поздравить. Люси очень милая и у нее прекрасный характер, чего не скажешь о большинстве четырнадцатилетних девочек. Ты проделала колоссальную работу.

— Да. — Никола, у которой выбили из рук оружие, позволила себе криво улыбнуться. — Спасибо. Нелегко это было, — торопливо добавила она.

— Я никогда не считала воспитание детей легким делом. И на твоем месте, наверное, не справилась бы. А сейчас давайте собирайтесь. Ма звонит в ресторан, чтобы заказать нам столик. Мы с Люси намерены съесть горы спагетти «карбонара».

Над камином висело венецианское зеркало в золотой раме, в котором отражалась анфилада комнат с их великолепным убранством. Никола остановилась перед ним и принялась изучать свое отражение, коснулась волос, провела мизинцем по накрашенным губам. Встретив в зеркале взгляд Кэрри, она сказала:

— И все-таки проблема остается.

— Я попытаюсь ее решить.

— Кэрри, почему ты вернулась из Австрии?

— Видишь ли, — Кэрри пожала плечами, — это было внезапное решение.

— Что ж, какова бы ни была причина, я тебе благодарна, — сказала Никола и взяла свой меховой жакет. — По крайней мере, хоть частично избавишь меня от обузы, — добавила она ложку дегтя.

Ланч в ресторане оказался очень удачной затеей. И Доди, и Никола обожали ресторанную атмосферу, и за время короткого пути от Фарнем-корта до «Розетти» настроение у обеих заметно улучшилось. Холодный и хмурый декабрьский день послужил для Доди прекрасным поводом, чтобы укутаться в новое отороченное черным мехом пальто. И когда она вошла через стеклянные двери в теплое, напоенное восхитительными ароматами помещение и к ней бросились милые, улыбающиеся итальянцы, чтобы помочь раздеться, она почувствовала себя красивой знатной дамой. Небольшой ресторан был уже заполнен, но для них оставили столик в углу. Они уселись, и Кэрри, не теряя времени, заказала напитки: джин с тоником для Доди и Николы, кока-колу для Люси, сухой херес — для себя. Потом выбрала столовое вино. Алкоголь и приятная атмосфера действовали расслабляюще и успокоительно, постепенно напряженность исчезла и завязалась если не слишком оживленная, то вполне доброжелательная беседа.

Вот уже несколько лет они не собирались вместе, и у них возникало множество тем, которые можно было обсудить. Старые друзья, знакомые, дальние родственники. Доди поведала о круизах по Средиземному морю и об одном необыкновенном греческом острове, в который она буквально влюбилась: «Мечтаю построить там домик». А Кэрри рассказала об Обербейрене, о том, как волшебно прекрасны горы летом. Склоны, с которых зимой съезжают на лыжах, становятся зелеными пастбищами, где щиплют траву стада коров, и колокольчики у них на шеях оглашают звоном чистый, как хрусталь, воздух.

Доди и Никола сдержали слово и ни разу не упомянули Рождество,

Флориду и Борнмут.

Они допили кофе, и Кэрри заплатила по счету. Люси уже пришло время уходить. Услужливый официант вышел на улицу, на холод, прямо в своем длинном белом фартуке, хлопающем на ветру, и стоял, пока не заметил огонек такси и не просигналил шоферу, чтобы тот остановился. Кэрри дала Люси денег, и взрослые дождались, пока девочка усядется.

— Кэрри, прости, я тебя не поблагодарила. Все было замечательно, — открыв окно, сказала Люси.

— Очень рада. Надеюсь, фильм тебе понравится. Я тебе позвоню.

— Позвони поскорее.

— Как только смогу. Ни минутой позже.

— Люси, когда ты вернешься? — деловито поинтересовалась Никола.

— Около семи.

— Будь осторожна.

— Хорошо.

Они подождали, пока такси не скрылось из виду, и медленно пошли к реке. На углу Фарнем-роуд остановились попрощаться.

— Ты доставила нам бесконечное удовольствие, — сказала Доди, расположенная к великодушию после превосходных блюд и напитков. — Как хорошо, что ты снова дома. Не пропадай. Сообщи о своих планах.

— Да, конечно. Пока, ма. — Кэрри чмокнула мать в щеку. — Пока, Никола. Мы ведь еще увидимся до твоего отъезда?

— Скорее всего, да. Спасибо за ланч.

— На всякий случай, если не увидимся, желаю хорошо провести время.

— Именно это я и собираюсь сделать.

Они расстались. Кэрри посмотрела матери и сестре вслед. Похожи до смешного, и обе по уши увязли — каждая в своих делах и проблемах. Совсем не изменились. Кэрри повернулась, медленно пошла к дому и, только пройдя полпути по мосту Патни, где холодный и влажный ветер дул ей прямо в лицо, вспомнила о том, что Сара просила купить овощей к ужину и упаковку чая «Лапсанг Соучон». В пакистанской бакалейной лавке Кэрри запаслась цветной капустой, луком-пореем и мелкой молодой картошкой. Купила чай, черный зерновой хлеб и две бутылки калифорнийского вина «Якобс Крик». Кассир, симпатичный молодой человек, уложил это все в сумку и получил деньги:

— Господи, — сказал он, — какой холодный день. Наверное, не чаете добраться домой.

Кэрри улыбнулась в знак согласия, поблагодарила и вышла на улицу.

Хмурый зимний день клонился к сумеркам, автомобили ехали с включенными фарами, яркие квадраты света падали из окон магазинов на мокрый асфальт. Когда Кэрри подошла к дому, руки у нее так замерзли, что было больно стаскивать перчатки и управляться с американским замком. Она зажгла свет в холле, выключила сигнализацию и с благодарностью ощутила домашнее тепло. Потом прошла на кухню, поставила пакет на стол, не снимая пальто, наполнила водой электрический чайник и включила его. Задернув сине-белые клетчатые занавески, принялась выгружать овощи. Вода тем временем вскипела, и Кэрри приготовила кружку чая. Сняв, наконец, пальто, она бросила его на спинку стула, достала из сумочки записную книжку и села у телефона.

Элфрида Фиппс, Пултонс-роу, Дибтон. Кэрри сняла трубку и набрала номер. Услышав гудки, стала ждать. Ждала долго, но ответа не было. Элфрида, конечно, так и не собралась купить автоответчик. Может быть, она вышла. Кэрри положила трубку, допила чай и поднялась наверх повесить пальто и надеть другие туфли. Снова спустившись вниз, она задернула шторы в гостиной и включила камин. Потом вернулась в кухню и еще раз попыталась дозвониться Элфриде. Опять неудача. Кэрри почистила картошку к ужину, нарезала цветную капусту и приготовила маринад для куриного филе. После третьей попытки дозвониться она немного встревожилась. В конце концов, они так давно не виделись. Элфрида не любила писать писем, предпочитала телефон, но она всегда была на месте. А вдруг она умерла? Эта ужасная мысль поразила Кэрри как гром среди ясного неба, но здравый смысл взял верх. Кэрри понимала, что, если бы с Элфридой что-нибудь случилось, Джеффри непременно бы об этом сообщил.

Джеффри. Она позвонит отцу. Он, конечно, знает, где найти свою кузину Элфриду. Телефон Джеффри в Эмбло Кэрри помнила наизусть. Она сняла трубку и набрала номер. На этот раз ей повезло, отец ответил почти тотчас же.

— Джеффри Саттон.

— Джеффри, это я, Кэрри.

— Голубушка, как ты?

— Прекрасно. Только холодно.

— Ужасная погода. Нас буквально сдувает с обрыва.

— Как Серена, Бен, Эми?

— Хорошо. Серена поехала за детьми в школу, так что я сижу в одиночестве, выписываю чеки, разбираю счета. Чем могу тебе помочь?

— Я ищу Элфриду. Звонила в Дибтон, но никто не отвечает.

— Ее там нет.

— Нет?

— Она в Шотландии.

— Почему ты мне ничего не сказал, когда я звонила на прошлой неделе?

— Мне казалось, у нас с тобой были более существенные темы. Например, ты.

— Да, — Кэрри почувствовала себя пристыженной. — Да. Извини.

— Я не думал, что тебе так важно знать, где находится Элфрида.

— Сейчас очень важно. Зачем она поехала в Шотландию?

— Это длинная история, — сказал Джеффри и принялся рассказывать.

С сочувствием слушая грустную историю, Кэрри все больше и больше становилась в тупик. Она хорошо знала Элфриду. Ее доброе сердце и пылкий нрав, ее неспособность задуматься о завтрашнем дне. И тем не менее ее поступок казался слишком опрометчивым.

— Она любит этого человека? — спросила Кэрри.

— Не знаю, Кэрри. На самом деле, я не понимаю, что происходит. Она мне обо всем рассказала по телефону и, судя по голосу, была скорее в подавленном, чем в приподнятом настроении.

— В таком случае, она в него не влюблена. Скорее, просто о нем заботится.

— Он, по ее словам, сам ее попросил поехать с ним за компанию. И она согласилась, чтобы немного его утешить. Они отправились на автомобиле. Ехали с остановками, так как путешествие долгое.

— Где именно они живут?

— В Сазерленде. На дальнем севере. У меня где-то записан их адрес и телефон.

— Вы с Элфридой общались после ее отъезда?

— Нет. Мне кажется, сейчас ей не до меня.

Кэрри была разочарована.

— Досадно, — сказала она.

— Почему?

— Мне она страшно нужна. Необходимо срочно с ней поговорить.

— У тебя какие-то проблемы?

— Пожалуй.

— У тебя лично?

— Нет. Не у меня. У твоей внучки, Люси Уэсли.

— Объясни.

Кэрри попыталась в нескольких словах объяснить отцу, какое

безвыходное положение сложилось в Фарнем-корте. Никола улетает, чтобы провести Рождество во Флориде со своим другом американцем. Люси отказывается ехать с матерью. Доди не хочет оставаться с Люси, потому что планирует провести Рождество в веселой светской компании в «Палас-отеле» в Борнмуте.

— В общем, ситуация тупиковая, — закончила Кэрри.

— А что отец Люси?

— Едет кататься на лыжах. Не хочет брать Люси. Это чудовищная несправедливость! Она такая хорошая девочка. Я не против того, чтобы взять ее на Рождество, но у меня сейчас ни дома, ни работы и вообще ничего, вот я и подумала об Элфриде.

— Вы должны приехать к нам. — Чувствовалось, что Джеффри изнемогает под бременем вины, и голос его выдавал.

Кэрри поспешила успокоить его:

— Джеффри, мы не можем приехать в Эмбло. Я знаю, у вас нет места.

— Тогда почему бы тебе не позвонить Элфриде в Шотландию? Она будет рада с тобой поболтать. Услышишь повесть о мистере Бланделле из ее собственных уст, получишь гораздо более полную картину, чем та, что нарисовал я.

Кэрри колебалась.

— Не будет ли это назойливо с моей стороны?

— Нет, не думаю.

— Мы с Элфридой так давно не виделись и не говорили.

— Тем больше оснований позвонить. Подожди, не вешай трубку, я поищу номер ее телефона и адрес. У меня где-то записано…

Кэрри ждала. В трубке слышались легкие шумы, выдвигались и захлопывались ящики, шуршала бумага. Дурацкая мысль, сказала себе Кэрри. Нельзя же ехать в такую даль, только чтобы провести Рождество. С другой стороны, почему бы и нет?

— Кэрри? Ты взяла бумагу и карандаш?

Кэрри нашла записку Сары и шариковую ручку, торчащую из сине-белой кружки.

— Вот номер телефона. А вот адрес. Старая усадьба, Криган, Сазерленд.

— Звучит интригующе. А как пишется «Криган»?

Он продиктовал по буквам.

— Может быть, лучше написать письмо? — нерешительно проговорила Кэрри.

— Нет, это не то. Письмо идет слишком долго. Так что звони. Прямо

сейчас. И еще, Кэрри…

— Да?

— Передай ей привет от меня.

5
ОСКАР

Сейчас, в середине зимы, это была чужая страна. Однообразный пейзаж: серое небо, ветер, снег. Холмы, вереницей сбегавшие к морю, уже надели свои снежные заледенелые шапки, едва различимые на фоне белесых облаков. Казалось, скорбные небеса поглощают неуловимые, расплывчатые очертания вершин.

Да, это была чужая страна, потому что Оскару запомнился совсем другой пейзаж. В детстве он всегда приезжал погостить у бабушки в Корридэйле летом, и тогда здесь, на севере Шотландии, светлое послеполуденное время тянулось до позднего вечера; даже когда надо было отправляться спать, длинные тени деревьев еще ложились на позлащенные солнцем лужайки.

Оскар взял Горацио на прогулку. Он вышел из дому после ланча, вооружившись крепкой палкой и надвинув на лоб старую твидовую шляпу. Башмаки у него были прочные, на толстой подошве, рассчитанные на долгую ходьбу. Пройдя по улицам городка и взобравшись по холму к воротам над полем для гольфа, Оскар прибавил шагу. Вскоре он уже забыл о холоде и с удовольствием ощутил, как бодро бьется сердце.

Горацио весело бежал впереди. По тропинке, вьющейся между густыми зарослями дрока, они прошли над полем для гольфа. Примерно через милю тропинка привела их к ступенькам через насыпь и побежала выше вдоль заброшенного железнодорожного пути. Когда-то в давние времена Оскар приезжал в Криган по этой боковой ветке со множеством остановок на перекрестках перед шлагбаумами.

Справа, за площадкой и песчаными дюнами, виднелось море. Под зимним небом оно было серо-стального, безрадостного цвета, и шум дальнего прибоя почти не доносился до Оскара. Он приостановился, чтобы расслышать плеск волн, гонимых ветром, и крики чаек. А глядя на них, с удивлением заметил, что внизу мелькают фигуры игроков. Одетые в яркие костюмы, они шли к воротам, волоча за собой на тележках клюшки. И Оскар вспомнил, как бабушка, играя в гольф, всегда пользовалась услугами кэдди.[12] Это был неизменно один и тот же человек, закоренелый пьяница Сэнди, наизусть заучивший каждый бугорок и впадину на зеленом поле и потому наставлявший бабушку, как избежать промаха. Большую часть

времени Сэнди пребывал в полупьяном состоянии, но, помогая играть миссис Маклеллан, он всегда выглядел олицетворением трезвости и вел себя соответственно.

Рельсы уперлись в густой кустарник, и Оскар, обогнув его, увидел конец дорожки и девятую лунку площадки. Отсюда были видны кусок побережья, широкий и пустой залив, старая пристань и россыпь жмущихся друг к другу для защиты от ветра одноэтажных рыбацких домиков.

Теперь стали слышны голоса: кого-то окликнули, донеслись обрывки разговора. Оскар обернулся и внизу под собой увидел четверых мужчин, направляющихся к лункам. Он насторожился: если там майор Билликлиф, то придется заводить новые знакомства и поддерживать оживленную болтовню. К счастью, его опасения были напрасны. Среди игроков не было майора Билликлифа, высокого как жердь, с тощими икрами, упрятанными в твидовые гамаши. Вместо этого взгляду Оскара предстали четыре плотные фигуры в ярких разноцветных куртках и бриджах из непромокаемой ткани, в белых туфлях для гольфа и американских бейсболках. Билликлиф никогда бы не позволил себе одеться так вызывающе.

*** * ***

Именно из-за майора Билликлифа Оскар избегал появляться на улицах Кригана. Иногда, по настоянию Элфриды, он украдкой прошмыгивал через дорогу в супермаркет, чтобы пополнить запасы пива или купить хлеба, и еще ежедневно совершал вылазку за «Таймс» и «Телеграф», но при этом зорко глядел по сторонам, чтобы не напороться на Билликлифа с его приветствиями и приглашением зайти в гости.

Элфрида считала, что Оскар проявляет малодушие.

— Он просто глупый старик, Оскар, и ты должен проявить твердость при встрече с ним. Будь вежлив, но тверд.

— Да ведь он ужасающе надоедлив.

— Но ты же не можешь просидеть дома всю оставшуюся жизнь. Это смешно.

— Я сижу дома из-за плохой погоды.

— Чепуха. Ты всю субботу сгребал листья в саду, хотя шел проливной дождь.

— Но Билликлиф не может проникнуть в мой сад.

— Он может увидеть тебя через ограду. Он для этого достаточно

высок.

— Не дай Бог.

Сегодняшняя прогулка Оскара с Горацио была его первой вылазкой, и предпринял он ее потому, что им внезапно овладело беспокойство. Его переполняла нервная энергия, он чувствовал физическую необходимость размяться. Даже перспектива встречи с майором Билликлифом не могла его остановить. Элфрида права, не может же он остаток жизни провести взаперти, прячась за спинку дивана при каждом звонке в дверь.

Дело в том, что Билликлиф, бывший управляющий Корридэйла, был тем самым человеком, у которого хранился ключ от Усадьбы. Поэтому первое, что должны были сделать Оскар и Элфрида по прибытии в Криган, — это заехать к Билликлифу за ключом.

Встреча получилась не из приятных. После долгого путешествия из Гэмпшира Оскар и Элфрида совсем обессилели. Поездка была напряженной: дождь, грузовики-«дальнобойщики», лихачи, мчавшиеся по шоссе с безумной скоростью. Когда же они пересекли границу Шотландии и поднялись на Сутру, дождь превратился в мокрый снег и дорога стала еще опаснее.

Элфрида предложила сделать напоследок еще одну остановку, переночевать и отдохнуть в придорожной гостинице, но Оскар сгорал от нетерпения поскорее добраться туда, в свой дом, и они продолжили путь все дальше и дальше на север. На вершине Друмохтера снег был шесть дюймов глубиной, и они ползли позади огромного грузовика, надеясь, что если вдруг случится авария, то сначала в нее попадет грузовик.

Последние мили они ехали в темноте. К тому же Оскар вдруг понял, что его подводит память, он чуть не запутался в системе дорог, построенных в последние годы.

— Ну почему все должно меняться! — надувшись, жаловался он, пытаясь при свете карманного фонарика сориентироваться по карте в хитросплетениях дорог.

— Это перемены к лучшему, — твердо заявила Элфрида, — шоссе расширили, и ехать здесь легче.

Наконец, они проехали по новому мосту над заливом.

— Прежде, — вспомнил Оскар, — надо было ехать по холмам пять миль в объезд.

— Вот видишь? Значит, действительно стало лучше. Куда нам дальше?

— Теперь надо повернуть налево, опять на старую западную дорогу.

— А она еще существует?

— Если ее больше нет, нам конец.

Дорога была на месте. В темноте они свернули со скоростного двухполосного шоссе и очутились в сельской местности. К этому времени Элфрида уже совсем утомилась. Последней каплей стали поиски дома, где жил Билликлиф.

«Он теперь занимает коттедж старика Фергюсона, — объяснил Гектор, когда Оскар попросил у него совета и указаний. — Фергюсон был там кем-то вроде главного лесничего. Да ты его помнишь. Поезжай через главные ворота, там найдешь. Я ему позвоню и предупрежу, что вы с Элфридой едете».

Но в темноте они потеряли представление о расстояниях и проскочили мимо главных ворот. Оскар понял это, только когда увидел промелькнувшую мимо светящуюся надпись: «Гостиница Корридэйл».

Они с трудом отыскали разворот, но снова промахнулись, уткнувшись в грязный фермерский дом, где их яростно облаяла собака, вернулись к повороту и на этот раз, двигаясь со скоростью улитки, оказались более удачливы. Въехав в ворота, Оскар оглянулся, пытаясь разглядеть знакомые места.

— Ничего этого я не помню, — снова пожаловался он таким тоном, словно виновата была Элфрида.

— Все меняется, Оскар, все меняется.

— Но я не вижу ни одного дома поблизости.

— Неужели мы проездим весь остаток ночи?! — В голосе Элфриды послышалось отчаяние, но Оскар надеялся, что она все-таки не потеряет своего хладнокровия: эти два дня от нее веяло удивительным спокойствием, иначе он бы, наверное, не вынес путешествия. — Ты уверен, что мы едем правильно?

Сейчас Оскар ни в чем не был уверен. Он грустно сказал:

— Наверное, мы уже слишком стары, чтобы пускаться в такие авантюры.

— Не смеши меня! Мы не старики, и никакие это не авантюры. Просто нам надо забрать ключ. А для этого всего-навсего требуется найти этот противный коттедж.

В конце концов они его нашли, причем совершенно случайно. Они повернули налево, на узкую дорогу, явно ведущую в тупик, и вдруг перед ними сквозь обнаженные ветви деревьев засиял огонек. Они увидели открытые воротца и небольшой каменный домик с одиноко светящимся окном.

— Это он? — с сомнением спросила Элфрида.

— Да. — Оскар вздохнул с облегчением. Он помнил этот домик.

— Слава Богу.

Машина въехала в ворота и затормозила перед домом. Колеса зашуршали по гравию. В свете фар они увидели деревянное крыльцо и закрытую дверь. Элфрида выключила мотор и сразу же, чуть ли не до смерти напугав их, тишину разорвал жуткий хриплый лай и какие-то замогильные подвывания.

— Господи, помилуй, — вздрогнула Элфрида.

— Это собака. Наверное, мастиф. Или ротвейлер. Собака Баскервилей, одним словом. Из машины я не выйду. Предпочитаю сохранить ноги в целости.

Тут раздался голос, такой же хриплый, как лай, и хлопнула входная дверь. Лай оборвался. На заднем сиденье приподнялся бедный терпеливый Горацио и робко посмотрел в окно. Было очевидно, что он тоже не желает расставаться с лапами. И они стали ждать.

— Мы только возьмем ключ и тут же уедем, — заявил Оскар.

— Как скажешь.

В открытую дверь дома они увидели слабо освещенную прихожую. Там возвышалась долговязая тощая фигура человека, который смотрел на них, защищая глаза от яркого света фар. Элфрида, заметив это, тут же выключила их.

— Это вы, Бланделл? Я жду…

Неоконченная фраза повисла в воздухе.

Оскар и Элфрида выбрались из машины, закоченевшие и уставшие до боли в суставах. Коленки у Оскара хрустнули. Холод пробирал до костей.

— Извините, что мы так поздно, — сказал Оскар, — трудно ехать в темноте. И все такое незнакомое. Мы приехали за ключом и потом…

Он собирался сказать «сразу уедем», но майор Билликлиф перебил его:

— Входите. Опрокиньте стаканчик на дорожку. Составьте мне компанию.

— Но…

— Рад встрече. Предвкушал ее. Входите, у меня тепло.

Майор отодвинулся и гостеприимно распахнул дверь. Немного поколебавшись, Оскар капитулировал. Ему хотелось поскорее закончить это ужасное путешествие, попасть в Криган и вступить во владение своим домом, но, видимо, придется общаться и пить.

— Спасибо, — сказал он тихо и протянул руку Элфриде. — Это мой друг Элфрида Фиппс. Она поехала со мной, чтобы помочь вести машину.

— Чудесно. Чудесно. Путь чертовски длинный. Рад познакомиться, мэм.

Майор взял руку Элфриды, и Оскару показалось, что тот сейчас запечатлеет на ней поцелуй — так старомодны были манеры майора.

— Здравствуйте, — ответила Элфрида.

— А теперь давайте закроем дверь. Проходите.

Они прошли за майором в маленькую гостиную с низким потолком. За каминной решеткой горел немощный огонек, который вряд ли мог как следует прогреть комнату. Обстановка производила мрачное впечатление: продавленные кожаные кресла, неровный, в складках, половичок, ковер на полу, покрытый собачьей шерстью, переполненные пепельницы.

В конце комнаты была дверь в какое-то помещение, куда выдворили злобную собаку, и оттуда доносилось теперь ее нервное повизгивание и тяжелое дыхание. Время от времени на двери дребезжала задвижка, словно, вне себя от ярости, зверь бросался на нее.

Элфриде стало не по себе.

— А какой породы ваша собака?

— Лабрадор. Старая добрая сука. Мухи не обидит.

На каминной доске скучились потускневшие кружки, мяч для игры в гольф, часы, остановившиеся на четверти первого, открытки с потертыми уголками и кожаная шкатулка, в которой майор Билликлиф хранил слуховой аппарат. Он вставил «патроны» в уши. Оскар и Элфрида завороженно смотрели, как кончиком пальца он пробует их на исправность, извлекая странные писклявые звуки. Затем майор с явным удовлетворением на лице повернулся к гостям.

— Вот так-то лучше. Редко им пользуюсь. Иногда забываю, куда положил. Ну, а теперь посмотрим, чем я могу вас угостить.

Он подошел к столику на колесах, уставленному бутылками. На нижней полке стояли два плохо вымытых стакана.

— Бар открыт.

Оскар жаждал чашки чая, но понимал, что его приготовление заняло бы слишком много времени.

— Я бы выпил немного виски. Совсем чуть-чуть и побольше воды.

— А что угодно леди?

Вид у Элфриды был несколько обескураженный. Ей тоже очень хотелось чаю, но она храбро сказала:

— А мне можно шерри?

— Да, есть и шерри. Вроде бы здесь… — Майор поднял вверх бутылку с остатками какой-то жидкости. — Хватит для вас одной.

И он стал разливать напитки. Оскар и Элфрида молча ждали, пытаясь согреться у жалкого огонька.

— Боюсь, я запустил домашнее хозяйство. Два года назад умерла моя жена. Не хватает мне ее чертовски, но что поделаешь? Я нанял женщину, которая должна приходить и убирать.

Оскар наблюдал, как майор неуклюже возится с бутылками, как, пролив воду на ковер, дрожащей рукой поднимает стакан. Билликлиф казался развалиной со своими шишковатыми, как у старой лошади, коленками. На тощих ногах у него красовались чулки и огромные черные нечищеные армейские башмаки. Он был лыс, если не считать нескольких седых прядей, его глаза в красных прожилках слезились, усы пожелтели от табака, потемневшие зубы напоминали частокол. Трудно было представить, что некогда этот человек был блестящим бравым офицером одного из лучших полков британской армии.

— Гектор позвонил мне и предупредил, что вы едете. Я был в восторге. Нам не помешает немного свежей крови. Как там старик поживает? Странно, что мы с вами прежде никогда не встречались… Я здесь живу с шестидесятых, как вышел в отставку — сразу сюда. Ну, не то чтобы совсем сразу, сначала кончил курс в Сиренчестере, получил удостоверение управляющего. Работа эта не для дураков. Здесь хорошая рыбалка. Правда, жене здесь было скучновато, удить она не умела. Зато гуляла с собаками. Но если бы не старый телевизор, то, наверное, свихнулась бы.

Майор наполнил, наконец, стаканы, взял их и нетвердым шагом двинулся к Элфриде и Оскару.

— Виски малость бледновато. Это ничего?

— Все замечательно, — солгал Оскар.

Майор Билликлиф вернулся к столику, чтобы утолить собственную жажду при помощи маленького стаканчика виски гораздо более темного оттенка.

— У меня вроде было чем закусить. Чипсы. Садитесь, устраивайтесь поудобнее.

— Мы не можем задерживаться.

— Да ведь до Кригана ехать всего пять минут.

Делать нечего, Оскар и Элфрида присели рядышком на софу, от которой несло псиной. Майор Билликлиф уселся в единственное кресло напротив, и под твидовыми бриджами явственно обозначились его шишковатые колени.

— Сейчас я в отставке. Спасибо Гектору, позволил мне купить этот коттедж. Впрочем, он все равно пустовал. А Хьюи было на все наплевать. Дни батраков и арендаторов прошли. Все теперь работают по контрактам.

Черт бы побрал это машинное производство! Мне нравилось служить у Гектора, но это было недолго. Он уехал, приехал Хьюи, и словно волка пустили в овчарню. В большом доме начались оргии. Непристойные. Хьюи всем подавал пример развратного поведения. Ну, как вам напитки? А я совсем не мог ладить с ним. Разругались «в банки и медные склянки», как говорят на флоте, и я тогда готов был землю рыть копытами. Теперь все прошло. Хьюи удрал на Барбадос и продал угодья под гостиницу. Вы, наверное, видели вывеску по дороге сюда. Везде стекло и полно ванных. А цены в баре — грабеж среди бела дня. Я туда и носу не кажу. От поместья остались только фермерский дом и молодой Томсон. Его отец был здесь когда-то арендатором и купил дом, когда большой особняк продали. Ничего парень, деловой, неплохо справляется. Но к гостинице я близко не подхожу, право слово. Единственная радость — гольф-клуб. А вы играете в гольф? У нас здесь сложилась очень дружная, веселая команда. Вы должны к нам присоединиться. Ваше имя тогда будет на слуху. И недалеко от вашего дома. Там жила славная пара стариков. Кочрэйны. А он взял да и помер, а она уехала жить с дочерью. К счастью для вас. Ну, есть еще миссис Снид… Она и присматривает там за порядком. Приходящая работница. Думаю, Гектор ей платит авансом. Он вам говорил?

Оскар кивнул.

— Приятная женщина. Очень приятная. Встретил ее на днях в мясной лавке. Она что-то про бойлер говорила. Ну, это уж теперь не мое дело.

Оскар, впадая в отчаяние, спросил:

— А ключ как же?

Майор Билликлиф вздрогнул и нахмурился.

— Извините?

— Ключ. От Усадьбы. Если бы вы могли нам его дать, мы освободили бы вас от своего присутствия.

— А, да. Где-то он здесь.

Ловко вздернув локтем, майор опрокинул содержимое стакана в рот и с трудом поднялся на ноги. Он прошел к бюро с откидной полукруглой крышкой, где царил чудовищный беспорядок, и, согнувшись, минуту-две беспомощно рылся там. Наконец он воскликнул «эврика!» и достал большой старомодный ключ на видавшей виды бирке.

— Я стал малость забывчив.

Оскар и Элфрида докончили свои микроскопические порции спиртного и решительно поднялись. Оскар взял ключ.

— Спасибо. Извините за беспокойство.

— Вы совершенно меня не обеспокоили. Так чудесно иногда посидеть

в компании. И помните, что я частенько бываю в клубе. Конечно, играю уже не так много, как раньше, но люблю поболтать со старыми приятелями, а в баре можно получить очень приличный сэндвич.

Оскар и Элфрида устремились к двери.

— Обязательно приходите в гости. И, может быть, я тоже как-нибудь заскочу к вам. Посмотреть, как вы там устраиваетесь.

Элфрида улыбнулась:

— Ну разумеется, но только не *очень* скоро. Оскар нездоров, и нам нужно немного прийти в себя.

— Ну конечно, конечно. Но мы определенно должны видеться время от времени.

Оскар остановился, чтобы посмотреть на игроков в гольф. Ему нечего было опасаться — зануды Билликлифа среди этой четверки не было. Игроки уже встали на места и выбрали клюшки. Не желая отвлекать внимание на себя, он стоял неподвижно, пока последний из игроков не забил мяч в лунку. Уже смеркалось, и Оскар подумал, что им надо спешить, если они хотят добраться до клуба, пока совсем не стемнело. Один из игравших нагнулся, чтобы достать из лунки мяч, и увидел Оскара.

На мгновенье их взгляды встретились, и мужчина поднял руку в знак приветствия, а может быть, просто в благодарность за внимание к игре. Оскар ответил на приветствие. Игрок уложил в сумку клюшку, взял ручку тележки и отправился за товарищами, а Оскар смотрел ему вслед. Интересно, это приезжий или местный житель? Может, американец? Через несколько минут фигура исчезла за бугром, густо поросшим дроком, а Оскар с собакой продолжили свой путь.

Он почувствовал, что слегка устал. Внизу, между полем для гольфа и дюнами, пролегала мощеная дорога, ведущая в город. А ниже дугой извивалось побережье, и вдали, на фоне серых облаков, вырисовывались крыши домов и шпиль городской церкви. Вид напоминал старинную гравюру. Однако город казался таким далеким, что Оскар стал подумывать, не переоценил ли он свои силы. И тут он заметил деревянный навес, предназначенный для игроков в гольф на случай проливного дождя. Подойдя, Оскар увидел, что это убежище разделено перегородками на четыре отсека, и в каждом стоит деревянная скамья. Он выбрал самый защищенный от ветра отсек и устроился поудобнее.

Он завидовал игрокам: они были вместе, дружески разговаривали, шутили, соперничали. После игры они, скорее всего, выпьют в клубе и вернутся к своим семьям. Обыкновенные люди, как все.

Интересно, сможет он стать когда-нибудь вот таким обычным человеком?

Когда-то, еще мальчиком, Оскар тоже играл в гольф, но без большого успеха. Может, стоит купить набор дорогих клюшек и поразить всех ловкостью? Эта перспектива его почему-то не рассмешила. Улыбаться он почти разучился.

Он горевал. Все еще горевал. Он часто употреблял это слово в письмах друзьям, внезапно потерявшим жену, или кого-нибудь из родителей, или даже ребенка. Оно обладало множеством нюансов чувства, ранее им не испытанного. Другим таким словом было «соболезную».

«Шлю вам мои глубочайшие соболезнования. Мысленно с вами», — писал он обычно, ставил подпись и с чувством исполненного долга отсылал письмо.

Тогда он и понятия не имел, о чем писал, чему соболезновал. Горе — это не состояние ума, но явление физиологическое; это пустота, мертвящий кокон невыносимой боли, сквозь который не могут проникнуть никакие утешения. Он защищался от боли, спрятавшись в панцирь одиночества, но здесь, в Кригане, ему не угрожали случайные встречи со случайными знакомыми. Он был вне досягаемости и для оскорбительных утешений со стороны викария и церкви. Не приходилось ему испытывать и болезненную неловкость при виде смущения, с которым люди пытаются выразить сочувствие, при этих добросердечных, но неуклюжих попытках, когда они старательно не смотрят тебе в глаза.

Во время прогулки Оскар по привычке поглядывал на небо, облака, холмы, наблюдал за птицами. Он чувствовал, как дует ветер в лицо, и прислушивался к шуму волн на берегу, вдыхал сладкие и крепкие запахи мха и вереска… но ничего не ощущал, не воспарял душой, ничему не удивлялся. Вдохновения не было. Не было радости. Как будто он смотрел на грандиозный пейзаж, выписанный тщательно, однако без искры чувства.

Оскар не хотел жалеть себя, он пытался вспомнить о том хорошем, что у него есть. Во-первых, это Усадьба. Его приют, его убежище. Ему повезло, что этот наполовину принадлежащий ему дом оказался пустым. Второе благо — Элфрида. Ее возвращение из Корнуолла принесло Оскару невыразимое облегчение. Ее общество помогло ему не потерять рассудок. Она помогла ему пройти через самое мрачное время, с присущей ей терпимостью подстраиваясь под его настроение. Не приставала с расспросами, когда он молчал, слушала, когда он ощущал потребность выговориться.

А в-третьих, он знал, что, даже если не останется навсегда здесь, в

отдаленном северном городке, где был так счастлив в детстве, ему нет пути назад, в дом, принадлежавший Глории. Ее сыновья уже вступили во владение Грейнджем и выставили его на продажу. И Оскар был им за это даже благодарен, потому что они избавили его от пытки воспоминаний о Франческе.

Я должен продолжать жить, подумал Оскар. Двигаться вперед, хотя бы черепашьим шагом. Однако в шестьдесят семь лет, когда большая часть жизни уже позади, трудно обрести новый заряд энергии. Пережитое потрясение лишало его зрения и слуха и мешало воспринимать окружающий мир; он испытывал только бесконечную усталость.

— Я должен продолжать жить, — произнес он вслух.

Лежавший у его ног Горацио встрепенулся и с надеждой взглянул на него. Оскар был благодарен псу за компанию. Он встал.

— Ну что ж, пойдем, старина. Пора возвращаться домой.

Когда Оскар дошел до гольф-клуба, уже стемнело. Он с трудом доплелся до прохода между площадками и увидел в ярко освещенных окнах фигуры людей. Здесь отдыхали, словно в уютном кабачке. Все сидели за столиками, ели сэндвичи и, вероятно, делились впечатлениями от игры. Перед клубом был заасфальтированный участок с большими клумбами, на которых летом, наверное, пышно цвели бегония и герань. Сбоку от здания была освещенная площадка, где стояло с десяток машин. Оскар увидел довольно потрепанный «универсал» с открытой задней дверцей. На порожке багажника примостился мужчина, менявший обувь для гольфа на грубые башмаки. Оскар узнал красную куртку и ярко-синие непромокаемые бриджи, но американской бейсболки на голове незнакомца уже не было, и в холодном свете фонаря поблескивали густые, с проседью, волосы.

Человек зашнуровал башмаки и встал. В этот момент Оскар поравнялся с ним. С минуту он колебался, не зная, стоит ли остановиться, обменяться приветствиями и спросить, как прошла игра, но пока он колебался, незнакомец сам проявил инициативу:

— Привет. Хорошо прогулялись?

Оскар остановился и, повернувшись, ответил:

— Немного переусердствовал. Давно не совершал долгих прогулок. А как ваша игра?

— Мы остановились на пятнадцатой лунке. Не выдержали. Слишком стало темно и холодно.

Он нагнулся, чтобы поднять туфли, сунул их в багажник и хлопнул крышкой.

— В такую погоду от игры не получишь удовольствия. — Незнакомец подошел поближе. Оскар увидел очень румяное лицо и пару синих пронзительных глаз. — Извините, вы ведь Оскар Бланделл?

Оскар смутился. Его не только узнали, но еще и назвали полным именем.

— Да, — ответил он почти извиняющимся тоном.

— Я знал, что вы приедете в Криган. (А что еще он знал?) Я здесь живу только двадцать лет, поэтому не был знаком с вашей бабушкой, миссис Маклеллан, но имел удовольствие крепко дружить с Гектором. Недолго, потому что он вскоре передал Корридэйл Хьюи и переехал на юг. Кстати, меня зовут Питер Кеннеди. — И он протянул руку, которую Оскар пожал, не снимая перчатки. — Добро пожаловать в Криган.

— Спасибо.

— Вы, наверное, смертельно устали. Долго шли против ветра. А я как раз собираюсь выпить чашку чая. Не присоединитесь ко мне?

Оскар молчал, разрываемый противоречивыми чувствами. Да, конечно. Он безумно устал, и мысль о том, чтобы посидеть немного в тепле, наслаждаясь отдыхом и попивая горячий чай, была очень заманчива. С другой стороны, он не был уверен, что у него хватит духу войти в ярко освещенный зал, где звучат веселые голоса. Придется с кем-то знакомиться, разговаривать с чужими людьми, отвечать на вопросы.

Однако от нового знакомца веяло таким участием, он был так естествен и обезоруживающе искренен, что Оскар не смог отказаться сразу и стал подыскивать предлог:

— Но я с собакой…

— А мы посадим вашего пса ко мне в машину. Он не успеет соскучиться.

— Я… — Оскару пришлось сознаться, — я бы предпочел не встречаться с майором Билликлифом.

Лицо Питера Кеннеди расплылось в понимающей улыбке:

— Не беспокойтесь, — и он коснулся руки Оскара, — пять минут назад майор отправился домой. Я видел, как он выезжал отсюда.

— Наверное, я кажусь вам невежливым.

— Нет, я так не думаю. Ну что? Вы идете со мной?

— Да, с удовольствием. Большое спасибо.

— Я очень рад.

Они усадили Горацио на заднее сиденье машины. Пес с упреком посмотрел на них в заднее стекло, и Оскар сказал:

— Я ненадолго.

Оскар и Питер Кеннеди обошли клуб сбоку и поднялись по пологим ступенькам к главному входу. Кеннеди открыл дверь, пропуская вперед Оскара. В фойе по стенам стояли шкафы, за стеклами виднелись серебряные призы и значки. На посетителей взирали портреты прежних капитанов команд. Справа стеклянные двери вели в главный зал, заставленный столиками и удобными креслами. В углу помещался небольшой бар. Никто не обратил на вошедших особого внимания, лишь один-двое подняли головы.

— Мы пройдем вон туда, там есть свободный столик, и нам никто не помешает.

Но прежде чем они уселись, распахнулась боковая дверь рядом с баром и появилась пожилая официантка в черной юбке и белой блузке. Ее седые волосы были завиты и тщательно уложены в прическу. Увидев новых посетителей, она расплылась в улыбке.

— Мистер Кеннеди! Вот уж не думала, что мы вас сегодня увидим.

— Здравствуйте, Джесси. А что, уже слишком поздно для чашки чая?

— Никогда не поздно. Вы, наверное, совсем закоченели, играя в такую погоду.

Она посмотрела на Оскара, снявшего твидовую шляпу, но по-прежнему облаченного в куртку.

— Вы тоже играли в гольф?

— Нет. Я гулял.

— Джесси, это мистер Оскар Бланделл, он поселился в Усадьбе.

— О Господи, так вот вы кто! Я слышала, что вы туда переехали, но вот встречаться еще ни разу не доводилось. Играете в гольф?

— К сожалению, нет.

— Ну, вас тут научат. Мистер Кеннеди, вы где хотите сесть?

Но Кеннеди не успел ответить. Из дальнего конца зала раздался громкий, звучный, как охотничий рожок, голос. Присутствующие встрепенулись, а сидевшие у телевизора нахмурились.

— Питер! Подойди-ка сюда на пару слов. Я тебя не видел целую неделю, а то и больше.

Кеннеди обернулся, и Оскар, проследив за его взглядом, увидел в дальнем конце зала пожилого плотного мужчину со стаканом виски в инвалидном кресле.

— *Питер!* — И мужчина взмахнул шишковатой палкой, словно его можно было не услышать или не увидеть. — Иди сюда и расскажи мне новости.

— Вы не против, Оскар, если я оставлю вас на минуту? Это старый

Чарли Бейт; я должен засвидетельствовать ему свое почтение.

— Конечно.

— Я на одну минуту. Джесси о вас позаботится. — И он направился в дальний угол зала, восклицая на ходу: — Какой сюрприз! Вы сегодня решили выйти в свет, Чарли?

Старик в кресле приветствовал его с такой радостью, что Оскару стало неловко и он отвернулся.

— Садитесь вот сюда и устраивайтесь поудобнее, — обратилась к нему Джесси. — Снимите куртку, иначе не почувствуете, что согрелись, когда опять выйдете наружу. Не хотите ли горячую булочку? А какой чай вы предпочитаете, индийский или китайский?

— Извините, — перебил Оскар, — а кто этот человек?

— Чарли Бейт? О, это интересный тип. Ему уже за девяносто, но он ни за что в этом не признается. У него была ферма в Тошланде. Теперь там хозяйничает его внук. Бейт и сам прекрасно управлялся с фермой, но два года назад у него удар случился. Он теперь живет в доме для престарелых, и мистер Кеннеди его регулярно посещает. Одна из дочерей Бейта привезла его сегодня в клуб для перемены обстановки, немного повеселиться. Он в полном уме и твердой памяти.

— Вообще-то, я не о старике спросил, — нерешительно перебил ее Оскар. — Я имел в виду Питера Кеннеди. Мы только что познакомились на парковке. Он знаком с моим дядей, но я не знаю…

— Вы хотите сказать, что не знаете, кто он такой? Ну, вы единственный человек в Кригане, кто этого не знает. Он наш священник. Служит в нашей церкви.

Священник! Викарий! Глава здешней церкви! Человек, в чьи обязанности входит помогать прихожанам в горе. До сих пор доброта Питера Кеннеди казалась Оскару искренней, теперь же вызывала подозрения. Священник знал, что Оскар вернется в Криган. Может быть, ему рассказали и об ужасной гибели его жены и ребенка? А если да, то кто?..

«Я имел счастье крепко дружить с Гектором», вспомнил Оскар слова Питера. Может быть, дядя из самых лучших побуждений сообщил ему обо всем? Может быть, даже попросил проявить пастырскую заботу? Пусть, мол, заведет душеспасительную беседу, одарит советом, мягко обратит Оскара снова к церкви, в которую тот больше не верит.

— С вами все в порядке? — спросила Джесси.

Он взглянул в ее по-матерински озабоченное лицо и почувствовал, как его собственное пылает. Но не оттого, что в зале было очень тепло и он не

снял куртку, а от внутреннего беспокойства, которое устрашающе напоминало панику. Оскар знал, что больше оставаться в клубе нельзя, иначе он просто задохнется.

Сделав над собой огромное усилие, он сказал:

— Извините. Здесь слишком жарко. И я только что кое о чем вспомнил. — Он слышал свой глуховатый голос словно со стороны. — Я кое-что обещал. Нужно срочно идти домой. Мне будут звонить…

— А как же чай?

— Боюсь, нет времени. — Пятясь к двери, Оскар снова попытался извиниться. — Простите. Пожалуйста, объясните все мистеру Кеннеди. В следующий раз…

Он повернулся и осторожно, крадучись, направился к выходу. Дверь из дымчатого стекла оказалась тяжелой. Оскар открыл ее с трудом, и она сразу же захлопнулась за ним. Он прошел через фойе и открыл следующую дверь, за которой его моментально охватил пронзительный холод. Порывистый ветер ударил в лицо, и Оскар остановился. Ледяной воздух ворвался в легкие. Он чувствовал, как на лбу застывает пот, и натянул поглубже старую твидовую шляпу. Все в порядке. Он выжил. Теперь ему осталось только добраться домой. И оказаться в безопасности. Быть только с Элфридой. Он спустился по ступенькам, подошел к машине Питера, вызволил Горацио и вскоре уже поспешно шагал вперед, волоча за собой на поводке собаку. Спасался бегством.

6
ЭЛФРИДА

«Женский институт» в Дибтоне славился увлекательными и таинственными экскурсиями: куда в очередной раз отправится автобус, держалось в строгом секрете. Обычно это происходило во второй половине дня в субботу: достопочтенные дамы битком набивались в автобус, и он катил к неизвестному объекту. Чаще всего это оказывался величественный особняк, окруженный садом, который предлагалось осмотреть. В саду был сувенирный ларек, где можно было приобрести чайные полотенца с цветочным узором, книжные закладки и пакетики мягких молочных ирисок домашнего приготовления. После покупок дамы пили чай в местной гостинице; отличный чай, к которому подавалась рыба с чипсами. Затем они снова набивались в автобус и ехали домой.

Эти экскурсии были очень популярны.

Отправившись столь неожиданно на север Шотландии, в Криган, Элфрида решила, что это самое таинственное путешествие в ее жизни. С той минуты, когда они с Оскаром выехали из Дибтона, она не имела ни малейшего представления о том, что ждет ее впереди, и все никак не выдавалась подходящая минута, чтобы спросить об этом. Столь стремителен был их отъезд, так спешно они паковали вещи, так мало было времени для прощания, что все мелкие подробности относительно того, куда они едут, стали совершенно не важны. Они просто должны были уехать.

Конечно, необходимо было сделать соответствующие приготовления. Произвести технический осмотр машины, все проверить и заправить ее бензином. Оскар за всем этим проследил. Его пасынки, Джайлз и Кроуфорд, были проинформированы об отъезде, а управляющий его банка извещен об изменении адреса. Что же до Элфриды, она просто отдала ключи от дома на Пултонс-роу своей соседке, предельно кратко объяснив, что уезжает, и попросила ее присматривать также за бедной маленькой «фиестой», которая осталась стоять на мостовой напротив коттеджа.

— Когда вы вернетесь, миссис Фиппс?

— Честное слово, понятия не имею. Но я буду держать с вами связь. Вот вам и ключи от машины тоже. Пользуйтесь ею, если хотите. Ей это будет только полезно. — Элфрида говорила как о старой собаке, которой необходимы ежедневные прогулки. — Воду я отключила и заперла все

окна.

— Но куда же вы едете?

— Кажется, в Шотландию.

Затем Оскар связался с Гектором Маклелланом и ввел его в курс событий, а Элфрида позвонила кузену Джеффри в Корнуолл и постаралась объяснить ему, что она намеревается сделать. Получилось не очень вразумительно, и он не сразу понял, что происходит. Однако когда наконец понял, сказал: «В добрый час!» и после того, как Элфрида дала ему адрес и номер телефона дома Оскара, повесил трубку.

Не очень-то представляя, что ей понадобится, она положила в чемодан одежду (теплую) и обувь (прочную). Затем собрала в свой старый мягкий саквояж на молнии самые дорогие для нее вещи, те, что всегда и везде с ней путешествовали. Картину сэра Дэвида Уилки, завернутую в шелковую шаль, стаффордширских собачек, часы, очередной гобелен, который как раз был в работе. Сверху уложила фотографии в серебряных рамках и несколько книг. Вот и все. Багаж Оскара был ненамного больше: кожаный портплед, собранный миссис Масвелл, туго набитый портфель и удочки.

— Оскар, вы собираетесь удить рыбу?

— Не знаю. Но я не могу уехать в Шотландию, не захватив с собой удочки. Это было бы почти святотатством.

В багажном отделении «вольво» Оскара места хватило для всего, да еще осталось жизненное пространство для Горацио, его одеяла, печенья и миски для воды. Пес, как и его хозяйка, понятия не имел, что ему уготовано судьбой, но радостно прыгнул в машину и устроился поудобнее, явно довольный, что его не собираются оставлять на Пултонс-роу. Он с большой подозрительностью относился к стоящим в комнате чемоданам.

— Мы едем налегке, — заметила Элфрида, но Оскар был слишком занят и взволнован и ничего на это не ответил. Вместо этого он повернулся, чтобы дать последние наставления верной миссис Масвелл, которая была с ним рядом все самые черные дни и теперь стояла на крыльце с таким удрученным видом, что казалось, вот-вот расплачется.

— Миссис Масвелл…

— Пришлите мне открытку, — храбро произнесла она, но голос у нее дрогнул.

— Непременно. До свидания. Спасибо вам за все! — И Оскар чмокнул ее в щеку, отчего миссис Масвелл совсем расстроилась.

Машина тронулась, и Элфрида увидела в заднее окно, как величавая фигура в переднике утирает платочком глаза и сморкается.

— А что будет с ней? — спросила Элфрида, чувствуя себя

предательницей.

— Джайлз обещал позаботиться о ней. Трудностей с новой работой у нее не будет. Она замечательная женщина.

После этого они перестали разговаривать. Большую часть пути машину вела Элфрида, разрешая Оскару сесть за руль, только когда совсем уставала. «УСТАЛОСТЬ МОЖЕТ УБИТЬ, — грозно предупреждали придорожные щиты, — СДЕЛАЙ ПЕРЕДЫШКУ». Элфрида послушно сворачивала на обочину и менялась местами с Оскаром.

В первый день он почти все время молчал. Она не беспокоила его и даже не предлагала послушать хорошую музыку по радио. Время от времени они останавливались, чтобы дать прогуляться Горацио, самим расправить конечности, перекусить, выпить чаю. Погода была холодная и ветреная, рано темнело, и дорога становилась все тяжелее. Поэтому они свернули с автострады и поехали в нортамберлендский городок, который помнил Оскар. На главной площади отыскали старый заезжий двор, который совсем почти не изменился и не осовременился. Администратор вполне радушно отнесся к Горацио и пустил его с единственным условием: пес не должен был выходить из номера.

Наутро, едва открылись магазины, Элфрида отправилась в город, нашла небольшой супермаркет и закупила провизию: банку супа, хлеб, масло, бекон и яйца, пачку кофе и пакет молока — ведь рано или поздно они прибудут на место. Продавец запаковал все в коробку, но тут она увидела бутылку виски и купила ее тоже. В лечебных целях.

Второй день путешествия прошел немного лучше. Погода, правда, оставалась такой же мерзкой, но Оскар стал более разговорчивым. Он смотрел на проносящиеся мимо поля и фермы, указывал на какие-то достопримечательности, с опаской поглядывал на небо и делал мрачные предсказания. И все же еще не пришло время для вопросов, которые Элфрида жаждала ему задать. Ей хотелось выяснить, большой ли их ждет дом, топит ли его кто-нибудь, есть ли там горячая вода? Чистый ли он и есть ли там простыни? Как отнесутся к ним соседи, узнают ли они Оскара? Или же все будут их избегать?

Ничего невозможно было предугадать, но она сказала себе: «Это приключение». Машина на второй передаче вползала по скользкому откосу Сутры, как вдруг налетела снежная буря, все вокруг стало белым-бело, мокрые хлопья залепили ветровое стекло и дворники судорожно заметались. Приключение…

Когда Элфрида была молодой актрисой, то исколесила с труппой всю Великобританию вдоль и поперек, никогда не зная, что ожидает ее в конце

поездки. Ее воспоминания тех дней — это туманные картинки провинциальных городков, пропитанные сыростью театры, меблированные комнаты, пропахшие вареной капустой. Но она была молода, любила свою работу и была очень счастлива. Каждое путешествие в тряском вагоне, каждый не лучшего вида театр были новым открытием. Мало что из этих старых волнений и радостей согревало теперь душу, и ей приходилось напоминать себе, что она уже давно не та пылкая юная девушка, а старая шестидесятидвухлетняя леди. *По крайней мере я не одинока. И мне не скучно. И я не умерла.*

Встреча с майором Билликлифом была последним барьером. Когда она была завершена, ключ мирно перекочевал в карман Оскара и изнурительная двухдневная дорога осталась позади, последние две мили показались им просто отдыхом. Вел машину Оскар. Было холодно, но снег перестал, и дорога шла по склону холма к морю, посреди густых сосен. Элфрида опустила стекло и услышала шелест ветра в ветвях, ощутила запах хвои и порывы другого ветерка с привкусом соли. Потом деревья отступили назад. Теперь их окружали бугристые дюны и кривые сосны, а впереди уже виднелась прямая серебристая линия. Это было море. Вдалеке над водой, пронзая тьму, мигал луч маяка. Потом впереди засветились уличные фонари и окна домов. Дома были кирпичные, стояли в ряд, но каждый отличался от другого по очертаниям и высоте. Смутно обрисовалась церковь; высоко на башне, словно круглый фонарь, светились часы. Стрелки показывали семь вечера. Здесь дома были больше, красивее, они стояли отступя от улицы, за высокими каменными стенами. Криган. Он казался необитаемым. Никто не ходил по улицам, не проехала ни одна машина. Ни единого звука. Еще один поворот, еще одна улица. Оскар остановился у тротуара. Выключил зажигание. Какую-то минуту молчал. Элфрида ждала. Затем он накрыл ладонью ее руку.

— Мы приехали, дорогая! — сказал Оскар. — Старая усадьба!

Элфрида увидела дом в свете уличного фонаря: четырехугольный, массивный, стоит в стороне от дороги, за витой железной оградой, передний двор усыпан морской галькой. Фасад — словно детский рисунок: дверь и пять окон, на покатой шиферной крыше выступают два мансардных окошка. Они вышли из машины, и Элфрида выпустила Горацио. Помня о собаке майора Билликлифа, тот проявил разумную осторожность, а убедившись, что все спокойно, выскочил на дорогу и начал осторожно принюхиваться к незнакомым запахам.

Оскар отодвинул щеколду на калитке и пошел по дорожке. Элфрида и Горацио последовали за ним. Он отпер ключом дверь, она открылась

вовнутрь, и, нащупав выключатель, повернул его. Они вошли, и Элфрида в тот же миг почувствовала тепло и запах чистоты — все было вымыто, вычищено и отполировано. Впереди поднималась лестница, на площадке темнело незанавешенное лестничное окно. Двери по обе стороны были затворены, но одна, в конце холла, — открыта; Оскар прошел туда и щелкнул еще одним выключателем.

Элфрида плотно притворила за собой парадную дверь, перекрыв путь холоду зимнего вечера, и прошла за Оскаром в кухню. Там стоял старомодный, с рисунком, кухонный шкаф с полками для посуды и деревянный стол. Под окном фаянсовая раковина, рядом широкая газовая плита, какие делали, быть может, сорок лет назад, а то и более.

Оскар сказал:

— Не все так прекрасно, как хотелось бы. — Он как будто извинялся.

— Все прекрасно! — заверила его Элфрида, и она не лукавила. — Смотри-ка, кто-то оставил нам письмо.

Оно лежало посередине стола, страничка линованной бумаги, придавленная банкой джема. Оскар отодвинул банку и вручил записку Элфриде. Она вслух прочла.

— «Я включила бойлер (работает на мазуте). Вам необходимо добавить мазута. Постели застелены в двух комнатах. Вода для ванны согрета. Уголь и дрова в сарае. Какие-то из окон не открываются. Молоко в холодильнике. Завтра обязательно загляну повидать вас. Ваша Дж. Снид».

Оскар сказал:

— Элфрида, ты, кажется, вот-вот заплачешь?

— Кажется…

— Но отчего же?

— Мне вдруг стало так легко.

Все это случилось три недели тому назад. Сегодня был декабрь, пятница, пять часов темного зимнего дня. Оскар после ланча отправился куда-то, взяв с собой Горацио. Они все еще не вернулись, и Элфрида гнала от себя страшную картину: Оскар мертв, умер от сердечного приступа, и тело его распростерто у подножия песчаной дюны. Нет, нет, просто он наслаждается своим первым дальним походом, и прогулка ему на пользу, и легкие его наполняются свежим воздухом. Он сам решил пойти один, а она только старалась не выказывать излишнего энтузиазма по этому поводу, чтобы он не подумал, будто она мечтает от него освободиться.

Пока чайник не закипел, она стояла на кухне у плиты. Потом налила кружку, опустила туда пакетик чая, добавила молока и пошла наверх в

малую гостиную. Они называли ее малой, но на самом деле это была самая настоящая большая гостиная, вполне просторная и парадная, с большим эркером, с видом на улицу и на церковь. Можно было часами сидеть на кушетке у окна и смотреть, как идет жизнь: машины подъезжали и уезжали — продуктовые фургончики, грузовички с песком; покупатели задерживались на тротуаре, чтобы поболтать; вереницы ребят, идущих кто в школу, кто из школы, тараторили, как сороки.

Гостиная, как и все остальные комнаты, была меблирована скудно, здесь было только самое необходимое. Толстый турецкий ковер. Диван и два кресла. Стол возле стены, застекленный книжный шкаф со стопкой старых книг. Ни картин, ни украшений. Ничего, что бы поведало об интересах и о жизни прежних жильцов. Отсутствие лишних вещей и полный порядок действовали на Элфриду успокаивающе. Без картин, безделушек, серебряных вещичек и декоративных фарфоровых сервизов, которые отвлекали бы внимание, можно было по достоинству оценить стройные пропорции комнат, лепной карниз и гипсовую розетку в середине потолка, из которой спускалась красивая викторианская люстра.

Распаковав саквояж, Элфрида стала обживаться. Теперь напротив камина над массивным дубовым столом, который Оскар сделал своим письменным столом, висел Дэвид Уилки. Стаффордширские собачки и часы заняли свободную каминную доску. Она купила в лавке «Фрукты и овощи» Артура Снида букет хризантем, отыскала желтый кувшин и сотворила не претендующую на особый изыск композицию. Ее наполовину вышитый гобелен украсил кресло. Камин она разожгла еще утром и сейчас подбросила туда угля и поленьев, а потом пошла к окну, села и стала высматривать, не идет ли Оскар. Но не успела она устроиться поудобнее с кружкой чая в руках, как зазвонил телефон. Элфрида вздрогнула — с тех пор как они поселились в доме, он практически не звонил. Хорошо бы это был не майор Билликлиф. Она поставила кружку с чаем на пол и пошла на лестничную площадку первого этажа, где на маленьком комодике возле двери малой гостиной стоял телефонный аппарат.

— Алло!

— Элфрида?

— Я слушаю.

— Это Кэрри. Кэрри Саттон.

— *Кэрри!* Где ты?

— В Лондоне. Как поживаешь?

— Неплохо.

— Джеффри сказал мне, что ты в Шотландии. Дал твой телефон.

Элфрида, я хочу тебя кое о чем попросить. Это было бы большим одолжением с твоей стороны. Огромным.

— Давай.

— Это о Рождестве.

Говорили они очень долго, обо всем на свете. Наконец закончили. Элфрида положила трубку, и в этот самый момент услышала, как хлопнула парадная дверь — значит, Оскар и Горацио уже дома. Она склонилась над перилами и крикнула:

— Все благополучно?

— Да. Мы тут.

Элфрида спустилась. Оскар снял куртку и шляпу и повесил на деревянную вешалку. Горацио поспешно направился в кухню к миске с водой и своей теплой корзине.

— Вас так долго не было!

— Мы столько прошагали! В самый конец поля для гольфа и обратно. Я и забыл, что это так далеко. — Он пригладил рукой волосы. Вид у него был усталый.

— Чашку чая? — спросила Элфрида.

— Пожалуй, я предпочел бы что-нибудь покрепче.

— Виски? Поднимайся наверх, камин горит. А я принесу тебе виски.

Элфрида налила виски, подогрела чайник и налила себе новую кружку чая — первая уже наверняка остыла. Горацио мирно похрапывал. Она пошла наверх с кружкой в одной руке и стаканом в другой. Оскар стоял, положив руку на каминную полку, и смотрел на огонь. Он повернул голову, когда она вошла, и благодарно улыбнулся.

— Спасибо.

Он взял стакан, осторожно опустился в одно из кресел и вытянул вперед ноги. Элфрида пошла задернуть шторы, отгоняя прочь уличную темноту.

— Я их не задергивала, потому что сидела у окошка и ждала тебя. Как сестрица Анна.[13]

— Думала, что я уже лежу мертвый?

— Воображение какие только страхи не нагонит.

— Меня задержали. Возле гольф-клуба я встретил мужчину. Мы разговорились. Он предложил мне выпить чашку чая, и я зашел с ним в клуб. Там его окликнул старик в инвалидном кресле. Пока они беседовали, я спросил официантку, кто мой новый знакомый. Его зовут Питер Кеннеди, он священник.

Элфрида ждала, что он скажет дальше. Потом спросила:

— И что же?

— Очевидно, он все знает. О катастрофе, о Глории, о Франческе. Наверное, Гектор предупредил его. Сначала я подумал, что это просто приветливый человек, но, боюсь, он выказал излишнюю доброту. Сочувствие ко мне. А я не нуждаюсь в помощи. Не хочу ни говорить, ни слушать. Хочу только, чтобы меня оставили в покое. Поэтому я не стал ждать его. И ушел. Домой.

— Ах, Оскар!

— Знаю. Это грубо, невежливо.

— Я уверена, он все понял.

— Надеюсь. Мне понравилось его лицо.

— Пусть пройдет какое-то время.

Оскар горестно вздохнул.

— Ненавижу себя, — сказал он.

— Ах, дорогой, не надо так!

— Ты упрекаешь меня?

— Нет. Я все понимаю. — Элфрида отпила несколько глотков очень горячего чая. Он действовал успокаивающе. Она сидела в небольшом викторианском кресле, обитом шерстяной шотландкой, и смотрела на Оскара. Огонь в камине грел ей ноги. Она сказала: — Может, момент не самый удачный, но я должна кое о чем тебя спросить. Вернее, кое-что сказать.

— Надеюсь, ты не хочешь покинуть меня?

— Нет, не это. Мне звонила дочь Джеффри, Кэрри Саттон. Она возвратилась из Австрии и хочет приехать к нам на Рождество.

— Но мы же не хотели его праздновать…

— Оскар, я сказала ей: баранья отбивная на ланч и никаких гирлянд и блесток. Что мы с тобой так решили. Кэрри все понимает. И для нее это не помеха. Она говорит, что Рождество ее не очень волнует.

— Тогда пусть приезжает.

Элфрида колебалась:

— Есть одно осложнение.

— Мужчина?

— Нет. Внучка Джеффри. Племянница Кэрри. Если приедет Кэрри, тогда и Люси должна приехать с ней.

Молчание было очень долгим. Оскар отвел глаза от Элфриды и уставился в огонь. Какую-то минуту он выглядел таким же старым, как его дядя в тот тяжкий день, когда она перепутала их. Элфрида сказала:

— Я объяснила Кэрри, что должна спросить у тебя разрешения.

— Сколько лет девочке?

— Четырнадцать.

— Почему она обязательно должна приехать?

— Не знаю, как объяснить… — Элфрида пожала плечами. — Какая-то история с ее матерью — та уезжает на Рождество к своему другу во Флориду, а дочь отказывается с ней ехать. А Доди, ее бабушка, не хочет, чтобы внучка была у нее. Обычная история в этом семействе. Эгоисты. — Оскар ничего на это не сказал. Элфрида закусила губу. — Я могу позвонить Кэрри и сказать «нет». Могу объяснить, что прошло слишком мало времени. Маленькая девочка в доме — это для тебя более чем мучительно. Это может быть просто невыносимо. Я это понимаю и не стану тебя осуждать, если ты будешь против.

Оскар поднял на нее глаза — в них была нежность.

— Мне нравится твоя прямота, Элфрида.

— Только так и можно разговаривать друг с другом.

— Если они приедут…

— Я скажу: никакого Рождества.

— Но девочка?

— Она будет с Кэрри. Они могут делать, что им захочется. Пойти в церковь. Петь гимны, дарить друг другу подарки.

— Скучновато для девочки.

— Но я думаю о тебе, Оскар.

— Какая разница? Это ничего не изменит. По-моему, тебе хочется, чтобы они приехали. Позвони и скажи: пусть приезжают.

— Ты уверен? Абсолютно? — Оскар кивнул. — Ты чудесный, добрый, храбрый человек!

— А где мы их поселим?

— Мансарда свободна. Мы можем купить кровать, и Люси будет спать там.

— Понадобится не только кровать.

— Ну, может быть, еще что-нибудь. Не много.

— Так, значит, ты этого хочешь, и это главное. Скажи, что мы будем им рады. Пусть приезжают, когда хотят. Составят тебе компанию. Боюсь, я не очень веселый компаньон.

— Оскар, мы приехали сюда вместе не ради веселья.

Он глотнул виски и о чем-то задумался. Потом сказал:

— Позвони Кэрри прямо сейчас. Если они поедут поездом или полетят, мы закажем такси, чтобы шофер встретил их в Инвернессе. Если

поедут на машине, предупреди о снегопаде.

Элфрида была исполнена благодарности — сколько в нем душевности, щедрости и благородства! Он был само радушие, как будто сам решил пригласить гостей, а ведь на него это обрушилось ни с того ни с сего. Она допила чай, поднялась.

— Иду звонить! — Она пошла к двери, потом обернулась. — Спасибо тебе, Оскар!

7
ЛЮСИ

Все еще пятница, 8 декабря.

Я уже написала о тех удивительных событиях, которые случились сегодня. О том, что Кэрри вернулась, о том, как мы ходили обедать, о том, что мы с ней, может быть, куда-нибудь поедем на Рождество. Фильм тоже оказался очень хороший. А сейчас уже 10.30, я собираюсь лечь спать, пишу дневник в халате. После ужина приняла ванну и вымыла голову. Пока сохли волосы, пошла в кухню и сварила шоколад. Зазвонил телефон, пришла мама и сказала, что со мной хочет говорить Кэрри. Я сняла трубку в кухне, подождала, убедилась, что мама свою повесила и, значит, не будет подслушивать. Она иногда подслушивает.

И Кэрри все мне рассказала. Мы едем на Рождество в Шотландию. Элфрида, дедушкина кузина, живет там со своим другом. И они хотят, чтобы мы к ним приехали. Это место называется Криган, дом у них очень большой. Все так замечательно! Я страшно рада. Кэрри говорит, что зимой ехать на автомобиле не стоит — очень далеко, поэтому мы летим до Инвернесса, где нас встретит такси и отвезет на место. Уезжаем 14 декабря. Кэрри уже заказала билеты.

Друга Элфриды зовут Оскар. Кэрри не знает, какой он, она с ним не знакома. Я спросила Кэрри, не говорила ли она с мамой и бабушкой, она сказала «нет». Тогда я спросила, может быть, мне с ними поговорить, но Кэрри снова сказала «нет», потому что бабушка никогда не одобряла Элфриду, и будет лучше, если Кэрри сама с ними поговорит. Кэрри придет завтра, сообщит им новости и успокоит бабушку, если она начнет протестовать. Мама не скажет ни слова, она только и думает о Рэндале и Флориде.

Я спросила Кэрри, что взять с собой. Шубу, сказала

она, и снегоступы, но это, конечно, шутка.

Не верится, что еду в Шотландию. Я уже считаю дни.

Кэрри говорит, что там, наверное, не будет слишком празднично из-за того, что Оскар и Элфрида такие старые. Но разве это имеет какое-то значение, ведь я еду с Кэрри! И вообще, мне не очень-то нравится рождественский пудинг. Кэрри говорит, там побережье Северного моря. Здорово!

Не могу дождаться!

8
ЭЛФРИДА

Сегодня, субботним утром, Элфрида спустилась вниз первой. Она надела плотные вельветовые брюки и два свитера и была этому очень рада, когда открыла заднюю дверь выпустить Горацио в сад. Ночью был сильный мороз, все вокруг сверкало и искрилось, трава на газоне похрустывала под ногами. Еще не рассвело. Они с Горацио вошли в пятно света от уличного фонаря, освещавшего переулок, ступенями поднимавшийся дальше вверх по холму.

Горацио ненавидел холод, поэтому Элфрида не ушла обратно в дом, а ждала. Пес, слегка порыскав, пулей понесся в другой конец сада, как видно, унюхав кролика, а потом долго подыскивал место, чтобы поднять лапу. Стоя недвижимо, Элфрида закоченела и, чтобы набраться терпения, смотрела на небо — сапфирово-синее, чистое. На востоке, над морем, светилась узенькая полоска, хотя солнцу еще предстояло перейти горизонт. День обещает быть прекрасным, решила Элфрида и обрадовалась. Хватит с них серого неба, ветра и дождя.

Наконец-то Горацио иссяк, они вбежали в дом, в тепло, и Элфрида захлопнула дверь. Она поставила чайник на плиту, достала сковородку и бекон. Застелила стол клетчатой скатертью, поставила чашки, блюдца. Нашла яйца. Оскар очень любил горячий завтрак, и, хотя Элфрида не присоединялась к нему, она с удовольствием вдыхала аромат жарящегося бекона.

Тосты она готовила с опаской. В этой старомодной кухне можно было легко их погубить, потому что тостер был старый, далеко не в лучшем состоянии и вел себя соответственно. Иногда он выдавал вполне приличные подрумянившиеся ломтики, а иногда извергал хлеб таким, каким тот и был в него вложен. Ну, а если тостер пребывал в плохом настроении и забывал выключиться, кухня наполнялась черным дымом, и почерневшими сухарями, которые он наконец выкидывал, пренебрегли бы даже чайки.

Элфрида все время говорила себе, что пора обзавестись новым тостером. На верхней улице была небольшая лавочка «Уильям Дж. Крофт, электротовары». На витрине этого заведения красовались микроволновки, фены для сушки волос, паровые утюги, вафельницы и прочие технические новинки, без которых Элфрида могла прожить совершенно спокойно. Но

тостер был необходим. Она уже зашла как-то к Крофту, но спасовала перед ценой и ушла без покупки.

С финансами было туговато. Без домашнего производства декоративных подушек она испытывала их хронический недостаток. Понедельники, когда она могла отправиться на почту и забрать пенсию, не спешили с приходом. Элфрида уже подумывала кому-то временно сдать дом на Пултонс-роу с поквартальной оплатой, что обеспечило бы небольшой приток денег, однако организовать это из Сазерленда было слишком сложно. Сама она с этим не справилась бы, и потому оставила эту соблазнительную идею. Мучают ли Оскара те же проблемы, она не знала и не собиралась выяснять. Может быть, у него были какие-то небольшие сбережения, в облигациях или акциях. В Грейндже жили на широкую ногу, но Элфрида знала, что Глория сама оплачивала повседневные расходы.

Так что Элфрида продолжала сражаться со стареньким тостером, приняв решение, что если даже сэкономит немного денег, то потратит их на книги или на цветы.

Сегодня тостер был в хорошем настроении, и к аппетитному аромату бекона прибавлялся аромат свежих тостов и горячего кофе. Кофе был важнее всего. Элфрида сидела за столом и пила первую кружку, когда вниз сошел Оскар. Она тут же отметила изменения в его внешности. Обычный домашний наряд — теплую рубашку и пуловер сегодня дополнили галстук, жилет и отличный твидовый пиджак.

— Ты очень элегантен!

— Спасибо. Мне приятно, что ты это заметила.

— Почему это ты так принарядился?

Он взял свою тарелку с яичницей.

— Потому что сегодня суббота.

— Это так важно?

— И еще потому, что нельзя превращаться в неряшливую, шаркающую развалину. — Он сел за стол, Элфрида налила ему кофе. — Спасибо. Я сделал над собой некоторое усилие. Дело в том, что я хочу нанести один визит.

Элфрида насторожилась, но постаралась не выказать своего удивления.

— Кого же ты собираешься посетить?

— Розу Миллер.

— Кто это?

— Мой очень старый друг.

— Но ты никогда о ней не говорил. Мне пора начать ревновать?

— Думаю, не стоит. Теперь Розе, должно быть, не меньше восьмидесяти пяти. Она была горничной моей бабушки. Живет в Корридэйле, в малюсеньком коттедже с камышовой крышей. Хочу засвидетельствовать ей мое почтение.

— Но все же почему ты вдруг решил повидать горничную своей бабушки? Ты все это время жил таким затворником, что можно было подумать, скрываешься от полиции.

— Ты не хочешь, чтобы я туда пошел?

— Ах, дорогой Оскар, я в восторге. Просто не совсем понимаю, что изменилось.

Оскар поставил чашку. Когда он снова заговорил, голос у него был совершенно другой, он уже не шутил.

— Это произошло вчера. Я встретил того священника — Питера Кеннеди. И повел себя глупо и грубо. И еще одно. Все это время я делал вид, что никому тут не известен, но, конечно же, это не так. Если Питер Кеннеди знает обо мне, значит, знают и другие. Но они вежливые и застенчивые люди. Они понимают мое состояние и не придут в гости. Городок этот маленький, и новости распространяются со скоростью света. Роза Миллер наверняка слышала, что я вернулся. Она очень обидится и даже оскорбится, если я не приду к ней. Поэтому я решил ее навестить. Куплю ей у Артура Снида букет цветов, и мы вместе вспомним прошлое. Тебе ведь не понадобится машина?

— Нет. Что в этом городке замечательно, так это то, что все рядом: перейдешь площадь — и, пожалуйста, ты в супермаркете; спустишься по улице — тут мясная лавка, а по дороге домой можно зайти в книжный магазин и полистать книжки. Если меня вдруг потянет полюбоваться антиквариатом, я загляну в соседнюю лавочку и выйду оттуда с чайником для заварки времен королевы Виктории. А то пойду и сотворю себе перманент.

— Не хочешь ли ты сказать, что в Кригане есть дамский парикмахер?

— Именно. Помещается над цирюльней. А где же еще? Элфрида наклонилась над столом, чтобы убрать пустую тарелку Оскара и налить себе вторую чашку кофе. Плотные клетчатые шторы все еще были задернуты, она раздвинула их и увидела посветлевшее небо.

Почему-то она вдруг повеселела, впервые за долгое время. День будет чудесным. Очень холодным, но прекрасным. Оскар отправляется с визитом, а на следующей неделе приедут Кэрри с Люси. Быть может, вчера был поворотный день, а она ничего не приметила?

— Пойду прогуляюсь, — объявил Оскар. — Разомну ноги. Глотну

свежего воздуха. Я возьму с собой Горацио.

Он совершенно определенно не ждал, что она к ним присоединится. Впрочем, у нее не было ни малейшего желания выходить в стужу и ветер. И снова она сумела не выказать никакого удивления, а просто посоветовала, чтобы он оделся потеплее. Возможно, то, что Оскар при встрече с этим человеком, Питером Кеннеди, запаниковал и сбежал, подобно псу, куснувшему руку дающего, произвело неблагоприятное впечатление не столько на священника, сколько на самого Оскара. Он явно устыдился своего поступка. Наверное, всю ночь промучился угрызениями совести. Быть может, визит к старушке горничной Розе Миллер вызван стремлением загладить вину? И это его первый добровольный шаг назад, к людям?

Элфрида поставила свой кофе на стол.

— Когда у тебя свидание с Розой?

— Я думаю, в половине одиннадцатого будет удобно. А ты как считаешь?

— Правильно. Она уже будет хлопотать по дому, угостит тебя чаем с печеньем. — Она отхлебнула кофе. — Поскольку ты будешь в Корридэйле, может, заглянешь к майору Билликлифу?

— Элфрида!

— Ах, Оскар, он совершенно безобидный старикан и, похоже, ужасно одинокий. Мы не можем делать вид, что его просто не существует. В конце концов, он ждал нас с ключом и даже предложил нам выпить. — Оскар молчал. Похоже, идея не очень его вдохновляла. — Ты можешь заглянуть к нему как бы случайно, по пути. Пригласишь его к нам на коктейль или что-то еще, когда приедут Кэрри и Люси. Можешь сказать, что будет небольшая вечеринка.

Оскар ловко перевел разговор на другую тему.

— А когда они приезжают?

— В пятницу. Я ведь уже говорила тебе. Они прилетят в Инвернесс, и я попросила таксиста подъехать туда и забрать их.

Элфрида пила мелкими глотками кофе. Она забыла о майоре Билликлифе и теперь думала о приезде Кэрри и Люси.

— Времени у нас немного. Пора подыскивать мебель для мансарды. Надо мне поспрашивать, где здесь продают подержанные вещи.

— Кого же ты будешь спрашивать?

— Конечно миссис Снид. Она-то уж наверняка знает.

Эта увлекательная дискуссия могла длиться без конца, если бы не раздался пронзительный перезвон у входной двери. Перепуганный Горацио рывком сел в своей корзине и залился оглушительным лаем.

Элфрида прикрикнула на него и пошла к двери. На коврике лежали два письма, что она восприняла как добрый знак — со дня приезда в Криган они не получали никакой корреспонденции.

Она наклонилась, подобрала письма и понесла их Оскару.

— Одно тебе. Адрес напечатан на машинке, как видно, деловое, возможно, от управляющего банком. Другое мне.

— Теперь моя очередь ревновать.

— Не думаю, что для этого есть причины. — Элфрида нащупала очки в кармане свитера и надела их. — Аккуратный, старомодный почерк. — Она взяла нож, вскрыла конверт и вынула письмо. Перевернула обратной стороной, прочла подпись и улыбнулась. — Оскар, это от Гектора. Какой он милый — написал нам. — Она села, развернула плотную голубую бумагу. — И чек! Чек на пятьсот фунтов!

У Оскара отвисла челюсть.

— На пятьсот фунтов?! Ты уверена?

— Посмотри сам. Выписан на тебя. — Она протянула ему чек. Оскар долго смотрел на него в некоторой растерянности, потом сказал: — Прочти-ка лучше письмо.

Элфрида прочла вслух:

— «Мои дорогие Оскар и Элфрида, не написал раньше потому, что хотел дать вам обоим время устроиться на новом месте. Надеюсь, поездка прошла благополучно и вы нашли дом в хорошем состоянии. Должен признаться, что после вашего отъезда я чувствовал себя обязанным написать письмо Питеру Кеннеди, священнику приходской церкви в Кригане. Я знаю о вашем желании жить уединенно и анонимно, чтобы свыкнуться с постигшей вас трагедией. Но меня не оставляло беспокойство за вас, а Питер очень хороший человек и надежный друг, и я знал, что могу довериться ему, он никому не расскажет о вашем горе. Покуда я не передал Корридэйл Хьюи, Питер был там постоянным гостем, и я получал большое удовольствие от его общества и его острого ума. Я предвижу, что он найдет возможность познакомиться с вами, и хотел бы, чтобы вы приняли его заботу и помощь. Надеюсь, вы не обидитесь на меня за эти мои действия. Меня также беспокоит, в каком состоянии находится дом, боюсь, он недостаточно обставлен и оборудован. Как вы знаете, я не бывал в Кригане уже много лет, однако, когда дом покинули Кочрейны, я договорился, чтобы за ним присматривали. Поскольку я чувствую себя ответственным за ваш переезд — ведь это я убеждал вас уехать из Гэмпшира и поселиться в Кригане, — мне доставит большое удовольствие пополнить ваш бюджет и тем самым сделать вашу жизнь более приятной. Поэтому я вкладываю в

конверт чек на пятьсот фунтов. Надеюсь, этого будет достаточно для удовлетворения ваших нужд. Погода в Лондоне все еще пасмурная и холодная. Я почти не выхожу из дома. Надеюсь, вы оба здоровы. Буду очень рад, если вы напишете или позвоните — тогда мне будет спокойнее. Видел в „Таймс“ объявление о продаже Грейнджа. Мальчики не теряют времени. С наилучшими пожеланиями вам обоим. Искренне ваш Гектор».

Элфрида молча свернула письмо и вложила его обратно в конверт.

— Я напишу ему сегодня же, — сказала она.

— Он очень добрый человек. Но мы-то на самом деле ни в чем не нуждаемся.

— Неправда, нуждаемся, — твердо сказала Элфрида.

— Например, в чем?

— Например, в новом тостере, который не сжигал бы тосты, не взорвался бы и не убил бы меня током. Этот уже совсем старый. Потом я должна купить кровать для Люси, и было бы очень хорошо повесить шторы на лестничное окно.

— Я ничего этого и не замечал, — смущенно сказал Оскар.

— Мужчины никогда не замечают.

— Может быть, купишь посудомоечную машину?

— Я не хочу посудомоечную машину.

— Или микроволновую печь?

— И микроволновую печь тоже не хочу.

— Или телевизор?

— Никогда не смотрю телевизор. А ты смотрел?

— Только новости. И слушал гимны. И концерты классической музыки.

— Хорошо, что нам так мало нужно, Оскар!

— Во всяком случае, нам пока везет. — Он взял чек и стал его разглядывать. — Во всех отношениях. Перед тем как навестить Розу, я зайду в Шотландский банк и открою для нас совместный счет. Так что можешь покупать мебель.

— Но деньги предназначены не мне.

— Они для нас обоих.

— И ты считаешь, Шотландский банк окажет нам такую услугу?

— Я держу там деньги с юных лет. Не предвижу никаких трудностей.

— Ты, Оскар, человек действия. И не забудь купить цветы для Розы.

— Не забуду.

*** * ***

День выдался ослепительно яркий. В синем небе алое солнце, и ни единого дуновения ветерка. Дамы, отправившиеся за покупками, осторожно ступали по тротуару, боясь поскользнуться или упасть; на всех были толстые башмаки, теплые шапки и перчатки. Но и холод был не помеха, если им было что рассказать друг другу, и облачка пара так и клубились во время их болтовни.

За черным кружевом голых веток под лучами солнца светилась золотом церковь. Вокруг шпиля кружили чайки, а на острие флюгера уселась ворона. Мороз покрыл ледяной коркой траву на древнем кладбище, а машины, приезжающие с отдаленных горных ферм, были покрыты белыми подушками. Из багажника одной из них торчала рождественская елка.

Прибравшись, заправив постели и притащив корзину дров из сарая, Элфрида села в эркере и с удовольствием полюбовалась картинкой зимней жизни Кригана. Оскар долго скреб ветровое стекло и прилаживал дворники. Наконец, он уехал. Элфрида надеялась, что Роза Миллер будет рада его визиту.

Она повернулась к столу — теплый солнечный лучик упал ей на спину — и начала письмо к Гектору.

«9 декабря.

Дорогой Гектор,

как хорошо, что Вы написали нам, и спасибо от Оскара и от меня за щедрый чек. Он пришелся более чем кстати по ряду причин. Нам действительно кое-чего не хватает, хотя мы прекрасно обходимся. Но на Рождество к нам приезжает моя племянница Кэрри Саттон, вместе со своей племянницей Люси — ей четырнадцать, — и теперь я смогу украсить наше жилище, сделать его более уютным. Нам просто необходим новый тостер — это самое главное, но кроме того, я должна купить какую-то мебель для комнаты Люси (она будет спать в мансарде), так что ваш чек очень пригодится.

Оскар чувствует себя хорошо. Все время, что мы здесь, он был замкнут в себе, и я порой впадала в

отчаяние, думая, вырвется ли он когда-нибудь из долины скорби и начнет ли новую жизнь. Он никого не хотел видеть, ни с кем не разговаривал. Однако вчера, взяв с собой Горацио — это мой пес, — он отправился в долгую прогулку, и около гольф-клуба к нему подошел Питер Кеннеди. Оскару этот человек понравился, он сказал мне, что у него очень приятное лицо. Питер пригласил его в клуб на чай, и он принял приглашение, но затем, узнав, что Питер священник, почему-то испугался и сбежал.

Он ужасно из-за этого расстроился, но, я думаю, этот инцидент заставил его задуматься, и он понял, что не может навсегда спрятаться от людей. Так что сегодня утром он сел в машину и поехал с визитом к Розе Миллер в Корридэйл. Это его первый добровольный шаг к людям, и я полна надежды, что следующий визит будет к Кеннеди и что это не за горами. Как бы то ни было, Оскара нельзя подгонять, надо позволить ему решать самому.

У нас и правда все в порядке, дни текут мирно. Сазерленд — очень спокойный уголок земли, мы с Горацио совершаем дальние прогулки по берегу, иногда возвращаемся уже после заката. Телевизора у нас нет, но мы, право же, в нем и не нуждаемся. Оскар привез с собой маленькое радио, и мы проводим долгие вечера за игрой в канасту или слушаем музыку.

Наш путь сюда, казалось…

Элфрида была так поглощена письмом, что не слышала ни голосов на улице, ни того, как открылась и закрылась витая железная калитка, ни шагов по дорожке к парадному. Когда зазвенел звонок, она так испугалась, что выронила ручку. Горацио, как всегда, залился паническим лаем. Элфрида вышла из гостиной и сбежала вниз по лестнице.

— Тихо, Горацио! — Она перешла холл и широко распахнула тяжелую парадную дверь — навстречу солнцу, холоду и незнакомой женской фигуре. — Прошу прощения — пес ужасно нервный.

— Не извиняйтесь, все в порядке.

Ее гостьей оказалась женщина лет около сорока, высокая, стройная, с совершенно необыкновенной внешностью. У нее были очень черные, как

вороново крыло, волосы, падающие прямыми прядями до плеч, и челка. Одета она была в длинную красную шерстяную юбку и барбур — теплую куртку, довольно поношенную. Обмотанный вокруг шеи клетчатый шарф обрамлял красивое, тонкое лицо без следов косметики. Щеки загорелые, разрумянившиеся от холода, глубоко посаженные глаза цвета крепкого кофе. В одной руке она держала пластиковую сумку, в другой — маленькую деревенскую корзинку с яйцами. Она улыбалась.

— Здравствуйте! Вы Элфрида Фиппс? Надеюсь, я не потревожила вас? Я — Табита. — Элфриде это имя ни о чем не говорило, что явно выразилось на ее лице. — Табита Кеннеди. Жена Питера Кеннеди.

— О! — Элфриде не так-то легко было скрыть свое изумление. Стоявшая перед ней экзотическая красавица была менее всего похожа на жену священника. — Мне очень приятно познакомиться с вами! — Она отступила назад, держа дверь открытой. — Входите же.

Однако Табита колебалась.

— Но, может, вы заняты. Я всего лишь принесла вам яичек. От моих курочек.

— Я вовсе не занята, а свежие яички — это роскошь. Входите, я угощу вас кофе. — Табита вошла. — Вы не против, если мы зайдем сначала в кухню? — Элфрида пошла вперед. — Я поставлю чайник, а потом мы возьмем кофе наверх. Или вы предпочтете чай?

— Умираю, хочу кофе. Я просто заледенела. Питер взял машину, и мне пришлось пешком спускаться с нашего холма. Думала, грохнусь на спину — так скользко. — Она прошла вслед за Элфридой на кухню, поставила корзинку с яйцами на стол, а свою пластиковую сумку повесила на стул.

— И Оскар тоже взял машину. Поехал в Корридэйл навестить некую леди по имени Роза Миллер.

— Вот чудесно! Роза всегда обожала Оскара. Он у нее с языка не сходит. Знаете, а я никогда не видела эту кухню. Если я приходила в особняк, это всегда был очень формальный визит, и я поднималась прямо наверх, в большую гостиную. Кочрейны были странные люди, очень замкнутые. Не любили развлечений. Раз в году нас с Питером приглашали на чай и чинный разговор. Довольно тяжкое было испытание. Как вы устроились?

— Отлично. — Элфрида, поставив чайник на плиту, доставала поднос, чашки и блюдца.

Табита осмотрелась.

— Эта кухня словно из какого-нибудь национального исторического музея. У моей бабушки была такая же. Не уверена, что Кочрейнов

привлекала всякая современная техника, но если у них что-то и было, миссис Кочрейн наверняка увезла все хорошее с собой. Посудомоечная машина тут есть?

— Нет. Но у меня ее никогда и не было, так что это не страшно.

— А стиральная?

— Какая-то древняя, стоит в посудной. Работает, хотя и очень медленно. А сушу я на веревке, в конце сада.

— Посудная! Можно взглянуть?

— Конечно.

— Ну что ж, это уже лучше. Кафельный пол, фаянсовые раковины, деревянный дренаж. И холодильник есть.

— В такую погоду он и не нужен.

Табита захлопнула дверь посудной, вернулась в кухню, пододвинула стул и села за стол.

— А гостиной наверху вы пользуетесь?

— Все время. Только и бегаю вверх-вниз по лестнице.

— А какие комнаты внизу?

— Одна — очень мрачная столовая в викторианском стиле. Громоздкая мебель красного дерева, плюшевые шторы и пианино с подсвечниками. Во второй комнате, очевидно, был кабинет. Не думаю, что Кочрейны ею пользовались. Там до сих пор стоит старое бюро с выдвижной крышкой и стол с ящиками, которые, как видно, использовались для сбора ренты. Двери в эти комнаты всегда закрыты. Едим мы здесь или же возле камина.

— Это куда удобнее.

— Да, Оскар не возражает.

— Я рада, что его нет дома, — призналась Табита. — Ведь я к вам заглянула, чтобы извиниться, а теперь могу этого не делать.

— *Извиниться?!* За что?

— Меня послал Питер. Он очень расстроился — ему кажется, что вчера он был довольно бестактен и огорчил Оскара.

— По-моему, это Оскар считает, что должен извиниться перед Питером. Он поступил некрасиво — просто сбежал. Вдруг запаниковал. Но он полон раскаяния.

— Гектор написал нам, что его жена и дочь погибли в автокатастрофе. От такого скоро не оправишься, пройдет много времени, прежде чем он сможет вернуться к нормальной жизни.

— Это называется горе.

— Да. И вам тоже нелегко.

— На самом деле это просто адская мука. — Элфрида услышала свои

слова и поразилась, что произнесла их — даже себе она не признавалась, что на нее иногда вдруг находит страшная тоска. — По-моему, хуже всего — это сознание безысходности, потому что ничем не можешь помочь. И нетерпение. А оттого, что ты испытываешь нетерпение, — чувство вины. Сколько раз я готова была откусить себе язык. Я ведь очень общительный человек. И дело не в бесконечных хождениях в гости и шумных вечеринках. Я люблю, чтобы у меня было много друзей, люблю узнавать все новых и новых людей. А сейчас, из-за Оскара, я вынуждена вести замкнутую жизнь. Люди подумают, что я важничаю.

— Не подумают, я уверена.

— Миссис Снид моя спасительница. Мы бесконечно пьем чай и все разговариваем, разговариваем…

— Я рада, что она у вас работает.

— Но сегодня… сегодня у меня такое чувство, что самое страшное время, может быть, уже позади. Надеюсь, что это так. Оскар очень милый человек, он не заслужил такого несчастья. Быть может, его визит к Розе Миллер — первый шаг к будущему.

— Мы с Питером мысленно были с вами, но решили, что вам обоим нужно время, чтобы прийти в себя. Вот только трудно угадать подходящий момент…

— Пожалуйста, не думайте об этом.

— Ничего, если Питер зайдет повидать Оскара?

— По-моему, замечательная идея, только пусть Питер сначала позвонит.

— Я ему скажу.

Кофе был готов. Элфрида взяла поднос с кофейником.

— Пойдемте наверх. Там уютнее.

Она шла впереди, Табита за ней.

— Я всегда любовалась вашей прекрасной лестницей. Такой торжественный вход производит впечатление. Питер говорит, что перила сделаны из балтийской сосны, ее привозили как балласт на наших рыболовецких судах. — Табита помедлила на лестничной площадке, окинула взглядом сад. Замерзший, унылый в разгар зимы, он террасами лужаек поднимался по склону холма, а посередине шла тропинка и короткие марши ступенек. На самом верху высились сосны с галочьими гнездами. — Я уж и позабыла, сколько тут земли. С переулка из-за стены не видно. Мне нравится, когда сад огорожен. Старый Кочрейн был замечательным садовником. Снабжал нас свежим салатом.

— Оскар тоже любит работать на земле, но пока что он только

немножко сгреб листья.

— Весной тут зацветут желтые нарциссы, а террасы станут лиловыми от обреции. А потом распустится сирень… Да, лестница действительно очень красивая. Поражает своей величавостью. Кажется, она становится все шире и шире… — В открытую дверь гостиной протянулся солнечный луч. — Я всегда считала, что эта гостиная просто прелесть. Ах, смотрите-ка, они оставили вам люстру. Она, должно быть, из Корридэйла. — Табита огляделась и заметила маленькую картину Элфриды. — Боже, какая прелесть! — Она подошла поближе. — Ее тут прежде не было, я права?

— Не было. Это моя картина. — Элфрида опустила поднос на столик у окна.

— Похоже, это Дэвид Уилки.

На Элфриду произвело впечатление такое знание живописи.

— Да, это он. У меня она давно. Вожу ее с собой из дома в дом.

— Как вы оказались владелицей такой ценной картины?

— Это подарок.

Табита засмеялась.

— Как видно, кому-то вы очень нравились.

— Мне кажется, она слишком мала для такой просторной стены. Как будто наклеили марку.

— Зато очаровательна.

Элфрида подошла к камину, чиркнула спичкой.

— А надо ли разжигать камин? — спросила Табита. — Тут тепло.

— Самое лучшее в этом доме — бойлер и центральное отопление. Мы боялись, что застанем в доме жуткий холод, а попали в тепло и уют. Вода в ванной — почти кипяток.

— Эти старые викторианские дома так хорошо и добротно построены, что, наверное, здесь не бывает сквозняков.

Огонь занялся, заплясали язычки пламени. Элфрида положила в камин большой кусок угля и еще одно полено.

— Сядем к окну?

— Давайте. Солнце изумительное. — Табита размотала шарф, раскрыла молнию на куртке, сняла ее и бросила на стул.

— А вы сидите тут и наблюдаете? Наверное, уже столько всего про нас, местных, узнали, что можно книгу писать.

— Да, бывают очень забавные сценки. — Элфрида отодвинула в сторонку письмо, которое писала Гектору. — А вы давно здесь живете?

— Да уже лет двадцать. Мы поженились как раз перед тем, как Питер стал тут священником.

— Сколько же вам было лет?

— Двадцать. — Табита ухмыльнулась. — Некоторые прихожане были недовольны, что им прислали такого молодого священника, но вскоре привыкли к нам. Наши дети родились здесь.

— Сколько им?

— Рори восемнадцать. Только что окончил школу. Он получил самые высокие оценки и зачислен в Даремский университет, но начнет учиться только в следующем году. Сейчас у него свободный год, и он не знает, чем заняться. Питер говорит, что ему все равно, лишь бы парень не болтался без дела. А дочери — ее зовут Клодэг — двенадцать, она помешана на лошадях. Мы понять не можем, почему она избрала себе такое дорогое увлечение.

— Могло быть и хуже. Например, дельтапланеризм…

Обе рассмеялись. Приятно было болтать за чашкой кофе, как подружки, обсуждающие своих мужей и детей. Казалось, они знают друг дружку испокон веку.

Элфрида посмотрела на Табиту — в черном свитере, длинные волосы до плеч, как у юной девушки, и не могла сдержать любопытства.

— Вам нравится быть женой священника? — спросила она.

— Я счастлива, что вышла замуж за Питера. И я не только жена священника — я преподаю в школе, мой предмет — искусство. Я дипломированный учитель. Пять дней в неделю, утренние уроки.

— Вы художница?

— Да. Моя специальность — живопись и рисунок, но я учу и ремеслам — гончарному делу и шитью. Все подушечки для коленопреклонения в церкви — творение рук наших старших девочек. Это был грандиозный проект. И каждая мать в Кригане имеет несколько кривоватый горшок для бегонии.

— А я была актрисой, — сказала Элфрида и тут же смутилась. Это прозвучало так, будто она хотела перещеголять Табиту.

Но та была приятно удивлена:

— Да что вы! Хотя, признаться, я нисколько не удивлена. Вас легко представить себе на сцене. Вы были знаменитой?

— Нет, совсем нет. Но всегда была занята в спектаклях.

— Это очень важно, не так ли? Делать то, что тебе нравится, и получать за это деньги. Вот и я чувствую себя точно так же. Тогда начинаешь себя уважать. Питер меня понимает. И это еще одна причина, почему я его так люблю. Жду не дождусь, когда вы с ним познакомитесь. Я бы пригласила вас к нам, но, пожалуй, лучше подождать, пока они с

Оскаром выяснят отношения. Как только это случится, я пошлю вам приглашение. То есть позвоню.

— Буду ждать с нетерпением.

— А что вы делаете на Рождество?

— Боюсь, ничего. Не думаю, что Оскар хочет как-то отмечать его. Это понятно, ведь в такой праздник обостряются все чувства. Это тяжело. Но, может быть, что-то изменится. В пятницу к нам приезжает Кэрри, дочь моего кузена, со своей племянницей. Я предупредила, что настроение у нас не очень-то праздничное, но они все-таки решили приехать.

— Сколько им лет?

— Кэрри тридцать, а Люси четырнадцать. Я ее никогда не видела. Надеюсь, что она не слишком застенчива и в то же время не слишком бойка. И что ей будет не очень скучно с нами.

— На Рождество в Кригане очень весело, она прекрасно проведет время. Все здешние ребята собираются вместе…

— Она-то их не знает.

— Мы познакомим ее с Рори и Клодэг, а дальше уж она и сама со всеми перезнакомится.

— А они не будут против? — с сомнением спросила Элфрида.

— Против? Почему они должны быть против?

— Ну… незнакомая девочка. Из Лондона.

— Тем более о ней надо позаботиться, — сказала Табита.

Правильно, ведь она школьная учительница, которая знает, что и как надо делать, и в то же время — жена священника, воспитывающая своих детей в истинно христианском духе, подумала Элфрида. Несмотря на богемную внешность и веселый нрав, на эту женщину явно можно положиться. Табита нравилась ей все больше.

И тут ей пришла в голову одна мысль.

— Я собираюсь купить кое-какую мебель, — начала Элфрида. — У нас тут много чего не хватает, ведь дом сдавался, а потому и обставлен был лишь наполовину. Со спальней для Кэрри все благополучно, а Люси я хочу поместить в мансарде. Там, по-моему, мило и светло, только вот… Не хотите взглянуть сами? Может, посоветуете, что туда купить?

— Конечно хочу. Ужасно люблю все смотреть! — Табита допила кофе и, отвернув рукав свитера, посмотрела на часы. — А потом я убегу. У Питера сегодня ранняя служба в Бакли, и перед уходом я должна накормить его супом.

— Если вы торопитесь…

— Успею. Пойдемте, покажите мне. Я большой знаток по части

интерьера.

— Вот только… у нас довольно скромные возможности.

— Я жена священника. И этим все сказано.

Они поднялись на верхний этаж и вошли в мансарду. В одной комнатке, без окошек, стояли три старых сундука, портновский манекен, а по углам вилась паутина. Во второй через потолочное окно лился бледный зимний свет.

Табита была очарована.

— Дивная комнатка! Любая девочка придет в восторг. Вы хотите постелить ковер? Пол тут очень приятный. И радиатор есть, очень уютно. Конечно, нужна кровать и, быть может, комодик. Или небольшой туалетный столик. А как насчет телевизора?

— Телевизора у нас нет.

— Ну да. Но подростки без него не могут, им непременно надо на что-то таращить глаза. Кстати, у Рори есть старенький телевизор, я с ним поговорю. Сюда еще нужны лампы и штора на окно, а то девочке будут мерещиться привидения.

Элфрида сказала:

— Гектор прислал нам немного денег. Я думаю, если бы что-то из подержанных вещей…

— В Бакли есть замечательный рынок.

— Там я еще не была.

— Я вас отвезу, и мы все купим.

— И кровать?

— Ах, кровати там чудесные. И простыни, и картины, и предметы искусства, и жуткие старые платья, и гардеробы, и ковры. Давайте на следующей неделе? Во второй половине… Вторник подойдет?

Элфрида, чей календарик был уныло пуст почти месяц, кивнула.

— Мы сможем поехать в вашем автомобиле? Питеру может понадобиться наш.

Элфрида снова кивнула.

— Вот и развлечемся. Буду ждать с нетерпением. — Табита опять взглянула на часы. — Значит, договорились. Ну, теперь мне пора бежать, а то Питер рассердится.

Она ушла, и Элфрида села дописывать письмо Гектору.

…будет бесконечен, но все же он завершился — на второй день, в семь часов вечера, мы прибыли. Это мое послание заняло много времени — мне пришлось

прерваться, потому что нам нанесла визит Табита Кеннеди. Уверена, что очень скоро Питер и Оскар выяснят отношения, они просто не поняли друг друга. Табита — прелесть, хочет повезти меня на рынок в Бакли, чтобы купить кое-какие вещи для дома.

Еще раз спасибо Вам за доброту и щедрость. Надеюсь, Вы чувствуете себя хорошо, а погода смилостивится настолько, что Вы сможете выходить на прогулки.

С огромной любовью от нас обоих

Элфрида».

Она перечитала письмо, положила в конверт, надписала адрес и отыскала марку. Затем спустилась в кухню и произвела беглый осмотр холодильника. Решила, что нужны только овощи и, может быть, немного фруктов. Горацио спал в своей корзине и совершенно определенно не хотел, чтобы его беспокоили, поэтому Элфрида оделась потеплее и вышла за порог. Дверь она не заперла — она уже усвоила, что в Кригане никто не запирает двери.

Холод пробирал до костей, но низкое солнце все же немного отогрело мостовую и тротуары — они были черные и мокрые. Однако Элфрида все равно ступала очень осторожно, как и другие дамы, отправившиеся за покупками. Не хватало еще сломать ногу!

Она отправила письмо, потом перешла улицу к магазину Артура Снида «Фрукты и овощи». Редкий случай, но маленькая лавочка была пуста; хозяин, облокотясь о прилавок, проглядывал результаты скачек. Заметив Элфриду, он выпрямился и свернул газету.

— Здрасте, миссис Фиппс. Прекрасное утро! Как поживаете?

Миссис Снид всегда звала мужа Арфур. Эта пара стала для Элфриды еще одним приятным открытием, и не только потому, что миссис Снид прибирала в Усадьбе и была кладезем полезной информации, но и потому, что она и ее супруг были кокни. Элфрида, прожившая в Лондоне большую часть своей жизни, с удовольствием слушала их голоса — они помогали ей чувствовать себя здесь не такой чужой. Сниды приехали в Криган пять лет назад из Хэкни. За бессчетными чашками чая, выпитыми с миссис Снид, Элфрида выслушала все перипетии истории их переезда. Арфур поначалу развозил овощи на тележке и в конце концов сумел купить собственный маленький магазинчик. У него был кусочек земли, и он выращивал там прекрасные кабачки, но явились представители местных властей и сказали,

что он должен продать городу этот участок, потому что по нему пройдет шоссе. Явились один раз, явились второй — и это надоело Арфуру. Он любил читать журнал по огородничеству и садоводству и там увидел объявление, что продается цветочный магазинчик, и сказал миссис Снид: «Как тебе кажется, старушка, может, мы его купим?» И миссис Снид, верная подруга, сказала: «О'кей, Арфур», и они купили магазинчик и квартирку над ним и никогда об этом не пожалели. «Очень милые живут здесь люди, наши покупатели, и мы члены боулинг-клуба, и ездим на рыбалку в море». Что касается миссис Снид, она теперь член Церковной гильдии, ездит на экскурсии и время от времени поет в церковном хоре.

Теперь они были всеми уважаемые, полноправные члены местной общины. Правда, иногда их по привычке называли «белыми поселенцами», но никакой враждебности в этом не было.

— Вам, дорогуша, надо знать: утром мистер Бланделл покупал хризантемы для другой леди.

— Я знаю. Ее зовут Роза Миллер, и я стараюсь не давать волю ревности. Есть ли у вас брюссельская капуста?

— Есть очень хорошая брокколи. Сегодня утром доставили. Машина еле проехала. Хозяин говорит, там, на холме, снегу целые сугробы. Еще есть картофель с Кипра.

Элфрида купила брокколи и картофель, немного мандаринов в сетке и два не лучшего вида грейпфрута, которые Артур продал ей за полцены.

— Идете прямо домой, миссис Фиппс?

— Нет. — Элфрида приняла решение. — Собираюсь купить новый тостер. Нашему старому пришел конец.

— Ну так оставьте ваши сумки здесь, я их перенесу через дорогу и положу у вашей двери.

— Спасибо, Артур! И почему это картошка такая тяжелая?

Теперь, налегке, вниз по улице к «Уильям Дж. Крофт, электротовары». Колокольчик над дверью звякнул, когда она вошла внутрь, и на пороге задней комнаты появился мистер Крофт в комбинезоне цвета хаки. Большую часть времени он проводил там, чиня пылесосы и настраивая телевизоры. Он с первого взгляда узнал Элфриду, как видно, запомнил ее первый визит.

— Доброе утро, миссис Фиппс! Так, значит, вы пришли снова.

— Да. И опять поглядеть на тостеры. Но на сей раз я намерена купить один из них.

— Значит, ваш прежний взорвался?

— Нет, но может в любой момент.

— Какую модель вы тогда присмотрели?

— Самую дешевую. Но, может быть, мне купить что-то более… современное?

— У меня есть именно то, что вам нужно.

Он принес коробку и распаковал ее. Красоты тостер был необыкновенной: обтекаемая форма, голубой. Крофт продемонстрировал Элфриде, как он работает, как, поворачивая рычажок, можно получить ломтики посветлее или потемнее. Все очень просто.

— Гарантия на год, — закончил он объяснения с таким видом, словно теперь устоять перед покупкой будет просто невозможно. Впрочем, так оно и было.

Элфрида сказала, что берет тостер.

— Беда только в том, что в данный момент у меня недостаточно денег, чтобы заплатить. Вы можете отложить его, а я зайду завтра или послезавтра?

— Не нужно ничего откладывать, миссис Фиппс. Вы унесете его с собой сейчас, а заплатите, когда будете проходить мимо в следующий раз.

— Вы уверены?

— Я знаю, что вы меня не обманете.

Элфрида принесла тостер домой, распаковала, включила, сделала себе два превосходных тоста, намазала джемом и начала есть. Старый тостер она бросила в мусорное ведро. Тут хлопнула входная дверь — значит, вернулся Оскар. Жуя тост, она вышла в прихожую встретить его.

— Пришел. Ну, как Роза Миллер?

— В отличной форме. — Он снял шляпу, повесил на балясину внизу лестницы. — Мы всласть поболтали и выпили по бокалу ежевичного вина.

— А я купила новый тостер. Хочешь посмотреть? — Элфрида повела Оскара на кухню. — Ну скажи, разве не красота? Ты сказал мне, я могу покупать, что захочу, вот я и купила. Одно плохо — я еще за него не заплатила. Сказала, что занесу деньги завтра.

— Я пойду с тобой. — Оскар снял теплую куртку, пододвинул стул и сел. Элфрида выжидательно смотрела на него. Для человека, который только что пил ежевичное вино со своей старой приятельницей, он выглядел слишком усталым и задумчивым. Быть может, в одиннадцать утра ежевичное вино — слишком крепкий напиток.

— Ты в порядке, Оскар?

— Да, вполне… Элфрида, я сделал то, что ты велела. Зашел к майору Билликлифу.

— Ты хороший человек, Оскар.

— Нет. Не хороший. Я вовсе не чувствую себя хорошим человеком.

— Почему? Что случилось?

Он рассказал.

Коттедж Розы Миллер стоял на небольшом отрезке дороги, которая проходит позади дома, когда-то принадлежавшего управляющему имением, и, проезжая мимо, Оскар сказал себе: «В другой раз. Билликлиф может подождать». Однако потом, по дороге домой, согретый ежевичным вином, он вдруг услышал вой собаки — она словно звала на помощь. Оскар насторожился. Теперь уже не могло быть и речи о том, чтобы проехать мимо. Он свернул в переулок и подъехал к небольшому кирпичному дому с маленьким крылечком. Собака завыла снова.

Элфрида в страхе ждала продолжения.

— И что ты сделал?

— Вышел из машины и позвонил в дверь. Никакого ответа, только собака перестала выть и залилась лаем. Тогда я толкнул дверь — она отворилась. Я вошел и стал звать Билликлифа. Никакого ответа.

— Наверное, он забыл надеть слуховой аппарат.

— Внизу никого! А собака была заперта в задней комнате и бросалась на дверь, как в тот первый вечер, когда мы приехали к Билликлифу.

— Ты ее выпустил?

— Не сразу. Я заглянул в другую комнату. Беспорядок там был ужасный, даже хуже, чем тогда в гостиной. На спинках стульев висят рубашки, стол завален коробками и старыми газетами, по полу раскиданы клюшки для гольфа. Там была лестница, и я поднялся наверх, отворил дверь и заглянул в комнату. Майор лежал на кровати.

— Мертвый?

— Сначала я так и подумал, но потом я позвал его, и он пошевелился.

— Слава Богу!

Билликлиф не умер, но выглядел ужасно, ему явно было очень плохо. Однако, поняв, что к нему кто-то пришел, он приподнялся на подушках и постарался принять бодрый вид. Оскар пододвинул стул, сел возле кровати и спросил, что случилось. Майор объяснил, что вот уже месяц или два чувствует себя отвратительно: жуткие спазмы в желудке, отвращение к еде. Вчера приходила его уборщица, и ей так не понравился его вид, что она позвонила в Криган доктору Синклеру. Тот отменил свой утренний прием и немедленно приехал в Корридэйл. После тщательного осмотра он сказал Билликлифу, что, по его мнению, майору лучше всего на несколько дней лечь в больницу в Инвернессе, чтобы пройти обследование. Он оставил седативные и болеутоляющие лекарства и сказал, что велит медсестре

навещать больного каждый день.

Оскар спросил, когда майору нужно ехать в Инвернесс, и тот ответил, что доктор Синклер зарезервировал ему место на понедельник. Только вот добраться туда целая проблема. «Карета скорой помощи», несмотря на расстояние, могла бы приехать из Инвернесса и забрать больного, но если из-за снегопада движение на дороге будет запрещено, то за ним, очевидно, пришлют вертолет.

Тут слабый голос майора Билликлифа дрогнул, и Оскар понял, что старый вояка очень напуган — не столько перспективой полета на вертолете, сколько тем, что его ждет больница, исследования, врачи, диагноз, боли и возможная операция.

Оскар не мог не предложить проводить майора в больницу и проследить, чтобы его хорошо устроили. Услышав это предложение, тот страшно разволновался. «Но почему? — спросил он, трясущимися пальцами доставая носовой платок и утирая бессильные слезы. — Почему вы должны утруждать себя ради такого старика, как я?» И Оскар сказал: «Потому что я хочу вам помочь. Потому что вы — часть Корридэйла. Потому что вас знала моя бабушка и знает дядя Гектор. — Майора Билликлифа все это, кажется, не убедило. И Оскар закончил: — Потому что вы мой друг».

Элфрида растрогалась до глубины души.

— Ты замечательный человек, Оскар! Ему станет легче, если ты будешь рядом.

— Даст Бог, мы не попадем в буран.

— Как доедете до моста, поскорей его переезжай. А что с собакой?

— Я спустился вниз и выпустил ее в сад. Она едва добежала до куста. Это старая славная лабрадорша, и ей нужно всего лишь немного внимания. Кстати, зовут ее Бренди.

— Интересное имя.

— Когда она закончила свои дела, я посадил ее в машину, отвез к Розе Миллер и выложил старушке новости. Она ужасно расстроилась; у нее и в мыслях не было, что с Билликлифом что-то случилось, думала, он из-за непогоды не выходит. Когда я уезжал, она собиралась идти к нему, сказала, что приберется и покормит его. В свои восемьдесят пять она всегда готова помочь ближнему. К тому же, может, это и забавно, но, по-моему, она питает самые нежные чувства к старику Билликлифу. Она все говорила: «Он, конечно, слишком любит виски, но славный джентльмен и слишком гордый, чтобы просить о помощи».

— А что же с бедняжкой Бренди?

— Роза хочет договориться со своим племянником Чарли, чтобы тот позаботился о ней, пока Билликлиф будет в больнице. Чарли работает в поместье садовником, он найдет место для собаки.

— Похоже, ты все предусмотрел.

— Надеюсь, Билликлиф дотянет до больницы.

— Вот так утро тебе выдалось!

— Но я рад, что зашел к нему. — Он улыбнулся. — А как ты? Какие еще новости, кроме покупки тостера?

— У меня было чудесное утро. Гораздо лучше, чем у тебя. Я написала письмо Гектору, и меня посетила Табита Кеннеди. Мне нужно столько тебе рассказать!

— Тогда расскажешь за ланчем. Мне нужно поднять настроение. Давай устроим праздник в честь чистой совести и щедрости Гектора. Пойдем в паб, съедим по сэндвичу или, может, по куску пирога, и я угощу тебя джином с тоником. Мы выпьем за… нас!

Ланч. В пабе!

— Ты это серьезно?

— Конечно.

— Ах, Оскар! — на какое-то мгновение Элфриде показалось, что она сейчас заплачет, но вместо этого она обошла стол и крепко его обняла.

Это был действительно хороший день.

9
ОСКАР

Поздно позавтракав и, как всегда, тепло одевшись, Оскар вышел на улицу и направился к газетному киоску, чтобы забрать еженедельный груз воскресных газет. Городок был пуст и тих, ни одной машины. Раздавались только крики чаек и галок. День был яркий, солнечный, без единого облачка, без малейшего ветерка. Все закоченело от холода, и шаги Оскара гулко раздавались на пустынной мостовой. Он чувствовал себя одиноким исследователем Арктики.

Вернувшись, он встретил Элфриду и Горацио, отправлявшихся в долгую прогулку по берегу. На голове Элфриды была шерстяная шапка, похожая на грелку для чайника, которую она низко натянула на уши, и теплая накидка из пледовой ткани с кистями внизу.

Она позвала Оскара составить им компанию, но он отклонил приглашение, потому что хотел поскорее узнать о лондонских новостях: картинных галереях, опере, концертах. Он с удовольствием читал также вести для садоводов. То, что совершается в мире, его не интересовало.

— Вы надолго уходите? — спросил он Элфриду.

— Вернемся вовремя, чтобы поджарить твою котлету. А в духовке стоит рисовый пудинг.

Оскар любил рисовый пудинг. Элфрида уже готовила его вчера, великолепный сливочный пудинг, чуть сдобренный лимонной цедрой.

— А куда вы направляетесь?

— Погуляем вдоль дюн. А что?

— Если не вернетесь до темноты, я вызову полицейский наряд и отправлюсь на поиски.

— Но я же обещала тебе, что буду осторожна.

— Да уж, пожалуйста.

И они расстались. Оскар вошел в дом и поднялся по лестнице в их величественную гостиную. Он зажег огонь из приготовленной Элфридой растопки, спустился вниз, в чулан, где наполнил корзинку полешками, и вернулся. Если камин топится весь день, то одной корзины не хватает. Оскар уютно устроился и развернул газету на разделе искусств.

Его покой нарушил колокольный звон. Часы на башне пробили половину одиннадцатого утра. Он уронил газету, встал, подошел к окну и сел вполоборота на кушетку, так что видна была улица внизу. В воскресное

утро интересно наблюдать, как пустые улицы постепенно, но неуклонно заполняются людьми.

Церковь тоже ожила, готовясь принять еженедельный приток паствы. Главные двери открылись. Церковные служащие, старейшины, или как еще они там называются, в темных костюмах или в шотландских юбочках медленно шествовали от ворот к дверям церкви и исчезали внутри. Оскар узнал мистера У. Дж. Крофта, продавшего Элфриде их новый тостер. Донеслись, словно издалека, звуки органа. «Пусть пасутся овцы в мире». Звуки были глухие, они гасились толстыми каменными стенами, но профессиональный слух Оскара их узнавал, равно как и хорошее качество органа, и компетентное исполнение. А как часто в деревенских церквах органистам приходится мучиться со старым, почти бездыханным инструментом и безголосым хором. Иногда приходится даже громко подпевать, чтобы паства имела хоть приблизительное представление о мелодии.

Оскару не очень нравилось столь близкое соседство церкви, постоянно напоминавшее обо всех, кого он потерял. Глядя, как подъезжают к ней автомобили и стекаются группки людей, он знал, что стоит ему перейти через дорогу — и его понесет прямо к величественным вратам и далее в устремленный к небесам неф.

Окна церкви были высокие, стрельчатые, в готическом стиле. Снаружи краски и узоры цветных витражей казались тусклыми, но Оскар знал, что оценить их сверкающую, как драгоценные камни, красоту можно только изнутри, когда в них преломляются лучи солнца и на вытертые плиты пола ложатся рубиновые, сапфировые и изумрудные пятна.

Возможно, в этом было нечто символическое. Может быть, и вне церковности есть удовольствия, радости и утешение, в которых он, в своем теперешнем состоянии, себе добровольно отказывает?

Это было интересное предположение, но тревожное, и ему не хотелось на нем сосредоточиваться. Оскар отошел от окна и снова уселся у камина с газетой. И все же, когда раздались звуки первого псалма, он опустил газету и невидящим взглядом уставился на огонь.

«Внемлите», — Голос возвещает. —
«Христос пришел», — Он говорит.
«Гоните Мрак, что вас смущает.
Ведь Жизнь есть Свет», — Он нам твердит.

Благородный, старый, классический рождественский гимн. Оскар вспомнил, как репетировал его с хором в школе, где преподавал, и как умолял детей петь так, словно они действительно веруют в пришествие Надежды и Света.

Он подумал: «Я должен встретиться с Питером Кеннеди». Однако воскресенье — самый занятой день у священника. Может быть, завтра или послезавтра.

А пока… Оскар поправил очки и принялся сосредоточенно читать в «Санди таймс» критическую статью об опере «Фиделио» в постановке Джонатана Миллера в Ковент-Гарден.

Миссис Снид приходила по понедельникам и четвергам. В этот понедельник она пришла ровно в десять, когда Элфрида и Оскар допивали кофе после завтрака. Как всегда, громко хлопнула дверь черного хода, потом наступила тишина, означавшая, что в посудной миссис Снид снимает куртку с капюшоном, шарф и сапоги. Потом дверь шумно распахнулась, и миссис Снид возникла на пороге со словами:

— С добрым вас утром!

Да, таким выходом, подумал Оскар, любая актриса могла бы гордиться.

— Доброе утро, миссис Снид.

— Вы только подумайте! Какой холодище! — Потирая руки, чтобы восстановить кровообращение, миссис Снид со стуком закрыла за собой дверь. — Ветер так и режет, как ножом.

Элфрида поставила чашку на блюдце.

— Выпейте чаю, — предложила она.

— Не откажусь. Чайник давно кипел? — Тут миссис Снид заметила новый тостер. — Вы только подумайте, что у нас теперь есть! Цвет мне нравится. Ходили за покупками, да? Это давно пора было сделать — со старым-то беды не оберешься. Убить может. Куда вы его дели? Надеюсь, выбросили?

Громко хлопая дверцами буфета, миссис Снид достала кружку, пакетик чая и молоко. Приготовив чай, она пододвинула ближайший стул и села за стол.

— А что стряслось с майором Билликлифом?

Оскар и Элфрида уставились на нее. Потом Оскар сказал:

— Да, новости здесь быстро распространяются.

— Чарли Миллер вчера вечером был у Арфура в лавке, капусту покупал. И все рассказал ему. И еще сказал, что согласился присматривать

за собакой, потому что майор собирается в Инвернесс, в больницу. Надеюсь, у него ничего серьезного.

— Мы тоже надеемся, миссис Снид. Оскар сам его туда отвезет.

— Да, Чарли говорил Арфуру насчет этого. А вы справитесь, мистер Бланделл? Дорога дальняя.

— Думаю, что справлюсь, миссис Снид.

— Хорошо, хоть снег перестал. Вы когда отправляетесь?

— Сразу же после завтрака.

— Возьмите мобильник. У вас есть? Его всегда надо иметь под рукой.

— У меня нет мобильника, но, думаю, все будет в порядке.

— Что ж, нам ни к чему быть *пес…мистами*. Будем надеяться. Да, миссис Фиппс, пока не позабыла: Арфур велел узнать, нужна вам рождественская елка? Если да, он для вас одну оставит.

— Елку? — нерешительно переспросила Элфрида. — Ну… не знаю.

— Какое же это Рождество без елки?

— Да. Наверное. Но, думаю, не стоит из-за этого беспокоиться.

— Да разве ж это беспокойство! Елка — это весело. И наряжать ее одно удовольствие, и все такое.

— А ты как думаешь? — обратилась Элфрида к Оскару.

— Спасибо за заботу, миссис Снид, но нам привезут рождественскую елку из Корридэйла.

Элфрида изумилась. И в первый раз за все время рассердилась.

— Нам привезут елку из *Корридэйла*? Так почему же ты мне ничего не сказал? Я говорю миссис Снид, что елки нам не требуется, а ты вдруг сообщаешь, что уже заказал ее!

— Извини.

— Когда же ты успел договориться?

— В субботу, когда навещал Розу. Я же говорил тебе, что Чарли работает там садовником. У них целая плантация рождественских елок, и Роза сказала, что она попросит его срубить для нас симпатичное деревце.

— Ты должен был меня предупредить.

— Мне так много всего надо было рассказать тебе, что я совсем забыл об этом. Просто я подумал, что елка порадует Кэрри и Люси.

И Элфрида смягчилась.

— Да, мысль прекрасная. Когда же ее привезут?

— Надо будет созвониться с Чарли и съездить за ней.

Миссис Снид навострила уши. Это была невысокая худощавая женщина с туго завитыми седыми волосами и длинными блестящими серьгами в ушах. Она склонила набок голову и зорко взглянула на Оскара,

чем-то напоминая ласточку с толстыми щечками.

— Ожидаете гостей?

— Да, миссис Снид, я еще не успела вам сообщить, но дочь моего кузена и ее племянница приедут к нам на Рождество. Племянницу зовут Люси. Ей четырнадцать лет.

Миссис Снид пришла в восторг.

— Вот это здорово! Вы и сами развеселитесь, с молодежью-то. Когда ж они приедут? И где вы их положите спать? Надо приготовить комнаты, блеск навести.

— Я думаю поместить Люси в мансарде.

— Но там же совсем нет мебели!

— Будет. Табита Кеннеди собирается отвезти меня завтра на рынок в Бакли. Она говорит, что там можно купить все на свете.

Миссис Снид презрительно фыркнула.

— Но это все не новое, — предупредила она.

— Нам подойдет.

— А я-то думала, вы захотите хорошую обстановку. — Миссис Снид была явно разочарована. — Я видела один гарнитурчик, когда была в прошлый раз в Инвернессе… Красивый, ничего не скажешь! Ореховый, лакированный, с резными медными ручками. А у кровати изголовье из шелка цветом в персик и балдахин.

— Да, наверное, это очень красиво, миссис Снид, но, пожалуй, чересчур величественно. К тому же мне не хочется ехать так далеко.

Миссис Снид, прихлебывая чай, обдумывала новую ситуацию.

— У нас не хватает простынь и кое-чего из белья, — сообщила она. — Вы же не будете покупать и это в «секонд-хэнде»? В Бакли есть мануфактурщик. Для одежды его ткани не слишком хороши, но бельевой товар что надо. Вы с миссис Кеннеди можете заехать к нему.

— Так и сделаю.

— Ну и ладно. — Миссис Снид покончила с чаем, встала с места и вылила в раковину опивки. — Можно сидеть и разговаривать до вечера, но дело само делаться не будет. С чего начинать, миссис Фиппс?

— Давайте поднимемся в мансарду. Надо там все вымести, вымыть, и окна тоже, чтобы, когда привезут мебель, сразу можно было ее расставить.

— А кто будет носить вещи, хотелось бы знать. Не вы же с мистером Бланделлом! Так можно и грыжу схлопотать.

— Я закажу машину с грузчиками.

— Можно позвать Арфура, если хотите.

— Спасибо.

— Он хорошо управляется с отверткой. Этого у него не отнимешь.

Миссис Снид взяла швабру, щетки, тряпки для пыли, банку с мастикой и стала подниматься по лестнице. Через минуту-две раздался рев пылесоса и, в аккомпанемент, голос миссис Снид. Она пела «Хочу быть подружкою Бобби».

Элфрида подавила смешок. А Оскар сказал:

— Миссис Снид не только убирает у нас, она дарит нам музыку, которая возвращает меня в дни молодости. Это просто замечательная женщина.

— А о чем ты вспоминаешь, Оскар?

— О школьных уроках, запахах спортзала и грохоте поп-музыки.

— Не очень-то романтические воспоминания.

— Я был учителем-холостяком, и романтике было со мною не по пути. — Он взглянул на часы. — Мне пора ехать.

— Будь осторожен.

— Постараюсь.

— Ты прямо святой.

— Я попрошу миссис Снид надраить мой нимб.

— Удачи тебе, Оскар.

Ночью ветер переменился на восточный, и рано утром Оскар проснулся под жалобный птичий посвист надвигающегося шторма и дробный стук дождя, вдруг забарабанившего по оконной раме. Он долго лежал без сна, думая о Годфри Билликлифе. Наконец он узнал его имя, выяснил, пока помогал медсестре заполнять бесчисленные анкеты, прежде чем оставить старика на ее официально-снисходительное попечение.

Поездка в Инвернесс прошла гладко. Старик Билликлиф, ободренный заботливым вниманием, говорил без умолку всю дорогу. Оскар многое узнал о нем: о его военной карьере, недолгой службе в Германии в составе английских частей на Рейне, как он в Оснабрюке познакомился со своей будущей женой, как они, уже в Колчестере, вступили в брак, который, увы, так никогда и не был благословен потомством. Оскар вел машину и слушал, изредка кивая или вставляя междометия, а Годфри Билликлиф предавался воспоминаниям.

И только после того, как они промчались по тоннелю через Черный остров и показался Инвернесс, майор замолчал. Сначала Оскар подумал, что он заснул, но, искоса взглянув на него, увидел, что тот не спит. Наверное, просто задумался. Потом Билликлиф снова заговорил, однако уже не о прошлом, а о настоящем и будущем.

— Я вот все думаю, Оскар…

— О чем же вы думаете?

— О том, что случится… Могу ведь и ноги протянуть.

— Вам это не угрожает, — заверил его Оскар.

— Ну, знать этого нам не дано. Уж очень я немолод. Надо быть ко всему готовым, ко всяким неожиданностям. Я понял это еще в армии. Сами знаете: надейся на лучшее, но готовься к худшему. — И после долгого молчания майор добавил: — Вот… все думаю… не согласились бы вы стать моим душеприказчиком?.. Хорошо бы… без сомнений… в надежные руки…

— Не уверен, что мои руки надежные.

— Чепуха. Вы племянник Гектора Маклеллана. Сын его и правда не слишком обнадеживал… А вот вы… другой коленкор. Друзья мои все померли. Подумайте, может, согласитесь… Был бы благодарен.

Оскара ужасно раздражала манера майора говорить отрывисто, не заканчивая фраз, но он как можно спокойнее ответил:

— Хорошо. Если вы этого желаете, я буду рад стать вашим душеприказчиком. Но…

— Великолепно. Договорились. Скажу своему адвокату. Он приятный человек. Взял на себя всю документацию, когда я выкупал дом у владельцев Корридэйла. Деловой человек. Мне нравится его подход.

— А имя у него есть?

Майор Билликлиф фыркнул.

— Разумеется. Мурдо Маккензи. Фирма «Маккензи и Стаут». Южная улица. Инвернесс.

— Мурдо Маккензи.

— Я должен ему сообщить, что вы мой душеприказчик. — Майор задумался. — А можно позвонить из больницы? У них же есть там телефон, правда? — произнес он с сомнением в голосе.

— Конечно. Санитарка принесет его вам прямо в постель.

— Да, теперь не то что в прежние времена, — сказал Билликлиф, явно снова вспомнив военный госпиталь в Скутари. — Обход делают врачи в форме… и судна металлические. Сестра-хозяйка в чине старшины. И никаких телефонов.

Он опять умолк и уже не проронил ни слова, пока они не добрались до места назначения.

Больница называлась «Ройал Вестерн». Оскар нашел ее без особого труда, а потом от него уже ничего не зависело. Появился санитар с инвалидным креслом и усадил в него майора. Оскар шел рядом, неся

чемодан Билликлифа — потертый и чудовищно тяжелый, очевидно, оставшийся от прежней военной экипировки. Они поднялись наверх в громадном лифте, затем одолели несколько коридоров и, наконец, попали в отделение. Там их уже ждала медсестра с анкетами, чтобы оформить нового пациента. Все шло гладко, пока она не добралась до графы «близкие родственники».

— Ваши близкие родственники, майор Билликлиф?

Он растерялся, промямлив «извините?».

— Ближайшие родственники. Ну, вы же знаете — жена, дети, братья или сестры.

Он покачал головой.

— У меня никого нет.

— Да полно вам, должен же кто-то остаться.

Оскар не выдержал.

— Я, — сказал он твердо, — ближайший родственник майора Билликлифа. Оскар Бланделл. Так и запишите. Адрес: Старая усадьба, Криган.

— Ваш номер телефона?

Оскар продиктовал.

Наконец, все было записано, заверено и подписано. Настало время уходить. Оскар попрощался.

— Вы приедете еще?

— Разумеется. Если, конечно, нас не занесет снегом.

— Спасибо, что привезли меня сюда. Премного обязан.

— Да ничего, пустяки.

И Оскар ушел, твердя себе, что ни в чем не виноват, и нет причины чувствовать себя предателем.

Он больше ничего не мог сделать для майора. Во всяком случае, сейчас. Потом, когда он что-нибудь узнает о состоянии больного, то уже вместе с Элфридой снова отправится в долгий путь, чтобы навестить Годфри Билликлифа. Элфрида сумеет его развеселить. И, наверное, привезет ему винограду.

Порыв ветра обрушился на дом. Оскар зарылся в подушки, закрыл глаза и сразу же стал думать о Франческе. С ним это часто случалось в ночные темные, беспокойные часы, и он опасался неизбежной новой вспышки отчаяния, мучительного чувства утраты. Франческа. Он беззвучно, одними губами произнес ее имя. Франческа. И сунул руку под подушку, нащупывая носовой платок. Но не заплакал. Ему почему-то вдруг

впервые после трагедии стало легче наедине с самим собой. Франческа. И он увидел, как она бежит к нему по залитым солнечным светом лужайкам Грейнджа. Этот ее образ остался с ним, пронзительный до боли, но какой-то особенно милый.

Мысленно прижав ее к себе, он заснул.

Рассвет был ненастный. То, что накануне льдисто сверкало на солнце, сегодня утонуло под водой. С моря налетал шквалистый ветер с проливными дождями и снегом, и вся улица была запружена мокрыми зонтиками, ныряющими над головами то вниз, то вверх. В середине дня проехал огромный грузовик и тяжело загромыхал в гараж. Борта его были залеплены снегом, «дворники» метались по стеклам.

После ланча — суп и немного стилтона, купленного в супермаркете, — Элфрида взяла блокнот и стала составлять список.

— Надо все продумать как следует, — сказала она с важным видом, — чтобы ничего не упустить. Они приедут в пятницу. Как ты думаешь, Люси понадобится туалетный столик?

Оскар, который уже углубился в кроссворд из «Таймс», благородно отложил газету в сторону и снял очки, словно без них ему думалось лучше.

— Понятия не имею.

— Но кровать, конечно, потребуется.

Сделав некоторое мыслительное усилие, Оскар внес свой вклад в обсуждение проблемы.

— Наверное, и гардероб?

— Нам ни за что не втиснуть его под такую покатую крышу. Сойдут и крючки на стене. И вешалки.

И Элфрида сделала пометку в блокноте.

Оскар откинулся на спинку кресла и с интересом наблюдал за выражением лица Элфриды: он еще никогда не видел ее такой сосредоточенной и собранной. На мгновение она даже напомнила ему Глорию, которая всегда что-то планировала, что-то устраивала и всегда получала то, что хотела.

— А когда придет миссис Кеннеди?

— Она обещала в половине третьего быть у нас. Я хочу взять твою машину, Оскар. Тебе она не понадобится, нет?

— Нет.

— Если почувствуешь бешеный прилив энергии, то можешь прогуляться с Горацио.

— Там посмотрим, — уклончиво ответил Оскар и вернулся к

кроссворду.

Когда Табита пришла, Элфрида как раз снимала мокрое белье с веревки в дальнем конце сада, белье, которое в такую погоду не стоило и вывешивать. Дверь открыл Оскар.

Гостья была в сапогах и плаще, но без шапки, и ее темные волосы развевал ветер.

— Здравствуйте, я Табита.

— Да-да, входите, на дворе сыро. Элфрида сейчас придет, она снимает белье. Я — Оскар Бланделл.

— А я знаю. — У нее была прелестная улыбка. — Как поживаете? — Они обменялись рукопожатием. — Надеюсь, я пришла не слишком рано?

— Вовсе нет. Поднимайтесь наверх. Там будет удобнее ждать, чем здесь.

Он пошел вперед, и она последовала за ним, непринужденно болтая:

— Ну разве это не безобразие? Стояла такая прекрасная морозная погода, а теперь пошел дождь!

Огонь в гостиной горел ярко, и гиацинты из лавки Артура Снида наполняли воздух благоуханием.

— Ой, какой божественный запах! Они действительно пахнут весной, правда? Я сказала Элфриде, что мы должны поехать на вашей машине, но Питер сегодня домовничает, поэтому я приехала на нашей. Он на все готов, только бы не ездить со мной за покупками.

— Я его понимаю. Спасибо, что согласились помочь Элфриде.

— А я люблю это дело. Обожаю тратить чужие деньги. Мы, наверное, вернемся довольно поздно. Ведь рынок будет открыт до пяти, а потом мы выпьем по чашечке чая.

Внизу хлопнула дверь, и Элфрида быстро взбежала по лестнице.

— Табита, извините, вы давно ждете? В такие дни я мечтаю об электросушке для белья. Я сейчас, только возьму сумку, список и ключи от машины.

— Ключи не понадобятся, я с машиной.

Наконец, в несколько возбужденном состоянии, они отбыли, напоминая Оскару двух молодых девиц, решивших поразвлечься. Он стоял у окна и смотрел, как они идут по двору, садятся в потрепанный «семейный» автомобиль, пристегивают ремни, едут через площадь, исчезают из виду…

Он остался один. Горацио спал у огня. Оскар сделал еще одну попытку закончить кроссворд, но, поразмыслив, признал свое поражение и отложил газету. Ему было чем заняться, и он это знал. Он с трудом поднялся из

кресла, подошел к массивному дубовому столу у стены и взялся за письма, которые надо было написать давным-давно. Одно было адресовано Гектору Маклеллану, с благодарностью. Оскар старался, чтобы тон письма получился бодрым. Второе предназначалось миссис Масвелл, которую он так внезапно лишил своего общества. Воспоминание о том, как она стояла, плача, у дверей Грейнджа, когда они с Элфридой уезжали, все это время мучило Оскара, и теперь он заверял добрую женщину, что с ним все в порядке, благодарил ее за верную службу и выражал надежду, что она найдет хорошую работу. Он пожелал ей всего самого лучшего и подписался.

Вложив письма в конверты и надписав их, Оскар наклеил марки. Оставалось только отправить.

Питер сегодня дома.

Что ж, время настало.

Оскар вышел из комнаты и направился на площадку лестницы, к телефону. Найдя справочник, он отыскал нужный номер, затвердил его в уме и нажал кнопки. Трубку сняли после первого же гудка.

— Дом священника в Кригане, — раздался знакомый теплый голос. — Питер Кеннеди слушает.

В половине шестого Оскар, тепло одевшись, в твидовой шляпе, вышел из дома и направился по крутой дорожке на холм. Элфрида и Табита еще не вернулись, и он оставил свет в прихожей и записку для Элфриды на кухонном столе: «Вышел прогуляться. Вернусь не поздно». Горацио он с собой не взял, исполнив, однако, свой долг, выведя собаку на прогулку и покормив галетами и фрикасе из ягнячьих сердец. Фрикасе для Горацио было лучшим угощением в мире. Он с жадностью проглотил содержимое миски и залег в свою корзину.

Оскар шагал между высокими садовыми стенами, за которыми росли деревья. Было уже очень темно, но ветер унялся и дождь превратился в изморось. В конце переулка, где начинался крутой подъем, Оскар приостановился, набрал в легкие воздуха и продолжил путь по тропинке к холму. Городок лежал внизу: его сады, крыши, линии улиц, прочерченные фонарями. На церковной башне часовой циферблат сиял, как полная луна.

Немного дальше — глаза Оскара уже привыкли к темноте — он разглядел дальний берег, простирающийся в море, как рука, держащая в пальцах мигающий огонек маяка. Звезд не было.

Тропинка вывела его на широкую дорогу, застроенную каменными особняками в викторианском стиле, с большими садами. Первым был дом

священника. Оскар запомнил его местоположение еще шестьдесят лет назад, бабушка иногда приводила его сюда выпить чаю и поиграть с детьми. Он помнил и дом, и семью священника, здесь обитавшую тогда, но забыл имена детей.

Над дверью горел свет. Оскар открыл калитку, закрыл ее за собой и пошел по дорожке. Под ногами скрипел гравий. Входная дверь была выкрашена в ярко-голубой цвет. Оскар нажал кнопку звонка.

Внезапно его пробрала дрожь. Наверное, от холода и сырости, подумал он. Слышно было, как открылась другая, внутренняя дверь, а затем распахнулась ярко-голубая входная, и Оскара ослепил свет. На пороге стоял Питер Кеннеди, приветливо, тепло улыбающийся. На нем был толстый свитер «поло» и потертые вельветовые брюки. Вид у него был приятно домашний.

— Оскар! Входите! — И он взглянул через плечо Оскара в сад. — Вы не на машине?

— Нет, пешком.

— Вы храбрый человек.

Оскар вошел в холл. Турецкий ковер, вешалка из темного дуба, старинный сундук, на котором лежит аккуратная пачка церковно-приходских журналов. На столбик лестничного марша нахлобучено кепи для верховой езды, около ступенек — пара футбольных бутсов. Тут же — стопка выстиранного белья, оставленного в надежде, что кто-то услужливо отнесет его наверх…

— Снимайте пальто. Детей нет дома, так что он весь в нашем распоряжении. У меня в кабинете затоплен камин. Я полдня там провел — писал давно обещанную статью для «Сазерленд таймс».

Оскар снял перчатки, куртку и шляпу, и Питер Кеннеди положил их на старинное кресло.

— Давайте пройдем туда.

И Питер направился в кабинет, комнату с закругленным вверху окном, центральную по фасаду. Наверное, когда-то она служила столовой. Тяжелые шторы были задернуты, горели три лампы: одна на огромном, заваленном бумагами письменном столе и две — по обе стороны камина, у которого стояли два старинных кожаных кресла. На стенах висели книжные полки, и после пустой Усадьбы, в которой гуляли сквозняки, здесь возникало ощущение спасительного тесноватого полумрака и тепла. Как если бы ты снова оказался в материнской утробе.

А кроме того, здесь чудесно пахло мхом. Запах исходил от аккуратно сложенных брикетов торфа. И он сказал:

— Торфяной огонь. Давно забыл этот запах. Только здесь, в Кригане, выводя собаку по вечерам, я иногда ощущаю его. Надо раздобыть себе торф.

— Мне очень повезло. У одного из моих прихожан есть торфяной участок, и он постоянно меня снабжает. А теперь идите сюда, усаживайтесь поудобнее. Не хотите ли чашечку кофе?

Оскар ответил не сразу, и Питер взглянул на свои наручные часы.

— Без четверти шесть. Мы успеем опрокинуть по стаканчику лафрога. Я его держу в доме исключительно для особых случаев.

Ячменный виски. По-шотландски — лафрог. Устоять было невозможно.

— Сейчас я бы предпочел его всему остальному, — признался Оскар.

— Так я и думал, поэтому все приготовил.

Оскар посмотрел на стол. Рядом с компьютером, стопкой книг, довольно беспорядочным нагромождением бумаг и телефоном стоял маленький чистенький поднос с бутылкой лафрога, двумя бокалами и кувшином воды. Какой уж тут кофе! Оскар был тронут.

— Девушки наши еще не вернулись?

— Нет.

Оскар опустился в одно из кресел. Оно оказалось удивительно мягким и удобным. Вверху, посреди каминной полки, стояли часы, наподобие тех, что дарят уходящим на покой священникам или учителям после сорока лет беспорочной службы. У часов было мягкое, четкое и приятное тиканье, как у тщательно заведенного метронома.

— Они после покупок собирались угоститься чайком.

— Ну разумеется. Надеюсь, они останутся довольны.

Питер наполнил бокалы, подал один Оскару и устроился напротив.

— Слэнте!

— Доброго здоровья!

Лафрог был как нектар, чистый, чудесный, обжигающий.

Питер продолжал.

— В Бакли сейчас не слишком весело. Большая часть рабочих не у дел. Ткацкая фабрика остановилась, а для тамошних искусных ткачей и вязальщиков найти другую работу сложно.

Оскар нахмурился.

— Ткацкая фабрика? Не Мактаггерта ли?

— Именно она.

— Она разорилась? Понятия не имел. Это удивительно. Все равно как если бы рухнули Геркулесовы столбы. А что случилось?

— После смерти старика его сыновья к бизнесу интереса не проявили. Рабочие получили небольшую финансовую поддержку, и сами стали заниматься производством. Все было в порядке, а потом случилось наводнение. Река вышла из берегов и затопила всю местность. Почти все оборудование погибло. Разорение полное.

— Неужели фабрике конец? — ужаснулся Оскар.

— Говорят, ее перекупил один из лондонских текстильных магнатов, «Старрок и Суинфилд», но пока ничего существенного не происходит, и люди в Бакли начинают опасаться худшего.

— Какая трагедия, — нахмурился Оскар. — Я об этом ничего не слышал. Хотя я сейчас не слишком внимательно читаю газеты, особенно городские известия. А здесь покупаю только «Таймс» и «Телеграф», где нет местных новостей. И, кроме миссис Снид, ни с кем не разговариваю. Вот почему я здесь. Я пришел извиниться. Должен был раньше прийти, но не собрался.

— Пожалуйста, не беспокойтесь. Я понял, что тогда застиг вас врасплох. Надо было выбрать более подходящий момент для знакомства. Надеюсь, вы не слишком расстроились?

— Сам не знаю, что на меня нашло. Это просто смешно.

— Пожалуйста, не думайте больше об этом. Ничего страшного не случилось. Но в следующий раз вы обязательно должны выпить со мной чашку чая или чего покрепче, на ваше усмотрение. И вообще, вам надо бы вступить в клуб. Когда погода наладится, мы бы могли с вами сыграть гейм. Вы играете в гольф?

— Когда-то, мальчиком, играл с бабушкой, но даже тогда особой ловкостью не отличался.

— И все же я с удовольствием сыграл бы с вами.

— Но у меня нет клюшек.

— Можно взять в клубе. Невозможно жить здесь и не играть в гольф. Ваша бабушка играла хорошо. Я слышал о том, какая она была ловкая — два года подряд становилась чемпионом среди женщин. Жаль, что мы не были знакомы. Она умерла до нашего приезда сюда. Но мне рассказывали, что она была женщиной исключительных дарований.

— Да.

— И музыкантшей тоже.

— Да, и отличным садоводом. Она была очень талантливым человеком.

Оскар сделал еще глоток и поставил стакан на столик рядом с собой. В мягком свете лампы виски засиял, как драгоценный камень. Оскар сказал:

— Годфри Билликлиф приглашал меня вступить в гольф-клуб при первой же нашей встрече. Но мы с Элфридой тогда обессилели после долгой дороги. Нам хотелось поскорее получить ключ от дома и бежать. Боюсь, мы этого желания и не скрывали.

— Да, майор может быть надоедлив. Я слышал, вчера утром вы отвезли его в больницу.

— Как вы об этом узнали?

Питер Кеннеди улыбнулся.

— В такой маленькой общине, как наша, секретов мало. Но эту новость я узнал не из досужих разговоров. Мне позвонил доктор Синклер и ввел в курс дела. Вы совершили достойный поступок.

— А вы знали, что майор болен?

— Нет. И думаю, никто не знал. С ним было трудно общаться: с тех пор как умерла его жена, его жизнь пошла под откос. Он страдал от одиночества, но слишком был горд, чтобы это признать. Да еще один из жителей осмелился предложить ему продать дом и переехать в дом престарелых, но…

— Мои приемные сыновья тоже настаивали, чтобы я поселился в таком доме в Гэмпшире, но только потому, что они унаследовали дом матери и хотели продать его, а я был тому помехой. Мне их предложение показалось обидным и жестоким. Словно я тоже должен умереть.

— А как вы догадались, что с майором не все в порядке?

— Я навещал Розу Миллер и, возвращаясь домой, услышал, что собака Билликлифа воет. Поэтому и зашел к нему. Ну, чтобы успокоить совесть, наверное. У нас с Элфридой остался какой-то неприятный осадок после встречи со стариком. На этот раз он лежал в постели, наверху, и, по-видимому, чувствовал себя очень скверно. Боялся лететь в больницу на вертолете и казался ужасно одиноким. Я не мог не предложить отвезти его туда.

— Мне надо ехать в Инвернесс в пятницу, на встречу с главным викарием. Я заскочу в больницу, навещу старика. Посмотрю, как он там.

— Я назвался его ближайшим родственником, так что мое имя и номер телефона значатся в медицинских документах. Думаю, меня известят о его состоянии.

— Тогда держите меня в курсе событий.

— Конечно.

— Ну а теперь расскажите о Гекторе. Как он поживает?

— Он сейчас живет в Лондоне. Приезжал ко мне после… после похорон. На похоронах не был, потому что заболел гриппом и врач,

естественно, не разрешил ему выходить из дому. Это Гектор предложил, чтобы я сюда перебрался.

— Я знаю, Оскар. Он написал мне обстоятельное письмо. Я вам очень сочувствую. Мне хотелось сразу же приехать и поговорить с вами, помочь словом и делом… Однако интуиция подсказывала, что какое-то время вам надо побыть одному. Надеюсь, вы не восприняли это как равнодушие?

— Нет, я так не думал.

— Знаете, иногда… о таких вещах легче говорить с малознакомым человеком.

— Да. Это как довериться попутчику, которого больше никогда в жизни не увидишь.

— Ну, не совсем так, — улыбнулся Питер. — Я надеюсь, это не последняя наша встреча.

— Не знаю, с чего начать. Трудно возвращаться в прошлое. Это долгий путь.

— Жизнь вообще долгая дорога.

— Я не думал, что когда-нибудь женюсь. Мне казалось, что так и останусь холостяком. Я работал школьным учителем, давал уроки игры на фортепиано и вел занятия в хоре. Общался с учителями и их женами. Единственной моей страстью была музыка. Преподавал я в школе Гластонбери. Это не очень известный частный пансион, но очень хороший. Я был там счастлив. Годы шли, я старел. Директор пансиона, мой близкий друг, ушел на пенсию, его сменил молодой. И, хотя он был в высшей степени компетентен, любезен и уважал традиции, через год я решил, что настало время перемен. Мне предложили место органиста и регента в Лондоне, в церкви святого Биддульфа. Я подумал и согласился. Хор там был очень хороший, его щедро поддерживал материально один из благодарных прихожан. И я переехал в Лондон. Поселился в удобной, просторной квартире всего в пяти минутах ходьбы от церкви, приходские дамы нашли мне опытную экономку.

То были счастливейшие дни моей жизни. И, пожалуй, вершина моей довольно скромной карьеры. Двое из хористов были профессиональными концертирующими певцами, хор пользовался большим успехом у прихожан, и у нас появилась возможность расширить свой репертуар. В особых случаях мы даже исполняли некоторые трудные хоралы вроде «Salvete Flores Martyrum» Гайдна, шубертовское переложение двадцать третьего псалма и «Реквием» Форе. Замечательные произведения.

Вскоре я познакомился с супругами Беллами. Они жили на широкую ногу, в собственном доме в Элм-Парк-Гарденс, и были очень добры ко мне.

Когда Джордж Беллами заболел, я навещал его, и мы играли в карты. А когда он умер, я подобрал музыку для его довольно пышных похорон.

Я думал, что Глория больше не захочет меня видеть, ведь повода для моих посещений больше не существовало. Однако она продолжала приглашать меня на скромные вечера, обеды, воскресные ланчи. Иногда мы вместе ходили в кино, иногда уезжали на целый день гулять в Кью. Я мало задумывался о том, к чему это приведет, но мне было очень приятно ее общество. И вдруг Глория очень деловито сказала, что неплохо бы нам пожениться. Она объяснила, что ей не нравится жить одной, без мужчины, и что, по ее мнению, в мои зрелые годы мне тоже не помешает женская забота. Я очень нежно к ней относился, и, думаю, она испытывала ко мне такое же чувство. Мы оба были не первой молодости и достаточно пожили на свете, чтобы найти счастье в так называемом браке по расчету.

Глория была чудесной женой, ласковой, щедрой, добросердечной. Никогда, с тех самых пор, как мальчиком я приезжал в Корридэйл, я не жил в таком комфорте, так беспечно и легко. У Джорджа и Глории было два взрослых сына, Джайлз и Кроуфорд. Они уже покинули родительское гнездо и завели каждый собственное дело, но Глория была еще сравнительно молода и очень энергична. Когда она сказала мне, что беременна, я даже не сразу в это поверил — никогда не представлял себя отцом. Рождение Франчески было для меня чудом.

Она росла и шалила, как все дети, а я наблюдал за ней и никак не мог поверить, что это моя дочь, что это я дал жизнь этому прелестному миниатюрному существу.

А потом Глория получила в наследство дом в Гэмпшире. Мы переехали из Лондона в Дибтон и начали там новую жизнь. Должен признаться, я скучал по работе в церкви святого Биддульфа, но музыка все равно оставалась частью моей жизни. Я давал уроки и время от времени играл на органе в деревенской церкви за утренней службой.

Здесь Оскар остановился, снова потянулся к бокалу и отпил глоток лафрога. С едва слышным шорохом упал можжевеловый уголек в камине. Тикали часы.

— А Элфрида? Вы давно с ней знакомы? — спросил Питер.

— Нет. Мы никогда не встречались до того, как она приехала в Дибтон. Она была одинока, и Глория с ней подружилась, взяла ее под свое крылышко. Элфрида нам очень понравилась. Франческа постоянно ездила к ней в гости на велосипеде, и им было весело вместе. Элфрида гостила в Корнуолле у своего двоюродного брата, когда случилось несчастье. Она вернулась уже после похорон. Когда Гектор предложил мне поехать в

Криган, я понял, что не в состоянии осуществить это в одиночку. Путешествие казалось мне слишком трудным, я страшился одиночества. Поэтому я попросил Элфриду поехать со мной. А у нее такое доброе сердце, что она согласилась. Даже в самые мрачные минуты она умеет заставить меня улыбнуться. Когда мы только познакомились, Элфрида спросила, верю ли я в Бога. Я ответил, что трудно не веровать, когда знаешь наизусть все литургии и с детства следуешь традициям и канонам англиканской церкви. Почти всю жизнь. И еще у меня всегда была потребность быть кому-то благодарным. Потому что мне повезло в жизни. Я был всем доволен: брак по расчету оказался удачным, а из-за Франчески я ни о чем не жалел. Глория была очень сильная, решительная женщина. Временами с ней было нелегко. Она любила общество, гостей, вечеринки и иногда слишком много пила. Часто после вечеринок я сам отвозил ее домой. Ей это не нравилось, и на следующее утро она хмурилась. Но мне трудно было заговорить с ней на эту тему.

В тот день она сказала, что повезет Франческу на праздник сожжения чучела Гая Фокса, и я подумал, что надо бы с ними поехать, но ко мне должен был прийти плотник, договариваться насчет нового забора для конюшни. Я не хотел откладывать это дело на потом. Кроме того, планировался лишь детский праздник, чаепитие и фейерверк. Я думал, часам к семи вечера они уже приедут домой.

Это *был* детский праздник, но взрослые тоже присутствовали, и в большинстве своем друзья Глории. И после фейерверка, пока дети бегали по саду с бенгальскими огнями, взрослые решили выпить.

Не знаю, сколько выпила Глория. Слава Богу, вскрытия не было. Но ехать было трудно — полил сильный дождь, и дороги превратились в сплошные потоки. Там что-то ремонтировали на дороге, и мигали предупредительные огни. Может быть, они сбили Глорию с толку… Мы этого никогда уже не узнаем. Водитель грузовика говорил, что ее автомобиль летел прямо на него и он резко свернул в сторону. Но уже ничего не мог поделать. Машина Глории мгновенно превратилась в груду металла. Глория и Франческа погибли.

Мне сообщила об этом полиция. Такой приятный молодой сержант. Бедняга. Не могу описать свою реакцию, потому что я тогда ничего не почувствовал. Никаких эмоций. Пустота. И только потом, постепенно, эту пустоту вытеснили ярость и злоба против чего-то или кого-то, допустившего, чтобы такое случилось со мною. До сих пор я жил словно в скорлупе. Я ужасался, глядя по телевизору на разрушенные деревни, детей, умирающих с голоду, стихийные бедствия, но все это происходило с кем-то,

где-то… А на этот раз это был я. То была *моя* жизнь. *Моя* жена. *Мой* ребенок. И если я иногда сомневался, что Бог существует, то теперь разуверился окончательно.

Местный священник приехал ко мне. Говорил, что Бог милостив, что он посылает людям столько страданий, сколько они могут вынести. И я закричал, что готов быть слабодушным, только чтобы мой ребенок жил. А потом я его прогнал. Мы часто несправедливы к другим, когда чувствуем себя виноватыми. Я ведь знал слабое место Глории. Я должен был поехать с ними и сам вести машину. Если бы только… Вот это «если бы» стало кошмаром моих дней.

— «Если бы» всегда приходит потом. Это бесполезное, никчемное самоедство. А на самом деле причиной трагедии стало стечение ряда обстоятельств. Ведь вы тоже могли бы погибнуть, и в сердцах тех, кто вас всех любил и знал, осталась бы рана еще глубже… Если честно, то я и сам не нахожу ответа на вопрос, за что людям приходится столько страдать. И считаю объяснения некоторых священнослужителей чем-то на грани кощунства. Надеюсь, никто не пытался утешить вас, говоря, что Богу Франческа нужнее, чем вам. Я бы никогда не мог славить Господа, который вдруг, по собственной прихоти, украл мое дитя. Мне такой Бог казался бы аморальным чудовищем.

Оскар был ошеломлен.

— Неужели вы действительно так думаете?

Питер кивнул.

— Да, я искренне в это верю. Тридцать лет служения церкви научили меня, что нельзя говорить, когда умирает молодой человек: «такова Божья воля». Мы просто недостаточно знаем о Промысле, чтобы говорить такое. И я убежден, что, когда Франческа погибла, сначала было разбито сердце Бога.

— Мне хочется жить, идти вперед. Снова обрести способность все принимать. И отдавать. Мне не нравится только брать. Моей натуре это чуждо.

— Оскар, все наладится. Благодаря вашей профессии церковь всегда была значительной частью вашей жизни, и вы так же хорошо знакомы с великими библейскими постулатами жизни и смерти, как и я. Просто сейчас, из-за боли утраты, они потеряли для вас смысл. И некоторое время вам, очевидно, будут нужны не люди, которые цитируют Библию наизусть, а близкие друзья, готовые выслушать вас, когда вам захочется поговорить о Франческе.

Оскар подумал об Элфриде, и Питер помедлил, словно давая ему

возможность возразить. Но Оскар промолчал.

— Жизнь прекрасна, — заговорил опять Питер. — И ее основные ценности остаются с нами. Красота, плоды земные, любовь и понимание. Позднее, ибо вряд ли это возможно сейчас, вам потребуются и другие люди, которые поддержат ваши усилия начать жизнь сызнова. Не отталкивайте их. Отнеситесь к ним доброжелательно. Они помогут вам двинуться вперед, храня и лелея в памяти счастливые моменты прошлого, и противостоять горестям без злобы и раздражения. Как прежде.

Оскар припомнил прошлую ночь, когда мысль о Франческе впервые не вызвала у него горьких слез утраты, но наполнила душу покоем. Может быть, это начало выздоровления? Возможно, и разговор с Питером поможет залечить раны? Неизвестно. Он знал только, что ему стало легче, он чувствовал себя уже не таким беспомощным и одиноким, как прежде. Может быть, все действительно как-то наладится?

— Благодарю вас, — сказал он Питеру.

— Друг мой, жаль, что я не могу сделать для вас большего.

— Не сожалейте. Вы и так уже сделали достаточно.

10
ЛЮСИ

Люси летала самолетом всего два раза в жизни: во Францию, куда семья школьной подруги пригласила ее на летние каникулы, и на Нормандские острова с мамой и бабушкой. Была Пасха, и они жили в таком отеле, где к обеду следовало переодеваться. Оба раза Люси страшно волновалась, но старалась делать вид, что она бывалая путешественница.

Мать, видимо, желая избавиться от жгучего чувства вины, в котором она сама себе не решалась признаться, повела ее в «Гэп»[14] и накупила кучу «шикарных» вещей. В дорогу Люси надела новые утепленные джинсы на красной подкладке, светлые замшевые ботинки на толстой каучуковой подошве и ярко-красный стеганый пуховик. А еще ей купили два толстых свитера, синий и белый, черную мини-юбку, две пары плотных черных колготок и рюкзак из темно-синей парусины, отделанный красным кантом. Люси сложила в рюкзак дневник, кошелек, щетку, расческу и плитку шоколада. Накануне вечером она вымыла голову, а утром зачесала волосы назад, собрала в длинный конский хвост и стянула лентой. Она чувствовала себя прекрасно. И все благодаря Кэрри.

Сама Кэрри была, как всегда, элегантна: в высоких сапогах, шерстяном пальто и шапке из чернобурки. Люси видела, как люди оборачиваются и смотрят вслед Кэрри, толкающей тележку с их чемоданами. Жаль только, что она простудилась. Не настолько, чтобы плохо выглядеть, просто чувствовала некоторую слабость. Кэрри сказала, что ощутила признаки недомогания пару дней назад. Правда, везде ходит грипп, но у нее всего лишь простуда, она напилась лекарств и выздоровеет сразу же, как только вдохнет чистый, морозный воздух Шотландии.

Они зарегистрировались, прошли контроль и стали ждать, когда объявят их рейс. Люси успокоилась. С тех пор как было решено ехать на Рождество в Шотландию, она не только считала дни, но и терзалась дурными предчувствиями. Что-то непременно помешает ей уехать с Кэрри. Кто-нибудь заболеет или бабушка передумает отпускать ее к Элфриде Фиппс, которую она так не одобряет и с которой Люси мечтает познакомиться. Или у Рэндала Фишера случится инфаркт, и Люси велят остаться дома.

К счастью, ничего подобного не произошло, и вот они с Кэрри наконец

летят на север. Теперь ничто уже не может их остановить, разве только самолет рухнет. Люси сидела, прижавшись лбом к иллюминатору, и смотрела на Англию, простирающуюся внизу, как зеленовато-серое стеганое одеяло, украшенное узором теней от медленно ползущих облаков.

Стояло прекрасное тихое утро, правда, холодное, но без дождя и пронизывающего до костей ветра. Поверх туч раскинулось чистое бледно-голубое небо, горизонт был подернут дымкой. Люси думала о людях на земле, которые, может быть, глядят на небо, на след, оставляемый их реактивным самолетом, и гадают, куда он направляется. А она сама смотрит на них сверху. Что же за жизнь здесь идет, что за люди тут обитают?

Появились стюардессы с маленькими подносами. Булочки, масло, мармелад, ломтики бекона, крошечные грозди зеленого винограда, кофе и чай. Кэрри и Люси берут кофе. Все крошечное, кукольное, аккуратно уложенное на маленьком пластмассовом подносе. Люси проголодалась и съела все, даже булочку Кэрри, от которой та отказалась. Когда подносы унесли, Кэрри стала читать газету, а Люси снова повернулась к окну: ей не хотелось пропустить ни дюйма шотландской земли.

Она думала, что здесь идет дождь, а может быть, даже снег, но небо было удивительно ясное. Когда самолет пошел на снижение, земля внизу стала медленно обретать очертания, и Люси увидела заснеженные вершины гор, а огромное черное шерстяное покрывало обернулось хвойным лесом. Потом она заметила синий проблеск моря, пароходы и мост через широкое устье реки. Прежде чем идти на посадку, самолет развернулся, и на западе бастионами встали покрытые снегом, блистающие в бледном солнечном свете горы. Люси еще не видела ничего прекраснее этой картины. Хорошее предзнаменование, сказала она себе.

Кэрри отложила газету. Они с Люси посмотрели друг на друга и улыбнулись.

Самолет приземлился, шасси с тяжелым глухим стуком опустились на бетон посадочной полосы. Люси увидела аэропорт, похожий на здание гигантского гольф-клуба. Свежий морской ветер трепал разноцветные флаги.

— Нас должны встретить, — сказала Кэрри.

— Кто?

— Такси из Кригана. Шофера зовут Алек Доббс.

— А как мы его узнаем?

— Он будет держать табличку с фамилией «Саттон».

Они сняли свой багаж с движущегося транспортера, вышли в зал

прибытия и тотчас увидели Доббса. Это был человек плотного сложения в дутой куртке и надвинутой на лоб выгоревшей твидовой кепке. Вокруг стояло еще несколько колоритных персонажей: долговязый старик в войлочной шляпе, дама в брюках, с растрепанными белокурыми волосами и обветренным лицом. Примечательней всех был мужчина в выгоревшей оборванной шотландской юбке. Люси не удержалась и уставилась на его синие замерзшие колени.

— Ну, рад вас видеть. Надеюсь, полет был приятным, — проговорил Алек Доббс совсем не как таксист, а, скорее, как старый друг. Он пожал руки Кэрри и Люси, подхватил их багаж и направился к выходу. Низкое солнце заливало все вокруг бледным светом, но было значительно холоднее, чем в Лондоне, и вокруг автостоянки лежала кромка старого снега. Воздух пах сосной. Люси вдохнула его, ощутила, какой он холодный, и чихнула. Она никогда не была в Швейцарии, но решила, что там, должно быть, именно такой воздух, такие же солнце, снег и сосны под первозданным безоблачным небом.

У Доббса оказался полноприводный «субару». Погрузив вещи в багажник, он сказал:

— У меня еще один автомобиль, большой «ровер», в котором вам было бы удобнее, но на Черном острове нам предстоит крутой подъем и там все еще лежит снег.

Кэрри села назад, а Люси рядом с Алеком.

— Много снега? — спросила она. Ей еще не приходилось встречать снежное Рождество, и она страстно о нем мечтала. Снежное Рождество — это как глазурь на пирожном.

— Не слишком, но он не тает, значит, будет еще снегопад. — У Алека Доббса был приятный, мягкий, но четкий выговор. Люси впервые слышала, как говорят в Сазерленде.

— Долго нам ехать в Криган?

— Наверное, час с четвертью. Не больше.

Люси взглянула на свои часики. Была четверть двенадцатого. Вероятно, они будут на месте в половине первого. Время ланча. Люси надеялась, что им подадут что-нибудь горячее и сытное. Несмотря на две булочки, она снова проголодалась.

— Вы впервые в Кригане?

— Да, я никогда раньше не была в Шотландии.

— Ну, тогда вас ждет масса удовольствий. Вы будете жить в замечательном доме. Он долго стоял пустой. Хорошо, что в нем снова живут.

Кэрри подалась вперед.

— Как Элфрида? — спросила она. — Миссис Фиппс?

— Хорошо. Ходит за покупками, гуляет с собакой. Это она приходила заказывать машину для вас. А сегодня утром звонила, чтобы убедиться, что я не забыл.

— Вы живете в Кригане? — спросила Люси.

— Всю жизнь. И родился здесь, как и мой отец. Когда он ушел в отставку, я взялся за его дело.

— Водите такси?

— Не только.

— А что еще? — спросила Люси.

— Катафалки, — сказал он и усмехнулся. — Я владелец похоронного бюро.

Люси сразу замолчала. Зрелище открывалось завораживающее. Дорога вилась по полям, через мосты, и на подъемах покрышки «субару» скрипели по снегу. Потом они проехали берегом длинной лагуны, миновали деревеньки с коттеджами из серого камня, пивными, лавками и массивными, без всяких украшений церквами в окружении старых кладбищ с покосившимися надгробиями, поросшими лишайниками. Наконец, последний мост через еще один узкий лиман, протянувшийся наподобие длинного голубовато-синего рукава до встающих на западе складчатых холмов.

Алек сказал:

— Еще каких-нибудь десять минут, и мы будем дома.

Приятное возбуждение мгновенно улетучилось, и Люси заволновалась. Не потому, что ее ждет незнакомое место и таинственный дом, а потому, что предстоит встреча с Элфридой и Оскаром. Правда, Элфрида тревоги не вызывала — Кэрри так много о ней рассказывала. Вечно молодая и забавная. Но вот Оскар Бланделл, ее друг, — совсем другое дело. Начать с того, что он мужчина, а Люси не привыкла к обществу мужчин.

Но это еще не все. Кэрри рассказала ей об Оскаре. Объяснила, почему Элфрида поехала с ним в этот маленький северный город. Его жена и дочь Франческа, которой было двенадцать лет, погибли в страшной автомобильной аварии. Кэрри не слишком распространялась о катастрофе и не стала отвечать на расспросы потрясенной Люси. Просто сказала, что это был несчастный случай, но Оскар все еще не может прийти в себя и смириться с тем, что случилось.

Франческе было двенадцать. Люси четырнадцать.

— Примет ли он меня? — спрашивала она. — Не будет ли ему в

тягость мое присутствие? А вдруг он меня возненавидит?

Кэрри улыбнулась и обняла ее.

— Я говорила об этом с Элфридой. Она все рассказала Оскару. Он твердо решил, что мы с тобой должны приехать к ним на Рождество. Он сам нас пригласил. А возненавидеть тебя невозможно.

Тем не менее ситуация складывалась непростая, и Люси чувствовала себя не в своей тарелке. Хотелось бы обойтись без сложностей. В Лондоне у нее их было предостаточно.

Внезапно возникло ощущение близости приморского города: по обеим сторонам дороги дюны, покрытые низкорослыми соснами и пучками вереска, залитые отраженным от моря светом. Люси опустила окно и вдохнула пахнущий солью воздух. Дорога пошла под уклон и впереди показался небольшой городок. Не успела Люси опомниться, как они оказались на главной улице. Городок, не в пример тем серым и мрачным, которые они проезжали раньше, был построен из золотистого песчаника, словно отражающего неяркий зимний солнечный свет. Вдоль улицы позади обнесенных стенами ухоженных садов стояли красивые дома. Создавалось ощущение простора и процветания.

Кэрри, которая почти всю дорогу молчала, сказала:

— Поразительно. Так похоже на Котсуолдс!

Алек засмеялся:

— Почти все приезжие это замечают, но я никогда не был в Котсуолдсе.

— Золотистый камень. Широкие улицы. Сады…

— Мало кому приходит в голову, что благодаря Гольфстриму климат у нас, как в Истборне. В горах может бушевать ураган с ливнем, а мы играем в гольф и прогуливаемся по солнечному пляжу.

— Что-то вроде микроклимата, — сказала Люси.

— Точно.

Улица расширилась и образовала площадь, в центре которой стояла большая красивая церковь со старым кладбищем, окруженным каменной стеной. Шпиль церкви увенчивался золотым флюгером, высоко в небе кружили чайки и галки. Птицы празднично, по-летнему гомонили. Часы на башне показывали двадцать пять минут первого.

— Быстро добрались, — сказал Алек. Он торжественно объехал вокруг церковных стен и остановился у кромки тротуара.

— Приехали? — спросила Люси.

— Да, — ответил он, заглушив двигатель.

Они вышли из автомобиля. Не успел Алек отпереть ворота, как

раздался приветливый лай и парадная дверь распахнулась. На дорожку сбежала Элфрида в сопровождении звонкоголосого Горацио.

— Кэрри! Дорогая! — Элфрида простерла руки, и они с Кэрри крепко обнялись. — Вот ты и здесь, у нас. Я так вас ждала, просто не могла дождаться!

Люси наблюдала за ними, стоя в стороне. Элфрида очень высокая и очень худая, с копной растрепанных волос цвета апельсинового джема. Одета в брюки из кричаще яркой шотландки и просторный толстый серый свитер. Ярко-синие веки и густо накрашенный рот. Люси сразу поняла, почему бабушка не одобряет Элфриду. На щеке Кэрри осталась помада от ее поцелуя.

Кэрри сказала:

— Элфрида, ты замечательно выглядишь. Шотландия тебе явно на пользу.

— Дорогая, здесь изумительно. Ужасно холодно, но изумительно.

— Познакомься с Люси.

— О, конечно! — Элфрида засмеялась. — Люси, правда, это забавно? Мы с тобой в родстве, но никогда друг дружку не видели. Твой дедушка — мой самый любимый кузен, мы с ним так замечательно, так весело проводили время. — Она положила руки на плечи Люси. — Дай-ка на тебя взглянуть. Да, так я и думала. Хороша, как картинка. Это мой Горацио, который наконец-то перестал лаять. Он с нетерпением тебя ожидал, надеется, что ты будешь совершать с ним долгие прогулки по берегу. Алек, вы уже выгрузили багаж? Это все? Будьте добры, отнесите его наверх. Пойдем в дом, прочь с этого холода. Я познакомлю вас с Оскаром.

Все направились к дому. Впереди Элфрида, за ней Горацио, потом Кэрри, Люси и, наконец, нагруженный сумками Алек. Он ногой захлопнул за собой дверь. Они прошли длинный холл и поднялись по широкой лестнице. Дом произвел на Люси приятное впечатление — прочный, надежный, лестница с крепкими перилами и ковром. Запах отполированного дерева и старинной мебели, легкий аромат чего-то вкусного из кухни.

— Как вы долетели? Не слишком болтало? Слава Богу, хоть не штормит.

Они поднялись на площадку второго этажа. Отсюда изящная лестница вела наверх. В дальнем конце сквозь отворенную дверь падал солнечный свет.

Элфрида возвысила голос:

— Оскар! Они приехали! — Потом снова заговорила обычным тоном:

— Он в гостиной. Идите познакомьтесь с ним, а я покажу Алеку, куда отнести вещи. Алек, вещи Кэрри оставьте здесь, а сумки Люси несите наверх. Справитесь?

Кэрри посмотрела на Люси и ободряюще ей улыбнулась. Потом взяла за руку, и через открытую, освещенную солнцем дверь они вошли в гостиную — красивую, просторную комнату с белыми стенами. Здесь было мало мебели и много света. В камине горел неяркий огонь, высокий эркер выходил на улицу. Казалось, церковь совсем рядом — протяни руку и дотронешься.

Оскар ждал их, стоя спиной к камину. Высокий, как Элфрида, но не такой худой. Красивая серебристо-седая голова, спокойное, доброжелательное лицо, на удивление гладкое. Глаза полуприкрыты, их наружные уголки опущены. Одет в клетчатую рубашку с шерстяным галстуком и синий свитер.

Кэрри сказала:

— Здравствуйте, Оскар. Я Кэрри Саттон.

— Дорогая… — Оскар пошел к ним навстречу, и Люси подумала, что он, наверное, немного удивлен при виде такой потрясающе эффектной молодой женщины. И восхищен конечно. — Как приятно с вами познакомиться! Надеюсь, путешествие было не слишком утомительным?

Они пожали друг другу руки.

— Ничуть. Мы совсем не устали, — сказала Кэрри.

— Алек вас сразу нашел? Элфрида все утро с ума сходила от волнения и без конца выглядывала в окно, не едете ли вы.

— Так мило, что вы нас приняли. — Кэрри огляделась. — Какой чудесный у вас дом.

— Мне принадлежит только половина.

— От этого он не становится менее замечательным. — Кэрри отпустила руку Люси и обняла ее за плечи. — А это моя племянница Люси Уэсли.

— Здравствуйте, — сказала Люси, подавляя волнение.

Оскар перевел на нее взгляд, и она заставила себя посмотреть ему в глаза. Он долго не говорил ни слова. Люси понимала, что он думает о своей двенадцатилетней дочери, которой теперь нет в живых. Понимала, что им владеют сейчас смешанные чувства, главное из которых — боль. Что он невольно сравнивает ее с Франческой. Она надеялась, что выдержит сравнение. Что еще могла она поделать? Но вот он улыбнулся ей и взял ее руку в свои. Его пожатие было теплым, дружеским, и она сразу перестала нервничать.

— Стало быть, ты Люси.

— Да.

— Тогда придется тебе спать на чердаке.

Кэрри засмеялась.

— Оскар, в ваших устах «чердак» звучит не слишком заманчиво.

— «Чердак» всегда звучит не слишком заманчиво. Старые сундуки, чемоданы и оленьи головы. Но не волнуйся, Люси, на самом деле это не чердак, а мансарда, и Элфрида там все очень мило устроила для тебя. Теперь, — он выпустил руку Люси и взглянул в окно на церковные часы, — половина первого. Мне кажется, вам обеим стоит пойти в свои комнаты и устроиться. А потом мы чего-нибудь выпьем и будем обедать. Элфрида все утро колдовала над пастушьим пирогом, это такая картофельная запеканка с мясом. Она считает, что вам надо основательно подкрепиться после долгого путешествия.

Люси воспрянула духом. Самое страшное — первое знакомство — позади. Элфрида милая и веселая, Оскар — сама доброта. А еще Элфрида сказала, что Люси как картинка. И скоро все пойдут есть запеканку.

Обедали в кухне.

— У нас есть столовая, — объяснила Элфрида, — но она темная и мрачная, и мы никогда там не едим. Кроме того, в кухонной стене нет проема, и мне пришлось бы все время сновать с тарелками туда-сюда.

— Здесь гораздо лучше, — сказала Кэрри, и Люси была с ней согласна.

Длинный стол, полосатая льняная скатерть, разномастные деревянные стулья. Все по-домашнему просто. Кухня, прямо сказать, не шикарная. Доди, наверное, умерла бы, подумала Люси, если бы ее попросили что-нибудь приготовить в этих допотопных условиях. Во-первых, темно, так как окна выходят на стену соседского сада. Кроме того, они давным-давно были забраны решетками, чтобы защититься от незваных гостей или, может быть, воспрепятствовать самовольным отлучкам вечно перегруженных работой поваров и посудомоек. И тем не менее кухня, как и весь остальной дом, оставляла впечатление добротности и уюта. У стены стоял большой крашенный в темно-зеленый цвет буфет с фарфоровой посудой и крючками для кувшинов, кружек и чашек.

Ели пастуший пирог с мясом, необычайно вкусный, потом пудинг из тушеных яблок с меренгами, к которому подали кувшин сливок. Кэрри и Элфрида пили кофе. Оскар от кофе отказался. Он взглянул на часы и сказал:

— Если мы с Горацио не отправимся на прогулку немедленно, то

вернемся уже затемно. — Он посмотрел на Люси. — Хочешь пойти с нами?

— На прогулку?

— Мы можем пойти на побережье. Я покажу тебе дорогу.

Приглашение очень обрадовало Люси.

— С удовольствием.

— Оскар, а может быть, вначале ты покажешь Люси город? — сказала Элфрида. — Она должна знать, где находятся магазины. Это займет не больше пяти минут. А потом можно пойти к дюнам.

— Конечно, если Люси захочет. У тебя есть теплое пальто?

— У меня есть новая куртка.

— И теплая шапка? На морском ветру можно уши отморозить.

— Да, шапка тоже есть.

— Тогда одевайся.

— Может быть, я помогу убрать со стола? — сказала Люси.

Элфрида засмеялась:

— Какая воспитанная девочка! Нет, спасибо. Мы с Кэрри уберем, когда допьем кофе. Идите на прогулку, пока еще не слишком холодно.

Спустя пять минут они вышли — Оскар, Люси и Горацио. Пес был на поводке, другой конец которого рукой в перчатке держала Люси. Она натянула на уши свою толстую шерстяную шапочку и застегнула куртку на молнию. Оскар был в теплой непродуваемой куртке на клетчатой подкладке и твидовой шляпе, которая, как заметила Люси, очень ему шла. В ней он казался еще красивее.

Когда они выходили из ворот, Оскар сказал:

— Сначала обойдем город.

Они двинулись по улице, вокруг церковной стены, мимо магазина подарков, аптеки, книжной и мясной лавок, газетного киоска.

— Сюда я хожу за утренними газетами. Если я разленюсь и мне захочется поваляться в постели, то идти за газетами придется тебе.

Бензоколонка, лавка, заваленная вязаными свитерами, маленькая гостиница, витрина с пляжными безделушками, универсальный магазин. Люси остановилась у дерева с облетевшей листвой и сквозь кованые ворота посмотрела на выложенную плитами дорожку, ведущую к открытой боковой двери церкви.

Ей почему-то ужасно захотелось войти. Она видела устланные половиками ступени и закрытую внутреннюю дверь.

— Интересно, церковь открыта? — спросила она.

— Всегда. Именно эта боковая дверь. Наверное, для посетителей.

— А как там внутри?

— Не знаю, Люси. Я там не был.

— Можно войти? На минутку?

Он колебался:

— Я…

— Давайте войдем. В церкви так хорошо, когда там никого нет. Как на пустынных улицах. И все можно рассмотреть. На минутку, а?

Оскар перевел дыхание, и Люси подумала, что он сейчас скажет: «теперь не время» или «в другой раз». Но вместо этого он только глубоко вздохнул:

— Хорошо.

Люси отворила ворота, заскрипевшие на петлях, и они с Оскаром пошли по мощеной дорожке. У входа висело объявление: «Добро пожаловать, но, пожалуйста, без собак».

Они привязали поводок к ручке наружной двери, и Горацио с недовольным видом уселся на половике.

Церковь была пуста. Их шаги гулко отдавались на плитах, и под сводами им вторило эхо. Сквозь цветные стекла витражей проникал солнечный свет. Ряды скамей располагались и в центре, и в боковых нефах, образуя как бы три отдельных храма. Стены каменные, сводчатый потолок парит высоко над головами, оштукатуренные плоскости выкрашены в небесно-голубой цвет.

Люси бродила, разглядывая все вокруг. Читала надписи на старых надгробных плитах. Люди другой эпохи, истинные слуги Господа, исправные прихожане. Встречались как знатные, титулованные имена, так и самые обычные. Церковь оказалась гораздо больше, чем думала Люси, и когда она осмотрела все от богато украшенной купели до красивых, вручную расшитых гарусом подушечек для коленопреклонения, то увидела, что Оскар, наверное, устав стоять, расположился на передней скамье.

Люси почувствовала себя виноватой, подошла и села рядом с ним.

— Извините меня.

— За что?

— За то, что я так долго ходила.

— Я рад, что тебя интересуют подобные вещи.

— Кэрри мне сказала, что вы были органистом.

— Это правда. И еще я был хормейстером. — Он посмотрел на Люси. — А ты играешь на фортепиано?

— Нет. Я никогда не училась. Мама говорит, это отняло бы слишком много времени, и я не успевала бы ни приготовить уроки, ни поиграть. К тому же в бабушкиной квартире нет пианино.

— А ты бы хотела научиться играть?

— Думаю, да.

— Начинать никогда не поздно. Ты слушаешь музыку?

Люси пожала плечами.

— Только популярную. Правда, иногда в школе нас водят на концерты, — подумав, добавила она. — Летом мы ходили в Риджентс-парк, был концерт на открытой площадке. Огромная сцена и большой оркестр.

Оскар улыбнулся.

— И шел дождь?

— Нет, был прекрасный вечер. В конце они сыграли музыку для королевского фейерверка, в то время в парке была выставка, посвященная фейерверкам. Мне очень понравилось. Музыка, и хлопки, и огни, и ракеты — ужасно весело. Теперь, если слышу эту музыку, то у меня перед глазами встает фейерверк и ночное небо, все в огнях.

— Яркое впечатление.

— Да. Было замечательно.

Люси спрятала подбородок в воротник своей новой куртки, потом подняла голову и стала смотреть вверх на высокий витраж. Дева Мария с младенцем Иисусом.

— Мне бы не хотелось, чтобы мой день рождения приходился на середину зимы. Не хотелось бы родиться на Рождество, — сказала Люси.

— Почему?

— Ну, во-первых, получишь всего один подарок. А еще в это время темно, мрачно, погода плохая.

— А когда у тебя день рождения?

— В июле. Это гораздо лучше. Правда, в это время еще не наступают каникулы.

— Но все же это лето.

— Да.

Оскар задумался, потом сказал:

— На самом деле, я думаю, Христос родился не зимой. Скорее всего, весной.

— Да? Почему?

— Пастухи пасли свои стада, а это значит, было время, когда овцы ягнятся. Пастухи остерегались волков, которые нападали на ягнят. И еще, по свидетельству науки, именно в это время две тысячи лет тому назад наблюдалась необыкновенно яркая звезда.

— Почему же в таком случае мы не отмечаем Рождество весной?

— Думаю, ранние христиане были весьма изобретательны. Они просто

приспосабливали то, что им доставалось от язычников, для себя. А зимнее солнцестояние, самый короткий день в году, во все времена отмечался празднествами. Мне кажется, чтобы порадовать себя, первые христиане устраивали развлечения: палили огонь, пировали, зажигали свечи, украшали жилища омелой, пекли пироги. — Оскар улыбнулся. — Пьянствовали, предавались любовным утехам.

— Значит, они просто-напросто позаимствовали этот праздник?

— Вроде того.

— И что-то к нему добавили.

— Свою веру в Сына Божия.

— Понимаю. — Люси подумала, что они действовали весьма разумно. — А рождественские елки?

— Елки пришли из Германии. Их завез Альберт, принц-консорт, супруг королевы Виктории.

— А индейки?

— Индейки — из Америки. До этого традиционным блюдом был гусь.

— А рождественские гимны?

— Их сочиняли испокон веков и сейчас сочиняют.

— А святочные хождения из дома в дом? Что это означает? Никогда не понимала.

— Да ничего особенного. Просто повод выпить. Пили в основном эль, приправленный пряностями.

— А чулки?

— Даже не знаю, когда и откуда пришел этот обычай.

Люси помолчала, потом спросила:

— Вы любите Рождество?

— Отчасти, — сдержанно сказал Оскар.

— А я не слишком его люблю. Вокруг него всегда столько разговоров, что потом наступает какое-то… разочарование.

— Из чего следует, что никогда не стоит ожидать слишком многого.

Высоко над их головами церковные часы пробили половину третьего. Отдаленный, мелодичный, глуховатый звон курантов.

— Кажется, мы засиделись, — сказал Оскар.

Люси ничего не ответила. В церкви царило безмолвие. Откуда-то издалека проникали звуки: проехал автомобиль; кого-то позвал мужской голос; в вышине, над куполом, пронзительно кричала морская чайка. Люси посмотрела вверх и впервые заметила неброские фонари, установленные в выступе резного каменного карниза. Сейчас они не были зажжены, поэтому она их не сразу увидела.

Она сказала:

— Должно быть, очень красиво, когда эти фонари горят. Они как прожекторы, как солнечный свет, сияющий на голубом потолке.

— Думаю, их зажгут в воскресенье, к утренней службе.

— Вот бы посмотреть.

— Если хочешь, это можно сделать, — негромко сказал Оскар и поднялся со скамьи. — Идем. Мы ведь собирались погулять. Нам надо дойти до побережья, пока не начало темнеть.

11
КЭРРИ

Оскар, Люси и Горацио ушли гулять. Тяжелая парадная дверь со стуком захлопнулась за ними. Кэрри с Элфридой сидели за кухонным столом и улыбались друг другу. Они давно не виделись и теперь наслаждались своим покойным уединением.

Кэрри сказала:

— Оскар очень обаятельный человек.

Элфрида, думала она, несмотря на свои шестьдесят два года, кажется живой и энергичной, как юная девушка. Она такая стройная. Яркие волосы, живописная одежда, щедрый мазок помады на губах — все говорит о здоровом неприятии надвигающейся старости. Само присутствие этой женщины действует как хорошая доза стимулятора.

— Это правда, — с удовольствием подтвердила Элфрида.

— Я так рада, что они с Люси, кажется, подружились. Люси очень тревожилась. Конечно, я рассказала ей о его жене и дочери, и она боялась, что Оскар не захочет, чтобы она приезжала, ведь она будет напоминать ему Франческу. Опасалась, что ее присутствие причинит ему боль, что Оскар ее возненавидит.

Элфрида слушала с сочувствием.

— Бедная девочка, она такая ранимая. А Оскар, по-моему, совсем не умеет ненавидеть. Но если бы и умел, то ни за что бы не подал виду. Знаешь, когда мы сюда приехали, мы познакомились с майором Билликлифом, у которого хранились ключи от этого дома. Старик оказался на редкость приставучим, все время твердил, что отведет Оскара в свой гольф-клуб и что им непременно надо встретиться и пропустить по стаканчику. Оскар был в шоке и первые две недели почти все время просидел дома. В магазин через дорогу мчался, надвинув шляпу на глаза, как преступник, — боялся, что встретит майора Билликлифа и придется пригласить его выпить джину. А потом мы узнали, что старик тяжело заболел. Оскар застал его в постели и сразу выразил готовность отвезти в больницу в Инвернесс. Он всей душой сострадал бедному старику. Тем более что майор Билликлиф вдовец и совершенно одинок. Так что Оскар просто не способен испытывать неприязнь. И его никак не назовешь человеконенавистником.

— По-моему, он очень милый. Боюсь только, как бы мы не оказались

для вас слишком большой обузой.

— Ну что ты! Так замечательно, что вы приехали. Это именно то, чего нам недоставало.

— Надеюсь, на Рождество здесь не будет танцев и песнопений? Нам с Люси не надо того, что принято называть святками.

— Нам тоже. Хотя, когда Оскар узнал, что вы приезжаете, он по собственной инициативе заказал елку.

— Люси страшно обрадуется. Будет ее украшать. Бедная девочка! Моя мать никогда не умела создать для нее уют, да и Никола тоже. Думаю, Доди тебе благодарна — теперь она с чистой совестью может отправляться в Борнмут.

— Как она?

— Как всегда, — сказала Кэрри. И больше можно было ничего не говорить.

— А Никола?

— Тоже. Обе они с возрастом не становятся лучше. В отличие от вина.

— А твой отец?

— Мы не виделись. Только говорили по телефону.

— В октябре я провела у них в Эмбло чудесный месяц. А когда вернулась домой, узнала о несчастье, которое случилось у Оскара. И будто сразу попала в другой мир. Поразительно, как резко может измениться жизнь.

— Понимаю. — Кэрри подумала об Андреасе, но поспешно прогнала эту мысль. — Понимаю, — повторила она.

Наступило молчание. Кэрри допила кофе, поставила на стол чашку. Она знала, что сейчас будет, и не ошиблась.

— А ты, Кэрри?

— Я? Хорошо.

— Точно? А выглядишь усталой и бледной. И очень похудела.

— Кто бы говорил. По-моему, ни тебя, ни меня не назовешь толстушкой.

— Почему ты так неожиданно вернулась из Австрии?

Кэрри пожала плечами.

— Захотелось.

— Что-то не верится.

— Потом расскажу, обещаю. Но только не сейчас.

— Ты не заболела?

— Нет. Схватила простуду, немного устала, но это не болезнь.

— Ты бросила работу?

— Да.

— Найдешь другую?

— Думаю, да. Мне уже звонили из туристической компании, в филиале которой я работала. Предложили место в Лондонском отделении. Я пока еще ничего не решила, но, скорее всего, приму это предложение после Рождества.

— А твой дом?

— Сдан до февраля. Придется пока пожить у друзей или что-нибудь снять.

— У меня такое чувство, что ты как-то не устроена. Хотелось бы тебе помочь.

— Ты и помогаешь. Приняла нас у себя.

— Не слишком-то здесь интересно.

— А мне не надо развлечений.

Элфрида помолчала. Допила кофе, вздохнула, провела рукой по своим непослушным огненно-рыжим волосам.

— В таком случае я умолкаю. Ну а теперь, чего бы тебе хотелось? — К Элфриде вновь вернулось веселое оживление. — Может быть, вздремнешь? Я принесу тебе бутылку с горячей водой.

Постель, бутылка с горячей водой. Кэрри даже не помнила, чтобы кто-нибудь о ней так нежно заботился. Как давно никто ей не говорил: «Ты устала, отдохни немного». Долгие годы она сама опекала других, помогала им. Неразбериха с предварительными заказами. Неисправные горнолыжные подъемники. Кого-то не устраивает жилье. Поезда и автобусы опаздывают; снега то совсем нет, то его слишком много; или оркестр вдруг начинает громыхать ни свет ни заря. А потерянные паспорта, деньги, фены… Потом возвращение и Лондон и семейные неурядицы, которые надо улаживать.

Кэрри устала быть сильной. Устала от роли надежной опоры, к которой вечно кто-нибудь прислоняется. А здесь ее ждет уютная спальня. Кэрри уже была там, заходила сбросить пальто и причесаться перед обедом. Она с удовольствием отметила огромную двуспальную кровать, пышную и мягкую, с белым покрывалом, ее массивный медный остов, наводящий на мысль о надраенных корабельных поручнях. Ей захотелось немедленно забраться под одеяло.

Волна благодарности к Элфриде захлестнула Кэрри.

— Я просто мечтаю поспать, — сказала она. — Но сначала покажи мне дом, чтобы я могла в нем ориентироваться. Он такой огромный, что легко заблудиться. Я думала, вы живете в маленьком коттедже, а здесь

настоящий дворец.

— Ну конечно, — вставая, сказала Элфрида.

— А посуда?

— Потом помою. У нас нет посудомоечной машины, впрочем, у меня ее никогда и не было. Я люблю плескаться по старинке в мыльной пене. Идем…

Они прошли через холл к комнатам первого этажа.

— Дом принадлежал поместью Корридэйл, — тоном экскурсовода говорила Элфрида. — Здесь жил управляющий со своей семьей. По наследству нам досталось все самое необходимое из мебели, так что обзаводиться имуществом нет нужды.

Элфрида отворила дверь.

— Тут была контора управляющего. Как видишь, под жилье она не годится. Склад утиля. А это столовая. Ужасно мрачная.

— Но стол мне нравится, — сказала Кэрри. — И буфет! По-моему, сюда не одну оленью ногу можно засунуть. И пианино! У нас будут концерты?

— Не думаю. Бог знает, когда его последний раз настраивали.

— Но Оскар ведь играет.

— Сейчас нет. Только слушает музыку, а сам не играет.

Они поднялись наверх.

— Люси будет жить в мансарде. Она вся в ее распоряжении. Думаю, она сама захочет тебе ее показать. Гостиную и ванные комнаты ты уже видела. А это, — Элфрида отворила еще одну дверь, — вторая спальня. Можно было поселить Люси сюда, но комната очень маленькая и мрачноватая. Мне показалось, мансарда ей больше понравится. По-моему, даже смешно сравнивать.

Кэрри заглянула в маленькую, ничем не примечательную комнату, которую почти целиком занимала огромная кровать. Здесь явно никто не жил. Кэрри почувствовала некоторую неловкость, догадываясь, о чем сейчас зайдет речь. Она осматривала дом, потому что ей это было интересно. Это был именно интерес, а не любопытство.

Элфрида отворила последнюю дверь размашисто, будто даже с некоторым вызовом.

— А это, — сказала она, — это наша спальня.

Комната была просторная, немного помпезная — прежняя хозяйская спальня с высокими окнами, обращенными к свету угасающего дня, улице и церкви. Здесь стоял огромных размеров викторианский шкаф, прелестный туалетный столик, комод. И необычайно высокая и широкая

кровать, на которой лежала ярко-красная шелковая шаль. Вышивка выцвела, бахрома обтрепалась, но шаль, напоминающая о прежних днях и о доме Элфриды в Патни, была все еще изумительно красива.

Были тут и другие вещи. Мужская слоновой кости щетка для волос на комоде, пара грубых башмаков под стулом, на подушке — аккуратно сложенная темно-синяя пижама. Приятно пахло мужским одеколоном, начищенной кожей и лавровишневой водой.

Кэрри, взглянув на Элфриду, уловила в ее лице легкое замешательство. Забавно, ведь Элфрида никогда не стеснялась своих многочисленных и разнообразных любовных приключений.

— Ты не шокирована? — спросила она Кэрри.

— Элфрида, это же я. А не Доди. Вы спите вместе?

Элфрида кивнула.

Кэрри представила себе Оскара, его легкие седые волосы, доброе, приветливое лицо.

— Я рада за тебя, — сказала она.

— А я рада, что ты рада. Но я должна тебе объяснить…

— Ничего ты не должна.

— Нет, я хочу. Когда мы с Оскаром ехали сюда из Дибтона, автомобиль почти все время вела я. Погода стояла ужасная, на шоссе пробки. Дни перед отъездом выдались страшно тяжелые — надо было попрощаться, уладить кучу дел. Мы совсем измучились. Оскар едва мог говорить. Когда стало смеркаться, мы свернули с автострады на каком-то перекрестке и направились в Нортамберленд. Оскар помнил, что где-то здесь есть маленький городок со старинной гостиницей на главной улице. Каким-то чудом мы нашли этот городок, и гостиница тоже сохранилась. Мы с Горацио остались в автомобиле, а Оскар пошел узнать, найдутся ли свободные комнаты.

Вскоре он вернулся и сказал, что с собакой нас в гостиницу пустят, но у них только одна свободная комната с двуспальной кроватью. Я так устала, что уснула бы и в буфете. Поэтому попросила Оскара взять комнату, и в регистрационной книге мы записались как мистер и миссис Оскар Бланделл. Я чувствовала себя легкомысленной девчонкой, которая улизнула из дома на уик-энд со своим возлюбленным.

Мы приняли ванну, что-то выпили, поужинали. И поднялись к себе в номер, потому что утром надо было рано вставать. Тут началось препирательство, прямо смешно. Оскар говорил, что будет спать на диване, поджав ноги, я на это не соглашалась и уверяла, что лучше мне лечь на полу, вместе с Горацио. В конце концов мы устали спорить, оба легли на

кровать и тут же уснули.

Я не знала, что Оскара мучают ночные кошмары. Как он потом рассказывал, они начались сразу после катастрофы. Он даже стал бояться ложиться спать. Той ночью я проснулась от пронзительного крика и на какой-то миг ужасно испугалась. Потом поняла, что надо его разбудить. Он проснулся и начал рыдать, бедняга. Ему было так плохо… Я дала ему воды, успокоила, обняла, прижала к себе; вскоре он снова уснул. Я поняла, что ночами нельзя оставлять его одного. Когда мы поселились здесь, он сначала волновался, что подумают люди. Одна очень симпатичная женщина, миссис Снид, приходит сюда убирать. Оскар боялся, что она начнет сплетничать, и нас станут осуждать, а там — неприязнь, недоброжелательство. Но я сказала, что мне до этого нет дела, я и не подумаю уйти от него.

Может показаться, что я воспользовалась случаем и, когда Глория погибла, вторглась в жизнь Оскара. На самом деле все совсем не так. Оскар мне очень нравился, но он был мужем Глории, а ее я тоже очень любила, хотя, может быть, не так сильно, как его. Это трудно объяснить. Когда Оскар спросил, не поеду ли я с ним в Шотландию, я согласилась потому, что он был на грани отчаяния.

У нас сложились удивительные отношения, мы поддерживаем и утешаем друг друга. Мы стали близки примерно через неделю после приезда. Конечно, это было неизбежно. Он очень обаятельный человек и почему-то меня, старуху, тоже считает обаятельной. С тех пор ночные кошмары почти перестали мучить Оскара. Он все еще видит страшные сны, но не так часто, как прежде. Так что если среди ночи услышишь крики, не тревожься — я всегда с ним рядом.

Я ничего не утаиваю, никому не лгу. При первой же возможности посвятила во все миссис Снид. Она долго жила в Лондоне, и ее ничем не смутишь. К тому же она наш верный друг и кладезь полезных сведений. Когда я ей все объяснила, она сказала мне: «По-моему, миссис Фиппс, грех заставлять человека страдать, если можешь ему помочь. Ведь он в этом нуждается». Вот так. Теперь и ты все знаешь.

Они помолчали.

— Бедный Оскар, — вздохнула Кэрри. — Насколько тяжелее ему было бы без тебя.

— А Люси? Как быть с ней? Она, кажется, очень неглупа. Стоит ли ей все рассказать?

— Давай решим так: если она спросит, я скажу ей правду.

— Понимаешь, мы с Оскаром такие старые. Люси будет озадачена.

— Не думаю. Ведь у ее дедушки очень молодая жена и двое маленьких детей. Оскар ей явно нравится, и она, как и я, только порадуется за вас. — Кэрри положила руки на хрупкие плечи Элфриды, обняла ее. — Это так прекрасно, когда люди обретают друг друга.

— Как бы то ни было, Оскар пока еще не оправился. И не скоро оправится. Иногда он бывает так подавлен, что едва может говорить. Но я уже научилась не мешать ему. Он должен сам побороть свое горе.

— Это нелегко.

— Ах, Кэрри, дорогая, все нелегко. А сейчас не будем терять времени, день уже кончается. Я принесу тебе бутылку с горячей водой, и ты ляжешь.

12
ЛЮСИ

Пятница, 15 декабря.

Вот мы и на месте. Сейчас десять часов вечера. Какой сегодня длинный день. Кэрри приехала к бабушке утром, около половины девятого. Такси ждало внизу, и мы отправились в Хитроу. Мама и бабушка пока остаются дома. Мама улетает во Флориду не раньше вторника. Когда Кэрри пришла, они еще даже не оделись. А ко мне в это утро обе были очень добры. По-моему, они чувствуют себя немного виноватыми из-за всех этих споров и ссор. Вручили мне красиво упакованные рождественские подарки. Я их положила к себе в чемодан. Мама дала мне на расходы сто пятьдесят фунтов, а бабушка — пятьдесят. Никогда не чувствовала себя такой богатой. Боялась потерять кошелек, но потом надежно спрятала его в новый шейный мешочек.

Полет прошел очень хорошо, нас совсем не трясло, в самолете кормили чем-то вроде завтрака. В Инвернессе нас встретил приветливый человек по имени Алек и привез сюда. На дорогах лежал снег, и мы ехали около часа с четвертью.

Криган очень старинный и красивый город. Здесь много больших домов и огромная церковь. Старая усадьба — изумительный дом, он гораздо больше, чем кажется на вид, он трехэтажный. Его сдавали внаем; здесь много мебели, которую, как сказал мне Оскар, привезли из Корридэйла — большого дома, где он бывал еще мальчиком и где жила его бабушка. Написала «много мебели», а на самом деле ее не так уж и много, нет ни картин и ничего такого. Гостиная и спальни — на втором этаже, а я сплю наверху, в мансарде, которую Элфрида приготовила специально для меня. Ей не пришлось ее красить — она белая и чистая, но зато она купила всю мебель. Вообще Элфрида такая добрая.

Ну вот. Моя комната. Потолок покатый и в нем слуховое окно с полосатыми жалюзи. Думаю, я никогда не буду их опускать, ведь можно лежать в постели и смотреть в небо. Будто ты не в доме, а на улице.

Кровать деревянная, темного цвета, на ней пуховое одеяло в белую с синим полоску и шотландский плед на случай, если замерзну. Еще есть белый туалетный стол с *качающимся зеркалом и маленькими выдвижными ящиками и комод. Затем — ночной столик, лампа и у стены очень удобный стол. Наверное, когда-то это был кухонный стол, так как он сильно изрезан ножом, но вполне годится, чтобы писать дневник или, например, письма. Есть еще два стула, а на стене несколько крючков, чтобы повесить одежду. Вообще-то я взяла* с *собой мало вещей. Дощатый пол выскоблен, посередине лежит чудесный толстый пестрый ковер, а у кровати — овчина, на которую так приятно утром стать босыми ногами. Все здесь мне кажется необыкновенным и романтичным.*

Элфрида и Оскар очень симпатичные. По-моему, они ужасно стары, но почему-то кажутся не старыми и рассуждают не так, как старики. Элфрида высокая и тонкая, с *волосами апельсинового цвета. Оскар тоже высокий, но не такой худой. У него густые седые волосы, очень приятный голос и добрые глаза. Когда мы уезжали из Лондона, Кэрри мне рассказала, что его жена и дочь Франческа погибли в жуткой автомобильной катастрофе. И их собаки тоже. Я боялась встречи с ним —* не *знаешь, как говорить с человеком, пережившим такое страшное горе. Но он оказался очень славным, и, похоже, наше с Кэрри появление нисколько его не расстроило. Мы позавтракали, и он позвал меня прогуляться* с *ним и с Горацио. Горацио —* это *собака Элфриды. Было очень холодно, мы прошли по улицам, посмотрели на магазины, немного посидели в церкви, потом пошли дальше, пересекли поле для гольфа и вышли на побережье. Оно красивое, просторное и чистое, никаких пластиковых бутылок и другого хлама. Множество*

ракушек. Я нашла двух моллюсков. Пойду еще и возьму с собой Горацио.

Я по-настоящему счастлива. Никогда еще не жила в таком огромном доме. В нем замечательная атмосфера, как будто его всегда населяли добрые и веселые люди. За домом большой сад, но в это время года там почти ничего не растет.

Завтра разведаю.

13
ОСКАР

К своему удивлению, Оскар разжигал костер.

В Грейндже, в Дибтоне, он полюбил садовничать, потому что редкие уроки музыки и игра на органе на воскресных службах в церкви оставляли ему достаточно свободного времени. Начинал он, не имея никакого опыта, ему даже никогда не приходилось поливать цветы в ящике за окном. Но потом из подсознания вдруг всплыли давно позабытые полезные навыки, приобретенные в Корридэйле. Он помогал тогда бабушке, которая настолько успешно занималась садом, что к ней даже приезжали полюбоваться ее успехами и спросить совета.

Практическую сторону дела Оскар изучил сам, путем проб и ошибок, усердно штудируя толстые пособия по садоводству. Двое местных жителей помогали ему косить траву, сажать деревья и копать землю. Вскоре сад всецело завладел его досугом: Оскар наслаждался возможностью быть на воздухе и заниматься физическим трудом.

В Кригане зимой мало чем можно было заняться в саду. Оскар пока только собрал опавшую листву и прочистил засорившиеся канавки. Однако сегодня утром, во время завтрака, Элфрида пожаловалась, что разросшийся куст сирени слишком низко нависает над тропинкой и мешает ей пройти к веревке, чтобы повесить белье.

И Оскар пообещал принять меры.

После завтрака он вышел в сад посмотреть, что можно сделать. Странный то был день, с низкими облаками и едва заметным движением холодного воздуха. Иногда облака расступались, и проглядывал клочок синевы, но на холмах все еще лежал снег.

Оскар с трудом отпер заржавленным ключом и рванул на себя покосившуюся деревянную дверь сарая. Он увидел темное, затхлое помещение, едва освещенное маленьким, затянутым паутиной оконцем. Здесь стоял стол с цветочными горшками — некоторые были разбиты, лежала пачка пожелтевших газет, совок для лунок, чтобы сажать рассаду, и резаки. Ни газонокосилки, ни мини-трактора. На больших крюках висели тяжелые тяпки и совковые лопаты. Были также грабли, заступ, ржавая пила и огромная, устрашающего вида коса. Все это надо почистить и смазать, подумал Оскар, но канистру с маслом в таком хаосе не найти, так что придется подождать.

В коробке с гайками и болтами он нашел пару секаторов, старых, но в рабочем состоянии. С их помощью он отрезал слишком длинные ветки сирени, складывая их на землю. Груда получилась довольно большая, и от нее тоже надо было избавиться. Оскар взял рваный мешок, запихнул туда обрезанные ветки и потащил в дальний конец сада, где за старым сливовым деревом виднелось пепелище прежнего костра.

Затем он решил почистить сарай и, так как день был сухой и безветренный, сжечь весь мусор. Пришлось сделать несколько рейсов из сарая к кострищу. Собрав все в кучу, Оскар порубил несколько полусгнивших деревянных ящиков, приготовил растопку из газет и разжег огонь. Вскоре он уже весело пылал, а Оскар тем временем подгребал к костру листья. Он снял куртку, повесил ее на сливовое дерево и продолжал работать только в свитере. Повалил густой дым, и запахло осенью. Затем Оскар стал обрезать высохший плющ на старой каменной стене. Он так увлекся этим занятием, что не услышал, как открылась и захлопнулась садовая калитка.

— Оскар.

Оскар вздрогнул, круто обернулся и очутился лицом к лицу с Питером Кеннеди. Тот был в красной куртке и надвинутой на лоб бейсболке с длинным козырьком.

— Господи, а я и не слышал, как вы вошли.

— Простите, я не хотел напугать вас. В половине одиннадцатого у меня игра. Я увидел дым в саду и понял, что вы здесь.

— Чем могу быть полезен?

— Да так, ничем особенно. Но я хотел вам рассказать, что вчера был в Инвернессе и заезжал в больницу, к Годфри Билликлифу.

— Ну как он?

Питер покачал головой.

— Ничего хорошего. У него рак.

Рак.

— Господи Боже! — проговорил Оскар.

— Думаю, у него были на этот счет подозрения и страхи, но он никому и словом не обмолвился. Чувствовал себя плохо, но к врачам не обращался, а просто глушил себя болеутоляющими и виски. Он не хотел знать правду, боялся ее.

— Да, в тот день, когда я застал его в постели, вид у него был испуганный. — Оскар вспомнил, что глаза старика со склеротическими красными жилками были тогда полны слез. — А он знает диагноз?

— Да. Уговорил молодого врача сказать ему правду.

— Как долго он протянет?

— Совсем недолго. Он умирает, но ему там удобно и он совершенно спокоен. Ему нравится, что все очень к нему внимательны и нянечки не спускают с него глаз. Для него смерть будет избавлением.

— Надо мне к нему съездить, повидаться.

— Нет. Он просил передать, чтобы вы не приезжали, но передает вам привет и благодарит за вашу доброту.

— Но я ничего для него не сделал.

— Нет, сделали. Вы были с ним в тот самый момент, когда он больше всего нуждался в друге.

Оскар задумчиво подкинул носком башмака тлеющий сучок в самый огонь. Он вспомнил, как ему не хотелось даже разговаривать со стариком Билликлифом, как он осторожно крался переулками, опасаясь случайной встречи с майором, и ненавидел себя за это.

— А с врачом вы разговаривали?

— Да. Он подтвердил то, что я уже знал.

— Что я могу для него сделать?

— Может быть, стоит написать ему записку. Послать открытку. Ему это понравится.

— Он смирился?

— Да. Он не борется за жизнь и не страшится смерти. Большую часть дня он спит. Однако он узнал меня, и мы поговорили. Ум его в совершенном порядке. Он все понимает и смирился с неизбежностью.

Оскар тяжело вздохнул.

— Ну что ж, пусть будет так. — И заговорил о практической стороне проблемы. — Я ведь записан в медицинских документах как его ближайший родственник.

— Они дадут знать вам или мне, когда понадобится.

— Спасибо, что рассказали.

— Я знал, что вы захотите знать все. Ну, а теперь мне пора.

Оскар положил на землю грабли.

— Я провожу вас.

Они пошли гуськом по тропинке. У ворот Питер остановился.

— Есть еще кое-что. Я подумал, что, может быть, вы скучаете по музыке.

Он порылся в кармане красной куртки и вытащил маленький медный ключ.

— Церковь всегда открыта, но орган заперт. Я поговорил с Алистером Хегги, нашим органистом, и он сказал, что будет только рад, если вы

захотите поиграть. Вот…

И прежде чем Оскар успел возразить, Питер взял его за руку и вложил ключ в раскрытую ладонь.

— Но… — попытался возразить Оскар.

— Вы вовсе не обязаны играть. Но если вам вдруг захочется, вы сможете это желание осуществить.

— Спасибо.

— Только берегите ключ, — усмехнулся Питер, — это единственный запасной.

Он уже хотел было идти, но снова остановился.

— Чуть не забыл. Табита просила узнать, не хотите ли вы с Элфридой и вашими гостями прийти к нам выпить и закусить пирогом во вторник вечером? Она хотела бы со всеми познакомиться. Мы ждем вас. Без формальностей. Не наряжайтесь специально. Наши дети тоже будут.

«Во вторник, — сделал заметку в уме Оскар, все еще держа в руке ключ. — Не забыть сказать об этом Элфриде».

А вслух подтвердил:

— В шесть вечера, во вторник. Спасибо, мы придем. С большим удовольствием.

— Ну и замечательно. — Питер прошел через переднюю калитку и закрыл ее на засов. — Значит, тогда и увидимся.

— Удачной вам игры. И спасибо, что зашли.

14
ЛЮСИ

В понедельник утром, когда Люси спустилась из своего гнезда в мансарде на площадку второго этажа, она увидела, что дверь спальни Кэрри закрыта. Наверное, она проспала, решила Люси и уже собралась ее разбудить. Потом засомневалась.

Внизу Оскар и Элфрида завтракали. Оскар ел сосиски, и Люси подумала, что сосиски на завтрак — об этом можно только мечтать.

— Доброе утро, Люси. Ну как ты?

Оскар положил нож и вилку, поздоровался с ней за руку, притянул к себе и обнял.

— Спасибо, прекрасно. А где Кэрри?

— Кэрри приболела.

Элфрида встала, чтобы положить Люси сосиски.

— Вряд ли она подхватила грипп, скорее всего, у нее сильная простуда. Две сосиски или три?

— Три, пожалуйста, если можно. Она не вставала?

— Нет. Я к ней заглянула, и она сказала, что всю ночь кашляла, совсем не спала и теперь сама себе противна. Я отнесла ей чаю, есть она не хочет. В девять, когда откроется медицинский центр, позвоню доктору Синклеру, спрошу, не может ли он прийти осмотреть ее.

— Он ходит на вызовы?

— Медицинский центр как раз через дорогу от нас.

Люси села за стол.

— В Лондоне доктора никогда не ходят на вызовы. Надо идти и сидеть в приемной вместе с другими больными. Бабушка говорит, что там подхватишь еще больше болезней, чем у тебя было. Как вы думаете, Кэрри поправится? К Рождеству она должна быть на ногах.

— Посмотрим, что скажет доктор Синклер.

— Можно я ее проведаю?

— Мне кажется, не стоит, пока не узнаем, в чем дело. А вдруг это что-то заразное и у тебя пойдет сыпь? Или чирьи? Как у многострадального Иова.

Люси принялась за сосиски. Они оказались вкуснейшими. Элфрида налила ей чашку кофе.

— Как досадно! Сегодня мы собирались прогуляться с Горацио на

взморье, — сказала Люси.

— А почему бы нет?

— Оскар, а вы пойдете?

— Сегодня не могу. Мне надо написать кучу писем, потом постричься, заказать две книги и забрать мясо из лавки.

— Понятно, — в голосе Люси прозвучало разочарование.

Оскар улыбнулся.

— Ты можешь пойти одна. Возьми Горацио. Он будет тебя охранять. Будешь как исследователь-одиночка.

— А можно? — оживилась Люси.

— Конечно.

Люси представила себе, что идет гулять с собакой одна, и у нее дух захватило. В Лондоне ей, разумеется, не разрешали гулять одной, а если они с Эммой условливались куда-то пойти, то мать всегда должна была знать, куда она идет и когда вернется домой. Но здесь, в Кригане, не было нужды в таких предосторожностях. Элфрида и Оскар даже никогда не запирали парадную дверь. Автомобили и грузовики здесь двигались по улицам еле-еле, и пешеходы с покупками часто шли посреди мостовой, время от времени останавливаясь поболтать. На улицах и тротуарах дети одни, без взрослых, катались на самокатах или просто бродили компаниями. Вчера, когда они с Оскаром ходили на побережье, Люси видела, как мальчики карабкаются по горам и катаются на велосипедах без взрослых. А что касается зловещих незнакомцев в плащах, пьяниц и наркоманов, то, похоже, в этом здоровом климате они не водятся. Наверное, подобно микробам и плесени, они в холоде погибают.

Хлопнула дверь черного хода.

— Это миссис Снид, — сказал Оскар, и в тот же миг она ворвалась в кухню. На ней был розовый спортивный костюм и щегольские кроссовки.

— Ох, снова этот ужас, — начала она. — Черные тучи. По-моему, пойдет снег. — Тут она увидела Люси. — Привет, ты что здесь делаешь? Приехала погостить? А где твоя тетушка?

Голова у миссис Снид в тугих седых кудряшках, а в ушах розовые, в тон одеянию, дешевые сережки.

— Она в постели. Ей нездоровится.

— Вот незадача. Доктора вызвали?

— Нет еще.

— Ну что же вы, — миссис Снид с упреком посмотрела на Элфриду. — Главное — не прозевать. Это не какие-то пустяки. Тут случай, заслуживающий самого серьезного внимания. В том смысле, что не успел

человек приехать, как заболел. Какое невезение. А тебя зовут Люси, да? Миссис Фиппс мне о тебе говорила. Понравилась тебе комната? Мы восхитительно провели время, готовя ее к твоему приезду. Прежде это был пустой старый чердак.

— Чашечку чая, миссис Снид? — предложила Элфрида. Миссис Снид с благодарностью согласилась и подсела к столу.

Бабушка наверняка осудила бы подобную бесцеремонность, но миссис Снид почему-то все равно очень понравилась Люси.

Утро шло своим чередом. Миссис Снид пылесосила, Люси с Оскаром мыли посуду после завтрака, Элфрида отправилась звонить доктору. В десять часов в парадную дверь позвонили, и Люси побежала открывать, но увидела, что доктор уже вошел и вытирает о коврик ноги.

— Здравствуйте, — с сильным шотландским акцентом сказал он, увидев Люси. Доктор был совсем юный, с обветренным лицом и рыжеватыми, напоминающими гусениц бровями. — Вы кто?

— Люси Уэсли. Я здесь в гостях.

— Очень рад. Где же больная?

— Наверху.

Элфрида свесилась через перила.

— Доктор Синклер, пришли? Вы просто святой.

Он стал подниматься по лестнице, а Люси вернулась в кухню, где миссис Снид сортировала белье, чтобы заложить его в стиральную машину.

— Доктор явился? Будем надеяться, ничего страшного.

— Думаю, это всего лишь простуда. Кэрри еще в самолете отвратительно себя чувствовала. Не повезло ей, бедняжке.

— Не расстраивайся, Люси, она скоро пойдет на поправку. А ты мне не поможешь? Принеси, пожалуйста, полотенца из ванной миссис Фиппс. А потом я дам тебе чистые, и ты повесишь их на место.

Доктор Синклер не мешкая направился в комнату Кэрри, и Люси, собирая полотенца, слышала за закрытой дверью их голоса. Только бы он не поставил какой-нибудь зловещий диагноз, требующий антибиотиков и двух недель постельного режима. Вскоре доктор спустился в гостиную поговорить с Оскаром.

Люси, исполнив просьбу миссис Снид, немного послонялась в холле, потом поняла, что больше не может ждать, и решила присоединиться к остальным. Все трое сидели в гостиной и говорили о каком-то майоре Билликлифе, который был тяжело болен и лежал в госпитале в Инвернессе. Лица у всех были мрачные. Элфрида обернулась, увидела, что в дверях стоит Люси, и улыбнулась.

— Да не тревожься ты так, Люси.

Доктор поднялся.

— Значит, Кэрри поправится? — спросила у него Люси.

— Да, все будет прекрасно. Полный покой и теплое питье. Кроме того, я выписал рецепт на микстуру от кашля. Через пару дней она встанет.

Люси с облегчением перевела дух.

— Можно мне ее навестить?

— Лучше дать ей немного отдохнуть.

— Возьми Горацио прогуляться, — сказала Элфрида.

— Куда вы собираетесь пойти, Люси? — спросил доктор.

— Думаю, на побережье.

— Птицы вас интересуют?

— Я даже не знаю, как они называются.

— Там множество красивых птиц. Завтра я принесу вам книгу о птицах.

— Спасибо.

— Не за что. Ну, мне пора. Созвонимся, мистер Бланделл. До свидания, миссис Фиппс.

Доктор спустился вниз, и парадная дверь захлопнулась за ним. Люси видела в окно, как он сел в автомобиль и уехал на следующий вызов. На пассажирском месте у него сидела собака и смотрела в окно. Большой спаниель с висящими ушами. Как хорошо, должно быть, служить сельским доктором и разъезжать на вызовы в автомобиле с собакой, подумала Люси.

Миссис Снид была права. День выдался хоть и не дождливый, но грозящий ненастьем. Странно, в выходные стояла такая ясная и тихая погода — Оскар смог даже разжечь костер. С Горацио на поводке Люси вышла за ворота, пересекла площадь и свернула на дорогу, ведущую к гольф-клубу. Игроков было немного, и на стоянке Люси заметила всего несколько автомобилей. Дорога вилась через поля для гольфа, постепенно поднимаясь вверх, и, когда Люси вышла на плоскую вершину, ей открылся огромный купол неба с низким серым облаком и чистый, будто стальной, горизонт. Уже начался прилив, и небольшие волны накатывали на блестящий мокрый песок. Вдали был виден маяк. Люси подошла к небольшой автомобильной стоянке, где стаи моёвок выклевывали мусор из контейнеров, видимо, рассчитывая отыскать корки хлеба и черствые сэндвичи. Увидев птиц, Горацио залаял, и они поднялись, недолго покружили и снова уселись копаться в отбросах.

Люси спустила пса с поводка, и он побежал вниз по склону на песок, который у подножия дюн оказался глубоким и рыхлым. Идти по нему было

трудно, и Люси вышла на кромку мокрого твердого песка. Оглянувшись, она увидела отпечатки своих ботинок, а вокруг следы лап Горацио, точно стежки на полотне.

В одном месте Люси набрела на камни, среди которых попадались маленькие заводи. Потом открылось широкое побережье, дугой уходящее на север. Далеко впереди набегали друг на друга серые неприступные холмы, припорошенные снегом, небо за ними казалось багрово-темным, цвета свежего кровоподтека. Лицо Люси обжигал леденящий ветер.

Она была одна. Только птицы носились над мусорными баками.

В этом огромном мире Люси казалась себе крошечной, как муравей, подавленной величием и мощью природы, невесомой, словно песчинка. Но ей нравилось это ощущение. Ни одна душа не ведает, где она, и, встреть она сейчас кого-нибудь, он не будет знать, кто она. Она не принадлежит никому, кроме себя.

Люси шла энергично и быстро, и ей было тепло. Время от времени она останавливалась, чтобы подобрать раковину моллюска, камешек или отполированный морем осколок стекла, и складывала эти сокровища в карман. Горацио нашел пучок морской водоросли и принес его в зубах, как добычу. Люси попыталась отнять у него траву, и они стали играть: Горацио убегал, Люси его догоняла. Она подобрала какую-то палку и швырнула ее в воду. Пес бросил свою добычу и ринулся в воду, но тут же испуганно отскочил назад — вода оказалась ужасно холодная.

Пляж заканчивался еще одним скоплением камней с заводями и галечными отложениями; в воздухе стоял резкий, неприятный запах водорослей. Люси остановилась пополнить свои находки. Она задумалась, не зная, куда теперь направиться, и вдруг услышала звук работающего двигателя, доносящийся из-за дюн, отделяющих пляж от площадок для гольфа. Навстречу ей по гребню холма двигался трактор. Он полз еле-еле, таща за собою тележку. Очевидно, там проходит дорога. Люси решила, что вернется домой по этой дороге, и стала с трудом подниматься вверх по крутому склону. Горацио убежал вперед и вскоре исчез из поля зрения. Поднявшись на вершину холма, густо поросшего жесткой травой и камышом, Люси увидела дорогу.

Горацио был здесь, но смотрел совсем в другую сторону. Очевидно, почуяв чужих, он навострил уши и хвост у него флагом поднялся вверх, но он был совершенно спокоен, просто стоял и наблюдал. Люси увидела, что со стороны города по склону быстрым, решительным шагом поднимается женщина с собакой. Она была одета в теплые брюки и дубленку. На коротко стриженных седых волосах дерзко, набекрень надет шотландский берет. Ее

собака, ротвейлер без поводка, учуяла Горацио и остановилась как вкопанная. Они пристально смотрели друг на друга. Люси окаменела от страха.

Люси хотела позвать Горацио, но во рту у нее пересохло и с губ сорвался лишь слабый шепот.

Пес то ли не услышал ее, то ли притворился, что не слышит. А потом — дурачок! — начал лаять. Ротвейлер медленно двинулся вперед: его налитое тело напряглось, резко обозначились мышцы, из глотки вырвалось злобное рычание, черные губы вывернулись, обнажив зубы. Горацио, удерживая свои позиции, робко тявкнул, и тут ротвейлер набросился на него.

Люси завизжала. Горацио тоже завизжал, и его голос звучал, как человеческий крик о помощи. Сбитый с ног, искусанный, помятый, он пытался сопротивляться, но ему было не вырваться.

От хозяйки ротвейлера не было никакого толку. В руке она держала поводок, но, пока ее питомец немного не успокоится, она, ясное дело, не решится его оттаскивать. Она только пронзительно свистнула, а потом снова принялась выкрикивать команды, как старший сержант на плацу.

— Брутус! Брутус! Лежать, мальчик! Лежать! К ноге! — Ротвейлер и ухом не повел. — Брутус!

— Держите его, — в ужасе кричала Люси. Горацио, Элфридиного любимца, вот-вот разорвут в клочья. — Сделайте же что-нибудь! Остановите его!

Люси совсем забыла о тракторе, а он явился на сцену как раз вовремя. Дверца распахнулась, из кабины выпрыгнул человек и бесстрашно ринулся в бой. Тяжелым ботинком он изо всей силы пнул ротвейлера в мускулистый зад. Удивленный пес оставил свою жертву и обернулся, готовый броситься на нового врага, но молодой человек молниеносно схватил его за ошейник и оттащил от Горацио.

Люси не могла даже представить себе, что на свете существуют такие сильные, спокойные и бесстрашные молодые люди.

— Проклятье! Вы понимаете, что делаете? — обратился он к хозяйке, выхватил у нее из рук поводок и прицепил его к ошейнику рычащей и отбивающейся собаки. Потом подтащил пса к хозяйке, и она обеими руками ухватилась за петлю поводка.

— Не смейте на меня кричать! — возмутилась она.

— Почему вы не держите собаку на поводке?

— Он подвергся нападению.

Теперь, когда опасность миновала, дама вела себя воинственно. У нее

был не шотландский акцент; похоже, она из Ливерпуля или Манчестера.

— Ничего подобного! Я все видел!

— Брутус никогда не нападает первым.

Она с трудом удерживала пса, и от напряжения лицо у нее стало багровым.

— Он настоящее чудовище!

— Вздор!

— Где вы живете?

— Да уж, конечно, не здесь, — бросила женщина, будто гордясь этим обстоятельством. — Мы с сестрой приехали в автофургоне.

— Вот и забирайте туда своего пса.

— Не смейте говорить со мной в таком тоне.

— Как хочу, так и буду говорить. Я работаю в гольф-клубе, штатный служащий.

— Смотрите, какая важная птица!

— Забирайте пса и уходите. Немедленно. И если я еще раз увижу, что он бегает без поводка, сообщу в полицию.

— Я буду на вас жаловаться!

В этот момент Брутус решил перейти в наступление. Он заметил двух ни в чем не повинных игроков в гольф, и бросился к ним, волоча за собой хозяйку.

— Никогда еще меня так не оскорбляли! — бросила она через плечо. — Я вам этого не забуду…

Люси сидела на мокрой, колючей траве с Горацио на руках и прижимала его голову к груди. Молодой человек опустился на колени рядом с ней. Она увидела, что он совсем юный, с обветренным лицом и голубыми глазами. У него были короткие светлые волосы, в левом ухе красовалась золотая серьга.

— Ты в порядке? — спросил он.

Люси разразилась слезами:

— Да, но Горацио…

— Сейчас посмотрим. — Он осторожно взял у нее собаку, ощупал ее и погладил, нашептывая что-то успокаивающее. — Думаю, все обойдется. У него неглубокие раны и кровоподтеки.

— Он ведь только лаял! — Люси всхлипнула. — Он всегда лает. Такой глупенький. Я думала, этот пес его загрызет.

— Успокойся, все уже позади.

Люси шмыгнула носом. Она не могла найти платок и вытерла нос тыльной стороной руки.

— Это собака не моя, а Элфриды. Мы пришли сюда погулять.

— Откуда?

— Из Кригана.

— Я отвезу вас туда на тракторе. Могу доехать до здания клуба. Оттуда дойдете?

— Думаю, да.

— Пошли.

Он помог ей встать на ноги. Потом наклонился, поднял Горацио и отнес его к трактору, который стоял с открытыми дверцами и работающим двигателем. Люси вскарабкалась в кабину. Здесь было только одно сиденье, и она сдвинулась к самому его краю. Горацио посадили к ней в ноги, и он тяжело привалился к ее коленям. Молодой человек запрыгнул в кабину, сел рядом с Люси и включил передачу. Кренясь на ухабах, с тележкой, дребезжащей позади, они двинулись вперед.

Люси перестала плакать.

— Как ты думаешь, Горацио поправится? — неуверенно спросила она.

— Когда придете домой, сделай ему ванну с дезинфицирующим составом. Потом надо проверить раны. Если они окажутся глубокие, возможно, придется наложить швы. Тогда надо будет пойти к ветеринару. Думаю, он пару дней поболеет.

— Я чувствую себя ужасно виноватой. Надо было лучше за ним смотреть.

— Ты ничего не могла поделать. По-моему, эта женщина просто спятила. Если еще раз увижу проклятого пса, пристрелю его.

— Его зовут Брутус.[15]

— Действительно злобная тварь.

Люси поймала себя на том, что улыбается.

— Большое спасибо за помощь, — сказала она.

— Ты живешь в Усадьбе, да? У Оскара Бланделла?

— А ты с ним знаком?

— Я нет, мой отец знаком. Отца зовут Питер Кеннеди, он священник. А я — Рори.

— Меня зовут Люси Уэсли.

— Красивое имя.

— А по-моему, ужасное. Какое-то надуманное.

Ей было уютно сидеть в кабине трактора, высоко над землей, вместе с этим отважным и добрым парнем, касаться плечом его сильной руки, чувствовать, как пахнет машинным маслом от его грубой куртки, ощущать тепло непривычной близости.

— Ну что ты, бывает и почище. Мою младшую сестру зовут Клодэг. Ей тоже не нравится се имя. Ей хочется, чтобы ее звали Трейси Шарлен.

На этот раз Люси даже засмеялась.

— Мог я вчера видеть тебя в церкви? — спросил он.

— Да. Но я тебя не видела, там было так много народу. Мне хотелось посмотреть фонари, которые зажигают под куполом. Очень красиво. Со мной была Элфрида. А Кэрри — это моя тетя — тоже должна была пойти, но простудилась и осталась дома. Сегодня утром приходил доктор, сказал, что она должна лежать. Ничего страшного, просто ей надо отдохнуть. Если бы со мной была Кэрри, этой драки не случилось бы.

— Нет ничего хуже собачьей драки. И ничем их не остановишь.

Люси немного успокоилась.

— Ты работаешь в гольф-клубе?

— Сейчас да. У меня свободный год. В июле я закончил школу, а в будущем году начну учебу в Даремском университете. Я работал все лето, подносил американцам клюшки и мячи. Очень прибыльное занятие, но теперь все разъехались, и я помогаю главному смотрителю.

— А потом чем собираешься заняться?

— Хочу поехать в Непал. Мог бы там работать, преподавать в школе.

Люси была поражена.

— Что ты будешь преподавать?

— Наверное, чтение и правописание. Маленьким детям. И арифметику. И футбол.

Она задумалась.

— А меня страшит свободный год.

— Сколько тебе лет?

— Четырнадцать.

— У тебя еще достаточно времени, можно что-нибудь придумать.

— Понимаешь, я не хочу ехать в незнакомое место. Быть совсем одной.

— Боишься?

— Ну знаешь, крокодилы, мятежники.

Рори усмехнулся.

— Насмотрелась телевизора.

— Наверное, просто останусь дома.

— Где ты живешь?

— В Лондоне.

— И там ходишь в школу?

— Да. Без пансиона.

— А сюда приехала на Рождество?

— Да. С Кэрри. А живу с мамой и бабушкой. Мама на Рождество едет в Америку. Сегодня улетает. А бабушка — в Борнмут. Поэтому мы с Кэрри здесь.

— А отец?

— Они с мамой в разводе. Я его редко вижу.

— Тяжело тебе.

Люси пожала плечами.

— Нормально.

— Мама сказала, чтобы я отнес вам мой старый телевизор.

— Да, это было бы здорово, но вообще-то я прекрасно обхожусь без телевизора.

— Я все-таки принесу.

Они немного помолчали. Трактор громыхал по ухабистой дороге.

— Надеюсь, вы все придете завтра вечером к нам на коктейль. А в семь часов у нас в школе будут танцы. Мы с Клодэг идем. Хочешь пойти с нами?

Люси охватило беспокойство. Она ненавидела танцы и всегда путала «право» и «лево». Ей случалось ходить на вечеринки, но на танцы — никогда. Да и на вечеринках она обычно робела.

— Не знаю, — сказала она.

— А почему бы не пойти? Мы будем танцевать рил.[16] Это очень весело.

— Рил? Я не умею его танцевать.

— Вот как раз и научишься.

Люси все еще сомневалась, но Рори улыбнулся ей дружелюбно и ободряюще. И она, к собственному удивлению, вдруг сказала:

— Хорошо. Да. Спасибо. Мне… я должна надеть вечернее платье?

— Ну что ты! Джинсы и свитер.

Между тем угрожающая темнота в небе все нарастала. И вот упали первые крупные хлопья. А потом со свинцово-черного неба повалил густой снег. Он ложился на капот трактора, покрывал ветровое стекло. Рори включил стеклоочистители.

— Ну вот, началось. С севера шли черные тучи. Сегодня утром я слышал прогноз погоды. Сказали, что надвигается сильный снегопад.

— Значит, будет снежное Рождество?

— А ты этого хочешь?

— Я еще никогда не видела такого.

— На санках кататься хорошо. Но дорожным рабочим и службе

снегоочистки здорово достанется.

Поездка подходила к концу, трактор уже полз вверх по склону, ведущему к зданию гольф-клуба. Рори свернул к автомобильной стоянке, заглушил двигатель, открыл дверцу и вылез из кабины.

— Доберешься отсюда сама?

Снег падал ему на волосы, на плечи его теплой спортивной куртки. Люси тоже выбралась из кабины. Рори вытащил Горацио и поставил его на снег. Пес встряхнулся и даже завилял своим пушистым хвостом. Снежинки неслись и кружились в воздухе; подморозило, под ногами скрипел снег. Люси смахнула упавшую ей на нос снежинку, вынула из кармана поводок, и Рори прикрепил его к ошейнику.

— Ну вот, — улыбнулся он. — Пока.

— Огромное тебе спасибо.

— Увидимся завтра вечером.

— Да.

Люси стала спускаться с холма, а снег все падал и падал. Горацио бодро ковылял рядом с ней. Сначала ему надо сделать ванну с дезинфицирующим составом, как сказал Рори, а затем, вероятно, придется пойти к ветеринару. Люси надеялась, что Элфрида не рассердится на нее. Поймет, что Люси совсем не виновата. Она слышала, как позади нее трактор тронулся с места, и обернулась, чтобы помахать Рори, но валил такой густой снег, что ничего не было видно.

Люси едва передвигала ноги, она была совершенно разбита. Этот день она запомнит навсегда. Долгая-долгая прогулка, потом ужасная собачья драка, потом поездка на тракторе, снегопад, а еще приглашение на танцы. Скорее бы добраться до дома и рассказать обо всем Оскару и Элфриде.

15
ЭЛФРИДА

Элфрида испытала огромное облегчение, когда внизу хлопнула входная дверь и Люси окликнула ее. Время близилось к полудню, но темно было, как вечером, и мир за кухонным окном был точно закутан в белое одеяло — снег все шел и шел. Элфрида уже кляла себя, что поступила так безответственно, отпустив девочку одну. Какие только ужасы ей не мерещились. Оскар в гостиной, у камина, читал газету и, по-видимому, ничуть не беспокоился. Каждый раз, когда Элфрида бросалась к окну, он уверял ее, что Люси — вполне разумная девочка, и с ней Горацио, нельзя же опекать ее всю жизнь. Все это Элфрида и сама прекрасно знала.

Она возвратилась на кухню приготовить что-то к ланчу и начала чистить картофель, однако держала ушки на макушке. Услышав голос Люси в прихожей, побежала встречать девочку. Люси и Горацио, белые от снега с головы до ног, стояли на коврике перед дверью.

В теплой кухне Люси скинула куртку и стянула с ног башмаки, взахлеб рассказывая о своих приключениях.

— Этот жуткий пес, ротвейлер — он бежал без поводка, — набросился на Горацио и стал его терзать, и тут на тракторе подъехал Рори Кеннеди, он ужасно смелый. Он накричал на хозяйку ротвейлера и привез нас обратно к гольфклубу на своем тракторе, и тут пошел снег. Ах, Элфрида, мне так жаль, но я *не смогла* отогнать этого ротвейлера. Бедный Горацио, он весь в ранах и ссадинах. Рори сказал, надо сделать ему дезинфицирующую ванну и, может, даже отвезти к ветеринару. А есть у нас что-нибудь для этого? Если нет, я могу сбегать в аптеку и купить… Ох, как я испугалась! Я думала, он загрызет Горацио до смерти.

Люси была ужасно расстроена всем этим происшествием и в то же время странным образом радостно возбуждена — ведь она выдержала испытание, Горацио жив и она привела его домой. Щеки у нее раскраснелись, глаза блестели. Такой оживленной Элфрида ее еще не видела.

Горацио с жалобным видом сидел на коврике.

— Что случилось, Горацио? — Элфрида наклонилась к бедняге. — На тебя набросился свирепый зверь?

— Он лаял, — призналась Люси, — но не очень.

— Только глупые псы лают на ротвейлеров.

Элфрида поднялась наверх за бутылкой «Деттоля», Люси наполнила теплой водой большую фаянсовую раковину в посудной. Они погрузили в воду Горацио, и весь снег, прилипший к лапам и груди, сразу растаял. Душа тут не было, но Элфрида отыскала старый кувшин и стала поливать пахнущую больницей воду на спину, ноги и шею Горацио. Он сидел мокрый, в страдальческом молчании, но к концу процедуры Элфрида не обнаружила никаких серьезных ран, только несколько следов от укусов, которые, как она надеялась, со временем сами собой заживут. Больше всего был искусан живот, а одно ухо слегка надорвано, но в целом Горацио пострадал не сильно.

Люси облегченно вздохнула.

— Значит, нам не нужно везти его к ветеринару?

— Думаю, нет. И хорошо — я не знаю, где его найти, а при таком снегопаде вообще ехать никуда невозможно. — Элфрида дала стечь воде, вытащила Горацио из раковины, перенесла его на кухню, завернула, точно бедуина, в чистое махровое банное полотенце и, осторожно похлопывая, вытерла. — Теперь у нас два инвалида. Может, нам повесить вывеску «Частная лечебница»?

Люси вдруг всплеснула руками.

— Какой ужас! Я совсем забыла о Кэрри! Неужели она все еще спит?

— Думаю, да. Из ее спальни не слышно ни звука.

— А где Оскар?

— В гостиной.

— Пойду расскажу ему все.

— С твоих джинсов течет вода. Сначала тебе надо переодеться в сухую одежду, а всю мокрую принеси сюда, мы повесим ее сушиться.

— Поняла. — Люси направилась к двери, но, дойдя до нее, обернулась. — Элфрида…

— Что, лапушка?

— Знаешь, Рори Кеннеди очень славный. Но у него крашеные волосы.

— Крашеные волосы? — Элфрида изобразила ужас на своем лице. — Представь только, что сказала бы твоя бабушка!

Люси ответила ей голосом Доди:

— Отвратительно!

Потом состроила гримаску и вышла. Элфрида услышала, как она, перескакивая через две ступеньки, помчалась в мансарду.

Было три часа дня, когда Элфрида пошла проведать Кэрри. Снег перестал, но хмурый день уже перешел в вечер, и ей пришлось включить

везде электричество и задернуть занавески. Она негромко постучала в дверь комнаты Кэрри и осторожно отворила ее.

— Кэрри?

— Я не сплю.

В сумраке комнаты Элфрида увидела голову племянницы на белой подушке. Она подошла и включила маленькую лампочку возле кровати. Кэрри потянулась и улыбнулась тетке.

— Который теперь час?

— Три часа дня.

— А я думала, уже ночь.

— Был сильный снегопад, снегу выпало на четыре дюйма. Сейчас пока перестал. — Элфрида подошла закрыть окно, задернула тяжелую штору, и маленькая спаленка тут же стала защищенной от всех стихий. У изголовья уютно горела лампа, по углам таились густые тени. Элфрида присела на край огромной кровати. — Как самочувствие?

— Я точно провалилась в небытие. Как это я умудрилась так долго проспать?

— Ты была такая уставшая. Хочешь чего-нибудь съесть? Или чаю? Или чего-нибудь еще?

Кэрри подумала.

— Чай — это божественно. И мне нужно кое-куда…

Она выбралась из постели: тонкие длинные руки, длинные ноги, батистовая ночная рубашка. Дотянулась до халата и завернулась в него, туго затянув поясок на тонкой талии. Элфрида пошла на кухню кипятить чайник. Она приготовила поднос для них обеих, отыскала очень дорогое и очень вкусное печенье, которое Оскар в один из своих походов по магазинам почему-то решил купить. Поднявшись с подносом наверх, она обнаружила, что, умывшись, почистив зубы и причесав темные волосы, Кэрри снова улеглась в постель. Не забыла она и подушиться любимыми духами — как видно, почувствовала себя куда лучше.

— Элфрида, ты ангел! Мне так стыдно — столько хлопот.

— Никаких абсолютно. Я рада, что вы с Люси сможете отдохнуть.

— Тут так тихо. А где же все?

— Как только снег перестал, Оскар и Люси решили отправиться по магазинам, хотят купить украшения для елки.

— Где же они их найдут?

— Понятия не имею. Быть может, в скобяной лавке. Люси выводила на прогулку Горацио, у них было ужасное приключение… — Элфрида поведала Кэрри сагу о Горацио и ротвейлере. Кэрри, конечно же,

ужаснулась, но и порадовалась за Люси, которая проявила такое самообладание.

— Вот это приключение! Довольно опасное, но, может, это как раз то, чего Люси не хватало. В Лондоне у нее такая скучная жизнь с Доди и Николой. Обе они эгоистки и начисто лишены хотя бы самого скудного воображения. Я даже представить не могу, каково было бы мне в детстве, если бы не Джеффри. А у Люси нет Джеффри и, по сути, нет отца. Доди и Никола ужасно ограниченные люди, Люси они ничего не могут дать. Разговор у них один — перемывают косточки знакомым, причем в основном осуждают, или обсуждают наряды.

— Что же бедная девочка делает весь день?

— Большую часть дня она проводит в школе. Но у нее приятная маленькая комнатка в квартире, ее собственная, и есть подружка Эмма…

— Я полагаю, мужчины в их доме не бывают? И мальчики тоже?

— В школе одни девочки, а когда она навещает отца, эта кошмарная Мерилин старается не оставлять их одних. Ревнует, наверное, глупая корова.

— По-моему, Рори Кеннеди произвел на Люси большое впечатление. Мало того, что он проявил беспримерную храбрость и спас Горацио, он еще и красит волосы. И у него кольцо в ухе.

— С ума сойти!

— Мы все приглашены завтра вечером к Кеннеди на коктейль. Я очень бы хотела, чтобы ты тоже пошла — хочу познакомить тебя с Табитой. Но, может быть, тебе это общество не очень интересно?

— Я подумаю.

— Ну и, конечно, предстоит большое веселье в школе — ребята будут танцевать все шотландские танцы. Рори спросил Люси, пойдет ли она с ним и с его сестренкой, и теперь у нее глаза сияют и хвост морковкой, и она говорит, что вечером вымоет голову.

Кэрри мелкими глотками пила обжигающий, отдающий дымком чай — Элфрида заварила его пакетиками «Лапсанг Соучон». Она с грустью сказала:

— У меня уже сейчас тяжелое предчувствие: когда придет время возвращаться в Лондон, слезы польются рекой.

— Молчи. Не хочу и слышать об этом.

— Я все думаю об этой работе, которую мне предложили в Лондоне. Пожалуй, соглашусь. Хотя бы на год. Так я смогу быть рядом с Люси и постараюсь немного скрасить ей жизнь. Я заставлю Доди разрешить мне свозить девочку в Корнуолл к Джеффри и Серене. Знаешь, они ведь

никогда не виделись. Люси была совсем малышкой, когда он развелся с Доди, и та, судя по всему, по-прежнему жаждет отмщения.

— Бедная женщина.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что ей больше нечем занять свои мысли. Еще чаю?

Кэрри протянула кружку, и Элфрида наполнила ее.

— Никола звонила сегодня?

— Никола? А вы ждете звонка?

— Нет. Но сегодня она улетает во Флориду. Я думала, что она захочет попрощаться с Люси. Но, как видно, не захотела.

— Люси ничего об этом не говорила. По правде говоря, она слишком поглощена приключением с Горацио, Рори Кеннеди и рождественскими украшениями.

— Вот и хорошо!

Они замолчали, потягивая чай, наслаждаясь покоем и уютом. В доме стояла тишина. Элфрида спросила как можно непринужденнее:

— Тебе не кажется, что нам с тобой самое время поговорить…

Кэрри вскинула голову, ее красивые темные глаза пытливо уставились на Элфриду.

— Поговорить?

— Ты обещала рассказать мне, почему уехала из Австрии и так поспешно вернулась домой. Может, сейчас и расскажешь? Нам никто не помешает. Я не хочу совать нос в твои дела, но мне хотелось бы понять, почему у тебя такой измученный и печальный вид.

— Он правда такой?

— Да. Но красива ты по-прежнему.

— Ах, Элфрида, спасибо, только вряд ли я красива. Я чувствую себя старой, чувствую, что жизнь моя кончилась. Мне уже почти тридцать. Это как водораздел. И я не знаю, что ждет меня на противоположном склоне холма. Прошло много лет с тех пор, как я видела тебя последний раз, годы бегут так быстро. Мне казалось, что до тридцати очень далеко. Но не успею я оглянуться, как мне стукнет сорок, а потом пятьдесят. Я понимаю: прежде чем это случится, я должна что-то сделать со своей жизнью. Однако при одной только мысли, что надо принимать какие-то решения, знакомиться с новыми людьми, разыскивать старых друзей, я впадаю в апатию.

— Вот, наверное, почему ты подхватила эту противную простуду и она тебя так пришибла.

— Ты полагаешь, это психосоматика?

— Нет, я имела в виду не это. Я говорю о физической ранимости.

— Ранимости? Никогда не думала, что кто-нибудь употребит такое слово по отношению ко мне.

— Каждый человек раним.

— Я считала себя сильной.

Кэрри допила чай, Элфрида взяла у нее пустую кружку, поставила на поднос, а поднос на пол. Потом устроилась поудобнее, прислонилась к спинке кровати.

— Что случилось, Кэрри? — спросила она.

— Я прожила в Обербейрене около года, работала зимой и летом. Платили мне хорошо, я сняла себе квартиру. Это было хорошее время. А потом я встретила Андреаса. Он прибыл с первым снегом — приехал вместе с компанией друзей. Это была ежегодная встреча, что-то вроде мальчишника, так повелось с университетских времен. Остановились они в большом отеле, и там я его и встретила. Он банкир из Франкфурта, занят престижным семейным бизнесом, во главе которого стоит его отец. У него есть жена и двое детей. Я с самого начала знала, что он женат, но решила, что мне это не помеха. Влюбляться в него я не собиралась, и, думаю, он тоже, однако это случилось. Это случилось…

Такого привлекательного мужчину я прежде не встречала: благородный и веселый товарищ, великолепный лыжник и потрясающий любовник. Внешне он не был похож на арийца — ни светлых волос, ни голубых глаз. Темноволосый, высокий, худощавый. У него была внешность интеллектуала, писателя или профессора.

В ту первую зиму он приезжал в Обербейрен очень часто. До Мюнхена летел на самолете компании, а оттуда на машине поднимался в горы. И останавливался не в отеле, а у меня. Это был наш мир, и больше ничей. Когда растаял снег, я думала, что и Андреас тоже исчезнет, но он любил горы летом не меньше, чем зимой. Мы ходили дни напролет, плавали в ледяных озерах и спали в маленьких гостиницах где-то высоко в горах. Просыпались под пуховыми перинами и слушали перезвон колокольчиков — это коровы шли на утреннюю дойку.

Он ездил по делам по всей Европе, и иногда я присоединялась к нему. В Вене, Люксембурге или в Мюнхене. В Вене, это было зимой, мы пошли на рождественский базар, купили имбирные пряники, сверкающие звездочки и маленькие деревянные разрисованные игрушки. А вечером пошли в оперу и слушали «Der Rosenkavalierw»,[17] а потом ужинали в «Трех гусарах».

Потом, месяцев шесть тому назад, он опять приехал в Обербейрен.

Вид у него был усталый и озабоченный. Я спросила его, в чем дело, и он рассказал, что узнавал у жены, даст ли она ему развод. Потому что он хочет жениться на мне. Я растерялась, испытывая противоречивые чувства. Сразу же вспомнила Джеффри и Серену: как счастливы они вместе. Но я не забыла, как мучителен и жесток был этот развод. Жену Андреаса я никогда не видела, знала только, что ее зовут Инга. Я не могла себе представить, что какая-то женщина может быть не влюблена в такого мужчину, как Андреас. Так что его предложение привело меня в восторг, и одновременно я испытала чувство вины. Но вперед я не заглядывала, в этом не было смысла.

О разводе он больше не говорил. Когда мы были в горах, он время от времени бросал какую-нибудь фразу вроде: «Когда мы поженимся, мы построим тут дом и будем приезжать сюда каждые выходные, и я привезу сюда моих детей. Ты познакомишься с ними!»

Но я никогда ничего не отвечала, потому что боялась испытывать судьбу.

Потом он сообщил мне, что говорил с адвокатом. Еще некоторое время спустя — что сказал своим родителям о том, что его брак пришел к концу и он намерен получить развод.

Немедленно разразился скандал. Семья Андреаса одна из самых влиятельных во Франкфурте: богатая, с хорошими связями. И они католики. Могу себе представить, как тяжело все это было для него. Нет, все же, пожалуй, не могу представить. Только одно я точно знала: у меня не хватит сил первой сказать ему «прощай». Так что все зависело от него. От его решения.

Он продержался еще месяца три и казался таким сильным, уверенным, что я и вправду поверила: он доведет все до конца, не отступится и освободится. Но постепенно я поняла, что ему очень тяжело. Он был очень привязан к жене и обожал детей. Он почитал своих родителей, наслаждался всеми благами жизни и очень это ценил. Я думаю, ему было сказано, что, если он разрушит семью, всему этому придет конец. И сказано без обиняков.

Довольно банальная история, правда? Сколько таких у нас на слуху! Сюжет из старинной мелодрамы или викторианской оперы. Так вот, месяца через три Андреас сказал, что нашей любви конец и он возвращается во Франкфурт, к Инге и детям. Я словно зажала себя в тиски, я собрала все свои силы, чтобы принять его решение, но когда настало время сказать «прощай» и я поняла, что уже никогда больше не увижу его, мне показалось, что жизнь моя кончилась, что я умираю от потери крови или от

чего-то ужасного.

Я предполагала остаться в Обербейрене и продолжать работать, но не сумела, не могла ни на чем сосредоточиться. Моя работа требует внимания, очень важно уметь быстро принимать решения. Я пошла к боссу и сказала, что возвращаюсь в Лондон. Конечно, я подождала, пока мне не нашли замену — очень толковую девушку, которая работала под моим началом, — и тогда я улетела домой.

Андреас снится мне до сих пор. Иногда это страшные сны, а иногда он приходит сказать мне, что все это — ошибка, Инга его больше не хочет и мы снова можем быть вместе. Тогда я просыпаюсь счастливая…

Наступила долгая тишина, потом Кэрри встрепенулась.

— Вот так, — сказала она. И улыбнулась.

— Дорогая моя девочка, спасибо, что все мне рассказала.

— На самом-то деле все это скучно. И банально.

— Ни в малейшей степени.

— Я излечусь. Излечусь и от Андреаса, и от простуды. Жизнь продолжается. Я здесь, с тобой. Я возьму себя в руки и постараюсь быть веселой.

— Тебе не надо ничего изображать.

— Ты расскажешь Оскару?

— Если хочешь…

— Очень коротко. Я хочу, чтобы он знал. Так нам обоим будет проще.

— Ладно. — Элфрида глубоко вздохнула. — Кэрри, ты не должна думать, что это конец радости и любви. Жизнь — необыкновенное чудо, и всех нас поджидают потрясающие сюрпризы. Оттуда, где остановилась сейчас ты, тебе видятся лишь мрак и пустота, но взгляни на меня! Я думала, что до конца моей жизни буду сидеть в полном одиночестве в своей стариковской берлоге в Гэмпшире, и вот я на севере Шотландии и со мной Оскар Бланделл.

— Оскар не женат.

— Нет. — Элфрида подумала о Джимбо и снова вздохнула: да, странности судьбы! И сказала: — Мир полон женатых мужчин.

— Но они не для меня, Элфрида. Больше никогда…

Внизу открылась и закрылась тяжелая парадная дверь и послышались веселые голоса Оскара и Люси, они возвратились из похода по магазинам.

Элфрида оживилась и спрыгнула с высокой кровати.

— Пойду заварю свежий чай для Оскара. Сказать Люси, чтобы она поднялась к тебе?

— Скажи. Хочу услышать из ее уст про это приключение, про собачью

драку… и о ее новом друге.

— Но ты не будешь ее поддразнивать?

— Что ты, Элфрида! Как можно? Я хорошо помню, как это было в четырнадцать лет.

16
СЭМ

Они стояли у стойки бара в пабе «Герцогский герб» в Бакли. Это был маленький паб, но с суровыми традициями: никаких уступок туристическому бизнесу и модным новшествам. Обшитые сосновыми досками стены, тусклое освещение, потертый темно-коричневый линолеум на полу. За стойкой — бармен с угрюмой физиономией. В зале теснились круглые столики и видавшие виды стулья, а за невысокой каминной решеткой еле тлел торфяной огонек. Над камином, в стеклянной витрине, висело чучело огромной рыбы, пучившей холодные глаза. Все вокруг пропиталось застоявшимся запахом пива и виски.

— Что будете пить? — спросил Фергюс Скиннер.

— Полпинты светлого.

— А чего-нибудь покрепче не хотите?

— Я за рулем.

Фергюс привел сюда Сэма сразу после собрания в церкви. Он только в этот паб и ходит, сообщил он Сэму, потому что сюда редко заглядывают женщины. Здесь мужчина может спокойно посидеть и с удовольствием опрокинуть стаканчик спиртного.

Себе Фергюс заказал стакан виски.

— Мне можно, я на своих двоих, — пояснил он с короткой усмешкой.

Ему было около сорока, но он выглядел старше своих лет. Темноволосый и белокожий, как истинный шотландский горец, он обладал выразительной внешностью. Глубоко посаженные глаза, орлиный нос, тяжелый подбородок — все это придавало ему несколько мрачноватый вид. В прежние времена Фергюс Скиннер работал цеховым мастером, и, когда Мактаггерты разорились, именно он объединил рабочих и обратился от их имени к местным властям с предложением выкупить фабрику. Его почти единогласно избрали управляющим, и теперь он тяжелее всех переживал остановку производства.

Тем не менее он был полон решимости отстоять дело. Когда Сэм позвонил ему из Лондона, из управления компании «Старрок и Суинфилд», и попросил организовать нечто вроде встречи с рабочими, Фергюс Скиннер выложился до конца: всех известил, разослал объявления в местные газеты, и поэтому собрание получилось настолько многолюдным, что опоздавшим пришлось стоять: все места были заняты.

Сэм и Фергюс уселись со своими стаканами за шаткий столик у камина. Кроме них единственным посетителем был старик, задумчиво дымивший сигаретой в уголке. По-видимому, Сэм и Фергюс его совсем не интересовали. На стене солидно тикали круглые часы. Стрелки показывали половину шестого. Бармен, протирая до блеска стакан, смотрел в маленький черно-белый телевизор. Звук был приглушен и почти не слышен.

Тлеющий кусок торфа с треском распался на угольки. Фергюс поднял стакан.

— За ваше здоровье.

— И за наше будущее.

Пиво было теплое.

— За будущее!

Собрание прошло удачно. В церкви его проводили потому, что в здании фабрики пока было сыро и холодно. Пришли не только мужчины, но и женщины, был даже ребенок, которого, видимо, не с кем было оставить.

Сначала атмосфера была настороженной и не слишком дружелюбной. Люди так давно потеряли работу, что не склонны были принимать на веру оптимистические обещания. Сэм начал с того, что представился как новый главный управляющий, человек, который возглавит работу по реконструкции разрушенной фабрики Мактаггерта и восстановлению производства.

Ответом было молчание. Сэм понял, что, видимо, для рабочих он лишь еще один денежный воротила, присланный из Лондона владельцами «Старрок и Суинфилд», поэтому решил рассказать немного о себе. Он из Йоркшира, родился и вырос в текстильном районе, у его семьи была фабрика почти того же профиля, что и предприятие Мактаггерта в Бакли. Потом их фабрика потерпела финансовый крах, но им помогла компания «Старрок и Суинфилд» — все было так, как сейчас происходит у Мактаггерта. Вот почему он, Сэм, приехал с ними поговорить.

Атмосфера несколько разрядилась. Люди задвигались, устраиваясь поудобнее.

А Сэм продолжал говорить. Он подробно описал весь процесс восстановления фабрики. Рассказал о планах, о возможностях реконструкции. О том, что производство сохранит традиции прошлого и будет основано на добровольном сотрудничестве между хозяевами и рабочими, но при этом станет развиваться с учетом достижений технического прогресса. Закупят новые станки, начнется выпуск новых тканей, появятся новые рынки сбыта.

В начале собрания он попросил задавать вопросы. И когда выступление закончилось, поднялись руки.

— Чтобы работать на новых станках, придется переучиваться?

Он ответил утвердительно. Теперь все хотели знать, будут ли сокращения. Он опять ответил утвердительно: да, сначала будут. Однако как только возрожденная фабрика начнет работать, производство станет постепенно расширяться и появятся новые рабочие места.

Встала женщина и спросила, найдется ли работа для нее. Она выполняла завершающую, ручную отделку. А теперь всё станут выполнять новые умные машины? Сэм ответил, что в производстве предметов роскоши, которые они тоже будут выпускать, искусство ручной отделки обязательно потребуется, работа найдется.

Но самый жизненно важный, главный для них вопрос был — когда, как скоро они вернутся к работе?

Самое раннее — через девять месяцев. Самое позднее — через год.

Почему так долго ждать?

Потому что надо сделать очень много. И если кто-нибудь захочет убедиться в этом воочию, то планы уже готовы и здесь на досках висят чертежи.

Внешний вид старой фабрики останется прежним, но «начинку» вынут и все перестроят. Появится магазин для туристов. Архитектор наметил также место для небольшой чайной и бара с напитками и закусками, а это даст дополнительные рабочие места.

А кто получит подряды на строительство?

Сэм пояснил, что сэр Дэвид Суинфилд настаивает на использовании только местных подрядчиков и что будут привлечены местные строители, водопроводчики, электрики и плотники. После Нового года прибудут прорабы и хозяйственники, подготовят смету.

Под конец собрание превратилось в общую дискуссию, к чему Сэм и стремился с самого начала. И еще до окончания он сошел с возвышения вниз и смешался с рабочими, чтобы объяснять планы, выслушивать вопросы, вникать в проблемы и ободрять сомневающихся. Завершая собрание, Сэм почувствовал, что если он и не приобрел сразу множество друзей, то, во всяком случае, завоевал некоторое доверие со стороны рабочих и может надеяться на сотрудничество. Итак, начало было положено. Оно оказалось лучше, чем он ожидал, его страхи не оправдались.

Фергюс нагнулся и подложил в догорающий огонь еще брикет торфа.

— А когда вы переедете в Бакли насовсем? — спросил он.

— Но я уже здесь, Фергюс.

— Однако вы должны будете все время ездить в Лондон?

— Да, разумеется. Я, наверное, буду сновать туда-сюда, как челнок, но база моя отныне здесь.

— А где вы обосновались?

— Пока в Инвернессе, в гостинице.

— А на Рождество вы уедете домой?

Сэм колебался. Если он собирается работать с Фергюсом бок о бок, то лучше сразу и откровенно все ему рассказать. Только в таком случае не будет никаких слухов и домыслов.

— Знаете, как раз сейчас у меня нет дома. Мой дом был в Нью-Йорке. Семьи у меня тоже нет. Мы с женой разъехались. Она осталась в Америке.

— Плохо это — не иметь дома, — заметил Фергюс.

Сэм усмехнулся.

— Да нет, не так уж и плохо. Как бы то ни было, имея фабрику на руках, мне будет чем занять время и мысли. Честно говоря, я пока даже не думал о Рождестве. Можно уехать в Лондон и провести его с друзьями, но, вообще-то, я не хочу отвлекаться от дел.

— Однако ездить каждый день из Инвернесса и обратно не слишком удобно. Даже с учетом новых мостов, это дальняя дорога.

— Подыщу что-нибудь поближе. Арендую квартиру или дом.

— Добро пожаловать ко мне. Жена будет рада, у нас найдется для вас место.

— Спасибо, но мне хотелось бы иметь отдельное жилье. — Он допил свою скромную порцию пива и взглянул на часы. — Пожалуй, пора. Как вы правильно заметили — дорога дальняя.

— Ну, машина у вас хорошая, «лендровер дискавери». И, кажется, новая.

— Да, новая. Купил ее в Лондоне, когда узнал, что буду жить здесь. На ней и приехал сюда. Классная машина.

— Да, да, стоящая. У моего сына тоже «лендровер».

— А чем занимается ваш сын?

— Он егерь. Шерстяное дело его не интересовало. Предпочитал работать на воздухе. Он всегда любил природу. Мальчишкой то и дело таскал домой раненых птиц и больных белок, кормил их, лечил. У нас на кухне в углу все время обитал какой-нибудь зверек, и жена утешала себя только тем, что мы живем не в Кении.

Фергюс сказал это с абсолютно серьезным видом, и Сэм не сразу понял, что тот шутит.

Они вышли из паба. Снова пошел снег. Через дорогу, напротив церкви, стоял темно-зеленый «дискавери» Сэма, уже покрытый снегом на дюйм.

— Прежде чем вы уедете в Инвернесс, позвоните в автомобильную ассоциацию, узнайте прогноз. В такую погоду дорога через Черный остров может стать непроезжей.

— Ладно, посмотрю по обстоятельствам.

— Мы еще встретимся до Нового года?

— Обязательно. Я вам позвоню. Буду держать вас в курсе.

— Мне было приятно с вами познакомиться.

— А мне с вами, Фергюс.

Они попрощались, обменявшись рукопожатием, и Фергюс ушел. Сэм посмотрел ему вслед, потом сел в машину, сунул руку в карман пальто и вытащил два ключа: один от зажигания, а другой, большой и старомодный, с биркой на веревочке, — от Усадьбы Хьюи Маклеллана.

Какое-то время он раздумывал, что делать. Собрание прошло нелегко, но завершилось благополучно, и он скорее чувствовал возбуждение, чем усталость. Конечно, хорошо бы сейчас добраться до Инвернесса, принять ванну, выпить стаканчик в баре и поужинать. Но, с другой стороны, когда он так недалеко от Кригана, было бы разумнее сделать небольшой крюк, заехать в городок и одним глазком взглянуть на дом. Необязательно входить внутрь, просто посмотреть, каков он снаружи, составить первое впечатление.

В конце концов Сэм решил бросить монету. Если «орел», то он поедет прямиком в Инвернесс, если «решка» — заедет в Криган. Он нашел десятипенсовик и подбросил. «Решка». Сэм положил монету и ключ от Старой усадьбы перед собой, завел мотор и включил фары. В ярких лучах света заплясали снежинки. Его охватил приключенческий азарт.

«Криган, я еду».

Движение на шоссе было довольно интенсивным. Грузовики уверенно держали путь сквозь непогоду, запустив на полную мощность «дворники» и тяжело содрогаясь под бременем цистерн с бензином, леса и повозок для скота. Легковые машины везли своих хозяев домой после рабочего дня. Тарахтел трактор с мигалкой на крыше. Сэм тащился за ним с черепашьей скоростью целых полмили, если не больше, пока трактор не свернул к ферме.

Неожиданно снегопад закончился, ветер стих. Показались клочок чистого неба и тонкий серп месяца. Сэм проехал через длинный мост над узким морским заливом, и фары выхватили светящийся в темноте дорожный указатель: «ТУРИСТИЧЕСКИЙ МАРШРУТ. КРИГАН 2

МИЛИ».

Он повернул на однополосное шоссе, идущее вдоль берега. Начинался прилив, и можно было разглядеть мерцание темных вод. Прибрежный ил был покрыт снегом, и пейзаж казался каким-то ирреальным, волшебным. Вдалеке из окна небольшого дома на берегу вонзался в тьму тонкий, как игла, лучик света. Вскоре дорога круто повернула вправо, и Сэм въехал на холм, поросший хвойными деревьями. Впереди, в отдалении, сверкали огни городка.

Небо потемнело, и снова пошел снег. По березовой аллее Сэм въехал в город. В свете уличных фонарей он разглядел церковь, площадь и старое кладбище за каменной стеной. Пейзаж напоминал рождественскую открытку. Сэм медленно обогнул церковь, пытаясь определить, где же тут пустой, необитаемый дом Хьюи Маклеллана. Безрезультатно описав полный круг, он решил расспросить прохожих и подъехал к тротуару. Навстречу шли двое, рука в руке, ухитряясь при этом тащить несколько сумок и корзинок.

Сэм опустил стекло:

— Извините, можно вас спросить?

Они остановились.

— Да? — предупредительно отозвался мужчина.

— Я ищу Старую усадьбу.

— Вы уже на месте. — Мужчине вопрос показался забавным, и он улыбнулся. — Вот она. — Он кивком указал на дом, окруженный стеной.

— О, вижу. Спасибо.

— Пожалуйста, — и пара продолжила путь.

— Доброй ночи, — крикнул Сэм вслед.

— И вам тоже.

Они ушли, а Сэм сидел в машине и смотрел на дом. Он сразу обратил на него внимание, но проехал мимо, так как этот дом никак не мог принадлежать Хьюи. По словам Хьюи, дом пустует, там нет жильцов. А здесь из-за тщательно задернутых занавесок струился свет. В этом доме жили.

Наверное, лучше уехать, подумал Сэм. Все это — ошибка или глупая шутка. Но он не любил неразгаданных тайн и знал, что эта загадка не даст ему покоя, пока он не узнает, в чем дело. Он взял ключ, погасил фары и вылез из «дискавери» прямо под снегопад. Потом открыл тяжелую железную калитку и подошел к дому. Вот и входная дверь. Есть звонок. Он нажал кнопку и услышал, как в доме раздалось громкое дребезжание.

Сэм немного подождал. Снег сыпал ему за воротник, и он снова нажал

кнопку. Внезапно зажегся фонарь над дверью, и Сэм оцепенел, словно под ищущим лучом прожектора. Затем послышались шаги и дверь отворилась.

Он не мог сказать, кого он ожидал увидеть на пороге. Может быть, пожилую леди в фартуке. Или мужчину в домашнем пуловере и в шлепанцах, недовольного тем, что нежданный гость оторвал его от телевизора. Но никак не высокую темноволосую девушку в джинсах и толстом свитере. Потрясающе красивую девушку, на которую на Пятой авеню все бы оглядывались.

Они молча смотрели друг на друга. А потом она без особого удовольствия спросила:

— Да?

— Извините, это Старая усадьба?

— Да.

— Дом Хьюи Маклеллана?

— Нет, Оскара Бланделла.

Ослепленный светом дверного фонаря и падающими на лицо хлопьями снега, Сэм вынул ключ с биркой и сказал:

— Я, наверное, ошибся.

Девушка пристально поглядела на ключ, потом отступила назад, открывая дверь.

— Мне кажется, — сказала она, — вам лучше войти.

17
КЭРРИ

Утром, как и обещал, в Усадьбе появился доктор. Лицо его покраснело от холода, теплое пальто из дорогого твида, покрытое снегом, намокло и пахло болотом. Он вручил Люси книгу о птицах и через две ступени — видимо, этот человек не привык терять ни минуты — взбежал наверх навестить больную. Кэрри лежала в подушках. Она сказала, что ей гораздо лучше, спала хорошо и чувствует себя другим человеком. Однако, из присущей ему осторожности, доктор Синклер посоветовал ей полежать еще денек. Кэрри понимала, что даже если она не согласится с доктором, ей придется выдержать спор с Элфридой, поэтому, мило улыбнувшись, она сдалась.

Когда доктор ушел — так же внезапно, как и появился, — Элфрида поднялась наверх и заглянула в дверь.

— Что он сказал?

— Все хорошо, но надо полежать еще один день. Извини.

— Почему «извини»?

— Такое неудобство для тебя.

— Вот глупенькая! Никакого неудобства. Принести бутылку с горячей водой?

— Нет, спасибо. Я согрелась.

— Досадно, конечно, что ты пропустишь вечеринку у Кеннеди, но ничего, познакомишься с ними в другой раз. Я немного волнуюсь. Знаешь, мы с Оскаром первый раз идем в гости. Правда, однажды обедали в пабе, но это другое дело.

— Я останусь дома и приготовлю ужин.

— Не беспокойся, на ужин будет кеджери.[18] Я заранее поставлю его в духовку; и если мы не съедим его сегодня вечером, оно пойдет на завтрак. Это такое универсальное блюдо.

— Элфрида, ты, наверное, читаешь много поваренных книг.

— Боже упаси.

День шел своим чередом. Кэрри видела, что творится за окном, и радовалась, что ей не надо выходить. С серого неба все валил и валил снег. Время от времени она слышала слабое завывание ветра, гуляющего по старому дому. Ей было уютно. Она вспоминала свои детские ощущения,

когда больная лежала в постели, зная, что свободна от участия в повседневных домашних делах. Вот и теперь, телефон звонил и кто-то спешил к нему. Приближались и удалялись шаги, кого-то звали, кто-то откликался. Открывались и закрывались двери. Кэрри слышала, как Оскар тяжело поднимается наверх, потом снова спускается, и догадывалась, что он принес корзины с поленьями для камина. К полудню начали доноситься запахи из кухни — жареного лука и, кажется, овощного супа. Роскошные ощущения: потворство собственным слабостям, праздность, полная свобода от всякой ответственности — обо всем этом Кэрри давно забыла.

Часто заходила Люси.

— Послушай, Кэрри, правда, доктор Синклер добрый? Он принес мне книгу о птицах. Когда в следующий раз я пойду на побережье, то буду знать, как эти птицы называются.

— Он очень внимательный.

— Вот если бы у меня в Лондоне был такой доктор! Там они все такие злые, и ждешь их целую вечность.

Люси отложила книгу.

— Кэрри, я не знаю, что сегодня вечером надеть на танцы.

Конечно, Люси гораздо больше занимало то, что произойдет сегодня вечером, чем названия морских птиц.

— А что у тебя есть?

— Новые джинсы, но на танцах в них, наверное, будет немного жарко, они на теплой подкладке. Есть еще старые, но чистые, и Элфрида их погладила. Или мне надеть новую мини-юбку и черные колготки? Как ты думаешь?

— Рори что-нибудь говорил?

— Сказал, джинсы и свитер.

— Ну так надень джинсы и свитер. Старые джинсы и хлопчатобумажный свитер в красно-белую полоску. Ты мне нравишься в этом наряде, похожа на француженку. Лучше одеться попроще, чем вырядиться. А мини-юбку я бы оставила для Рождества.

— Рождество. Странно, я совсем о нем не думаю, а осталось всего шесть дней. По-моему, никто не беспокоится и никаких приготовлений. У бабушки обычно в это время начинается мигрень; она говорит, у нее столько забот.

— Знаешь, Оскар заказал елку и теперь надо купить украшения.

— Да, и еще я должна приготовить подарки. Для него и для Элфриды. Правда, пока не представляю, какие. А у нас будет рождественский обед?

— Точно не знаю. Но, по-моему, обед все-таки будет. Просто Элфрида,

как обычно, не торопится. Все будет сделано в последний момент.

— А чулки с подарками?

— Думаю, обойдемся без них. Не возражаешь? Ты ведь уже не веришь в Санта-Клауса, который вылезает из камина?

— Нет, конечно. Да и вообще, мне кажется, класть подарки в чулок — это довольно глупо. Разве что мандарины и пакетик с золотыми шоколадными пенсами.

— Я тебе их повешу на елку.

— Правда, Кэрри? Знаешь, все-таки хорошо отмечать Рождество не так, как всегда. И не знать, какое оно будет.

— Надеюсь, ты не заскучаешь с тремя пожилыми особами.

— Ну что ты!

Без четверти шесть Оскар, Элфрида и Люси отправились на вечеринку к Кеннеди. Снегопад продолжался весь день, и к вечеру дороги так завалило, что ездить по ним стало опасно.

Ни Оскару, ни Элфриде не улыбалась перспектива забуксовать в сугробе, поэтому в гости решили идти пешком — подняться на холм по переулку. Закутанные, в шапках, в теплых ботинках, они один за другим приходили к Кэрри попрощаться. Она пожелала им хорошо провести время и попросила обо всем ей рассказать, когда вернутся.

— Думаю, рассказывать будет особенно нечего, — заметила Элфрида, — разве что кто-то из гостей напьется.

Последней пришла Люси. Какая она хорошенькая, подумала Кэрри, глаза блестят, на губах играет улыбка. В новой красной куртке, ботинках, пушистой шерстяной шапочке, с сумкой через плечо.

— Что у тебя там?

— Кроссовки и расческа. И плитка шоколада.

— Повеселись как следует.

— Спасибо, Кэрри… Не знаю только, когда вернусь.

— Неважно. Не имеет значения. Надеюсь, Рори тебя проводит. Если хочешь, можешь пригласить его зайти, выпить пива или чаю. Элфрида или Оскар составят вам компанию.

— Правда, можно? Хорошо, я подумаю.

— Договорились. Ну, ступай.

— Пока, Кэрри.

— До свидания, дружок. Приятного тебе вечера.

Они обнялись, Люси поцеловала Кэрри.

Наконец все ушли. Кэрри слышала, как за ними захлопнулась дверь.

Она подождала минут пять — не вернутся ли, вдруг что-то забыли, — затем встала с постели, наполнила ванну, погрузилась в нее и долго-долго лежала. Потом надела джинсы, толстый свитер, причесалась, надушилась и сразу почувствовала себя намного лучше. *Выздоровела*, сказала она своему отражению в зеркале.

Спустившись вниз, она прошла на кухню, посмотреть, как там кеджери и Горацио. Все оказалось в полном порядке, хотя песик был вялым, явно давали себя знать вчерашние раны. В качестве компенсации за страдания кормили его по-королевски, но гулять выпускали не дальше чем на шаг от двери черного хода.

Кэрри наклонилась и погладила его по голове.

— Хочешь пойти наверх к камину? — спросила она, но Горацио только закрыл глаза и, пригревшись в своей корзине, выстланной шотландским пледом, снова погрузился в сон.

Кэрри нашла начатую бутылку сухого хереса, наполнила стакан и вернулась в гостиную. Шторы были задернуты, в камине ярко пылал огонь. Она подбросила еще полено и устроилась в кресле с утренней газетой в руках.

С улицы доносились тихие, приглушенные снегом звуки — шуршание автомобилей, шаги редких прохожих. Кэрри читала помещенный на видном месте очерк об одной известной, уже немолодой актрисе, которая снялась в популярном телесериале и неожиданно обнаружила, что купается в лучах славы. Кэрри дошла как раз до того места, где говорилось о Голливуде, когда у парадной двери раздался такой резкий звонок, что она вздрогнула.

Обычно на подобный звонок Горацио отвечал неистовым лаем. Но на этот раз он молчал — слишком хорошо помнил, как вчера поздоровался с ротвейлером.

— Проклятье, — пробормотала Кэрри.

Она опустила газету и подождала. Может, у кого-то сломался автомобиль и этот кто-то хочет воспользоваться телефоном. Или принесли рождественскую открытку. А может, трое малышей, выстроившись в ряд, затянут: «В далеком вертепе, в яслях…»

Если подождать, они, наверное, уйдут. Но тут звонок снова пронзительно заверещал. Ничего не поделаешь, придется идти. Кэрри недовольно отбросила газету, вскочила и побежала вниз, по пути включая лампы, так что холл залился ярким светом. Массивная дверь не была заперта на ключ, и Кэрри рывком распахнула ее, впустив волну холодного воздуха со снегом.

За порогом в полосе света, падающего от фонаря, стоял мужчина.

Очень короткие темные волосы, теплое темно-синее пальто, поднятый воротник. В волосах и на пальто незнакомца сверкали снежинки.

Скользнув взглядом поверх его плеча, Кэрри заметила припаркованный у тротуара дорогой автомобиль. Нет, это не горе-водитель, не торговец и не исполнитель рождественских гимнов.

— Да? — сказала она.

— Прошу прощения, это Старая усадьба?

Голос приятный, знакомый акцент… скорее, интонации, чем акцент. Видимо, он американец.

— Да.

— Дом Хьюи Маклеллана?

Кэрри нахмурилась. Она никогда не слышала этого имени.

— Нет. Это дом Оскара Бланделла.

Теперь замялся он. Потом рукой в перчатке протянул Кэрри массивный ключ с привязанной к нему биркой, на которой крупными заглавными буквами несмываемыми чернилами было написано «Старая усадьба». Неуклюжий, как улика в допотопном детективном фильме. Но откуда он?

Разумеется, этому должно быть какое-то объяснение, но стоять на пороге слишком холодно. Кэрри отступила, шире распахнув дверь.

— Мне кажется, — сказала она, — вам лучше войти. Он постоял в нерешительности.

— Вы думаете?

— Конечно. Входите.

Он вошел, и она затворила дверь. Холод и непогода остались снаружи. Кэрри обернулась и посмотрела на незнакомца.

Ей показалось, что он немного смущен.

— Прошу прощения. Надеюсь, я не слишком вас потревожил?

— Ничуть. Не хотите ли снять пальто? Его можно повесить здесь, у радиатора, пусть немного подсохнет.

Он засунул ключ в карман, снял кожаные перчатки, расстегнул пальто и снял его. Одет он был очень хорошо, даже нарядно — темно-серый фланелевый костюм, галстук в тон. Кэрри взяла тяжелое пальто и повесила на старомодную стоячую вешалку из гнутого дерева.

— Наверное, я должен представиться. Сэм Ховард.

— Кэрри Саттон.

Они обошлись без рукопожатия.

— Пойдемте в гостиную. Там горит камин и гораздо уютнее. Не стоять же нам в холле.

Она пошла вперед, он последовал за ней. Поднялись, прошли

лестничную площадку и вошли в просторную гостиную. Он огляделся, как если бы никогда здесь не был.

— Какая чудесная комната.

— Не ожидали, правда? — сказала Кэрри и подобрала валявшуюся газету. — Она очень хороша днем, вся полна света. — Кэрри положила газету на стол рядом со своим креслом. — Не хотите чего-нибудь выпить?

— Спасибо. Я бы с удовольствием, но я за рулем.

— Куда направляетесь?

— В Инвернесс.

— В Инвернесс? Сейчас? В такую погоду?

— Ничего, прорвусь.

Кэрри в этом сомневалась, она мысленно пожала плечами. В конце концов, это не ее дело.

— Давайте сядем, и вы расскажете, откуда у вас ключ от дома Оскара.

Его лицо приняло несколько удрученное выражение.

— Честно говоря, я и сам плохо понимаю.

Он расположился в кресле Оскара. Казалось, он совершенно успокоился и чувствовал себя, как дома. Будто и не он только что шагнул сюда из пелены снега, непрошеный и незваный. Какое удивительное у него лицо, подумала Кэрри, не то чтобы красивое, но и не заурядное. Особенно привлекали внимание глубоко посаженные глаза. Он откинулся в кресле, скрестил ноги.

— Но уверен, что мы сможем в этом разобраться. Скажите, мистер Бланделл когда-то жил в Гэмпшире?

— Да.

— У него есть дядюшка, который живет в Лондоне?

— Понятия не имею.

— А кузен, которого зовут Хьюи Маклеллан?

— Боюсь, я не смогу вам помочь. Я сюда приехала в гости и совсем ничего не знаю о семье Оскара. Я только здесь с ним познакомилась. К тому же, я два дня пролежала в постели с простудой. Так что у нас с Оскаром просто не было возможности что-нибудь разузнать друг о друге.

— Понимаю.

— Сейчас Оскара и Элфриды — Элфрида моя родственница и подруга Оскара — нет дома. Они вернутся не раньше восьми. — Кэрри взглянула на маленькие каминные часы. — Скоро семь. Если вы хотите их подождать…

— Нет, не могу. Надо ехать.

— Но я не понимаю, как у вас оказался ключ от этого дома?

— Мне его дал Хьюи. Он хотел выставить дом на продажу.

— На продажу? — Кэрри удивленно на него уставилась. — Но это же дом Оскара.

— По-моему, они оба владельцы, если я правильно понял. Каждому из них принадлежит половина дома.

— Почему вы решили посмотреть дом? Вы хотите его купить?

— Может быть. — осторожно сказал он.

— Зачем?

— Чтобы жить в нем. Я приступаю к работе в Бакли. Надо вновь запустить фабрику шерстяных тканей Мактаггерта. Я хочу здесь обосноваться, и мне нужно жилье.

— А где это — Бакли?

— В двенадцати милях к северу. Я сейчас как раз оттуда. Знакомился с рабочими и служащими.

— Но тогда вам лучше жить в Бакли?

— Да, вероятно, в Бакли было бы удобнее. Но все дома, принадлежавшие фабрике, распроданы. А поскольку Хьюи рассказал мне об этом доме и дал ключ, я решил приехать и посмотреть. По правде говоря, я считал, что дом пустует, и удивился, когда увидел в окнах свет. Мне захотелось выяснить, в чем дело.

— Но пока ничего не прояснилось.

— Да, мне надо бы поговорить с мистером Бланделлом. Но, боюсь, сейчас для этого нет времени. Может быть, в другой раз. Мне пора ехать.

— А по-моему, очень важно, чтобы вы поскорее встретились с Оскаром. Простая справедливость требует, чтобы он знал, что произошло… что происходит.

— Но, право, я должен…

Он поднялся. Кэрри тоже встала, подошла к большому эркерному окну и отдернула тяжелую штору. За ней бушевала зима. Снег валил не переставая, на улице не было ни машин, ни прохожих. Кэрри представила себе дорогу в Инвернесс, мили и мили пути, подъем, ведущий к Черному острову от моста через узкий морской залив Кромарти.

В отличие от Элфриды и Оскара Кэрри не боялась ездить на машине по заснеженным дорогам. Она провела три зимы в горах Австрии и видела всякое. Но сейчас было совсем другое дело. В буйстве непогоды было что-то беспощадное. Казалось, этот снегопад никогда не кончится.

Кэрри повернулась к стоящему у камина Сэму.

— По-моему, вам не следует ехать.

— Почему?

— Посмотрите в окно.

Он подошел, взглянул на улицу. Сквозь пелену снега почти ничего не было видно.

— Хуже некуда, — сказала Кэрри.

— Я вижу. Фергюс Скиннер, управляющий фабрикой, советовал мне позвонить в автомобильную ассоциацию и справиться у них о погоде. Тогда я подумал, что это лишнее, но, видимо, ошибся.

— По-моему, это неплохая мысль.

— Мобильный телефон у меня с собой, но номера я не знаю.

— Сейчас поищу.

Кэрри вышла на лестничную площадку и вернулась с телефонным справочником в руках.

— Вот. Запишете? — спросила она, найдя номер экстренной справочной службы.

Он вынул ручку, она продиктовала номер, он его записал в записную книжку и достал из кармана мобильный аппарат.

Кэрри отошла к камину, оставив его в кресле у окна. Штора была поднята, и вид из окна напоминал театральную декорацию. Кэрри бросила в огонь еще одно полено и стояла, глядя, как разгорается пламя.

Он сразу же дозвонился, спросил о состоянии дороги на Инвернесс. Долго молчал, слушая. «А завтра?» Снова пауза. «Я все понял. Благодарю вас. До свидания».

Они посмотрели друг на друга. Кэрри молчала, понимая, что сведения самые неутешительные.

— Вы были правы. Дороги занесло, — сказал Сэм. — Я не предполагал, что может случиться такое.

— Сочувствую.

— Я… — начал он, убирая мобильник. — Думаю, мне лучше уйти. Убраться с глаз долой.

— Куда?

— Простите?

— Куда убраться?

— Должно быть, здесь есть отель, гостиница… Посмотрю.

— В это время года в Кригане все гостиницы закрыты. На зиму все закрывается. Вы ничего не найдете.

— Но, наверное…

— Вам придется остаться здесь. С нами.

— Здесь? Нет, не могу.

— Почему?

— Вы меня не знаете. Я чужой человек. Не могу я вот так прийти и…

— Очень даже можете. Как бы то ни было, но выбора нет. У нас есть свободная спальня, постель. Просто смешно не воспользоваться этим.

— Но…

Кэрри улыбнулась. Все решено, она отстояла свою точку зрения и теперь забавлялась его растерянностью.

— Как это говорится? В бурю любая гавань хороша.

— Но мистер Бланделл…

— Он будет рад еще одному гостю. Кроме того, должен же он узнать о планах своего кузена. Элфрида тоже будет рада. Больше всего на свете она любит неожиданные визиты и импровизированные вечеринки. Вам даже не придется беспокоиться насчет ужина. В духовке стоит кеджери. В ванной сколько угодно горячей воды. Словом, все современные удобства. Чего еще можно пожелать?

Он покачал головой, обезоруженный ее настойчивостью.

— Кажется, ничего.

— Зубная щетка?

— Кажется, есть у меня в автомобиле, и бритва тоже.

— Пижамы вы, наверное, не носите? Так что нет проблем.

— Да. — Он помолчал. — Если позволите, мне надо сделать еще один звонок.

— Конечно. Нужно всех успокоить.

Очевидно, хочет позвонить домой, объяснить жене, что произошло, сказать два-три ласковых слова детям, подумала Кэрри.

Он еще раз достал мобильный телефон, набрал номер. Кэрри извинилась и хотела выйти из гостиной, чтобы не быть невольной свидетельницей сугубо личного разговора. Но она не успела, его сразу соединили, и он заговорил с администратором отеля в Инвернессе:

— Хочу предупредить, что сегодня не вернусь. Попал в снегопад в Кригане. Все устроилось. Остановился у друзей. Вероятно, завтра. Комнату оставьте за мной. Благодарю. До свидания.

— Это все? — спросила Кэрри.

— Все.

— А другие звонки будут?

Он убрал телефон в карман пиджака и покачал головой.

— Нет.

— Ну что ж, в таком случае, почему бы вам не выпить?

— Это было бы замечательно.

— Сейчас спущусь в кухню и принесу чего-нибудь. Мы не держим напитков в гостиной, здесь нет для них столика. Винный погреб Оскара

помещается на полке в посудной.

— Можно я вам помогу?

— Нет, оставайтесь здесь и располагайтесь поудобнее. Что вы предпочитаете? В наличии имеется все.

— Шотландский виски?

— С содовой или со льдом?

— Со льдом.

— Хорошо. Сейчас вернусь.

Кэрри сбежала вниз, нашла в посудной поднос, на который поставила виски, лед, стаканы и бутылку вина. Поднялась с подносом наверх и увидела, что гость уже не сидит у камина, а стоит в другом конце гостиной, разглядывая маленькую картину Элфриды. На нем были очки в роговой оправе, которые делали его похожим на профессора.

Когда Кэрри вошла, он снял очки и сказал:

— Какое прелестное полотно.

— Да. Элфрида привезла его с собой из Гэмпшира. Оно у нее уже давно. Это Дэвид Уилки. Элфрида говорит, это ее страховой полис, чтобы не превратиться в побирушку, останься она без гроша. Как видите, в гостиной больше нет картин, и это полотно тут немного теряется.

— Но это настоящее сокровище… Позвольте мне, — сказал он, беря у нее поднос.

Кэрри освободила место на письменном столе, сдвинув в сторону стопки писем и бумаг.

— Предоставляю вам самому приготовить себе напиток.

— А вы?

— Немножко вина.

— Позвольте, я наполню ваш стакан?

— Благодарю вас.

Кэрри села в кресло у камина и принялась наблюдать за ним, любуясь ловкими, точными движениями его рук. Ей вдруг пришло в голову, что его появление в Усадьбе, причина приезда, повод, чтобы здесь остаться (дурная погода), — все кажется частью некоего обдуманного плана. Сюжет для пьесы. Завязка фильма, который может оказаться совсем не таким уж безмятежным.

Он подошел, протянул ей стакан, а сам опустился в кресло, в котором сидел раньше.

— За ваше здоровье, — сказал он.

— И за ваше.

— Вы говорите, у вас была простуда?

— Не слишком тяжелая. Выспалась и почти излечилась.

— Значит, вы не живете здесь?

— Я здесь в гостях. Живу в Лондоне. У меня юная племянница. Я ее привезла с собой. Мы здесь проведем Рождество и Новый год.

— Она тоже ушла в гости?

— Да, а потом с местными детьми собирается пойти на танцы в школу. Не представляю, когда она вернется. Вы хорошо знаете эти края?

— Нет, совсем не знаю. Я из Йоркшира. Потом недолго жил в Лондоне, а потом шесть лет в Нью-Йорке.

Кэрри про себя улыбнулась — она оказалась права относительно его акцента.

— Кем вы работаете?

— Занимаюсь текстильным производством, торговлей шерстью. Компания «Старрок и Суинфилд». Несколько лет назад они выкупили фабрику моего отца в Йоркшире, и с тех пор я работаю у них.

— И в Нью-Йорке тоже?

— И в Нью-Йорке.

— Как, вы сказали, называется здешняя фабрика?

— Фабрика Мактаггерта в Бакли.

— Это действующее предприятие?

— Нет.

Он рассказал о событиях, которые привели фабрику к краху. Несмотря на отчаянные усилия рабочих и служащих, стихийное бедствие — наводнение — довершило процесс.

— Предполагается, что за дело приметесь вы?

— Да, как управляющий фабрикой. Но, разумеется, нужны разные специалисты — инженеры, архитекторы, дизайнеры.

— А когда фабрика заработает, что вы будете производить?

— Все. У нас очень широкий размах. Традиционные твиды и шотландки, кроме того, освоим новую продукцию. Будем торговать модными тканями и роскошными шерстяными изделиями.

— Когда вы запустите производство?

— Фабрику надо демонтировать и перестроить. Так что месяцев через девять, через год.

— А почему нельзя снести все бульдозером и построить заново?

— Но ведь это прекрасное старинное сооружение. Каменное, с крутыми фронтонами и высокими арочными окнами. Ему более ста пятидесяти лет, и оно вписывается в архитектуру городка. Разрушить его — это настоящий вандализм.

— Значит, вам нужно место, где вы могли бы жить?

— Да. — Он улыбнулся. — И я не сбрасываю со счетов этот дом, пока не поговорю с его хозяином.

— Интересно, Хьюи Маклеллан упоминал о цене?

— Да.

— Могу я поинтересоваться?

— Сто пятьдесят тысяч, которые следует поделить между двумя владельцами.

— Значит, если Оскар отдаст Хьюи семьдесят пять тысяч, он может стать владельцем дома.

— Может.

— Это ведь не слишком много, да?

— По нынешним ценам — нет.

— Но у Оскара может не быть семидесяти пяти тысяч. Вообще-то я уверена, что у него их нет. И он настолько не от мира сего, что, конечно, не знает, где достать эти деньги. Как бы то ни было, — Кэрри пожала плечами, — это не мое дело, просто, по-моему, было бы очень хорошо, если бы он смог здесь остаться.

— Уверяю вас, я не собираюсь его выживать.

— Вы и не можете. Это его дом,

— Половина дома.

— На его стороне право проживающего. Гарантия собственности.

Внезапно он засмеялся, тем самым разрядив некоторую напряженность.

— В этом вы совершенно правы. Когда я приехал работать в Лондон, то купил свою первую квартиру с безусловным правом собственности. Это было ни с чем не сравнимое чувство. С тех пор прошло уже несколько лет.

— Где находилась ваша квартира?

— В Ил-Парк-Коммон.

— Забавно.

— Почему?

— У меня небольшой дом на Рэнферли-роуд. Это в полумиле от вас.

— Там вы и живете?

— Буду жить с февраля, когда кончится срок аренды. Я три года провела в Австрии, в Обербейрене, работала в туристической компании, — пояснила Кэрри. — Поэтому и сдала дом в аренду. Но теперь вернулась и снова поселюсь в Лондоне. Мне предложили работу в главном офисе компании на Брутон-стрит.

— Вы собираетесь принять это предложение?

— Почему бы нет?

— Вам будет не хватать Австрии, гор.

— Да, — сказала Кэрри.

Минуту-другую они оба молчали. Потом Кэрри встрепенулась и посмотрела на Сэма.

— У вас пустой стакан. Хотите еще виски?

18
ЭЛФРИДА

Оскар и Элфрида, держась за руки, с величайшей осторожностью шли домой. Было уже почти восемь вечера, совсем темно и снег валил стеной, но все же по всей дороге горели уличные фонари, поэтому Оскар убрал карманный фонарик, который он предусмотрительно взял с собой. Они поднялись по тропинке к вершине холма. Город лежал внизу перед ними, над заснеженными ветвями деревьев светился круглый циферблат башенных часов. Снег чудесным образом преобразил все вокруг, и Элфрида остановилась, глядя на сказочный пейзаж.

— Как бы я хотела быть художником, Оскар! — сказала она.

Она крепко держала его за руку, и потому он тоже остановился.

— Ты считаешь, сейчас самый подходящий момент для таких размышлений? — спросил он.

— Почему же нет?

— У меня на шее тает снег и по спине течет струйка холодной воды.

— Но разве не прекрасно было бы запечатлеть вот эту картину? Запечатлеть навсегда? В свете уличных фонарей и на фоне освещенных окон падает снег. И башенные часы точно луна, которая стоит на небе. Единственно, чего не нарисуешь, — это запах дыма. Дымок припахивает мхом.

— Согласен, это чудесный запах, но прошу тебя, пойдем домой.

Проулок стал круто спускаться вдоль стены усадебного сада. Здесь был поручень, и они пошли друг за дружкой, держась за него, как пассажиры, сходящие с трапа самолета. Внизу виднелась задняя калитка сада, над черным ходом висел яркий фонарь.

Вот и добрались до дома в целости и сохранности.

Они стряхнули снег с башмаков и шапок, повесили сушиться пальто и куртку. Элфрида заикнулась было об ужине, но Оскар выразил желание немного обождать — он еще не переварил бутерброды с копченым лососем и сладкие пирожки. Кроме того, предвидя обратную дорогу, он благоразумно воздерживался в гостях от спиртного и теперь, прежде чем снова приняться за еду, мечтал о хорошей порции виски.

Элфрида первая вошла в кухню, ласково поговорила с Горацио и, отворяя дверцу духовки, чтобы взглянуть, как там кеджери, услышала, как Оскар сказал:

— Исчез мой виски!

— Как это?

Вид у Оскара был несколько растерянный.

— Сделал ноги.

— Может, Кэрри захотелось сделать глоток?

— Я полагал, что она все еще в постели.

— Одно другому не мешает. Что, у тебя нет другой бутылки?

— Есть, но эта была открыта.

— Ну, давай поищем.

Они вышли из кухни и стали подниматься по лестнице. На площадке Элфрида приостановилась. Дверь в гостиную была закрыта, но оттуда доносились чьи-то голоса. Оскар тоже услышал их. Они озадаченно посмотрели друг на друга. Оскар сказал:

— Похоже, я знаю, где моя бутылка.

— Ш-ш-ш… — Элфрида на цыпочках подошла к приоткрытой двери спальни Кэрри. Заглянула в комнату и вернулась к Оскару. — Ее там нет, — драматическим шепотом произнесла она. — Кровать пуста.

Оскар, включаясь в игру, тоже понизил голос:

— И у нее гость.

— Кто это может быть?

— Загадка! Но почему бы нам не войти и не посмотреть?

Что они и сделали.

Отворив дверь гостиной, они увидели мирную, приятную картину: мягко освещенная, красивая комната, занавески спущены, в камине пылает огонь; в креслах у камина сидят Кэрри и незнакомый мужчина, но впечатление такое, как будто они знают друг друга целый век. В голове у Элфриды сразу же мелькнуло: может быть, Кэрри отыскал ее старый знакомый? Давний и верный обожатель?

Кэрри повернулась, увидела их и вскочила с кресла.

— Элфрида, вы вернулись! А мы и не слышали. Хорошо провели время?

— Да, прекрасно. Однако не предполагалось, что ты встанешь.

— Я заскучала.

Теперь уже и незнакомец поднялся с кресла и стоял перед горящим камином в ожидании, когда его представят. Он произвел приятное впечатление на Элфриду. Одет как бизнесмен: прекрасно сшитый темно-серый костюм, скромный галстук, коротко подстриженные волосы. Он был высок ростом, длинноногий, загорелое лицо выгодно оттеняло светло-карие глаза. Несмотря на свои шестьдесят два года, Элфрида ощутила физическое

тяготение, которое, однако, нисколько не умаляло ее нежности к Оскару. Просто почудилось нечто знакомое, словно вздрогнуло сердце от яркого воспоминания о том, что когда-то было и у нее.

— Элфрида, это Сэм Ховард. Элфрида Фиппс. И хозяин дома Оскар Бланделл.

— Как поживаете?

Они обменялись рукопожатием.

— Очень прошу извинить за вторжение, — сказал Сэм Ховард.

— Вторжение?

— Я ведь явился сюда без приглашения.

В этот самый момент Оскар узрел свою бутылку виски.

— Вот она! А я-то думал, куда она исчезла?

Кэрри рассмеялась.

— Вы решили, что я тайком выпиваю? Я принесла ее сюда, чтобы угостить Сэма. Хотите?

— Ужасно! Я сознательно устроил себе вечер воздержания, чтобы доставить Элфриду домой в снегопад в целости и сохранности.

— Ну, в таком случае, — сказала Кэрри, — я налью вам побольше. Только мне надо спуститься за стаканами. А что тебе, Элфрида? Я пью вино…

— Присоединяюсь к тебе. — Элфрида вдруг почувствовала усталость. Она с облегчением опустилась на диван и вытянула вперед длинные ноги, — Два часа простояла, поедая сэндвичи и пирожки.

— Там был кто-то еще?

— О да! Еще три пары, очень разговорчивые и приветливые.

— А как Люси?

— Они всей компанией ушли на танцы.

— Вот и хорошо. Сейчас я принесу стаканы и еще бутылку вина. И содовой воды для Оскара.

Она вышла, и Элфрида услышала, как она сбегает по лестнице. Оскар уже сидел в своем кресле. Они остались втроем с неожиданным гостем. Оскар, конечно, понятия не имел, о чем с ним говорить, поэтому Элфрида пришла на помощь.

— Ну вот, теперь расскажите нам, — улыбаясь самой своей радужной улыбкой, начала она, — кто вы такой и как здесь оказались? Наверное, вы старый друг Кэрри.

— Вовсе нет. — Он взял стул, пододвинул его поближе к дивану, где сидела Элфрида, и слегка наклонился вперед, сцепив руки между колен. — Я познакомился с ней сегодня вечером.

— Ах вот что!

И Сэм начал объяснять. Он работает в текстильной компании «Старрок и Суинфилд», которая приобрела пришедшую в упадок шерстяную фабрику в Бакли. Фабрику Мактаггерта. Приехал сюда, чтобы занять там место управляющего.

Элфрида ничего не поняла, зато Оскар сразу сообразил, в чем дело.

— Питер Кеннеди рассказывал мне, что фабрику Мактаггерта кто-то покупает, но я не знал, что дело продвинулось так далеко. Когда же она снова начнет работать?

— Сначала мы должны все перестроить.

— А что там случилось? — вмешалась Элфрида.

— Поначалу одно за другим возникали всякие осложнения, — объяснил Оскар, — а потом фабрику залило водой и все оборудование погибло. — Он повернулся к Сэму. — Давно ли вы занимаетесь текстилем?

— В сущности, всю жизнь. Мой отец был хозяином небольшой фабрики в Йоркшире.

— Вот как! А где вы живете? В Лондоне?

— Да, но последние шесть лет я работал в Нью-Йорке. И вот в ноябре меня отозвали в Лондон, чтобы я принял на себя руководство проектом в Бакли.

— Значит, вы поселитесь в этих местах?

Вернулась Кэрри со вторым подносом, где стояли бутылки и стаканы. Сэм вскочил ей навстречу, чтобы помочь. Расчистив место на столе, они поставили поднос. Сэм аккуратно вытащил пробку из бутылки с вином, налил стакан для Элфриды и отнес ей.

— Что вам, сэр?

— О… — По губам Оскара скользнула довольная улыбка. Приятно было сидеть у камина, когда кто-то другой исполнял обязанности хозяина. — Виски с содовой было бы замечательно. Безо льда.

— Так достаточно?

— Отлично.

Сэм налил вина Кэрри.

— А себе? — спросила Элфрида.

Он сказал, что еще не допил свое виски, взял стакан со столика у камина и вернулся на стул рядом с Элфридой.

— Как далеко вы продвинулись? — спросила Кэрри.

— Простите, не понял?

— В объяснениях…

— Мы услышали о шерстяной фабрике, — пояснила Элфрида. — Вряд

ли к этому можно добавить что-то более интересное.

— Напротив. Самое интересное впереди. Элфрида, ты будешь очень удивлена. — И Кэрри, как кошечка, свернулась в кресле.

Элфрида согласилась:

— Ну что ж, удивляйте.

Сэм продолжил рассказ.

— Теперь я могу перейти непосредственно к причинам моего появления в вашем доме. Вернувшись из Нью-Йорка, я остановился в Лондоне у своих старых друзей — Джэни и Нила Филипов. У них дом в Уондсворте. Как-то вечером к ним на ужин пришел старый знакомый родителей Джэни. Его зовут Хьюи Маклеллан.

Сэм сделал паузу. Элфриде показалось, что она длится бесконечно. Наконец Оскар сказал:

— *Хьюи*! Не о моем ли кузене Хьюи вы говорите?

— Да, очевидно, о нем.

— Но он сейчас на Барбадосе.

— Нет, он приехал в Лондон повидаться с друзьями и, как я понял, по каким-то делам. И намеревался провести Рождество и Новый год на юге Франции с кем-то по имени Моди Пибоди.

— Какое невероятное совпадение!

— Мы разговаривали, и Хьюи, узнав, что я еду в Бакли, спросил меня, где я собираюсь жить. Я сказал, что никакого пристанища у меня нет, но я что-нибудь подыщу. И тут он извлек из кармана ключ от этого дома. Он сказал, что владеет половиной, а вторая половина принадлежит его кузену, и что он хочет свою продать.

— Черт побери! — сказал Оскар, и Элфрида отметила, что при данных обстоятельствах он мог бы выругаться гораздо крепче. — Вот ловкач! И всегда таким был. Какого черта он не связался со мной?

— Насколько я помню, он пытался вам дозвониться. Вы жили в Гэмпшире, ведь так? Он туда звонил, но никто не отвечал.

— Его отец, Гектор, знает, что я переехал в Криган.

— По-моему, Хьюи не собирался встречаться с отцом, пока не вернется из Франции.

— Хорошая завязка для романа! — Потрясенный предательством кузена, Оскар отпил сразу чуть не полстакана виски и хмуро замолчал, размышляя над чудовищностью ситуации. — Почему он вдруг решил продать свою половину? Мы так много лет вместе владели этим домом, делили и тонкую струйку ренты. Мне и в голову не приходило, что он выставит свою половину на продажу. Тем более, не обсудив этого

предварительно со мной.

— Мне показалось, что он нуждается в наличных деньгах.

— Это меня не удивляет. Он ведь платит алименты трем бывшим женам и к тому же любит сорить деньгами направо и налево. — Оскар задумался, а потом спросил: — Вы пришли к соглашению через посредничество агента?

— Нет. Он собирался пойти в агентство «Херст и Филдмор», но, встретив меня, передумал, решив, что частная сделка будет более удобна во всех отношениях.

— Вы знаете, что я владею половиной дома?

— Да, он мне сказал.

— И что вы ответили?

— Что сначала он должен обо всем договориться с вами.

— Так почему же вы приехали сюда?

— Хьюи предложил мне взглянуть на дом, раз уж я все равно еду в эти края. Объяснил, что раньше здесь жила супружеская пара, но не так давно муж умер и вдова переехала в другое место, поэтому дом пуст. Ключ оказался у него с собой, он просто вынул его из кармана и вручил мне.

— Не слишком ли он легковерен?

— Слишком. Вероятно, он решил, что мне можно доверять.

— И продажа из рук в руки позволит сэкономить на гонораре агенту?

— Именно.

— Он назвал сумму?

Все время, пока они разговаривали, Сэм сидел неподвижно на своем не очень-то удобном стуле с прямой спинкой и внимательно, не сводя глаз, смотрел на Оскара. Сейчас, когда дело дошло до конкретных вещей, он невозмутимо ответил:

— Сто пятьдесят тысяч.

— И вы готовы их заплатить?

— Я еще не видел дом.

— Но если вы захотите купить его?

— Безусловно.

— Поделив на два, получаем семьдесят пять тысяч?

— Да.

— А если я захочу больше?

— Это можно обговорить. Я просто цитирую вашего кузена.

— Ясно.

Оскар допил виски. Сэм молча взял у него пустой стакан и налил еще порцию.

— Теперь вы знаете, как я здесь оказался, и я должен извиниться перед вами обоими. Я передам вам ключ, который дал мне Хьюи, и мы забудем об этом деле. Я считал, что должен рассказать вам все подробно.

— Это правильно. — Оскар взглянул на стакан с виски в своей руке. — Спасибо, — сказал он и поставил его на стол рядом с собой.

Элфрида, которая все это время не без труда сохраняла молчание, почувствовала, что пришло время и ей сказать слово.

— Вы внесли полнейшую ясность, мистер Ховард.

— Сэм.

— Хорошо. Вы абсолютно все разъяснили, Сэм, но я все же не могу понять, как вы оказались здесь.

— Я приехал сюда на машине два дня назад.

— Вы остановились в Бакли?

— Нет. В гостинице в Инвернессе. Сегодня у меня была первая встреча с рабочими и служащими фабрики. Там предстоит большая работа по расчистке, многое надо выкинуть на свалку. После встречи я выпил в пабе кружку пива с Фергюсом Скиннером — он местный представитель и все это организовал. Потом я собрался ехать обратно в Инвернесс, и тут мне пришла в голову мысль свернуть в Криган. Какой-то прохожий показал мне Усадьбу, и дом оказался столь явно обитаем, что во мне разгорелось любопытство. Я вышел из машины и позвонил. Предпочитаю сразу разгадывать загадки.

— Все ясно! — Элфрида решила, что это необыкновенно волнующая история. Она уже представляла себе: красивый незнакомец звонит в дверь и… Кэрри спускается по лестнице и открывает дверь.

Она бросила взгляд на Кэрри — та по-прежнему сидела в кресле, уютно свернувшись в клубочек, и за все время не произнесла ни единого слова. Иногда было трудно догадаться, о чем она думает, и это был как раз один из таких случаев.

— Кэрри, — сказала Элфрида, — я надеюсь, ты пригласила Сэма отужинать с нами?

Кэрри засмеялась. Она повернула голову, и они с Сэмом обменялись явно заговорщицкими взглядами. Ах вот как, значит, у них уже есть какие-то секреты! Сэм улыбнулся, сразу помолодел и уже выглядел не таким серьезным и рассудительным.

— Еще одно признание… — сказал он.

О чем это они?

— Элфрида, Сэм остается у нас ночевать, — вступила в разговор Кэрри. — Я сама предложила ему, и он вынужден был согласиться. Все

дороги на Инвернесс занесло снегом. Мы позвонили в автомобильную ассоциацию, и нам дали такую сводку. А гостиницы в Кригане работают только летом, в туристический сезон. Надеюсь, ты не против?

— Это самое приятное, что я могла услышать, — с искренней улыбкой произнесла Элфрида.

Время близилось к полуночи. Элфрида лежала в постели, рядом Оскар читал «Любовь во время холеры». Горела только лампа с его стороны постели, и вся комната была в полутьме. Плотные занавеси были чуть приоткрыты, и с улицы в эту щель проникали полоска света и струйка холодного воздуха через чуть приоткрытое окно. К счастью, Оскар и Элфрида были в полном согласии и относительно свежего воздуха, и освещения — ни он, ни она не могли спать в душной темноте.

Полоска света золотисто мерцала на медной перекладине спинки кровати. У стены неясно вырисовывался большой гардероб красного дерева, который каждую неделю до блеска полировала миссис Снид; на старомодном туалетном столике стояли фотографии Элфриды в серебряных рамках, флакон духов, лежало ее зеркальце, обрамленное слоновой костью. Это была ее комната. Их комната. В доме Оскара.

Она припомнила все невероятные события этого вечера. Она, Оскар, Сэм и Кэрри в девять часов наконец-то сели на кухне ужинать. К этому часу кеджери слегка подсохло, но никто не обратил на это внимания, во всяком случае, не выказал недовольства. К кеджери был подан зеленый горошек, на десерт — персики под кремом. Оскар достал бутылку белого вина, а когда ее прикончили, принес еще одну. Они пили кофе, когда с танцев вернулись Люси и Рори, разрумянившиеся от мороза.

Люси удивилась, увидев за столом незнакомца. Ей представили Сэма и объяснили, каким образом он оказался в их доме. Это произвело на нее большое впечатление.

— Вы хотите сказать, что застряли тут *из-за снежных заносов*? — с недоверием спросила она.

— Пожалуй, что так, — ответил Сэм.

— Поразительно! Как у Агаты Кристи. К утру кто-то из нас, наверное, будет убит.

— Но не мною.

— Значит, Оскаром. Оскар, это вы — злодей. Ночью вы тихонько зарежете кого-нибудь ножом или удушите веревкой. А утром никто и не будет знать, что это вы, примчится полиция и ужасно умный детектив.

— Но почему именно я должен быть злодеем? — запротестовал Оскар.

— Да потому что вы самый симпатичный из всех нас, а всегда так и бывает — убийца совсем не похож на убийцу. Это должны быть вы!

Тут Оскар стал расспрашивать о танцах в школе, и Люси призналась, что еще никогда ей не было так весело. Она танцевала все танцы, кроме одного, он ужасно трудный, называется «Герцог и герцогиня Эдинбургские», и его надо специально разучивать. Играл настоящий оркестр, а когда стало жарко, можно было выпить лимонада.

— Рори, кто же это все организовал? — полюбопытствовала Кэрри.

— Директор школы и несколько старших мальчиков. Было здорово. Пришли все, даже малыши.

Оскар предложил Рори пива, но тот сказал, что предпочел бы горячий шоколад. Люси заявила, что тоже хочет горячего шоколада и приготовит его сама. Ребята придвинули стулья и присоединились к взрослым с шоколадом и печеньем.

Вскоре Рори поднялся и сказал, что ему пора домой.

— А что там с погодой? — спросил его Сэм.

— Снег перестал, но не знаю, надолго ли. Я расскажу папе, что познакомился с вами, и о фабрике — что она снова начинает работать. Он обрадуется.

— Радоваться пока рано. Восстановление займет еще много времени.

— Что ж, главное — начать, — философски заметил Рори. — Люси, я постараюсь завтра днем притащить тебе телевизор. Все зависит от того, в каком состоянии поле для гольфа. Наверное, там на санках кататься можно. Я тебе позвоню.

Он вышел через черный ход — так было удобнее. Люси проводила его и вернулась в кухню улыбающаяся, но улыбка почти тут же исчезла — так широко она зевнула.

Кэрри протянула руку и привлекла ее к себе.

— Ты устала. Иди-ка спать.

— Можно мне сначала принять горячую ванну?

— Конечно, можно. Ты повеселилась?

Люси поцеловала ее.

— Это было здорово!

Пока Оскар и Сэм сидели за кофе с бренди, бутылку которого Оскар неожиданно извлек с полки винного погребка, Кэрри и Элфрида перемыли тарелки, а потом отправились наверх, чтобы обследовать бельевой шкаф миссис Снид и застелить кровать для Сэма. Они нашли простыни и наволочки, банное полотенце и лишнее одеяло на случай, если гостю будет

холодно. Кэрри осмотрела гардероб, который был пуст, если не считать двух вешалок для пальто. Элфрида снова пошла к бельевому шкафу и вернулась с метелкой для пыли и отделанной кружевом полотняной дорожкой. Быстро смахнув пыль, она постелила дорожку на комод. Кэрри завела часы и поставила их на столик у кровати.

— Что еще может понадобиться мужчине? — спросила Элфрида.

— Цветы? Салфетки? Мини-бар?

— После того как они с Оскаром прикончат последнюю бутылку, вряд ли ему понадобится мини-бар. А вот новой зубной щетки у меня нет.

— Зато у него есть. Он сам сказал. И бритва тоже. Так что все в порядке.

— А пижама?

— Наверное, он спит нагишом.

— Откуда ты знаешь?

— Инстинкт, Элфрида. Женский инстинкт.

И вдруг они обе рассмеялись. Кэрри сказала:

— Ты святая, Элфрида. Я не могла не предложить ему остаться, и заранее знала, что ты не будешь против, и это самое замечательное.

— Я всегда любила, чтобы дом был полон людей, а этот просто создан для гостей и застолий. Мы с Оскаром слишком долго слонялись тут одни. Теперь это настоящий семейный дом. — Она произнесла это с явным удовлетворением.

Семейный дом. Элфрида лежала в постели и ощущала дом как щит, как панцирь черепахи, как убежище. Он понравился ей с самого начала, она полюбила его. А теперь он полон друзей, теперь он стал настоящим домом. Домом Оскара. Но Хьюи хочет продать его. Мысль о том, что Оскар согласится с планами Хьюи и вынужден будет оставить единственное место, которое ему когда-либо принадлежало, была невыносима.

Оскар дочитал главу, вложил закладку, закрыл книгу и положил на столик.

— Ты все еще не спишь? — спросил он.

— Нет.

— Извини.

— Да просто не спится.

Он щелкнул выключателем, но свет проникал в комнату через оставленную щель между занавесками.

Элфрида сказала:

— Оскар!

— Что такое?

— Если Хьюи хочет продать свою половину, ты мог бы выкупить ее у него, и тогда весь дом стал бы твоим. Навсегда.

— Семьдесят пять тысяч.

— У тебя… у тебя нет семидесяти пяти тысяч?

— Если я продам все, что у меня есть, может, наскребу двадцать.

— Но ты можешь взять ссуду.

— Такую ссуду мне уже не дадут. В моем-то возрасте. К тому же, я всегда испытывал ужас перед ссудами. Люди говорят: «возьми ссуду», но на самом деле это значит «возьми в долг». Меня это пугает. Много денег у меня никогда не было, но я никогда никому не был должен. И становиться должником сейчас я не могу.

— А если у меня появятся семьдесят пять тысяч, это поможет?

— Если у тебя появятся семьдесят пять тысяч, они будут принадлежать тебе.

— Я так полюбила этот дом!

— Правда?

— Он такой прочный, такой простой, он словно сам приспосабливается к нам, разве ты не чувствуешь, что он — как биение сердца? И как он следит, чтобы все было в порядке, и укрывает нас, и обо всех нас заботится.

— У меня не такая буйная фантазия, как у тебя.

— Оскар, ты не можешь его потерять!

— Хьюи не может продать его без моего согласия.

— Но ему нужны деньги. — Элфрида замолчала, мысленно подбирая слова. — Выслушай меня, Оскар. Если я продам мою маленькую картину, моего Дэвида Уилки, сколько за него можно получить?

— Это твое сокровище.

— Нет, это моя страховка. И, быть может, как раз сейчас пришло время реализовать ее.

— Но она твоя, а не моя.

— Мы вместе, Оскар. И оба слишком стары, чтобы вести дискуссию о таких мелочах.

— Семьдесят пять тысяч — не мелочь. Это очень много денег.

— Если картина стоит столько, значит, мы должны ее продать. А если мы не получим за нее семидесяти пяти тысяч, то возьмем ссуду. В этом есть смысл. Ради чего хранить какую-то маленькую картинку, если можно купить себе спокойную жизнь? У тебя будет этот дом. Ты будешь жить в нем до конца твоих дней. Тебе ведь этого хочется, разве нет? Тебе хочется остаться тут навсегда? Я даже подумать не могу, что этот дивный дом

перейдет другим людям. Я хочу, чтобы он был твоим. Я хочу, чтобы ты был здесь.

Молчание длилось долго, Оскар не произнес ни слова. Потом он потянулся к ней и взял ее за руку. Пальцы у него были теплые, и Элфрида придвинулась к нему поближе.

— Ты чудеснейший человек, — сказал он.

— Спи.

— Ты самый добрый человек на свете.

— Мы поговорим об этом утром, — сказала она ему.

19
ЛЮСИ

20 декабря.

Сейчас утро, половина девятого, и я пишу дневник. Надо было бы вчера вечером, но так устала, что приняла ванну и пошла спать, а сегодня поднялась рано, чтобы все записать, пока не забыла.

Вчера было здорово. К Кеннеди мы пошли пешком, потому что Оскар не захотел ехать в автомобиле в такой снегопад. Раньше я только на открытках видела столько снега. Мы выбрали самый короткий путь и дошли быстро. Отец Рори, Питер Кеннеди, — священник, и у них большой старый дом, вроде нашего, но полностью меблированный и забитый множеством вещей.

Кэрри с нами не пошла из-за простуды. Когда мы появились, все уже были в сборе. Нас познакомили. Миссис Кеннеди зовут Табита, она очень милая, молодо выглядит и вообще необыкновенная. Рори сказал, что она преподает живопись в школе. Взрослые остались в гостиной, а мы пошли в кухню. Здесь уже сидели три мальчика, школьные друзья Рори, и Клодэг, сестра Рори, ей двенадцать лет, она тощая, живая, с ярко-голубыми глазами и светлыми косичками. Мы сидели, пили кока-колу, и Клодэг вовсю кокетничала. Стол был накрыт, мы съели салаты, гору макарон с сыром, пили чай с бутербродами, а потом ели шоколадный кекс с фруктами и мороженое. Когда покончили с едой, пошли в школу, это примерно в полумиле от дома. Школа старая, но вокруг нее много новых построек, в том числе гимнастический зал. Тут его называют актовым залом, но он и гимнастический тоже. В школе мы застали много детей всех возрастов — от семи лет до совсем взрослых. Директора школы зовут Макинтош Макинтош, за глаза все называют его «Плащ», и он, спорю, об этом знает. Он очень молодой и

симпатичный. В одном конце зала сцена и на ней оркестр — аккордеонист, барабанщик и скрипач. Стоял ужасный шум, все бесились как черти, а потом мистер Макинтош, совсем не повышая голоса, сказал, чтобы мы успокоились, и сразу наступила тишина. Он сказал, что пора начинать, и мы приготовились плясать «Обдери иву», такой быстрый шотландский танец, совсем не трудный для малышей и таких, как я, которые только учатся.

Рори и те мальчики, которые пришли с нами, помогли нам построиться в ряд. Тут не важно, кто твой партнер. Мальчики, если хотят, могут танцевать с мальчиками, девочки с девочками, по-моему, это правильно. Два мальчика захотели танцевать с Клодэг, а Рори сказал, что будет танцевать со мной. Мы стояли в глубине, и я не могла толком все разглядеть. Музыка была веселая, барабан отбивал такой заводной ритм, что было просто не устоять на месте. Танец совсем несложный, надо только кружиться и кружиться или со своим партнером, или с кем-нибудь другим, двигаясь в конец ряда, а потом обратно. То тебя подхватит какой-нибудь верзила и помчит так, что ты чуть не падаешь, а то совсем малыш, и тут уж надо быть осторожной, чтобы не сбить его с ног.

К концу мы вес разгорячились, запыхались и стали пить лимонад, а потом снова пошли танцевать.

Еще мы танцевали шотландскую кадриль, но нас оказалось шестнадцать человек, что несколько усложнило дело. Затем начался ужасно забавный танец — становишься в пару с одним мальчиком, а потом кружишься с другим. А еще танцевали «Лихой белый сержант» — тут надо было двигаться по кругу тройками и навстречу друг другу, и в конце все друг с другом встречаются. Потом начался еще один танец, но Рори сказал, что он совершенно дурацкий, и мы пошли пить лимонад. Я не все время танцевала с Рори, много других мальчиков подходили и приглашали меня, и все держались очень дружелюбно, хотя я не знала даже, как их зовут. Почти все были в джинсах и поношенных

свитерах, а некоторые мальчики — в национальных шотландских юбках с рубашками или твидовыми жилетами.

Время летело быстро, и хоть было жарко и душно, но, как только снова начиналась музыка, нельзя было устоять на месте, просто удивительно.

К десяти часам все закончилось, но никто не хотел расходиться по домам. Потом оркестр ушел, делать было нечего, и мы пошли в раздевалку, нашли свои вещи и оделись. Клодэг и другие ребята пошли домой к Кеннеди. У одного из мальчиков были санки, и ребята по очереди везли друг друга вверх на холм. Рори пошел со мной к нам домой. Было так красиво, падал мягкий снег и окутывал все вокруг.

Кэрри сказала, что Рори можно пригласить домой выпить пива, я так и сделала. Вот уж не ожидала! Все сидели на кухне и ужинали, в том числе Кэрри и какой-то незнакомец. Выяснилось, что его зовут Сэм Ховард, он собирается здесь жить и запускать шерстяную фабрику в Бакли. Очень симпатичный и, по-моему, по возрасту как раз подходит Кэрри. Я сначала подумала, что это ее старый знакомый, но оказалось, что он попал в снегопад, не смог вернуться в Инвернесс и ему пришлось остаться у нас ночевать. На улице у ворот мы видели шикарный «лендровер», но не сообразили, в чем дело.

Мы с Рори выпили горячего шоколада с печеньем, а потом Рори пошел домой. Он сказал, что принесет мне телевизор. Правда, не очень-то он мне и нужен — здесь так много всего происходит, что, думаю, у меня не будет времени его смотреть. Самое замечательное, что и дальше будет так же. Раньше со мной ничего подобного не было. В Лондоне тоже случались развлечения, но не успеешь оглянуться, как все кончается, а здесь каждый день что-то новое, неожиданное.

А теперь надо одеваться и спускаться вниз завтракать. Очень аппетитно пахнет беконом.

20
ЭЛФРИДА

Как всегда, Элфрида первая спустилась вниз. На лестничной площадке она остановилась, раздвинула занавеси (роскошные, хоть и чуточку потертые, приобретенные на рынке в Бакли) и взглянула в окно: какой будет день? Вообще-то была еще ночь, потому что еще не рассвело, но снег прекратился. В свете уличного фонаря смутно виднелся сад, но словно это был не тот сад, изменились все очертания и формы. Кусты и деревья склонились под тяжестью снега, купы кустарников будто надели белые шапки — все выглядело странным, неузнаваемым. И было очень тихо и спокойно.

Она спустилась вниз, в кухню. Горацио, судя по всему, начал оживать. Он выбрался из корзины и, виляя хвостом, подошел поприветствовать ее. Элфрида открыла заднюю дверь, и пес вышел в сад. Когда он вернулся, морда его выражала возмущение. Он никак не ожидал, что придется намочить лапы, да еще ему, такому больному. И вернулся в свою корзину мрачный.

Элфрида занялась завтраком: накрыла на стол, сварила кофе, достала из холодильника бекон. Это был последний кусок, пора было пополнить запасы. Надо было подумать и о рождественском угощении: она долго откладывала это дело, но теперь осталось совсем мало времени. А вдруг магазины опустеют и невозможно будет купить даже сладкий пирог? Элфрида нашла старый конверт и ручку и, поджаривая бекон, начала составлять примерный список покупок. Она написала «бекон», потом «мандарины» и решила, пока не выпьет чашку кофе, ничего больше не записывать.

Она и пила ее, когда дверь отворилась и в кухню вошел Сэм. Элфрида была в клетчатых брюках и темно-синем свитере с белым узором в виде овцы, пасущейся на травке, а Сэм все в том же костюме, поскольку больше надеть ему было нечего. Это сразу бросилось Элфриде в глаза.

— Могу одолжить вам свитер, — сказала она.

— Да, я выгляжу ужасно глупо. Одет как на парад.

— Выглядите вы замечательно. Как спали?

— С большим комфортом. Помню, такие кровати были в спальне моей матушки.

— Я уже поджарила бекон.

— А я почуял его аромат еще наверху.

— Сейчас сделаю яичницу.

— Могу вам помочь — это я делаю довольно ловко.

— Но не в вашем пиджаке. Он будет пахнуть яичницей. Сейчас я поднимусь наверх и подыщу для вас что-нибудь менее официальное.

Она пошла наверх. Оскар брился в ванной, поэтому она сама исследовала его ящик в комоде и извлекла шотландский джемпер приятного голубого цвета. Вернувшись в кухню, она обнаружила Сэма у плиты, он был в одной рубашке.

— Для рубашки сегодня холодновато. — Она бросила ему джемпер, он поймал его и стал натягивать. Его голова словно вынырнула из голубых вод.

— Ну вот, так-то лучше, — сказала Элфрида. — Теперь вы будете чувствовать себя свободнее.

Сэм шлепнул яичницу на тарелку и добавил туда пару кусочков бекона. Элфрида вложила в новый тостер очередные ломтики хлеба, затем налила Сэму кружку кофе. Они уселись за стол, точно старые друзья.

— Снег перестал…

— Я чувствовал себя так неловко вчера вечером…

Оба заговорили одновременно, тут же остановились и теперь ждали, когда продолжит другой.

Элфрида сказала:

— Почему вы чувствовали себя неловко? Никаких хлопот вы нам не доставили. Все, что мы сделали, это накормили вас пересохшим кеджери и застелили постель двумя простынями.

— Я не это имею в виду. Просто я явился непрошеным гостем с ключом от вашего дома и заявил, что пришел его купить. Я всю ночь не спал — так мне было стыдно. Надеюсь только, что я не оскорбил Оскара и не расстроил его.

— Оскар не такой человек. Конечно, сначала он рассердился, но не на вас, а на Хьюи. И я должна с ним согласиться, мне кажется, Хьюи повел себя как предатель. Правда, Оскар говорит, что это в его стиле. Не берусь утверждать, я-то его никогда в глаза не видела. А вам он понравился? Я имею в виду Хьюи?

— Не особенно. Самодоволен, довольно потаскан и все время оглаживает свой галстук.

Элфрида тут же узнала эту раздражающую привычку.

— О, я ненавижу таких мужчин. Я уже *вижу* его.

— Ключ по-прежнему в кармане моего пиджака. Я отдам его Оскару.

— Это вовсе не обязательно.

— Мне кажется… — Сэм положил нож и вилку и взял кружку с кофе. — Я подумал… Оскар не собирается выкупить у Хьюи его половину?

— Мы с ним говорили об этом уже ночью, когда легли спать… Хочу, чтобы вы поняли: мы с Оскаром совсем недолго знаем друг друга. В начале ноября его жена и дочь погибли в ужасной автомобильной катастрофе, и он вынужден был уехать из Гэмпшира. Я поехала вместе с ним. Мы спим в одной спальне и в одной кровати, но наше будущее туманно. Пока что я не постоянная составляющая его жизни. Просто запасное колесо, чтобы машина катилась, покуда он во всем разберется. Мне трудно настаивать на том, чтобы он предпринял какие-то действия, и даже высказывать какие-то пожелания.

— Он вернется в Гэмпшир?

— Нет. Дом, в котором он жил с Глорией, уже выставлен на продажу.

— И вот этот дом — его единственная собственность?

— Да. Половина дома.

— Тогда было бы разумно выкупить у Хьюи его часть.

— Да, но это нереально финансово.

— Хотите сказать, что у него нет необходимых средств?

— Именно так.

— А ссуда?

— Он не хочет и думать об этом.

— Понимаю. — Сэм вернулся к своему бекону.

Элфрида вдруг ощутила к собеседнику такую симпатию и доверие, что продолжала:

— Мы проговорили всю ночь. Оскар сообщил мне, что даже если продаст все, что у него есть, больше двадцати тысяч не выручит. Тогда я ему сказала: «Оскар, у меня ведь есть моя маленькая картина».

Сэм поднял голову, и глаза их встретились над кухонным столом. Элфриде показалось, что он уже подумал о такой возможности.

— Вы говорите о Дэвиде Уилки?

— Именно. Когда-то, много лет назад, когда мне ее подарили, считалось, что это подлинник. Я никогда не оценивала ее, потому что не собиралась страховать. Однако, как всякая одинокая пожилая женщина, всегда тешила себя мыслью, что картина стоит уйму денег. И хранила ее на «черный день».

— Вы готовы ее продать?

— Ради Оскара я готова сделать что угодно — прыгнуть со скалы, застрелиться. И потом, что значит какая-то маленькая картинка? Много лет

она доставляла мне радость, однако пришло время принести пользу. Безусловно, обладать таким замечательным домом куда важнее.

— Я с вами полностью согласен, — сказал Сэм. — Вы имеете представление, сколько она может стоить?

— Пожалуй, нет. И вряд ли сейчас подходящее время и место для ее оценки. У меня тут никаких связей, Я даже не знаю, с чего начать. Правда, тут через дорогу есть антикварная лавка, но как действовать, я не знаю.

Сэм минуту-другую молчал, потом сказал:

— Джэни Филип, жена моего друга — я останавливался у них в Лондоне, там-то и встретил Хьюи, — работала в «Бутби», фирме по продаже предметов искусства. Я могу ей позвонить. Уверен, она даст дельный совет.

— Но уже почти Рождество, и сейчас заниматься продажей картин…

— Не обязательно делать это немедленно.

— Да и снегопад… Кстати, Сэм, вы ведь у нас застряли? Надеюсь, что так.

Он поставил кружку на стол и засмеялся. Элфрида нахмурилась.

— Что вас так рассмешило?

— Вы. Любые хозяева были бы счастливы избавиться от чужого человека.

— Я не считаю вас чужим, но, наверное, я сказала глупость. Конечно же, вам хочется вернуться в Инвернесс. И добраться до дома.

— Элфрида, дальше, чем до Инвернесса, мне некуда добираться.

— А домой?

— В настоящий момент дома у меня нет. Если не считать квартиры в Нью-Йорке. Там я жил шесть лет, но мы с женой расстались, поэтому мне пришлось вернуться в Англию и приступить к работе в Бакли.

— О, Сэм, извините.

— О чем вы?

— Ваша жена… Я не знала.

— Такое бывает.

— Но вы еще не развелись?

— Нет.

— А дети?

— Детей у нас нет.

— Родители? — выпытывала Элфрида, уже сама чувствуя, как настырно звучат ее вопросы.

— Мои родители умерли. Наш старый дом в Йоркшире продан.

— Так где же вы будете на Рождество?

— Я еще не думал об этом. Рождество на сей раз не предусмотрено. Очевидно, останусь в Инвернессе, пока не отшумит новогоднее веселье, а потом вернусь в Бакли и возьмусь за дело. Честно говоря, это на сегодня важнее всего. А семья и праздник… придется год пропустить.

— Вы должны провести Рождество с нами.

— Элфрида…

— Я говорю серьезно. Я не могу допустить, чтобы вы сидели в гостинице, в дурацком бумажном колпаке и один-одинешенек. Это глупо. Мы с Оскаром тоже не думали праздновать Рождество. Решили по-язычески отметить зимнее солнцестояние бараньей отбивной. Но затем Кэрри и Люси попросили разрешения приехать, и Оскар пошел и заказал елку. А я вот сижу тут и обдумываю, что мы будем есть. В таких делах от меня мало пользы, бекон и мандарины — все, что мне пришло в голову. Но мы можем собрать немножко остролиста и пойти застрелить индейку, или что там еще? Во всяком случае, самое главное — это люди, разве не так? Друзья, с которыми вы проводите Рождество. Не уезжайте! Нам будет весело всем вместе.

Сэм сидел и молчал. «Уж не переборщила ли я, как всегда, не выставила ли себя дурочкой?» — испугалась Элфрида и поспешила поправиться:

— Ах, Сэм, поступайте, как вам хочется. Это главное.

— Вы самая гостеприимная, самая добрая женщина на свете! — сказал он. — Знаете, как я поступлю? Я позвоню в справочную и узнаю, что творится на дорогах. Если их расчистили, я поеду в Инвернесс и не буду вас больше обременять. Вообще-то, дел у меня до чертиков. Если же дороги по-прежнему в заносах, я с огромной благодарностью приму ваше предложение.

— Отлично. Тогда пусть дуют ветры и метут снега!

— А что на это скажет Оскар?

— Он скажет «замечательно», сядет в кресло и углубится в газету.

Сэм отвернул рукав джемпера и взглянул на свои красивые часы «Ролекс».

— Уже почти девять. Если не возражаете, я засяду в спальне с мобильным телефоном и начну делать звонки.

— Ну что ж. Но сначала выпейте еще чашку кофе.

Следующей появилась Кэрри.

— Где все? Мне казалось, я слышала голоса.

— Правильно. Это был Сэм, но он ушел в комнату, чтобы кое-куда

позвонить.

— Нас просто завалило снегом. — Кэрри налила себе кофе, положила в тостер хлеб, взяла пальцами ломтик бекона и начала есть. Тут она увидела старый конверт, на котором Элфрида начала писать свой «список покупок». — Что это? Бекон, мандарины. У нас будет пирушка?

— Вот, начала думать о Рождестве. Я должна поднапрячься и составить план, а то и два плана. Я все откладывала, и теперь у нас всего четыре дня на подготовку.

— Поручи это мне. Я профессиональный организатор и больше всего на свете люблю составлять списки. Куда здесь можно поехать, чтобы закупить все сразу?

— За мостом в Кингсферри есть огромный супермаркет. Когда вы ехали сюда из аэропорта, вы его проезжали. Там можно купить все — от собачьего печенья до удобрения для роз. Я там была только один раз, ведь нам на двоих не нужно было закупать много продуктов. А вот теперь придется кому-то туда поехать. Правда, я не уверена, что сейчас туда можно добраться. Все зависит от того, расчищено ли шоссе. Сэм должен справиться, тогда все будет ясно.

— А что Сэм? Возвращается в Инвернесс?

— Пока неизвестно. Если дорогу не расчистили, он проведет праздники с нами. Я его пригласила.

На лице Кэрри ничего не отразилось. Она только сказала:

— В таком случае нас будет пятеро… — придвинула конверт и взяла ручку. — Итак, что мы будем готовить на Рождество?

— Индейку в этой маленькой духовке не зажарить.

— Тогда куры. Две курицы.

Кэрри энергично писала. Куры. Брюссельская капуста. Картофель. Пряности для хлебного соуса. Замороженный горошек. Морковь. Фрукты. Масло. Французский хлеб. Клюквенный соус. Коричные палочки.

— Как насчет крекеров? — спросила она.

— Да, пусть будут крекеры.

— А вино?

— Оскар наверняка захочет заняться напитками сам.

— Копченый лосось?

— Непременно.

— Орешки и сладкие пирожки?

— Да, купи и пирожки. Можно схитрить и пропитать их бренди. Получится рождественский пирог. Я это сделаю.

— Может, запастись холодной ветчиной? — спросила Кэрри. — Она

незаменима для сэндвичей.

— Великолепно. И еще сварим суп. — Наконец-то Элфрида почувствовала себя компетентной и полезной. Суп — это было по ее части: крепкий куриный бульон и любые овощи из тех, что под рукой. Она называла его «сборный суп». — И, может быть, хрустящий картофель, если мы решим устроить прием.

— Прием?

— А почему бы нет?

— Кого же мы позовем?

— Ну… — Элфрида подсчитала, получилось не так много: —… семейство Кеннеди, доктора с женой… и очень милого хозяина книжной лавки и его жену. Вчера они были у священника, и Оскар никак не мог с ними наговориться.

Оскар как раз вошел в дверь, словно решил подать ответную реплику.

— С кем это я не мог наговориться?

— С хозяином книжного магазина.

— Его зовут Ратли, Стивен Ратли. А его жену — Энн.

— Какой ты умница, Оскар, что запомнил. Мы хотим устроить небольшой прием и позвать их.

— И когда же у нас будет этот небольшой прием?

Кэрри с Элфридой переглянулись, поскольку это еще не было окончательно решено. Потом Кэрри предложила:

— Может, вечером в субботу? Накануне сочельника.

— Хорошо, я куплю вина, — сказал Оскар.

— Если открыт проезд по мосту, Кэрри поедет в большой супермаркет в Кингсферри и там все закупит. Может, поедешь с ней?

— Может, и поеду. Элфрида, похоже, кто-то прикончил весь бекон.

— Ах, Оскар, это я! Прошу извинения. Это я съела последний кусочек, — призналась Кэрри. — Сейчас я поджарю еще.

— А больше бекона нет, — объявила Элфрида.

По счастью, в холодильнике нашлись сосиски, и Кэрри сварила их для Оскара. Тут появилась Люси, и Элфрида оставила всех на кухне, а сама пошла наверх в отличном настроении: кое-что уже спланировано и она избавлена от тяжкого испытания — час, а то и больше, вышагивать по забитым покупателями проходам супермаркета, катя перед собой тележку и тщетно стараясь найти молотый кофе.

Она слегка прибрала в спальне, застелила постель и накрыла ее красной шелковой шалью. Сложила одежду и убрала ее в шкаф, затем разобрала бельевую корзину с намерением постирать и повесить белье

сушиться во дворе. Погода обещала быть хорошей. Солнце поднималось в ясное небо и снег искрился под его лучами, а в тени был дымчато-голубым. Внизу на улице начиналось утро: шли за покупками первые хозяйки, медленно ехали автомобили, водитель фургончика подкреплялся бутербродом с ветчиной. Из булочной вышла девушка с метлой и начала мести тротуар. Она была в комбинезоне и тяжелых резиновых сапогах. В небе кружили чайки и садились на церковный флюгер, чтобы почистить перышки в такое прекрасное утро.

Элфрида оторвалась от приятного зрелища, собрала белье и сложила его кучкой на пол в ванной, чтобы потом снести вниз. Она прошла в гостиную, где по углам еще таилась ночная мгла, и раздвинула занавески. Низкое солнце потоком хлынуло внутрь и залило все ярким светом. Вчерашний вечер повсюду оставил свои следы: пустые стаканы, бутылка из-под виски, примятые подушки, сдвинутые кресла. Она навела порядок, затем опустилась на колени, чтобы выгрести золу из камина — не самая любимая ее работа, но каждое утро приходилось ее выполнять. Оскар не уставал говорить, что это его обязанность, но он все время таскал наверх поленья, и несправедливо было бы заставлять его возиться еще и с золой.

Она выметала очаг, когда услышала за спиной голос Сэма:

— Элфрида, это сделаю я!

— О! — она обернулась и встала, отряхивая руки и свои клетчатые штаны. — Не беспокойтесь. Я проделываю это каждое утро. Потом закончу. Какие новости?

Вид у него был удрученный.

— Боюсь, вы получите меня на Рождество.

— Замечательно! — Элфрида не могла сдержать радости, однако подумала, что, может быть, будет тактично и пожалеть его немного. — Бедный Сэм, вы попали в западню. У вас нет выбора. Ну-ка, расскажите мне все по порядку…

Они сели на кушетку у окна. Через стекло лучи солнца казались почти что теплыми.

— Дороги расчищены до моста Кромарти, но по Черному острову проезда нет, а Инвернесс совершенно занесен снегом. Ни въезда, ни выезда.

— Видно, снегопад там был еще сильнее.

— Да. Там лежит глубокий снег.

— Кэрри с Оскаром собираются ехать в большой супермаркет. Это за нашим мостом. Как вы считаете, они проедут?

— Туда проедут. Там работали снегоочистители. А вот дальше на юг

начинаются завалы.

— Вы звонили в гостиницу?

— Да. И еще поговорил с моим начальством в Лондоне — Дэвидом Суинфилдом, и с Джэни тоже.

— Джэни? — Элфрида нахмурилась. Она уже забыла, кто такая Джэни.

— Джэни Филип. Я вам о ней говорил. Жена Нила.

— О да, конечно. Извините. Та, что работала в «Бутби», да?

— Совершенно верно. И она очень нам помогла. Взяла один из последних каталогов и отыскала там представителя фирмы «Бутби» в здешних краях. Он живет в Кингсферри и зовут его сэр Джеймс Эрскин-Эрл.

— Боже мой! — титул произвел на Элфриду большое впечатление. — Такой знатный представитель. Это пугает.

— Она дала мне его телефон, но я еще не звонил. Решил сначала обсудить с вами, удостовериться, что вы действительно хотите продать вашу картину… или хотя бы оценить ее.

— Оскару я только сказала о такой возможности.

— Хотите поговорить с ним подробно?

— Нет, — подумав, сказала Элфрида, — потому что, может статься, он начнет убеждать меня не делать этого.

— Но оценка не значит, что вы должны непременно ее продать. К тому же, как бы там ни было, вам действительно надо застраховать ее.

— Не уверена, что смогу выкроить деньги на страховой взнос.

— Итак, ваше решение? Звонить мне или не звонить?

— Да, звонить. Посмотрим, что он скажет.

— Я оставил мобильный в комнате. Пойду позвоню оттуда.

Он ушел, а Элфрида осталась сидеть на кушетке у окна, глядя на противоположную стену, где посередине широкого пустого пространства висело ее сокровище. Столько лет они были частью ее жизни, эти старики, сидящие за столом, па котором лежит их семейная Библия. Он в строгом темном костюме, она в ярком красном платье и желтой, как весенние нарциссы, шелковой шали; лица внимательные, умные и добрые; от их спокойствия словно исходят достоинство и мир. Столько лет они были ей хорошими друзьями, поддерживали ее в тяжелые одинокие дни! Она любила их.

Но Оскар был важнее.

Пять минут спустя вернулся Сэм, очень довольный собой.

— Договорились. — Он сел рядом с ней на кушетку.

— Вы говорили с ним? С сэром Джеймсом Эрскин-Эрлом?

— Да. Все очень удобно устраивается. Ответил он сам. Сегодня после полудня он будет в Кригане. Это связано с памятником жертвам войны — он член какого-то комитета. Заедет сюда около четырех часов, чтобы взглянуть на картину. Похоже, он очень заинтересовался.

— Ах, Сэм! — Элфрида сразу же занервничала. — Так долго ждать…

— Что ж поделаешь.

— Мы угостим его чаем. Куплю булочки или что-нибудь вроде этого. Он был любезен?

— Очень.

— Знаете… я начинаю волноваться.

— Вполне естественно.

— Должна я сказать Оскару?

— На вашем месте я бы сказал. Вы же не хотите действовать за его спиной?

— Нет. Вы совершенно правы. Спасибо, Сэм, за хлопоты.

— Мне приятно было сделать это для вас. Самое малое, что я мог. Кстати, вы сказали, что Кэрри с Оскаром собираются за покупками в Кингсферри. Может быть, я заменю Оскара? Я помогу нагрузить тележки и потом занести все в дом.

Элфрида подумала, что это блестящая идея. Во всех отношениях.

— Отлично. Вы очень добры. А Оскар будет просто в восторге. Он ненавидит ходить по магазинам.

— К тому же у меня есть своя цель. Мне надо купить себе одежду, не могу же я ходить целых пять дней как рекламный манекен. Как вы считаете, в Кингсферри можно найти что-то пристойное?

Элфрида весело поддакнула, однако почувствовала некоторое разочарование — она-то понадеялась, что ему хочется поехать из-за Кэрри.

— И еще — я хотел бы купить вина для Оскара… Может, я посоветуюсь с ним, что покупать?

— Хорошая мысль. Насчет вин Оскар очень привередлив.

За окном, радуясь ясному, сияющему утру, кружили вокруг башни чайки и присаживались на конек крыши, оглашая воздух резкими криками. Элфрида, повернувшись к окну, наблюдала за ними.

— Как ни странно, — сказала она, — но я была бы довольна, если бы этот дом приобрели вы. Он такой надежный и полон собственного достоинства. — Она взглянула на Сэма: он сидел рядом в голубом джемпере Оскара, и у Элфриды было такое чувство, что он всегда был с ними. — Правда, интересно, какие неожиданные случаются в жизни

истории? Вы появляетесь с ключом в кармане, и вдруг начинается жуткий снегопад. И вот мы все тут. Так приятно, что вокруг нас уверенные молодые люди. Кэрри берет все в свои руки, а вы принимаете решения, которые я сама не в состоянии была бы принять. Правильные решения — это не в моем характере. Я всегда действовала импульсивно, и иной раз это приводило к печальным последствиям. Мы с Оскаром живем тут по-стариковски. Миссис Снид сказала, что гости поднимут нам настроение, но это больше, чем хорошее настроение. Я-то знаю, хотя мы с Оскаром и не говорили об этом, — мы оба боялись рождественских праздников. Я чувствовала, что для нас это будут горькие, печальные дни. Но теперь, когда вы, Люси и Кэрри с нами, это не может быть для нас так печально. — Элфрида задумалась, потом улыбнулась. — Что бы там ни было, изменить ничего невозможно, так пусть будет весело. Знаете, как это бывает: ужасно не хочется идти на какую-нибудь вечеринку, а потом оказывается, что она была лучше всех и запомнилась на всю жизнь. Может, и с нашим Рождеством так получится. Понимаете, о чем я говорю?

Сэм сказал, что совершенно точно понимает.

21
ЛЮСИ

Утро, половина одиннадцатого. Все заняты своими делами.

Сэм с Кэрри в его внушительном «дискавери» отправились в Кингсферри, в супермаркет. Однако прежде чем выехать, им пришлось немного потрудиться. В сарае у Оскара Сэм нашел лопату и расчистил дорогу от парадной двери до ворот, а потом метлой смел снежный сугроб с автомобиля и побрызгал антифризом ветровое стекло. Из дома вышла Кэрри, и они отправились за покупками, вооружившись нескончаемым списком, который долго составляли все вместе. На Кэрри было ее теплое серое пальто и черная меховая шапка, Сэм — тоже в пальто, темно-синем, наглухо застегнутом, элегантном, — выглядел чрезвычайно респектабельным, каковым, собственно говоря, и был на самом деле. На фоне «дискавери» они оба выглядели превосходно.

Вывесив на мороз выстиранное белье, Элфрида взяла Горацио и пошла с ним прогуляться — на холм, до запертой, с затворенными ставнями гостиницы, затем мимо почты домой. Иначе, сказала она, мышцы у Горацио атрофируются и он не сможет вылезать из своей корзины. Оскар в гостиной у камина читал газету. Он вздохнул с явным облегчением, когда узнал, что ему не надо ехать за покупками.

Люси, сидя за столом у себя в комнате, обдумывала план на сегодняшний день. Утром она должна купить рождественские подарки. Маме и бабушке она уже все подарила перед отъездом из Лондона, но ей предстояло сделать еще множество всяких покупок. Это было нетрудно — располагая деньгами, которые ей выдали на каникулы, она могла не скупиться.

Элфрида, Оскар, Кэрри. А теперь еще и Сэм. И миссис Снид. И Рори. И, видимо, Клодэг тоже, иначе получится неловко.

Больше Люси никого не могла припомнить.

Она достала рюкзак, сунула туда список, проверила, на месте ли туго набитый кошелек. Надела куртку, ботинки и спустилась вниз. По пути заглянула в гостиную.

— Оскар!

— Да, дружочек?

— Я иду за покупками.

— Хорошо.

— Когда Элфрида вернется, скажете ей, да?

— Конечно.

Попрощавшись с Оскаром, Люси спустилась по лестнице. Рождество было уже на носу. За завтраком все обсудили и решили, что торжественная трапеза состоится вечером, как и полагается у взрослых. В Лондоне Рождество всегда было сугубо домашним праздником, и главное торжество приходилось на обед. А вечеринка — совсем другое дело, вечеринка — это нечто такое, что предвкушаешь весь день. И Люси могла бы надеть свою новую черную мини-юбку и белый свитер. Проходя через холл, она остановилась и, повинуясь внезапному побуждению, отворила дверь в заброшенную необитаемую столовую. Комната была темная, мрачная и крайне нуждалась в генеральной уборке, но воображению Люси она предстала залитой светом свечей и пылающего в камине огня, со столом, ломящимся под тяжестью изысканных яств — засахаренных фруктов, пудинга в пламени коньяка, бокалов вина, ярких конфет-хлопушек и серебряных блюд с орехами и шоколадом.

Мысль воплотилась в образы, но не было времени додумать ее до конца, и Люси, затворив двери столовой, вышла из дома прямо в холодное свежее утро, полное слепящего снежного блеска. Поперек улицы стоял большой грузовик с выдвигающейся лестницей, и двое дюжих парней развешивали гирлянды китайских фонариков на голые ветки деревьев, растущих за церковной оградой.

Люси решила вначале обойти небольшие лавочки. Здесь уже чувствовался праздничный дух — на окнах напылен искусственный снег, витрины украшены красными шелковыми бантами и пластмассовым остролистом. Цепная пила, выставленная в скобяной лавке, перевита парчовой лентой и снабжена табличкой: «Отличный рождественский подарок».

Интересно, подумала Люси, кто польстится на цепную пилу?

Она зашла в магазин трикотажа, заваленный разнообразными пуловерами, кардиганами, шотландскими беретами, носками и перчатками. На груди многих свитеров вывязаны цветы чертополоха,[19] языческий рисунок, будто порожденный фантазией какого-нибудь сумасшедшего перуанца. В конце концов Люси откопала красный кашемировый шарф, очень тонкий и длинный; обмотанный вокруг стройной шеи Кэрри, он будет выглядеть необыкновенно эффектно. И ей будет в нем очень уютно.

Затем пришла очередь книжной лавки. Ее держал мистер Ратли, Люси уже встречалась с ним в доме у Кеннеди. Он поздоровался с ней, как со старой знакомой, и оказал ей неоценимую помощь. Полистав и просмотрев

несколько книг, Люси обсудила их с мистером Ратли и, вопреки первоначальному намерению, выбрала в подарок Оскару большой альбом со множеством крупных, во всю страницу, цветных фотографий старинных шотландских сельских домов, замков и садов. Люси надеялась, что Оскару книга понравится. Если же нет, сказал мистер Ратли, ее можно будет обменять, но Люси была уверена, что Оскару и в голову не придет подобная мысль. Он скорее умрет, чем кого-либо обидит.

Для Сэма, по совету мистера Ратли, Люси выбрала карту Кригана и его окрестностей, включая Бакли, составленную артиллерийской топографической службой. Немного скучноватая, но, с другой стороны, крайне полезная вещь для человека, который собирается в этих краях поселиться. Карта оказалась довольно дорогой, поэтому Люси купила еще только несколько открыток, нарядную, в ветках остролиста, оберточную бумагу и блестящую тесьму. Мистер Ратли сложил все это в сумку и получил деньги.

— Надеюсь, Люси, мы снова увидимся с вами со всеми на Рождество.

— Да, конечно. Благодарю вас.

— Всего хорошего.

Теперь в аптеку. Тут много времени не понадобится. Лавандовое мыло для миссис Снид, а для Клодэг — маленькие нарядные заколки в косички. С Рори пришлось поломать голову, ведь Люси не имела ни малейшего представления о том, что могло бы ему понравиться. Будь у нее брат или хотя бы мальчик, с которым она дружила, выбор бы упростился. Внезапно Люси увидела большую бутылку пены для ванны «Бадидас». Такой пеной всегда пользовался отец в те благословенные времена, когда Люси была маленькой девочкой и родители еще не помышляли о разводе. Отец подолгу лежал в ванне, и пар, благоухающий каштановым маслом, разносился чуть ли не по всему дому. Может быть, Рори тоже нравится лежать в душистой ванне после целого дня работы в гольф-клубе. Поколебавшись минуту-другую и не придумав ничего более удачного, Люси купила «Бадидас».

Самым трудным оказалось выбрать подарок для Элфриды. Чем можно хоть немного отблагодарить ее за радость и искреннее расположение, с которым она приняла их с Кэрри? В аптеке не оказалось ничего, что вдохновило бы Люси, и она пошла дальше по улице, мимо овощного и фруктового магазина Артура Снида. Потом под влиянием внезапно мелькнувшей мысли вернулась и вошла в лавку; дверь со скрипом затворилась за ней.

— Мистер Снид?

— Добро пожаловать.

— Я Люси Уэсли. Живу в Усадьбе. С миссис Снид мы друзья.

— Да-да. Она мне о вас говорила.

— Если я закажу цветы для Элфриды, смогли бы вы доставить их в канун Рождества?

Мистер Снид с сомнением пожевал губами.

— Да ведь это же будет воскресенье, доченька.

— Ну тогда в субботу. На самом деле, в субботу даже лучше — у нас будет небольшая вечеринка.

— Деточка, из-за этого снегопада трудно загадывать. Ведь обычно товар поступает ко мне из Инвернесса, а теперь оттуда не доберешься. Что бы вы хотели? Хризантемы? Гвоздики?

— Вообще-то, ни то, ни другое, — поморщилась Люси.

— У меня там припрятаны белые лилии, их доставили вчера, тогда дороги еще были открыты. Но они дороговаты.

— Белые лилии?

— Славные крепенькие бутоны, они у меня стоят на холоде. Как раз через день-другой начнут распускаться.

— Можно посмотреть?

— Ладно.

Он вышел в заднюю комнату и вернулся, неся один длинный стебель с туго свернутыми, овальными бутонами кремового цвета. Точно такие же покупает бабушка у цветочницы на углу в Фулэме. Они могут стоять чуть ли не две недели.

— Сколько их у вас?

— Дюжина, но, говорю, они дорогие. Три фунта штука. Трижды шесть — восемнадцать. Восемнадцать фунтов.

Зато как замечательно они будут выглядеть в гостиной. Раскрываются медленно-медленно, выбрасывая бледно-розовые лепестки и наполняя весь дом пьянящим благоуханием.

— Я беру шесть штук, деньги заплачу прямо сейчас, но не могли бы вы пока подержать их у себя, а доставить в субботу?

— Конечно. И вот что — я заверну их в специальную бумагу и прикреплю большой розовый бант.

— Знаете, у меня есть открытка, купила в книжной лавке. Я ее подпишу, и, если можно, положите, пожалуйста, ее в цветы.

— Исполню в точности.

Он дал Люси ручку, и она написала: «Счастливого Рождества, Элфрида. С любовью от Люси».

Вложила открытку в конверт, написала на нем «Элфриде Фиппс» и протянула его мистеру Сниду. Потом отдала ему восемнадцать фунтов. Куча денег, но цветы того стоят.

Мистер Снид звякнул кассовым автоматом.

— Если вам понадобится омела, скажите. Она нарасхват, но у меня есть несколько веток. Под омелой целуются влюбленные.

— Я подумаю, — осторожно сказала Люси.

Она попрощалась и направилась к дому, нагруженная покупками и охваченная предвкушением праздника. Сейчас она придет, сразу поднимется к себе в комнату, закроет двери и упакует подарки в красивую бумагу. Потом перевяжет блестящей тесьмой и спрячет в самый нижний ящик комода. Проходя по площади, она увидела припаркованный у дома старый автомобиль «универсал» с открытым багажником, но не придала этому значения: в Кригане все паркуют свои автомобили где придется. Однако, толкнув дверь и войдя в дом, она услышала доносящиеся из кухни голоса. Заглянув туда, увидела Элфриду, помешивающую что-то в кастрюле на плите, и Рори Кеннеди. На кухонном столе стоял телевизор, рядом — небольшая черная пластмассовая тумба на колесах.

Когда нагруженная покупками Люси появилась в дверях, они оборвали разговор и заулыбались. Рори сказал: «Привет». На нем была серая пушистая куртка и резиновые сапоги, и он выглядел совсем как взрослый. Люси никак не ожидала увидеть его и не сразу нашлась, что сказать, но в то же время ужасно обрадовалась.

— Привет. Я… я думала, ты придешь позже. К чаю. Думала, ты работаешь.

— В такую погоду в гольф-клубе особо делать нечего. Хозяин отпустил нас по домам, я взял папин автомобиль и привез телевизор.

Люси посмотрела на телевизор. Ей показалось, что он даже более современный, чем тот, что у нее в Лондоне.

— Я думала, он старенький, а оказывается, совсем наоборот.

— А я как раз купил себе побольше. На всякий случай тумбу под телевизор тоже захватил, вдруг тебе не на что поставить.

Элфрида передвинула кастрюлю с огня на металлическую подставку.

— Вот забавно получится! Все соберутся в мансарде и уставятся в телевизор, — сказала она. — Люси, может, проводишь Рори в свою комнату?

— Четыре лестничных пролета, — сказала Люси.

Он засмеялся:

— Думаю, справлюсь.

Люси пошла впереди, таща за собой сумки с покупками.

— Ходила по магазинам? — спросил Рори, поднимаясь следом за ней.

Только он так может, подумала Люси, несет наверх такую тяжесть, разговаривает и даже не задыхается.

— Да. Рождественские подарки. Не успела купить в Лондоне.

Они подошли к двери в комнату Люси. Она вошла и бросила сумки на кровать. Рори вошел за ней и аккуратно опустил телевизор на пол. Выпрямившись, он обвел комнату оценивающим взглядом.

— А здесь не жарко. И как просторно! У тебя всегда такой порядок?

— Вроде бы, — небрежно бросила Люси. Ей не хотелось, чтобы он считал ее занудой.

— У Клодэг в комнате постоянная свалка. Мама все время только и делает, что заставляет ее убирать вещи на место. Сбегаю вниз, принесу тумбу, и мы установим телевизор.

Когда он вышел и побежал вниз по лестнице, Люси быстро засунула сумки в пустой нижний ящик комода и плотно его задвинула. Неловко, если он догадается о «Бадидасе».

Через минуту он вернулся с тумбой. Они нашли электрическую розетку, Рори установил телевизор, воткнул вилку, нажал кнопку включения и настроил комнатную антенну. Картинка перестала мелькать и появилось четкое изображение.

— Здорово! — восхищенно сказала Люси.

— Могу сделать еще лучше.

Рори сидел на коврике, скрестив ноги, поглощенный своим занятием. Нажимал кнопки, переключал каналы. Детский комикс, потом старый черно-белый фильм. А вот дама показывает, как сделать рождественскую открытку, украшенную аппликациями из каталога семян. Рори, еще чуть-чуть повернув антенну, отрегулировал звук. Люси тоже примостилась на ковре возле Рори.

— «…и в завершение — бантик из красивой ленты. Вот так. Думаю, вы согласитесь, что любой будет счастлив получить такую открытку».

— Нет уж, спасибо, — сказал Рори и нажал другую кнопку. Диктор, явно шотландец, сообщал о погоде, которая в ближайшие дни не будет благоприятствовать прогулкам по холмам.

— Хочешь, оставлю его включенным? — сказал Рори.

— Нет. Теперь я знаю, как с ним обращаться.

Рори выключил телевизор.

— Только не трогай антенну. По-моему, я выжал из нее все, что можно,

— Здорово, что ты дал мне свой телевизор и еще сам принес его сюда.

— Пустяки. Не о чем говорить.

Он снова восхищенно огляделся.

— Знаешь, эти вещи помогала покупать моя мама. Классно, правда? Она страшно любит ездить на рынок в Бакли и всегда привозит кучу барахла — то старинную льняную наволочку, то китайскую безделушку, в общем, что-то совершенно бесполезное. У нас весь дом забит хламом, но всегда находится место для чего-то новенького. А в Лондоне у тебя такая же комната?

— Нет. Гораздо меньше и из окна никакого вида. Но в общем уютная. По крайней мере, не приходится ни с кем ее делить. У меня там и книги, и компьютер. И все мои вещи.

— Интересно, а как это — жить в Лондоне?

— Обыкновенно.

— Да, должно быть, здорово: музеи, выставки, концерты, театры. Я там был один раз. Папа взял меня с собой на конференцию, мы жили в гостинице и каждый вечер ходили в театр. Было жарко, мы обедали и ужинали в кафе, столики стояли прямо на тротуаре, мы сидели и смотрели, а мимо нас прогуливались голубые и всякие чудики. Класс! Гораздо интересней, чем в Кригане.

— Но жить там постоянно — совсем другое дело.

— Да, наверное.

— Хорошо, если у тебя есть дом с садом. Когда я была маленькая, у нас в Кенсингтоне был такой, и совсем не чувствовалось, что живешь в большом городе, потому что кругом были деревья, трава, цветы… Но потом родители развелись, и теперь мы живем в квартире — я, мама и бабушка. Дом стоит недалеко от реки, и с балкона хороший вид, но некуда выйти полежать на травке с книгой. У моей подруги Эммы — мы с ней вместе учимся в школе — собственный дом, и иногда мы устраиваем пикники у них в саду.

Люси не могла придумать, о чем бы еще рассказать, и ужасно боялась, что Рори будет скучно ее слушать.

— Скажи, а ты тоскуешь по дому? — спросил он.

Люси с удивлением посмотрела на него.

— По дому?

— Ну да. По маме, по своим вещам и вообще по всему? С Клодэг просто беда. Не соглашается уехать даже на день, ревет, как маленькая.

— Ну нет, — сказала Люси и сама удивилась, как жестко прозвучал ее голос. — Нет, я совсем не тоскую. Даже не думаю о возвращении в Лондон. Просто выбросила его из головы.

— Но…

— Ты не понимаешь. Там все по-другому. Не так, как здесь или как у тебя в доме, где много людей и куда приходят твои друзья. А у нас бабушкина квартира, и она не любит, чтобы приходили мои подруги. Говорит, что у нее от этого начинается головная боль. Иногда ко мне приходит Эмма, но бабушка не очень ее любит. Мы с Эммой почти все время сидим у меня в комнате. Однажды она пришла, когда ни мамы, ни бабушки дома не было, и мы полдня провели в ванной — мыли волосы, душились, красили ногти на ногах в серебряный цвет. Когда я прихожу к Эмме, мы можем делать что угодно. Ее мамы почти никогда не бывает дома, она работает. Редактирует журнал. А помощница по хозяйству у них — прикольная, позволяет нам стряпать, и мы с Эммой готовим жуткие пудинги.

Люси помолчала, чтобы Рори мог ответить на этот поток откровений, но он ничего не сказал. Тогда она снова заговорила:

— Здесь у вас все по-другому. Вы делаете что хотите, а если нечего делать, можете выйти погулять, купить что-нибудь, пойти на берег, смотреть новые места, уходить днем или вечером, и никто вам слова не скажет. Здесь все так ласковы со мной, называют деточкой, утенком и вместе с тем относятся ко мне как взрослой. Будто я самостоятельная личность, а не ребенок. Бабушка и мама называют меня «Люси». И никаких «деточек» и «утят». Но я не чувствую себя настоящим человеком. Мне уже четырнадцать лет, а что я делаю? Только в школу хожу. Вот если бы у меня был брат или сестра… Лучше, конечно, брат. Потому что когда все время общаешься только с женщинами, ужасно тупеешь. Вечно они болтают о какой-то ерунде — о тряпках, о ресторанах, друг о друге…

— В какую школу ты ходишь?

— Она называется «Стенбрук». Недалеко от дома. Я езжу на метро. Всего две остановки. Вообще, школа мне нравится — и учителя, и директор, и Эмма там со мной. Мы ходим на концерты, на выставки, в бассейн, играем в парке. Но кругом одни девочки, иногда я думаю, хорошо бы перейти в другую, обыкновенную школу. По крайней мере, познакомишься с разными людьми.

— А что твой отец?

— Понимаешь, я не часто его вижу. Маме не нравится, что мы встречаемся. У него другая жена, и она тоже не хочет, чтобы я крутилась поблизости. У меня есть дедушка, его зовут Джеффри Саттон. Это отец Кэрри. Но он живет в Корнуолле и у него молодая жена и двое маленьких детей.

— Ты хотела бы поехать к ним?

— Да, но бабушка злится на него, она его не простила и даже имени его старается не упоминать. Когда-нибудь я наберусь храбрости и скажу, что хочу к нему съездить. Но надо подождать, пока стану немного старше.

— А по-моему, ты не должна ждать. Надо решиться прямо сейчас.

— Наверное, у меня духу не хватит, — горестно сказала Люси. — Я терпеть не могу скандалить и отстаивать свои права. Однажды я уже ссорилась с мамой и бабушкой — хотела проколоть уши. В школе все уже прокололи, а они мне не разрешили. Это такой пустяк, но крик стоял несколько дней, я не могла этого вынести и просто сдалась. Я в таких вещах проявляю ужасную слабость.

— Слушай, по-моему, тебе очень пойдет проколоть уши, — сказал Рори. — Будешь носить золотые сережки. — Он усмехнулся. — Как я.

— Только не одну. Я бы носила две.

— Давай провернем это здесь. В Кингсферри есть ювелир.

— Мама умрет.

— Твоя мама в Америке.

— Откуда ты знаешь?

— Элфрида сказала моей маме, а мама — мне.

— У нее там бойфренд. Зовут Рэндал Фишер. Сейчас они во Флориде. Она помчалась туда на Рождество. И поэтому мы с Кэрри приехали сюда. Меня тоже звали во Флориду, но я не захотела. Я бы просто путалась у них под ногами. К тому же, — добавила Люси, — он мне не очень-то нравится.

И на это Рори тоже ничего не сказал. Как хорошо он умеет слушать, подумала Люси. Интересно, это у него от природы или, может быть, отец объяснил ему, как важно иногда просто помолчать. Люси помнила тот день в Лондоне, когда Кэрри так неожиданно появилась у них. Именно в тот момент, когда Люси до крайности необходимо было кому-то излить душу. Она всегда думала, что может поговорить с Кэрри и все-все ей рассказать. Но Кэрри вернулась из Австрии другая, не такая, как прежде, совсем не расположенная к откровенным разговорам. Углубленная в себя, что ли, будто часть ее души осталась где-то там. А Рори Кеннеди не такой. Никуда не торопится, слушает внимательно и все понимает. Чувство благодарности переполняло Люси.

— Извини, — сказала она. — Я не хотела всего этого рассказывать. Просто здесь все так здорово. И Элфрида, и Оскар, и так много ребят моего возраста, и вечеринки, и танцы. И я так жду Рождества, ведь мы будем по-настоящему веселиться, это ж не то что сидеть дома с мамой и бабушкой и есть жареного фазана или идти в скучный ресторан, потому что они даже

не удосужатся что-нибудь приготовить. А здесь снег, и ваша церковь, и китайские фонарики…

Ее голос упал почти до шепота. Она умолкла. Что еще можно сказать? Она представила себе их квартиру в Лондоне, потом вытолкнула этот образ в дальний угол своего сознания и с силой захлопнула воображаемую дверь. Не стоит вспоминать. Не стоит думать о том, что надо туда возвращаться. Не стоит отравлять эту минуту, этот час, этот день. Это время.

Рори наблюдал за ней. Она посмотрела ему в глаза и улыбнулась.

— Хочешь, пойдем после обеда кататься на санках? — сказал он.

— Правда?

— А что? Позвоню ребятам, и пойдем. Рядом с полем для гольфа есть классные горки. — Рори взглянул на часы. — Почти двенадцать. Надо идти пораньше, засветло. Давай зайдем ко мне, мама даст нам поесть, и ребята подойдут.

— Но у меня нет санок, — сказала Люси.

— У нас в гараже найдутся. Всем хватит. — Он поднялся на ноги. — Идем.

— А твоя мама?

— Она не против, у нас всегда столько еды, что можно роту накормить.

Рори наклонился, взял Люси за руку и помог ей встать.

— Не беспокойся, — сказал он. — Хватит придумывать себе трудности.

— А разве сейчас я их придумываю?

— Уже нет.

22
ЭЛФРИДА

Поездка в Кингсферри прошла более чем успешно: Сэм и Кэрри привезли не только многочисленные коробки, полные всякой снеди, овощей, фруктов и рождественских сладостей, но и ящики с вином, пивом, содовой водой, тоником, кока-колой, а также шесть бутылок виски «Феймос Граус». Более того, они заглянули в отдел мужской одежды, где Сэм приобрел целый гардероб необходимых вещей: вельветовые брюки, теплые рубашки, толстый свитер в резинку, пару тимберлендских башмаков и куртку барбур. А также, без сомнения — Элфрида из скромности не спросила, — нижнее белье, носки и все то, что помогает красиво выглядеть и хорошо пахнуть. К обеду Сэм вышел в обновках и всех очаровал своей непринужденной элегантностью. После обеда он облачился в барбур, и они с Оскаром отправились в гольф-клуб — там у Сэма была назначена встреча, он хотел обсудить возможность своего членства в клубе. Наблюдая, как мужчины плечо к плечу шагают по заснеженной мостовой, Элфрида подумала, что для Оскара хорошо побыть в мужской компании.

Они с Кэрри остались дома — надо было подготовиться к приходу сэра Джеймса Эрскина-Эрла. Первое, что следовало решить, — где угощать его чаем. Элфрида считала, на кухне, иначе это будет слишком официально, но Кэрри сказала, что кухня хороша для человека, с которым ты знаком, а сэр Джеймс, возможно, будет чувствовать себя неловко за кухонным столом и не сразу сообразит, куда ему деть ноги. Элфрида с ней согласилась.

— Тогда устроим чаепитие в гостиной.

— Что? Притулившись на краешке кресла у камина?

— Почему бы и нет?

— Мужчины ненавидят пить чай, сидя в кресле. Они не в состоянии одновременно справиться с чашкой, блюдцем и тортом. Давай лучше сервируем чай в эркере.

— Для этого нужна красивая скатерть.

— В шкафу у миссис Снид наверняка найдется скатерть. Может, мне испечь сдобные булочки?

— А ты умеешь? — удивилась Элфрида.

— Конечно. А ты пойди и купи пирожных.

Элфрида надела теплое пальто-накидку и отправилась в булочную. Пирожных не было, но были имбирные пряники, и еще она купила банку

ежевичного желе домашнего приготовления.

— Ждете гостей, миссис Фиппс? — поинтересовалась продавщица, отдавая Элфриде сдачу.

— Не совсем, — сказала Элфрида, — просто кое-кто придет к чаю.

Булочки Кэрри были уже в духовке, и по кухне плыл восхитительный аромат. Элфрида выложила имбирный пряник на тарелку, а джем — в вазочку, нашла поднос и поставила на него свои самые красивые, пусть и разрозненные, тарелочки, чашки и блюдца. Она отыскала сахарницу и масленку, и даже нож для масла.

— Все будет очень благопристойно, — сказала она, протирая чайные ложки.

В ящике буфета она обнаружила льняную скатерть и накрыла ею старый стол. Накрахмаленная и отутюженная, она выглядела очень празднично. Элфрида расставила пять тарелочек, чашки на блюдцах, тарелочку для масла и вазочку с джемом, разложила небольшие ножи. Цветов, к сожалению, не было, но, может быть, сэр Джеймс Эрскин-Эрл не обратит на это внимания.

С пустым подносом в руке Элфрида отвернулась от стола и бросила взгляд на противоположную стену, на свою маленькую картину, которая, возможно, после сегодняшнего вечера исчезнет отсюда навсегда. Она висела чуть косо, поэтому Элфрида подошла и, ласково шлепнув, словно ободряя ребенка, подправила ее.

— Если у меня не будет времени попрощаться с тобой, — сказала Элфрида, — говорю тебе сейчас: прощай! Мне было очень приятно, что ты провела со мной все эти годы.

Оскар и Сэм возвратились из гольф-клуба вовремя и в хорошем настроении. Встреча прошла успешно. Сэму было сказано, что существует список очередников, но, поскольку он становится постоянным жителем Бакли, очевидно, его примут вне очереди. Сэм и Оскар были представлены капитану и другим членам клуба, полюбовались на фотографии и призы и пошли домой.

Оскар явно получил удовольствие от этого похода. Элфрида вспомнила его предыдущий и единственный визит в гольф-клуб, который закончился паническим бегством, и в душе возблагодарила Господа. Ей хотелось обнять Оскара, но вместо этого она поднялась в спальню причесать свою ярко-рыжую шевелюру и подкрасить губы.

Появление сэра Джеймса Эрскина-Эрла — в четыре часа, минута в минуту, — повергло Элфриду в немалое изумление. У парадной двери зазвенел звонок. Элфрида побежала встречать гостя и замерла на месте —

она никак не ожидала увидеть перед собой такого молодого человека. К тому же, хотя сэр Джеймс шел с собрания по поводу памятника жертвам войны, одет он был в старые бриджи и пиджак, на котором явно не хватало пуговиц. Воротник его рубашки был сильно потерт, а на пуловере виднелась небольшая дырка. Когда Элфрида распахнула дверь, он снял твидовую кепку, и Элфрида увидела, что его мышиного цвета волосы подстрижены как у школьника.

— Миссис Фиппс?

— Да. Сэр Джеймс? — Они обменялись рукопожатием. — Прошу вас, входите. — Поднимаясь с ним вместе по лестнице, Элфрида сказала: — Как мило с вашей стороны, что вы так быстро откликнулись.

— Все очень просто. — У сэра Джеймса был приятный голос и открытая добрая улыбка. — Я всегда радуюсь, когда меня приглашают взглянуть на нечто особенное.

Они вошли в гостиную, и Элфрида представила его присутствующим, которые стояли в некотором смущении, как будто сэр Джеймс Эрскин-Эрл пришел оценивать их, а не картину.

— Оскар Бланделл. Кэрри, моя племянница, и Сэм Ховард — он приехал сюда восстанавливать фабрику шерстяных тканей в Бакли.

— Это с вами мы разговаривали по телефону? Очень приятно познакомиться. Насколько я понял, вы работаете в компании «Старрок и Суинфилд»? С каким-то Суинфилдом я учился в Итоне, но, видимо, совсем с другим. — Сэр Джеймс обвел глазами гостиную. — Какой восхитительный дом! Глядя с улицы, никак не подумаешь, что он такой величественный. Кажется, он принадлежал Корридэйлу?

— Да, но уже много лет не принадлежит, — сказал Оскар. — Быть может, вы знаете моего дядюшку Гектора Маклеллана?

— Не очень хорошо. Я работал в Лондоне и, пока был жив отец, не часто приезжал на север. Только когда он умер, мы все переехали в Кингсферри. Для моего семейства это был, если можно так выразиться, удар — мы лишились театров, концертов, музеев, — но, похоже, все быстро смирились. — Сэр Джеймс подошел к окну, как и все, кто впервые приходил в дом. Уже стемнело, но Элфрида не задернула занавеси, и на другой стороне улицы, на старой каменной стене церкви, мерцали, точно драгоценные камешки, рождественские китайские фонарики. — Какой изумительный вид! И церковь от вас так близко. Наверное, слышно орган? Превосходный инструмент, нам так повезло с ним. — Он отвернулся от окна. — Однако я веду себя как любопытный зевака и попусту трачу ваше время. Где же картина, которую вы хотели мне показать?

— Она… — Элфрида кашлянула. — Она здесь.

— Да, я вижу. И в одиночестве.

— Других картин у нас нет.

— Могу я снять ее?

— Конечно.

Сэр Джеймс пересек комнату, осторожно взялся за раму и снял картину так бережно, как будто это было изделие из тончайшего фарфора.

— Прелестная вещь! — Он поднес картину к лампе, что стояла на столе. — Сэр Дэвид Уилки.

— Да. Так всегда считалось.

— Портрет его родителей. Вы об этом знали? Писана, я полагаю, году в 1835-ом.

— Я не знала, что это его родители. Думала, просто милые пожилые супруги.

Наступила напряженная тишина. Все ждали вердикта. Сэр Джеймс Эрскин-Эрл не спешил. Он достал из кармана своего далеко не элегантного пиджака очки без оправы. Когда он водрузил их на переносицу, то стал похож на нищего студента-медика, будущего хирурга — так чутко двигались его пальцы. Он пристально исследовал полотно, осторожно прикасаясь к нему подушечками пальцев, затем перевернул и осмотрел обратную сторону.

Наконец он осторожно положил картину на стол.

— Как она к вам попала, миссис Фиппс?

— Это подарок. Давным-давно, тридцать лет назад, мне подарил ее друг.

— А знали ли вы, где он ее купил.

— В лавке случайных вещей, в Чичестере

— Ясно. — Сэр Джеймс кивнул. — Так я и думал.

— Я всегда… Я всегда верила… меня убедили… что это оригинал. Но я никогда не пыталась оценить ее или застраховать.

Он посмотрел на нее — в стеклах его очков сверкнули блики света от лампы — и улыбнулся обаятельной молодой улыбкой. Потом повернулся, прислонился спиной к столу и снял очки.

— Мне, правда, очень жаль, — сказал он, — но это не оригинал. Это копия.

Никто не произнес ни слова.

— Это прелестная, отлично выполненная работа, но это не оригинал.

Наконец Оскар обрел голос.

— Как вы это установили? — спросил он.

— Во-первых, картина не подписана. Согласен: стиль, тема — все говорит о том, что это Дэвид Уилки, но подписи нет. А во-вторых, я точно знаю, что это копия. Странное совпадение, но оригинал этой картины был продан на аукционе «Бутби» всего лишь год назад в нашем аукционном зале на Бонд-стрит. Он ушел к дилеру из Соединенных Штатов, который, как я думаю, выполнял заказ для какого-то музея или частного коллекционера и упорно набавлял цену. Картина была большего размера, чем ваша, миссис Фиппс, и это наводит меня на мысль, что автор копии не стремился изготовить подделку. Скорее, он скопировал картину Дэвида Уилки из уважения к знаменитому художнику, восхищаясь им. Возможно, это работа студента, стремившегося воспроизвести стиль мастера. Имитация, безусловно, превосходная: манера письма, цвет, свет — все безупречно. Замечательное произведение искусства. Если подражание это искренняя дань восхищения, остается только гадать, кто мог пожертвовать своим временем ради столь кропотливой и трудоемкой работы.

И снова в гостиной повисло молчание. Наконец Элфрида заставила себя задать роковой вопрос.

— Сколько стоит эта картина, сэр Джеймс?

— Пожалуйста, просто Джеми.

— Хорошо, Джеми. Так сколько?

— Будь это оригинал, я оценил бы ее тысяч в семьдесят пять, не меньше. Не помню *точно,* за какую сумму он был продан, но что-то около того.

— Ну, а если это копия?

— Примерно тысяча фунтов. Может быть, чуть больше, может, меньше. Все зависит от спроса. Она может и ничего не стоить, если никто не захочет ее купить.

Копия, и стоит всего тысячу фунтов. Талисман Элфриды, ее страховка от нищеты и одинокого будущего! Тысяча. Как ни странно, она не так уж и расстроилась. Продавать картину нет смысла, значит, она сможет до конца жизни любоваться ею. Но если думать об Оскаре — это ужасное разочарование. Все ее планы относительно выкупа у Хьюи половины дома и обеспечения Оскару спокойной независимой жизни летят в тартарары. Все мечты пошли прахом. Она видела, как они тают, эти мечты, как их уносит прочь. Они исчезли…

В какой-то страшный момент Элфрида подумала, что сейчас разрыдается. В отчаянии она повернулась к Кэрри — та смотрела на нее, и в ее прекрасных темных глазах было сочувствие и понимание. Элфрида открыла рот, чтобы что-то сказать, но не нашла слов, и тогда Кэрри пришла

ей на помощь.

— Пойду-ка я вниз и вскипячу чайник, — сказала Кэрри, — чашка горячего чая нам всем будет очень кстати.

И тут, впервые с той минуты, как он был представлен Джеми Эрскину-Эрлу, заговорил Сэм.

— Я пойду с вами, Кэрри, — сказал он. — Помогу вам.

Элфрида отлично знала, что вскипятить чайник дело нетрудное и помощь тут не нужна, но она была благодарна Сэму — он очень тактично избавил ее от своего присутствия в эти тяжкие минуты. Она была бы рада, если бы и сэр Джеймс Эрскин-Эрл тоже удалился. Он откликнулся на просьбу и пришел оценить ее маленькую картину. Не его вина, что она оказалась подделкой, но его авторитетная экспертиза все испортила. У Оскара нет теперь другого выбора, как только продать свою половину дома. Элфриду не пугало, что дом купит Сэм. Но она никак не могла примириться с тем, что Усадьба не будет принадлежать *Оскару*.

Кэрри и Сэм ушли, и снова воцарилась напряженная тишина. Как видно, Джеми почувствовал, сколь огорчена Элфрида, потому что снова сказал:

— Я очень сожалею.

Ее вдруг охватило раздражение: она не так себя ведет, а сэр Джеймс не то говорит.

— О, ради Бога! — сказала она. — Это ведь не ваша вина.

Осторожно, бережно он повесил картину на прежнее место. Старая леди в желтой шали благосклонно смотрела на него, а вот Элфрида не могла заставить себя последовать ее примеру.

— По крайней мере, — сказал он, — она будет продолжать доставлять вам радость.

— Она уже никогда не будет той, что была прежде.

— Тем не менее она очень дорога тебе, Элфрида, — почувствовав напряжение, вступил в разговор Оскар. — Мне стало легче оттого, что у тебя теперь нет резона расставаться с нею.

— Ах, Оскар, у меня *много резонов*. И это всего лишь *картина*. Но не продавать же ее за тысячу фунтов. Такая сумма просто смешна.

— Элфрида, все будет хорошо.

Она повернулась к ним спиной и пошла к камину, чтобы чем-то заняться, успокоиться. Взяла полено из корзины и подбросила его в огонь. Стояла и смотрела, как языки пламени лижут его.

И тут за ее спиной снова заговорил Джеми.

— Я прошу меня извинить, — начал он, — надеюсь, вы не сочтете

меня излишне любопытным, но кто владелец вот этих маленьких часов?

В первое мгновение Элфрида подумала, что ослышалась, и, нахмурившись, в недоумении повернулась к нему.

— *Часов*?

— Они привлекли мое внимание. Такие необычные…

— Это часы Элфриды, — сказал Оскар.

— Могу я на них посмотреть?

Элфрида кивнула и отодвинулась в сторону. Джеми снова нацепил очки, подошел к камину и взял часы с полки. Во второй раз Элфрида и Оскар молча наблюдали, как тщательно он исследует — на сей раз часы. Элфрида решила, что если он скажет ей, что они просто ничего не стоящая безделушка, она стукнет его по голове совком для угля.

Он сказал:

— Хронометр для путешествий. Изумительный. Как к вам попало это маленькое сокровище?

— Вы говорите «сокровище» из вежливости или это действительно ценность?

— Я еще не уверен, — мягко ответил он.

Элфрида холодно сказала:

— Их оставил мне мой крестный отец. Старый морской волк. — Она словно со стороны услышала свой резкий тон и несколько смягчилась. — Видите, одна круговая шкала отмечает часы, другая — минуты, третья — секунды. Я должна заводить их каждый день. Думаю, можно было бы вставить батарейку, но…

— Упаси Бог! Это уникальные часы.

— Уникальные? Просто старомодные часы для мореходов.

— В общем, да. Но они к тому же очень красивые.

В руках Джеми часы как будто преобразились. Так бывает: когда кто-то восхитится привычной домашней вещью, в глазах хозяев она становится совсем другой. Наружная кожаная обтяжка потерлась, но внутренняя была по-прежнему глубокого темного тона; крышка, которая закрывалась как обложка книги, была оторочена старым бархатом кораллового цвета. Вокруг циферблата с круговыми шкалами кожаный ободок украшала гирлянда из миниатюрных золотых листочков, тот же рисунок повторялся по краю корпуса. Ключ и заводной механизм были медными.

Элфрида сказала:

— Я даже не знаю, сколько им лет. Может, вы мне скажете?

— Увы, я не эксперт по часам. Но, — продолжал сэр Джеймс, — один мой коллега как раз занимается часами. Если хотите… если вы позволите

мне… я могу показать их ему.

— Зачем?

— Я думаю, что это особенные часы.

— В каком смысле — особенные?

— Слово «сокровище» здесь вполне уместно.

— Вы хотите сказать, что они чего-то стоят?

— Я бы предпочел сейчас об этом не говорить.

— Но они ведь не могут стоить семьдесят пять тысяч фунтов, не так ли? — напрямик спросила Элфрида, ожидая увидеть удрученное покачивание головой или, того хуже, услышать иронический смешок.

Однако Джеми Эрскин-Эрл не засмеялся.

— Я действительно этого не знаю, — сказал он. — Миссис Фиппс, позволите ли вы… позволите ли вы мне взять часы с собой? Если я не сумею встретиться с моим коллегой, я поговорю с ним по телефону или пошлю ему фотографию часов. Разумеется, я дам вам расписку и буду держать их под замком.

Элфриде вдруг стало смешно.

— В Гэмпшире, — сказала она, — в моем маленьком коттедже в Дибтоне они стояли на каминной полке в гостиной, а я никогда не запирала дверь.

— В таком случае поздравляю вас — вам очень повезло. Они ведь не застрахованы, — добавил он, скорее констатируя факт, а не задавая вопрос.

— Нет, конечно, нет. Просто они у меня очень давно и я всегда возила эту вещицу с собой.

— Я повторяюсь, но должен сказать: особенную вещицу. Так могу я взять ее с собой?

— Конечно.

— Если бы вы дали мне коробку… или что-нибудь, во что можно их завернуть… Мой носовой платок не годится.

Оскар пошел к своему столу, выдвинул ящик и отыскал там лист мягкой пузырчатой бумаги; в нее была завернута стопка новых книг, и он сохранил ее.

— Это вас устроит?

— Вполне. И листочек писчей бумаги для расписки, пожалуйста. Обычно я ношу с собой пачку наших официальных расписок, но сегодня оставил их дома.

Он вручил Оскару часы, Оскар их завернул, а Джеми Эрскин-Эрл сел за стол и написал расписку.

— Я ее спрячу, — сказал Оскар и сунул расписку в верхний кармашек

пиджака. — Элфрида имеет обыкновение терять все квитанции.

— Еще одно… — сказала Элфрида.

— Да, миссис Фиппс?

— Когда Сэм и Кэрри вернутся, не заводите разговор о часах. Для всех нас было нелегко услышать ваш приговор Дэвиду Уилки, и я не вынесу, если опять затеплится надежда и снова все рухнет. Скажем просто, что вы посоветовали оценить и застраховать их и предложили свои услуги.

— Конечно. Отличное объяснение. И более того, оно совершенно правдиво.

Вечером, пытаясь что-то соорудить на ужин, Элфрида чувствовала себя так, будто целых два часа каталась на «американских горках». Из-за всех этих волнений, разочарования и снова вдруг вспыхнувшей надежды она начисто забыла о Люси. Она рассеянно помешивала соус, когда та вошла в кухню через заднюю дверь.

Элфрида посмотрела на старые кухонные часы — было почти семь. Затем перевела взгляд на Люси, припоминая, чем это девочка занималась весь день.

— Ну да, это я, — сказала Люси.

— О, детка, извини.

— Вы так смотрите, как будто меньше всего ожидали увидеть *меня*.

— Ты же видишь, чем я занята. И столько всего случилось сегодня, что ты просто уплыла из моего сознания. Но сейчас ты снова в него вплыла, и это чудесно.

— А что такое случилось? — Люси сняла шерстяную шапочку и начала расстегивать куртку. — Я что-то пропустила?

— В общем-то, ничего. Просто нас посетил очень приятный человек. Мы пили чай, Кэрри испекла булочки. По-моему, он их почти все и съел.

— А кто этот приятный человек?

— Его зовут сэр Джеймс Эрскин-Эрл. А живет он в Кингсферри.

— А я только что была в Кингеферри. С Рори.

— Я думала, вы катались на санках.

— Мы и катались, но потом стемнело, и мы пошли попить у них чаю; а потом мы с Рори поехали в Кингсферри.

— Опять ходили по магазинам?

— Да нет, не то чтобы ходили.

Элфрида заинтересовалась — выражение лица у Люси было таинственное. И она все время улыбалась.

— Ты похожа на Чеширского кота. На что это ты намекаешь?

Люси вскинула руку и отбросила назад длинные волосы. Блеснуло что-то золотое.

— Я проколола уши. Ювелир в Кингсферри проколол. А отвел меня к нему Рори. И купил мне первые сережки, подарок к Рождеству. Настоящие сережки! Я так о них мечтала.

— Дай-ка я на них посмотрю.

— Но мама не разрешит мне их носить.

— Они прелесть. И ты в них выглядишь совсем взрослой девушкой.

— Никогда еще не получала такого чудного подарка! — сказала Люси.

23
ЛЮСИ

20 декабря, среда.

По-моему, это самый лучший день в моей жизни. Везде много-много снега и так красиво. Утром я покупала рождественские подарки, а когда вернулась домой, застала у нас Рори, они с *Элфридой разговаривали. Он принес мне телевизор, втащил его в мою комнату и подключил, а потом мы сидели и разговаривали. С ним было так легко говорить, что я рассказала ему все: о том, как скучно жить в Лондоне, о квартире, о маме, о бабушке, о Рэндале Фишере. И о папе и Мерилин, и о дедушкиной семье в Корнуолле. Как замечательно, когда тебя просто слушают, не прерывают, не стараются подбадривать, не льстят, ничего от тебя не добиваются, не говорят, что ты чепуху несешь или сама не знаешь, что говоришь.*

Он просто слушал и все.

Когда я все рассказала, мы пошли к ним, миссис Кеннеди накормила нас, Рори позвонил своим друзьям, и мы пошли кататься на санках. Было так здорово, и я жутко устала. Мы катались, пока не стемнело, потом снова пошли к Рори пить чай. И Рори спросил у отца, можно ли еще раз взять автомобиль. И мистер Кеннеди сказал «да». Мы с Рори поехали в Кингсферри. Это такой старинный город со множеством магазинов. Мы припарковали автомобиль и пошли к ювелиру, и там мне сразу же прокололи уши, и было совсем не больно. Потом мне надели сережки в виде золотых колечек.

Я еще раньше говорила Рори, что дома мне не разрешают носить сережки, а Рори сказал: «Ты ведь сейчас не дома, ты со мной» и заплатил деньги за то, что мне прокололи уши, и за сережки и сказал, что это его рождественский подарок.

На обратном пути мы снова разговаривали, и у меня такое чувство, что в моей жизни настал перелом.

Рори говорит, что я должна запомнить несколько вещей. Вот они.

У меня хорошие отметки в школе, значит, я не глупая. Если я сама не буду отстаивать свои права, никто этого за меня не сделает. И не надо ни дуться, ни сердиться, а надо доказывать свою правоту логическими доводами.

Если я хочу поехать в Корнуолл повидаться с дедушкой, Сереной, Эми и Беном, значит, надо ехать. И ничто мне не помешает. Я сама могу все устроить, получить от дедушки приглашение и просто взять и приехать к нему.

Я должна быть более смелой. Я сама могу за себя постоять, потому что понимаю, какие бывают опасности. Я знаю, что надо остерегаться пьяниц, наркоманов и всяких извращенцев, вроде симпатичных с виду старичков, которые заговаривают с девочками на автобусных остановках.

И еще стоит подумать о том, чтобы на последние два года перейти в школу-интернат с *совместным обучением, чтобы там сдать экзамены в колледж. Раньше я никогда об этом не думала. Надо внушить эту мысль маме и заставить ее обсудить со мной этот вопрос. Уговорю мисс Максвелл-Браун стать на мою сторону. Ведь это только на последние два года.*

Когда строишь планы и думаешь о будущем, то становишься более решительной.

Хотелось бы, чтобы у меня был такой брат, как Рори.

Нет, лучше не надо. Потому что если бы он был братом, то все было бы по-другому.

Проколотые уши совсем не болят. Когда бабушка с мамой увидят сережки, они поймут, что я изменилась. Теперь я *делаю то, что хочу. Теперь я могу сама принимать решения. Я уже не ребенок.*

Когда я *вернулась, то узнала, что к чаю был приглашен некто сэр Джеймс Эрскин-Эрл. Он взял старые часы Элфриды, чтобы их оценить. Кэрри сказала, что он съел шесть булочек.*

Завтра первый день моей новой жизни.

24
СЭМ

Он открыл глаза. Было темно. Стоял колючий холод. Он и проснулся потому, что одеяло соскользнуло с кровати, и теперь дрожал под тонкой старинной льняной простыней. Занавески были распахнуты, и через окно, хотя и не очень широко открытое, в комнату врывался поток холодного воздуха.

Сэм повернулся на бок, достал одеяло и укрылся. Ему все еще было холодно. Протянув руку, он включил светильник в изголовье кровати и поглядел на часы. Половина восьмого.

Он лежал в комнате, теперь уже знакомой, в углах которой еще залегали глубокие тени. Мебели было немного: огромный гардероб, без труда вместивший все, чем Сэм владел на нынешний день, и викторианский умывальник, служивший туалетным столиком, — у него был темно-коричневый мраморный верх, а на нем стояли большая, в цветах, миска и кувшин для воды. Единственное зеркало висело на дверце гардероба с внутренней стороны. Еще в комнате был небольшой резной стул. Не предназначенная для работы или приема гостей, она великолепно подходила для такого важного дела, как сон. И для такого занятия, как разговоры по мобильному телефону.

Сэм лежал, постепенно наливаясь теплом под одеялом, и удивлялся, почему он чувствует такое удовлетворение от окружающей обстановки. Наверное, оттого, решил он, что комната очень пропорциональна, пустые стены не засоряют взгляд, а старые занавески из выцветшего кретона, достаточно длинные, чтобы ложиться фестонами на потертый ковер, очень напоминают те, что были в комнате матери в Рэдли-Хилл. Они висели на медных кольцах, надетых на медную палку, и, когда их сдвигали, раздавалось приятное уютное позвякивание. А затем слышался материнский голос: «Просыпайся, дорогой. Скоро завтрак».

Ностальгия, но самая приятная.

Да и весь дом в Кригане был такой же, как тот, в Рэдли-Хилл. Просторные, красивые комнаты почти без мебели, с причудливыми карнизами и высокими резными дверями. Отлогая лестница в несколько маршей, поднимающаяся до мансарды, с отполированными блестящими перилами и столбиками из балтийской сосны; старомодная, однако полностью соответствующая своему назначению кухня, ванные комнаты,

выкрашенные в бело-коричневые тона с викторианским еще оборудованием, и бачки в уборной с цепями и ручками, на которых было написано «дергать».

С самого начала, с той немного нескладной встречи, все внушало ему такое чувство, будто он возвратился домой.

Дом понравился Сэму с первого взгляда. Он говорил с ним на своем, но знакомом языке, он открыл ему свои объятия. Сэм снова задумался над удивительным стечением обстоятельств, которое привело его сюда именно в этот момент, словно выбросило на необитаемый остров, где он вынужден был остаться. Теперь, по зрелом размышлении, ему казалось, что все было предначертано самой судьбой. Каким-то снисходительным верховным существом. Наверное, таково расположение звезд, а может быть, непостижимое взаимное притяжение каких-то издревле намеченных точек схода.

Встреча с Хьюи Маклелланом в Лондоне была первым звеном в этой цепи совпадений. Затем — ключ от дома в Кригане. И то, как он подбросил монету, когда сидел в машине после собрания в Бакли и решал, куда ему ехать. Если бы выпал «орел», он поехал бы прямо в Инвернесс и, наверное, успел бы проскочить через Черный остров до снежного заноса. Нет, вместо этого выпала «решка», и он направился в Криган.

А если бы дом был закрыт и пуст, как он и ожидал, Сэм не остался бы, он просто взял бы его на заметку. Расположение дома, его достойный викторианский вид, размеры — все заставило бы Сэма снова вернуться для более подробного осмотра. Однако дом не пустовал. Верхние окна были ярко освещены, что разбудило его любопытство, и он вылез из машины, пошел к дому по дорожке и нажал кнопку звонка.

Ну, а затем ловушка захлопнулась, и теперь ему нет пути назад.

Он жил здесь уже два дня в компании четверых людей, связанных отдаленным родством и дружбой, и хотел остаться до и после Рождества. Ему надо было бы разобраться в делах фабрики, поработать с компьютером, калькулятором и документами, сделать необходимые телефонные звонки. Но сейчас вместо этого он вынужденно бездельничал, потому что компьютер, калькулятор, папки, документы и телефонные номера остались в гостинице. Уезжая на собрание в Бакли, Сэм взял с собой только мобильный телефон, небольшой портфель и ключ от Усадьбы.

Так как работать было невозможно, он с необычайной легкостью соскользнул в состояние, какого не испытывал уже несколько лет. Горизонты сузились. То, что казалось первостепенным, отступило на второй план. У него появилось ощущение, которое возникает на борту

корабля: ты больше не связан с большим миром, главное для тебя — общество других пассажиров. Незнакомцы из Усадьбы постепенно становились близкими, как родственники, как семья, которой у него больше нет. Дом, как корабль, вмещал их всех и словно радовался, что его просторные комнаты опять заполнились, двери открыты, камины горят, звучат голоса, а на лестнице раздаются шаги.

Это был хороший, добрый дом, и Сэм хотел бы стать его хозяином, но в этом-то как раз и заключалась проблема. Он желал бы выкупить его у Хьюи и Оскара, приобрести в полную собственность. Местоположение дома великолепно. За двадцать минут, не больше, можно было доехать утром по пустынным дорогам до фабрики, а вечером — домой. Недалеко, пешком можно дойти, гольф-клуб. А если кончится пиво, понадобится буханка хлеба или пинта молока, то достаточно перейти через дорогу — там есть маленький супермаркет.

Сэм знал, что если дом перейдет в его собственность, он никогда уже с ним не расстанется. В отличие от квартиры с маленькой террасой или живописного, густо увитого дикой розой коттеджа, этот дом способен вынести любые усовершенствования, которые только придут в голову его хозяину. Сэм был уверен, что этому дому суждено долголетие, и это самое главное из его достоинств. Скоро мне самому исполнится сорок, размышлял Сэм. Ему больше не хотелось жить кочевой жизнью, покупать и продавать, все время заводить жилье заново. Ему хотелось, чтобы этот дом стал его последним прибежищем. Ему хотелось здесь остаться. Именно здесь…

Однако половина дома принадлежит Оскару Бланделлу, и у них с Элфридой больше ничего нет. «Скучнейший тип» — сказал об Оскаре Хьюи. Но Сэму Оскар нисколько не казался скучным. Он чрезвычайно ему нравился, но от этого положение никак не становилось легче.

Будь у Сэма такой же характер, что у Хьюи, он бы ни словом не обмолвился о маленькой картине Элфриды. И никогда не взял бы на себя труд позвонить Джэни в Лондон и узнать о том, как связаться с местным представителем фирмы «Бутби», сэром Джеймсом Эрскин-Эрлом. Да, Элфрида сама хотела продать картину, но была так несведуща в практических делах, что никогда бы по собственной инициативе не предприняла никаких решительных шагов. Сэму даже хотелось, чтобы полотно оказалось подлинником и стоило бы миллион. Тогда он отбросил бы свои фантазии и поискал другое место жительства. Но визит Джеймса Эрскина-Эрла закончился ничем, потому что картина оказалась подделкой. И теперь Сэм не мог отделаться от ощущения, что именно здесь, в этом

вместительном, без всяких излишеств, солидном викторианском городском особняке ему суждено прочно обосноваться и провести всю оставшуюся жизнь.

Бесполезные мысли. Сделав над собой некоторое усилие, он изгнал их из головы и подошел к окну. Комната была расположена на задней стороне дома, и в свете уличного фонаря, стоявшего около деревянной калитки, он увидел сад, террасой поднимавшийся по холму к соснам, сейчас застывшим от холода и покрытым сверкающим инеем. Ветер совсем стих. Мертвая тишина.

Мальчиком, живя в Йоркшире, он иногда вставал очень рано, отправлялся бродить по вересковой пустоши и забирался на камень повыше — смотреть, как восходит солнце. Все рассветы не похожи один на другой, и то, как небо постепенно заливается светом, Сэму всегда казалось чудом. Он вспоминал, как потом возвращался домой после ранних прогулок, как бежал по заросшим травой тропинкам, перепрыгивал через ручьи, и его распирало ощущение счастья и безграничная энергия. Теперь он понимал, что чувство счастья проистекало из предвкушения обильного завтрака, ожидавшего дома.

Да, он давно не видел, как встает солнце. Сегодня самый короткий день в году, но рассвет можно наблюдать не хуже, чем в любой другой. Сэм оделся, зашнуровал ботинки, натянул куртку с капюшоном и нащупал в карманах толстые кожаные перчатки. Крадучись, он вышел из комнаты, очень осторожно прикрыл за собой дверь и так же тихо спустился по лестнице. В пустой кухне, в своей корзинке, дремал Горацио.

— Хочешь погулять?

Горацио, который уже пришел в себя после встречи с ротвейлером, хотел. Сэм нашел листок, на котором Элфрида записывала, что надо купить, нацарапал на нем записку, вышел в холл и снял с вешалки твидовую шляпу и шарф. Шарф был чужой, но он так уютно и тепло обвивал шею. Повернув ключ в замке, Сэм открыл входную дверь и окунулся в тихое, темное, пронзительно холодное утро. Под ногами захрустел обледеневший снег. Сэм отворил калитку, услышал звук мотора и увидел тяжелый, громыхающий грузовик с ярко горящими фарами. Грузовик проехал через площадь и потом вырулил вниз по улице на шоссе.

Сэм и Горацио двинулись в противоположном направлении. Они пошли в сторону гольф-клуба и берега, и вскоре городские уличные фонари остались позади. В чистом, но темном небе горела единственная звезда. Морской берег был окутан туманом. Доносился дальний шум прибоя, песок смерзся, озерца между скалами покрылись льдом. Северный ветер

резал лицо как ножом, и Сэм подтянул легкие складки шарфа к подбородку. Он думал о других землях, лежащих на этой же широте, на без малого шестидесяти градусах. На Западе, за Атлантикой, это Лабрадор, Хадсон-Бэй, Аляска. На Востоке — Скандинавия и дикие просторы Сибири. Там человек замерзает, на пять минут высунув нос наружу. А он здесь гуляет, словно турист, по берегу с собакой, и холод не слишком им докучает.

Да, Гольфстрим действительно великолепное изобретение природы. Быстрым шагом Сэм прошел вдоль кромки воды и затем повернул прочь от берега. Поднявшись на дюны, он пересек трек, две площадки для гольфа, поднялся по склону холма и пошел по извилистой тропинке между густыми зарослями дрока. Добравшись до вершины, он уже совсем согрелся. Горацио, тяжело дыша, следовал за ним по пятам. Сэм подошел к ограде и сел на ступеньки. Небо между тем стало серым и звезда погасла. Он прислонился к ограде, выбрав защищенное от ветра положение за разросшимся кустом дрока, и повернулся лицом к морю. Перед ним простирался изгиб залива, тянущийся ко все еще мигающему маяку, а дальше — длинная линия горизонта. За маяком, в юго-восточной стороне, небо порозовело, но свет еще смешивался с туманом. Хороший вид отсюда. Сэм взглянул на часы. Восемь сорок. Он сидел на деревянной ступеньке и ждал.

Горацио прислонился к его колену. Он снял перчатку, положил ладонь на собачью голову и погладил мягкую, шелковистую шерсть и замшевые уши. Весь мир, эта пустынная вселенная, принадлежал сейчас только им двоим. С небольшого возвышения мир казался бескрайним, новорожденным, невинным, словно на второй день Творения.

Он вспомнил почему-то тот день в Лондоне, когда он шел в сырых сумерках по Кингз-роуд и думал, что во всем мире нет человека, который ждал бы от него рождественского подарка. Поэтому и приехал в Криган с пустыми руками. Однако теперь нужно подумать, что в рождественское утро подарить новым знакомым. Их было четверо, а может быть, и пятеро, если считать таинственную миссис Снид, с которой он еще не успел познакомиться. Оскар, Элфрида, Люси, Кэрри.

Кэрри.

Он потерял Дебору, запер квартиру в Нью-Йорке, вернулся в Лондон, нашел новую работу и меньше всего думал о том, что в его жизнь может вторгнуться другая женщина. Новый роман и всплеск эмоций сейчас нужны ему не больше, чем дырка в голове. Но его ждала Кэрри. Она была последним звеном в потрясающей цепи совпадений, и у Сэма возникло ощущение, будто он безвольная пешка в чьей-то чужой игре. В снегопад он

подошел к двери дома и нажал на копку звонка. И это Кэрри открыла ему дверь.

Кэрри с ее шапочкой гладко причесанных каштановых волос, темными выразительными глазами, хрупкостью, длинной шеей. Бровями вразлет и очаровательной родинкой у рта. Глубоким, бархатным голосом, в котором все время звучит смешинка, так что никогда не знаешь, поддразнивает она тебя или говорит серьезно. Запястья у нее узкие, пальцы длинные, ловкие, ногти без маникюра, а на правой руке кольцо с сапфирами и бриллиантами, и кажется, что какой-то безумец просто навязал ей это кольцо в сумасшедшей надежде жениться. А может быть, его оставила в наследство какая-нибудь обожавшая ее пожилая родственница.

Кэрри — сама естественность, в ней нет и следа фальши, искусственности. Если ей нечего сказать, она молчит. Если говорит, то откровенно, но взвешенно, умно. Она, по-видимому, не находит смысла в досужей болтовне, но всегда внимательно слушает. Ее отношения с Элфридой и Люси полны заботы и нежности. По отношению к девочке Кэрри покровительственна, однако давления не оказывает. Люси приходит и уходит когда и куда захочет, но ее всегда встречают приветливо, обнимают, внимательно слушают. Смеются вместе с ней.

Но Сэм не представлял, что Кэрри думает о нем. Она держалась непринужденно и всегда владела ситуацией, и в то же время была сдержанна, если не сказать замкнута. Во время их совместной поездки в Кингсферри, в местный супермаркет, Сэм надеялся, что сумеет пробить брешь в этой броне, но как только разговор заходил о самой Кэрри и ее личной жизни, она прекращала его или переводила на другую тему. Когда Сэм не без труда отыскал магазин мужского белья и одежды, он рассчитывал, что она зайдет туда вместе с ним, начнет давать советы, возможно, пошутит над его выбором того, что продавец называл «предметами интимного гардероба», или даже будет настаивать на приобретении какого-нибудь яркого галстука. Но Кэрри не сделала ничего подобного. Вместо этого она перешла улицу и направилась в хозяйственный магазин, чтобы купить Элфриде новую форму для выпечки и миску для замешивания пудинга. Так что Сэму пришлось в одиночестве покупать свой «интимный гардероб», а когда он подошел к машине, она уже сидела внутри и читала «Таймс», не слишком-то интересуясь его покупками.

Любопытно, думал Сэм, бывала ли она уже замужем. Он знал, что у него никогда не хватит духу задать ей прямой вопрос. В конце концов, его это не касается. В первый вечер, когда они сидели и ждали возвращения

Оскара и Элфриды из гостей, она рассказала немного о себе — ничего особенного, никаких подробностей. После того разговора у Сэма осталось впечатление, будто между ними — запертая дверь, и ничто не сможет убедить Кэрри приоткрыть ее.

Относительно Люси она была более откровенна.

Рассказывала она и о своем отце, ее голос звучал тепло, а прекрасные глаза сияли. Она воодушевилась и поведала немало. Отца звали Джеффри. Он жил в Корнуолле со своей второй женой, которая была значительно моложе его.

— Он изумительный, — призналась Кэрри, — и я не знаю человека более доброго. Он был несчастлив с моей матерью, но оставался в семье, пока мы, моя сестра Никола и я, не стали взрослыми и самостоятельными. И только тогда он ушел и стал жить с Сереной. Если бы отец Люси был таким же, как Джеффри, все для нее сложилось бы иначе. А Джеффри всегда был для меня не только отцом. Он был моим лучшим другом. С ним обо всем можно было говорить, он меня поощрял и подбадривал. Я знала, что с такой поддержкой добьюсь всего, чего пожелаю. Всего.

Но когда-то, где-то, что-то у Кэрри пошло вкривь и вкось, и об этом она Сэму рассказывать не собиралась. И чем меньше она о себе говорила, чем больше что-то скрывала, тем сильнее он жаждал узнать. И недоумевал: может быть, то, что он так на этом зациклился, и есть начало любви? Иначе почему ее скрытность так сильно его волнует? Но какой смысл влюбляться в женщину, столь глубоко преданную своей работе и своей странной семье? Женщину, которая никогда не согласится все бросить и жить с Сэмом Ховардом в Северной Шотландии? Тем более что он еще не развелся с Деборой.

Горацио зашевелился и взвизгнул: он замерзал. Сэм тоже замерз, но не двинулся с места. Взглянув на небо, он увидел, что розовый цвет уступил место красно-золотому ореолу, из которого неудержимо рвались огненные стрелы. И над голыми холмами, окаймлявшими далекий залив, показался сегмент оранжевого солнца. Ослепительный свет коснулся морских волн, разогнал тени на песчаных дюнах и поглотил всю тьму неба, так что на глазах оно превращалось из сапфира в аквамарин.

Сэм смотрел вверх, потеряв всякое чувство времени, ожидая, когда оранжевый шар выплывет на небо с обратной стороны мира. Как всегда, чудо рассвета потрясло его словно в первый раз, и он позабыл, что замерз. Огненная игла маяка сразу погасла. Начался день, и уже завтра дни будут становиться длиннее, а потом начнется новый год, и Сэм не мог даже мысленно представить, что он таит для него в тайниках грядущего.

Он быстро зашагал обратно по узкой тропинке между покрытыми снегом площадками для гольфа. Туман рассеялся, и бледно-голубое небо совсем очистилось. К тому времени, как он дошел до первого дома, утро уже вступило в свои права: сновали туда-сюда машины, открылись магазины, и первые покупатели уже выходили из дверей с корзинами и сумками. Мясник сметал снег со ступеньки, молодая мать везла закутанного ребенка на маленьких деревянных санках.

Сэм проголодался, как волк. Войдя в дом, он понял, что жизнь здесь уже бьет ключом. Сверху доносился шум пылесоса, и женский голос на свой собственный лад распевал старую битловскую песенку.

«Да, я люблю тебя, люблю».

Почтенная миссис Снид, несомненно, решила выгнать их всех из дому.

Из открытой двери кухни вырывались свет и волнующие запахи бекона и кофе. Сэм снял с Горацио ошейник, потом повесил свою куртку и вошел в кухню. Там была только Кэрри. Она пила кофе и читала «Таймс», но оторвалась от газеты и посмотрела на Сэма:

— Доброе утро.

В тот первый вечер, всего два дня назад, когда он так некстати возник из темноты и снега, сжимая в руке ключ, полученный от Хьюи Маклеллана, его потрясла неожиданная встреча с красивой девушкой, открывшей ему дверь. Тогда она только встала с постели после простуды и выглядела бледной, хрупкой и чрезвычайно уязвимой. Он и сейчас считал ее потрясающе красивой, но теперь болезнь осталась в прошлом. В это утро на Кэрри был красный шерстяной свитер. Яркий цвет подчеркивал ее живость, природный блеск здоровья, и она показалась Сэму еще привлекательнее, чем обычно. Он почувствовал неудержимое желание дотронуться до нее, нет, схватить ее в свои объятия, целовать, забыв обо всех возможных преградах, и говорить, говорить, говорить.

— Хорошо прогулялись?

Сумасшедшее желание благовоспитанно свернулось клубочком:

— Пожалуй, мы ушли слишком далеко. Горацио выбился из сил.

Пес жадно, звучно пил, расплескивая воду на пол.

— Вы, наверное, замерзли.

— Нет, я на ходу согрелся, но есть хочу зверски.

— Есть жареный бекон.

Она опустила газету на стол и встала.

— Я догадался по запаху.

— Сейчас сварю свежий кофе.

— Кэрри, я сам все могу сделать.

— Нет.

На подогревателе стояла тарелка, прикрытая сверху другой. Кэрри надела кухонные рукавицы, подняла верхнюю тарелку, поставила ее на стол ловким, немного торжественным движением, и он увидел не только бекон, но яичницу, сосиску и тушеный помидор.

— Я тоже все умею. Ешьте.

Сэм несколько удивленно взглянул на нее.

— И кто же все это приготовил?

— Я. Решила, что вы проголодаетесь.

Он растрогался.

— Какая же вы милая.

— Это нетрудно.

Сэм сел и намазал маслом ломтик подсушенного в тостере хлеба.

— А где остальные?

Кэрри налила в чайник воды и включила его в сеть.

— Кто где. Все уже позавтракали. Пришла миссис Снид. Элфрида, наверное, убирает постели. Оскар звонит по телефону. Нам надо с вами съездить за елкой. Оскар надеется, что вы привезете ее на своей машине: она большая, а он немного нервничает, когда ему приходится ездить по снегу.

— А откуда я должен ее привезти?

— Из Корридэйла. Он сейчас звонит туда некоему Чарли Миллеру. Все заказано и приготовлено, но Оскар хочет быть уверенным, что Чарли будет на месте, когда мы приедем,

— Мы? Вы тоже поедете со мной?

— Оскар нарисовал план, и мне придется быть вашим лоцманом. А кроме того, я хочу побывать в Корридэйле. Оскар рассказывал мне об этом поместье. Как там жила его бабушка, потом его дядя, а потом Хьюи. Оскар проводил там каникулы, когда был маленьким. Он говорит, что особняк и сад выглядели удивительно, но, конечно, сейчас все изменилось. Там теперь гостиница. А мне все равно хочется посмотреть. В гостинице никого нет, так что, если Чарли Миллер разрешит, мы сможем заглянуть в дом.

Сэм ел бекон и тихо радовался. Что может быть лучше в такое прекрасное утро, чем везти Кэрри в Корридэйл за елкой. Интересно взглянуть на то, чем владел некогда Хьюи Маклеллан и что прокутил. Однако Сэм ограничился лаконичным «ладно» и продолжал есть. Нельзя, чтобы Кэрри почувствовала, как он обрадовался, а то еще передумает.

Она засыпала кофе в кофейник и залила кипятком.

— Сделать еще тостов?

— Было бы чудесно.

Она подсушила еще пару ломтиков хлеба, налила ему кофе, снова наполнила свою чашку и села. Сэм надеялся, что они проведут несколько приятных минут наедине, но, конечно, возникла Люси. Она сбежала по лестнице и ворвалась в кухню.

— Кэрри, миссис Снид говорит, что собирает белье в стирку. Тебе надо что-нибудь постирать? Доброе утро, Сэм. Как прогулка?

— Отлично.

— А когда вы ушли?

— Около восьми. Еще затемно. И мы видели, как восходит солнце.

— Ой, как здорово. Жаль, что вы меня с собой не взяли. Я еще никогда не видела настоящий рассвет. Наверное, это красиво, и снег сверкает на поле для гольфа! Как в Швейцарии или еще где-нибудь!

— Мыс Сэмом едем за елкой в Корридэйл. Хочешь поехать с нами?

— Ой, — Люси сделала жалобную гримаску, — мне очень бы хотелось, но я уже пообещала миссис Снид, что помогу ей. Так что — нет. А мне так *хочется* поехать и взглянуть на Корридэйл!

Сэм, в порыве благодарности за то, что она отказалась, пообещал:

— Я как-нибудь отвезу тебя туда специально.

— Правда? Вы обещаете? Оскар говорит, что это самое замечательное место в мире. И что его бабушка выращивала там самые прекрасные в мире азалии всевозможных оттенков. И что сад спускается к озеру и он там плавал на лодке.

Сверху донесся голос миссис Снид:

— *Люси!* Так что там насчет белья? Я хочу собрать все.

— Надо поторопиться, Люси, а то нам достанется, — сказала Кэрри, и они ушли.

А Сэм в одиночестве пил кофе. Он был доволен, как мальчишка, которому пообещали чего-нибудь сладенького.

План, начерченный Оскаром, изображал сплетение дорог и аллей с вкраплениями рощ, а также длинный кусок побережья. В подробностях были прорисованы коттеджи служащих и прочие постройки на территории Корридэйла, отмеченные как «Дом Билликлифа», «Дом Розы Миллер», «Дом егеря», «Приусадебная ферма». Последним у ограды сада был обозначен «Дом садовника», то есть Чарли Миллера, и немного поодаль — «Сарай А», где обычно стоял трактор. А рядом с дорогой, идущей параллельно побережью, Оскар нарисовал величественный Корридэйл-

холл, окруженный хорошо распланированными садами. Пологими террасами сады спускались к лугам у самой кромки залива.

План напомнил Сэму рисунки в книжке о Винни-Пухе, но Кэрри заявила, что этот план — настоящее произведение искусства и его надо вставить в рамку.

Дорога, по которой ехали Сэм и Кэрри, привела их в незнакомую местность. Не доезжая до моста, ведущего в Кингсферри, они свернули направо и поехали в западном направлении по старой дороге, извивающейся между фермами и то ныряющей вниз, то снова взлетающей на холм, а то бегущей, как в тоннеле, по березовым аллеям. Деревья стояли голые и напоминали скелеты. Все было покрыто пышным слоем снега, но утро сдержало свое обещание и небо осталось безоблачным, а воздух сверкал и искрился от морозной пыли. Движение на дороге интенсивностью не отличалось, прохожие тоже встречались редко. По жнивью подпрыгивал трактор, везущий сено для овец. Во дворе дома женщина развешивала на веревке белье, которое сразу затвердевало в недвижном морозном воздухе. Вверх по разбитой деревенской дороге полз красный почтовый автомобиль.

Слева простиралось большое озеро, образованное приливом и проникающее вглубь берега на пятнадцать, а то и больше, миль. Сейчас прилив наполовину спал, и вода казалась голубой, как летом. На дальнем берегу небо подпирали широкие, массивные холмы, все ослепительно белые, если не считать крутого темного утеса и каменных россыпей, стремительно, наподобие водопадов, сбегавших по склонам.

— Какое все огромное, правда? — сказала Кэрри. — Даже небо здесь кажется вдвое выше и шире, чем в других местах. — Она была одета в теплую черную куртку с капюшоном и меховую шапку. Кэрри надела также темные очки, чтобы защитить глаза от яркого солнечного света. — Наверное, потому что воздух чистый — ни тумана, ни пыли. А вы знаете, что в это соленое озеро, образованное морем, впадают пять шотландских рек, которые славятся самой лучшей породой лососей?

— Кто это вам сказал?

— Оскар.

— Он, наверное, мальчишкой здесь рыбачил.

— Повезло ему.

Кэрри пристально разглядывала план, начерченный Оскаром.

— Наверное, мы уже скоро приедем на место. Сначала будет стена, а потом, через четверть мили, главные ворота.

И вот внезапно слева показалась стена. За ней можно было разглядеть

высокие деревья, посаженные в определенном порядке. С обеих сторон главных ворот возвышались, как башни, две веллингтонии. Из трубы маленького дома клубился дым, в небольшом саду на веревке висело белье, на ступеньках крыльца валялся забытый пластмассовый игрушечный трактор.

Они прочли на вывеске: «Гостиница Корридэйл».

— Вот мы и прибыли, — сказала Кэрри.

Сэм проехал в ворота. Подъездная дорога пролегала между огромными дубами и вся была изрезана следами шин. На снегу лежали синие тени от деревьев. Примерно через четверть мили дорога сделала зигзаг, и они увидели деревянный щит со стрелкой, указующей направо: «Для постояльцев гостиницы». Эта часть дороги была покрыта нетронутым, девственно чистым снегом. Впереди был еще указатель: «Ферма и лесопилка», и они поехали туда. Кэрри углубилась в план.

— Скоро будет еще развилка, мы поедем налево и там увидим дом Билликлифа.

— А кто такой Билликлиф?

— Когда-то он служил здесь управляющим. Оскару и Элфриде пришлось заезжать к нему за *их* ключом от Усадьбы. Элфрида рассказывала, что он старый зануда и дом у него запущен, поэтому они вели себя с ним при первой встрече не очень любезно. А потом он вдруг тяжело заболел, и Оскару пришлось везти его в больницу. Там он сейчас и находится. Вот развилка, здесь нам надо повернуть налево.

Следов от машин было много, и вскоре в отдалении от проезжей части показался первый коттедж.

— Вот тут живет майор Билликлиф.

Сэм, заинтересовавшись, сбавил скорость. Небольшой каменный дом, основательный, с крытым крыльцом и двумя окнами в мезонине. От калитки к входной двери вела короткая дорожка, на которой стоял, ржавея, печальный и заброшенный старенький «воксхолл», уже покрывшийся слоем снега дюймов в десять. Темные окна дома были плотно закрыты занавесками, из трубы не поднимался дым.

— Какое мрачное жилище, — заметила Кэрри.

— Все кажется мрачным, когда нет следов жизни.

Они медленно продвигались вперед, давя колесами льдинки. Дорога словно запнулась, а потом самым очаровательным образом неожиданно повернула. Опять поворот, и перед ними оказался коттедж Розы Миллер, совсем не похожий на дом майора Билликлифа: ухоженный, приветливый, с тюлевыми шторами в окнах и жизнерадостно кудахтающими курами,

которые деловито сновали по маленькому дворику. Роза топила печь, и в воздухе пахло торфяным дымком.

Сэм и Кэрри медленно проехали мимо фермы и заднего двора, откуда тянуло здоровым навозным духом, мимо пастбища с овцами, а затем мимо еще одного коттеджа, где жил егерь. Там из-за дома вдруг выскочили, самозабвенно лая, два спаниэля.

— Хорошо, что мы не взяли с собой Горацио, — сказала Кэрри, — а то бы у него случился разрыв сердца.

Снова открылся вид на море и поля, сбегающие вниз, к водам залива. Деревья стали гуще, показался еще один коттедж, затем северная сторона стены, огораживающей сад, и красивый каменный дом, к которому вели железные кованые ворота. Позади виднелся большой деревянный сарай, предназначенный для трактора. Двери сарая были широко распахнуты, а рядом стоял забрызганный грязью «лендровер». Сэм подъехал поближе, и они вылезли из машины. Одновременно из сарая появился молодой человек со старой собакой — Лабрадором желтоватой масти. Молодой человек был облачен в рабочую куртку, на ногах — резиновые сапоги. Перед носом торчала антенна рации.

— Чарли Миллер?

— Он самый. Эй, Брэнди, не прыгай на леди. Глупая невоспитанная старуха. Не умеешь вести себя прилично.

— Ничего страшного, — улыбнулась Кэрри.

— Ну да, следы грязных лап на куртке вам вряд ли понравятся. — И Чарли обратился к Сэму: — Вы будете Сэм Ховард?

— Да, а это Кэрри Саттон.

— Приятно познакомиться.

Чарли и Кэрри обменялись рукопожатием.

— Оскар мне уже звонил. Вы приехали за елкой. Она в сарае, идите за мной.

В сарае громоздились штабеля деревянных поддонов для картошки, куча распиленных бревен, несколько ящиков для фруктов, сетчатые мешки с турнепсом. Здесь приятно пахло землей, опилками и машинным маслом. Елка стояла, прислоненная к старому трактору.

— Оскар сказал, что дерево должно быть не выше шести футов, так что я выбрал вот эту. Она хорошей формы и все ветки целые.

— Прекрасная елка.

— По два фунта за фут. Всего двенадцать. У вас есть для нее подставка?

— Вот не знаю. Оскар ничего не сказал.

— Могу предложить вот эту, — и Чарли вытащил из угла грубую деревянную крестовину, сбитую большими железными гвоздями. — Их делает один подросток, фермерский сын, и продает по два с половиной фунта за штуку.

Сэм недоверчиво оглядел крестовину.

— А она выдержит?

— Да-да, все будет в порядке.

— Ладно.

Чарли поставил крестовину рядом с елкой.

— Итого вы должны четырнадцать с половиной. — Чарли был явно не из стеснительных продавцов.

Сэм порылся в кошельке, вытащил пятнадцать фунтов.

— Пусть фермерский сын сдачу оставит себе. Он заслужил ее своей предприимчивостью.

— Я ему передам. — Банкноты перекочевали в карман Чарли. — Погрузить вам елку?

— Это было бы очень любезно с вашей стороны. Я откину заднее сиденье, так что места хватит.

— Без проблем.

Тут голос подала Кэрри:

— Чарли, как вы думаете, нам можно здесь погулять? Мы еще никогда не бывали в Корридэйле, и хотелось бы осмотреть парк и дом тоже…

— Гостиница закрыта, а в парке можете гулять сколько угодно. Правда, сейчас там смотреть особенно не на что.

— Неважно. Где лучше пройти?

— Вернитесь обратно и у дома майора Билликлифа поверните налево. По той дороге пройдете в парк и к особняку. Там есть тропинка между деревьями, она идет к самой воде, а потом опять сюда подниметесь, вдоль берега. Пока вы гуляете, я упакую елку и погружу ее в машину. Если меня не будет, когда вы вернетесь, значит, я ушел обедать.

— Спасибо.

— Хорошей прогулки.

И они отправились гулять, скользя по обледенелым дорожкам, вдыхая морозный, сладкий, как охлажденное вино, воздух, а солнце пригревало им спину и с верхних веток к ногам падал подтаявший снег. На фоне сияющего голубого неба голые ветки деревьев походили на черное кружево. Сэм и Кэрри прошли мимо фермы и домика егеря, мимо калитки в сад у восхитительного коттеджа Розы Миллер.

— В таком месте, — сказала Кэрри, — можно остаться навсегда.

Дойдя до пустого дома майора Билликлифа, они сошли с большой дороги и повернули на тропинку, ведущую к особняку. Идти было трудно, глубокий снег лежал здесь нетронутой целиной.

— Какое, должно быть, это было богатое имение, с коттеджами, фермой, садом и всем прочим, — заметила Кэрри. — Интересно, откуда у его первых хозяев были деньги на все это?

— Наверное, они разбогатели за счет промышленного производства. Кораблестроения, сталеплавильных заводов и так далее. Или заработали на торговых связях с Востоком. Морские перевозки, чай, тиковое дерево… Не знаю. Надо будет расспросить Оскара.

— Но у самого Оскара, по-видимому, нет *ничего.*

— Да, похоже.

— Что же случилось? Куда все подевалось? Я имею в виду деньги?

— То, что случается повсеместно и всегда. Старики умерли, налоги на наследство были чрезвычайно высоки. Прожиточный уровень сильно вырос. А после войны вообще все изменилось, начался постепенный упадок. К тому же, наследниками нередко становились люди вроде Хьюи Маклеллана. Он промотал остаток капитала и вынужден был продать имение. На юге Англии все эти угодья разделили бы на крошечные участки и понастроили миленьких домиков, а здесь хотя бы дом почти сохранил первоначальный вид.

— А почему его не унаследовал Оскар? Из него вышел бы замечательный хозяин.

— Видимо, Хьюи был сыном старшего брата. Жаль, что все досталось ему.

— Но как это несправедливо, правда?

— Кэрри, жизнь вообще несправедлива.

— Мне жалко Оскара. Он заслуживает лучшей доли. И он, и Элфрида. Они заслужили право иметь собственное жилье и должны жить вместе спокойно, зная, что им не придется его покинуть. Хотела бы я быть богатой. Я бы о них позаботилась. Купила бы им дом по вкусу и устроила бы их там навсегда. Элфрида так надеялась на свою картину. Она была уверена, что владеет настоящим маленьким сокровищем, которое поможет им существовать безбедно и спокойно. Больно было смотреть, как она расстроилась и упала духом. Мне даже стало неловко.

— И мне тоже, — подтвердил Сэм.

— Но для вас это к лучшему.

— Почему же?

— Потому что теперь Оскар будет вынужден продать вам свою

половину Усадьбы, и вы получите то, за чем приехали.

— Вы считаете меня таким чудовищем?

— Я вас почти не знаю. Не представляю, что вы об этом думаете.

На это Сэм не стал отвечать. Ни к чему подчеркивать разницу во мнениях и провоцировать размолвку в самом начале прогулки. Вместо этого он спросил:

— Как вы думаете, они больше не расстанутся?

— Мне об этом известно столько же, сколько вам. Думаю, что они будут жить вместе. Ни у нее, ни у него больше никого нет. Но вот где они будут жить?!

— Где живут. Если Оскар не захочет продавать свою половину, то Хьюи не сможет продать свою.

— А вы что будете делать?

— Поищу другое жилье.

— В Бакли?

— Не знаю. Пока я был там лишь однажды и не наводил справок насчет домов, выставленных на продажу.

Кэрри немного помолчала. Она шла быстрым шагом. Ее длинные ноги споро месили снег. По левую руку от них заснеженные поля плавно спускались к озеру, справа тянулась к небу небольшая роща старых-престарых берез, между массивными стволами которых можно было видеть отпечатки следов кроликов и птиц. Над головой кричали грачи, а с пустого берега доносилось кряканье диких уток.

— Мне хотелось бы посмотреть вашу фабрику, — вдруг сказала Кэрри.

Сэму и в голову не приходило, что у нее может появиться интерес к фабрике, пусть самый поверхностный. Он с изумлением переспросил:

— Неужели?

— Вы как будто мне не верите.

— Просто там сейчас практически нечего смотреть. Огромное, пустое, сырое пространство, несколько красильных чанов и машин, которые удалось спасти.

— Но вы говорили, что здание сохранилось и само по себе представляет интерес. У вас есть ключ?

Спрашивала она серьезно, и он так же серьезно ответил:

— Конечно.

— Значит, можно как-нибудь его посмотреть?

— Если желаете.

— Я люблю смотреть на старинные здания и дома. Представляю,

каким все было раньше, и пытаюсь вообразить, каким может стать. Наверное, вы переживаете из-за всего этого, ведь на вас возложена большая ответственность. Думаете, как все опять наладить.

Сэм задумался над тем, что ему предстоит. Да, он поставил перед собой почти неразрешимую задачу.

— Меня это и правда беспокоит. И в то же время — цель захватывающая. Конечно, я то и дело отчаиваюсь, злюсь, даже впадаю в агрессию, но трудности подстегивают энергию, особенно если есть люди, которые верят, что дело тебе по плечу. В Бакли есть надежный человек, Фергюс Скиннер, и он мне помогает. Я ему очень доверяю.

— Да уж, далековато вас забросило из Нью-Йорка.

— Будь я моложе, я бы, видимо, не взялся за это дело. Но мне тридцать восемь. Настало время начать сначала, а ничто не приносит такого удовлетворения, как начинать с нуля, но уже обладая опытом и знаниями.

— Но вам придется перейти на более низкий уровень.

— Да, в каком-то смысле это так. Однако, видите ли, я с детства наблюдал ткацкое дело, производство шерстяных тканей, и в глубине души крепко верю, что ничего нет красивее, удобнее и совершеннее, чем хорошо сшитый пиджак из твида. Пусть меня в нем забросают камнями, но вечером пиджак будет выглядеть как надо, и в нем не стыдно будет явиться на ужин. Мне нравится запах твида, я люблю трогать его, чувствовать на ощупь. Люблю шум хорошо пригнанных чесальных колес, стук станков, огромные бобины, на которые наматывается шерстяная пряжа. И люблю тех, кто работает на этих машинах, у кого навыки прядения, ткачества и красильного дела уже в крови двух-трех поколений. Так что я занимаюсь своим делом.

— Мне кажется, вы счастливый человек.

— Потому что делаю любимое дело?

— Не только поэтому. — Кэрри замолчала и посмотрела в небо на высоко летящего ястреба. — Потому что вы здесь будете жить. В этом огромном, чистом, неиспорченном мире. — Она снова пошла по тропинке. — Только подумать, вы сможете играть в гольф, стрелять фазанов и куропаток, ловить лосося. А вы рыбачите?

— Да. Мальчишкой в Йоркшире я ходил на рыбалку с отцом. Но ловил форель, а не лосося. И я не слишком люблю стрелять.

— Я тоже. Эти милые дикие птицы! Жалко смотреть, как они падают, подстреленные, на землю. А потом их подают на обед в ресторане «Савой», и они такие маленькие, не больше канареек.

Впереди показался парк, обнесенный причудливой кованой решеткой.

Тропинка привела их к железным воротам, по обеим сторонам которых на постаментах лежали каменные львы со щитами в лапах.

Сэм и Кэрри подошли к воротам и остановились, глядя сквозь узорчатое железное плетение решетки на парк: на лужайки, постепенно, террасами, поднимающиеся к центру, и на сам Корридэйл. Это был особняк, построенный в викторианском стиле, с фронтонами и башенками из красного кирпича, частично скрытого зарослями виргинского плюща. Особняк был просторный и, пожалуй, чуть-чуть претенциозный, но привлекательный на вид и наводивший на мысль о преуспеянии и устойчивости бытия. На всех окнах были спущены занавески, но они выходили на южную сторону, и поэтому стеклянные рамы сияли отраженным солнечным светом. С краю, на верхней террасе, стоял флагшток, но флага, конечно, не было.

— Красивый вид, — сказала Кэрри. — Как хорошо жилось здесь когда-то Оскару.

— А вы хотели бы здесь жить?

— Вы имеете в виду этот дом? Этот парк?

— Нет, я имею в виду *окрестности.* Криган, например. Сазерленд.

— Я работаю. В Лондоне. И должна зарабатывать себе на жизнь.

— А, предположим, такой необходимости не стало бы? Вы бы согласились? Смогли бы похоронить себя в такой глуши?

— Не знаю. Так сразу не ответишь. Надо взвесить все «за» и «против». Чтобы оставить Лондон, мне надо быть свободной. Не иметь никаких обязательств. Ни за кого не отвечать.

— А разве вы не свободны?

— У меня есть Люси.

— *Люси?*

— Да, Люси.

Кэрри отодвинула засов, и дверца в воротах открылась. За ней начиналась довольно широкая дорожка. Прямая, как стрела, она пересекала парк, устремляясь к отдаленной березовой роще. Посередине дорожки, рядом со ступеньками, бегущими вверх по отлогому склону к дому, стояли каменные солнечные часы и резная деревянная скамья. Другой марш ступенек спускался, наоборот, вниз, к цветнику, осененному рододендронами и азалиями. Цветник, начинавшийся от каменной статуи какой-то мифологической богини, весь состоял из кругов, эллипсов и волнистых линий внутри большой окружности. Сейчас он был засыпан снегом, и контуры клумб лишь угадывались, словно рука художника нанесла углем несколько штрихов на белый лист бумаги.

— Именно из-за Люси я решила работать в Лондоне. Рядом с ней должен быть кто-то, на кого она могла бы рассчитывать. Кто-то, способный иногда извлечь ее из скучного, душного, целиком женского окружения, в котором, в силу обстоятельств, ей приходится жить. У нее нет шансов вырваться из него. И я должна сделать все, чтобы предоставить ей этот шанс.

Сэм обдумал ее слова. Потом осторожно возразил:

— Но, мне кажется, она производит впечатление счастливой.

— Да, потому что она *действительно* счастлива здесь. С Элфридой, Оскаром. И, конечно, с Рори Кеннеди. Поэтому возвращение в Лондон будет для нее настоящим ударом.

Сэму не понравилась такая роль незамужней «тетушки Кэрри». Она была слишком молода и слишком красива, чтобы посвящать свою жизнь только заботам о племяннице.

— Да все с ней будет в порядке, — сказал он, — она достаточно гибка, чтобы противостоять любому давлению. И постепенно найдет выход из положения.

— Нет, — Кэрри была тверда, как алмаз, — вы не знакомы с ее эгоисткой матерью. Тут ничего нельзя знать заранее.

— Так как же вы собираетесь помочь Люси?

— Вот этого я пока и не знаю. Главное, надо быть с ней рядом, на расстоянии телефонного звонка. Недалеко. Возможно, на Пасху я снова ее увезу. В Корнуолл, например, погостить у Джеффри. В конце концов, он же ей дедушка. И, может, мы поедем кататься на лыжах. Его дети уже достаточно для этого взрослые. Джеффри поставил меня на лыжи, когда мне еще девяти не исполнилось, и с тех пор они стали моей страстью.

— И вы снова поедете в Обербейрен?

— Нет! — резко выпалила Кэрри, — не в Обербейрен. Куда-нибудь в другое место. В Арозу или Гриндельвальд, или Валь'д'Изер.

— Вы можете слетать в Штаты, в Колорадо или Вермонт. Хотя это гораздо дальше, но обойдется дешевле.

— Вермонт. — Кэрри, сунув руки в карманы куртки, неспешно шагала рядом с Сэмом. — А вы сами катались в Вермонте?

— Да, несколько раз. Мы обычно ездили туда на выходные.

— «Мы», — повторила Кэрри, — то есть вы и ваша жена, вы хотите сказать?

Вот оно. Точка, вокруг которой они все время кружили. Настал момент истины. Теперь ему не отвертеться.

— Да, с моей женой. Вы знаете, что я женат?

— Да, знаю, — безмятежно ответила Кэрри.

Они шли нога в ногу, словно ничего не произошло и ничего не было сказано.

— Вам сказала Элфрида?

— Да, разумеется. А вы считаете, что она не должна была говорить?

— Почему же? Я знал, что она скажет. Мы с женой разъехались.

— Она мне и об этом рассказала.

— Вам нужны некрасивые подробности?

— Да нет.

— А мне кажется, подробности важны.

— Для вас, но не для меня.

— Скорее, для понимания того, что произошло.

— Понимания? Вы так скверно себя вели?

— И да, и нет. Я не заводил интрижек с другими женщинами, но я очень много работал, часто отсутствовал дома и уделял мало внимания жене.

— Как ее зовут?

— Дебора. Дебби. Я тогда работал в Нью-Йорке. И с одним своим приятелем поехал на выходные в Истхэмтон. Нас пригласили на вечеринку, где мы с ней и познакомились. У ее дедушки была огромная богатая усадьба: замечательные угодья, лошади, конюшни, бассейн и все такое. Нас и поженили в Истхэмтоне на лужайке перед домом дедушки. Было семьсот человек гостей, десять подружек невесты, десять шаферов, все в черно-белом, как пингвины. Дебора была потрясающе красива, а я чувствовал себя таким счастливым, что и не думал сопротивляться мощному течению, которое не мог контролировать. А затем мы купили себе квартиру на Семидесятой улице и роскошно ее отделали, невзирая на затраты. Некоторое время эти хлопоты занимали Дебору, и она была счастлива, но когда все было устроено и дизайнер, наконец, отчалил, она стала беспокоиться и нервничать. Мне все время приходилось колесить по Штатам. Иногда во время моих отлучек она возвращалась в Истхэмтон. Или же веселилась напропалую.

— А дети?

— Нет, она не хотела возиться с детьми. Во всяком случае, сразу. Может быть, когда-нибудь, обещала она, но не так скоро. Так оно и шло, но прошлым летом она снова встретилась с тем парнем… Они познакомились, еще когда учились в колледже. Ко времени их второй встречи он уже дважды успел жениться и развестись. И тоже оказался в Нью-Йорке. Богатый, лощеный, не очень умный. Развратный, словно мартовский кот. И

у них началось то, что в наши дни вежливо называется «отношениями». Я ни о чем не догадывался, пока она сама не сказала, что уходит от меня, так как решила жить с ним. Я был уничтожен, сокрушен. Не только потому, что потерял ее, но еще и из-за того, что она польстилась на такое дерьмо.

— Вы развелись?

— Пока нет. Я все откладывал это. Да и времени практически не было. Через полтора месяца после ее ухода мне позвонил президент компании, Дэвид Суинфилд, и попросил вернуться в Лондон. У меня появилось дело, которое отвлекло мои мысли. Но я не сомневаюсь, что рано или поздно получу письмо от адвоката Деборы и дело закрутится.

— Она потребует больших алиментов?

— Не знаю. Все зависит от адвоката. Не думаю. Не такой она человек. К тому же этот тип очень богат, да и у самой Деборы тоже есть деньги. Возможно, из-за этого у нас и возникли проблемы.

— Вы еще любите ее?

— О, Кэрри…

— Да, понимаю. Но вы чувствуете ответственность за нее. Вы боитесь, что ее ранят, унизят, бросят. Вы все еще чувствуете потребность ее защищать.

Он помолчал, потом согласился:

— Да, пожалуй.

— А если бы она захотела… поманила бы вас, потребовала, наконец… вы бы вернулись?

Он задумался.

— Нет.

— Почему же нет?

— Потому что моя жизнь пошла по другому пути. Потому что Дебора — часть моего прошлого. Я теперь здесь. Здесь я и останусь, ведь у меня здесь есть дело.

— Но она все еще ваша жена.

— И что это должно означать?

— А то, что если вы с кем-либо состояли в браке, этот человек становится частью вас самого. Вы никогда не сможете освободиться от него окончательно. Всегда будете принадлежать прошлому в образе этого человека.

Кэрри сказала это с такой горечью, что Сэм сразу понял: надо лишь слегка нажать на закрытую дверь, и она, наконец, со скрипом, но откроется.

И он повернулся к ней лицом:

— Кэрри.

Она рванулась вперед, но он бросился за ней, схватил ее за руку и рывком повернул к себе. На него взглянули черные круги очков. Он снял их и с ужасом увидел, что ее глаза полны слез.

— Кэрри. Расскажите мне все.

— Зачем? — она сердито сморгнула слезы. — Почему я должна вам все рассказывать?

— Потому что я честно рассказал вам о себе.

— А я с вами на этот счет сделку не заключала. Вас мои дела не касаются, и я не хочу о них говорить. Да вы и не поймете.

— Но я могу попытаться. И думаю, что сумею вас понять. Я сам пережил много тяжелого. И самое ужасное, что все знали о происходящем, за исключением меня. Я жил одним днем, и каждый день словно жернова таскал, а все без толку. Все старался примириться с крахом и отверженностью.

— Но меня никто не отвергал! — крикнула Кэрри. Ее лицо искривилось, как у плачущего ребенка, и она залилась слезами. В ярости на самое себя, она оттолкнула Сэма, пытаясь вырваться, но он держал ее за плечи и не отпускал, словно боясь, что если он разожмет руки, она тут же развалится на куски. — Меня никто не отвергал. Меня любили. Мы любили друг друга и хотели только одного — быть вместе. Но слишком велики были препятствия. Слишком многое от нас требовалось, слишком много обязательств и традиций мы нарушали. Его карьера, семья, жена, дети, религия, деньги — все было против нас. Я была только любовницей. Я ютилась на задворках его жизни. У меня не было шансов. Никогда. И самое отвратительное, что я всегда это *знала*. Я ненавидела себя за то, что не желаю смотреть правде в лицо, что зарываю голову в песок, как глупый страус. Притворяюсь, что все как-нибудь да устроится. А сейчас мне уже тридцать. Я думала, что и с этим справлюсь. Но когда Андреас покинул меня, я сломалась. Так что, Сэм, вы теперь все знаете и можете перестать выпытывать у меня, кто я и что я. И, возможно, вы усвоите тот факт, что женатые мужчины меня не слишком-то интересуют. А если вы сейчас начнете мне сочувствовать или жалеть меня, то я закричу.

Он хотел было возразить, но она рывком вывернулась из его объятий и пустилась бежать, спотыкаясь, едва не падая, но все продолжая бежать. Он рванулся вперед и снова схватил ее.

— О, Кэрри, — только и сказал он, и она уже больше не сопротивлялась. Наверное, она очень устала и к тому же задыхалась от неудержимых слез. Он ее обнял, и она прижалась к нему, а плечи ее все вздрагивали, и она плакала, уткнувшись лицом в его куртку.

Вот так держать ее в своих объятиях — об этом он мечтал весь день. Кэрри была такая хрупкая, невесомая. Сэм был убежден, что сквозь все слои одежды он чувствует, как бьется ее сердце. Ее меховая шапка щекотала ему щеку, а от кожи пахло свежо и сладко.

— О, Кэрри!

Ему было совестно, что он чувствует такое восхищение, тогда как она страдает, ощущая себя бесконечно одинокой и несчастной.

— Все наладится, — сказал он, пытаясь ее успокоить.

— *Никогда* и ничего не наладится.

Голос ее стал холоден и тверд, и он вдруг понял, как бессмысленно произносить дежурные банальные утешения. Стоя в снегу и обнимая Кэрри, Сэм вдруг понял в смятении, что не знает, как себя вести, а это было ему несвойственно. Обычно интуиция его не подводила. Внутренний голос всегда подсказывал, как действовать в той или иной ситуации, особенно если это касалось чувств. Но сейчас он совершенно растерялся, вдруг осознав, что беспомощен, совершенно беспомощен. Кэрри красива, интеллигентна и желанна, но она — сложная натура. И, наверное, поэтому она по-прежнему загадка для него. Понять ее по-настоящему будет непросто, на это потребуется много времени и терпения.

И он принял это условие, хотя повторил:

— Все наладится.

— Откуда вам знать!

Он не стал больше спорить, но поверил в свои силы и возможность ее переубедить. Немного погодя ее рыдания утихли. Она как будто пыталась взять себя в руки. Бережно отстранив Кэрри от себя, Сэм смотрел, как она вытирает рукавицей слезы со щек. А потом сказал:

— Простите меня.

— За что?

— Простите, я этого не хотел, не предвидел. Я не хотел вас так расстраивать. Мне просто хотелось выйти из дому, выбрать елку и прогуляться. Никаких других намерений у меня не было. А вышло все так неудачно.

— Вы не виноваты. Просто получилось так глупо…

— Я рассказал вам о Деборе, потому что мне надо было выговориться. И сердить вас я вовсе не хотел.

— Знаю. Давайте забудем об этом. Притворимся, что ничего не было. И выполним намеченную на сегодня программу.

— Но мы поговорили. А это всегда приносит пользу. Я думал, что у нас такого разговора никогда не получится.

— Какой от разговора толк?

— Он позволяет многое понять.

— Не думаю, что мне это требуется — быть понятой. Я просто хочу, чтобы меня не трогали. Может быть, сейчас мне только это и нужно. Чувствовать себя независимой. Никому не принадлежать.

«Ну, не будьте в этом так уж уверены», — сказал Сэм, но он сказал это про себя.

25
ЛЮСИ

Сегодня утром Кэрри и Сэм купили рождественскую елку. А мы с миссис Снид сделали генеральную уборку в столовой. Там было столько пыли и хлама! На двери мы повесили табличку «Не беспокоить», чтобы никто не входил. Миссис Снид зажгла газету в камине, надо было убедиться, что дымоход не забит галочьими гнездами; весь дым ушел вверх, и миссис Снид сказала, что дымоход свободен, поэтому мы сможем разжечь огонь и у комнаты сразу будет другой вид. Разбирая два больших картонных ящика, набитых скомканными газетами, мы обнаружили там несколько серебряных подсвечников, четыре из них очень красивые, хотя жутко закопченные. Мы собрали весь хлам и отнесли его в старую контору. Толстые гобеленовые занавеси совсем пропылились. Но мы нашли стремянку, сняли их, отнесли в сад и вытрясли, а потом снова повесили. Я вымыла окна, а миссис Снид вычистила каминные изразцы; мы передвинули стол, и миссис Снид все пропылесосила. Потом мы натерли политурой мебель, расстелили газеты и вычистили подсвечники. На это ушла уйма времени, потому что они сплошь покрыты резьбой и узорами. Пока я ходила покупать свечи (высокие, кремовые, немного похожие на церковные), миссис Снид поднялась наверх посмотреть, нет ли в бельевом шкафу скатертей. Там их не оказалось, но миссис Снид нашла полотняную простыню, которая вполне может сойти за скатерть, а под нее мы постелили толстое одеяло, чтобы не испортить стол. Больше мы ничего не успели, потому что миссис Снид надо было идти домой кормить Артура обедом. Но с подсвечниками, с камином, где мы все приготовили, чтобы развести огонь, столовая выглядит потрясающе.

Я хотела, чтобы никто ничего не знал, чтобы это

было сюрпризом, но еще до обеда Кэрри и Сэм вернулись домой с елкой, и разгорелся спор, куда ее поставить. Думали, в гостиную, но в субботу у Элфриды вечеринка, будет масса народу, а елка заняла бы очень много места. Оскар предложил поставить елку на лестничной площадке, но там должен стоять стол с напитками. Вот мне и пришлось пустить всех в столовую. Они вошли и остолбенели — так было здорово. В комнате стоял запах свежей политуры, и, как сказала Элфрида, она не подозревала, что столовая может выглядеть так празднично. Все решили, что, конечно, это самое подходящее место. Сэм принес елку и установил ее на подставку, которую он тоже купил. Элфрида сняла с кровати свою красную шаль и задрапировала подставку, прикрыв неструганые доски и гвозди. Получилось очень красиво. Мне нравится, как пахнет елка — прямо как хвойный экстракт для ванны.

После обеда Оскар собрал все украшения, которые мы купили, и мы повесили их на елку, а Сэм на самую верхушку надел звезду. Элфрида принесла целый моток красивой клетчатой ленты, она ее купила, чтобы перевязывать рождественские подарки, но решила, что для этой цели сойдет тесьма. Мы нарезали эту ленту, завязали красивыми бантами и повесили их на елку; с мишурой и зажженными лампочками зрелище получается — супер! По-моему, это самая нарядная елка, какую мне приходилось видеть.

Кэрри сказала, что Корридэйл очень симпатичное место и что как-нибудь мне надо туда съездить. Везде, говорит, снег и солнце, и голубые тени, и сад тянется прямо от дома до самой воды, и множество огромных старых деревьев. Вообще-то, мне хотелось поехать с ними за елкой, но надо было убирать в столовой, пока миссис Снид не ушла, ведь она так мне помогла.

Завтра будем готовиться к вечеринке. Элфрида позвонила миссис Кеннеди, чтобы занять у нее стаканы, потому что у нас их недостаточно. Кэрри должна позаботиться о продуктах. Сегодня после обеда, когда кончили украшать елку, мы вместе сходили в булочную и

заказали пирожки с мясом и большой пирог с заварным кремом, и еще пиццу, и копченого лосося, чтобы сделать канапе с черным хлебом. Вечеринка начнется в шесть, и миссис Снид с Артуром собираются прийти помочь. Я и не представляла, что нужно так много всего сделать. Может быть, поэтому мама и бабушка никогда не устраивают вечеринок.

Конечно, пригласили Рори и Клодэг. Я надену новую черную мини-юбку, черные колготки и белый свитер. Хочу зачесать волосы наверх и собрать в узел, чтобы были видны сережки.

26
ЭЛФРИДА

В середине зимы в этой холодной северной стороне светало поздно. Просыпаясь, Элфрида открывала глаза в полнейшей темноте и не сразу могла сообразить, который час. Она осторожно нащупывала часы, скосив глаза, вглядывалась в светящийся циферблат, и если это было два часа ночи, она, случалось, выбиралась из постели, надевала халат и шла в ванную. Иногда было пять утра. Или восемь — время вставать, и все равно никакого просвета в небе, черно, как в полночь.

Этим утром она протянула руку, дотянулась до часов — была половина восьмого. Рядом с ней спал Оскар. Она тихо, чтобы не потревожить его, выбралась из постели, надела теплый халат, сунула ноги в тапочки и подошла закрыть окно. Снова шел снег, не густой, но тяжелый, слякотный; ветер гнал с моря крупные, влажные снежинки. Они кружились вокруг церкви, неслись меж черных ветвей кладбищенских деревьев, свет уличных фонарей окрашивал их в золото. Зрелище было настолько эффектное, что Элфриде захотелось, чтобы кто-то еще полюбовался этим золотым снегопадом. Оскар будет недоволен, если его разбудить, поэтому она не стала его трогать и спустилась на кухню, где вскипятила чайник и заварила чай. Поднявшись в гостиную, раздернула занавеси и поставила на столик у окна две кружки. Потом пошла в мансарду будить Люси.

Люси спала, как младенец — ладошка под щекой, длинные волосы обвились вокруг шеи. Кровать ее стояла под окном, уходившим под самую крышу. Занавески не были задернуты, стекло сплошь залепил мокрый снег. Элфрида включила лампочку возле кровати.

— Люси!

Люси пошевелилась, потом повернулась, зевнула и открыла глаза.

— Люси…

— Ум-м-м…

— Ты проснулась?

— Теперь да.

— Вставай. Хочу тебе кое-что показать. И я приготовила чай.

— Который час?

— Без четверти восемь.

Люси, сонная, села, потерла глаза.

— Я думала, сейчас ночь.

— Нет, утро. И такое прекрасное. Все еще спят, но я хочу кое-что тебе показать.

Все еще в полусне, Люси встала, закуталась в верблюжий халат.

— Холодно, — сказала она.

— Это ветер. И опять идет снег.

Они спустились по лестнице. В доме стояла тишина. Гостиная была полна света, который лился снаружи.

— Посмотри! — Элфрида перешла комнату и устроилась на кушетке под окном. — Какое изумительное зрелище! Я просто не могла не показать тебе. Боялась, что снег прекратится и ты этого не увидишь. Но все так, как было, когда я проснулась.

Люси села возле нее и теперь уже не отводила от окна глаз. Немного погодя она сказала:

— Как в стеклянных шариках, у меня были такие. Внутри у них была вода и маленькая церковь, а если потрясешь, то начинал падать снег.

— И я тоже вспомнила такие шарики. Но эти хлопья золотые, потому что светят фонари. Они как золотые лепестки.

— Такие картинки рисуют на рождественских открытках, — сказала Люси, — только кажется, что на самом деле так никогда не бывает.

— А какие чистые улицы! Ни одного следа, ни человеческого, ни от машины. Как будто в мире существуем только мы с тобой и никого больше. — Элфрида помолчала, о чем-то задумалась. — Боюсь, на дорогах будет плохо: метель, сугробы. Хорошо, что нам не нужно никуда ехать. — Люси поежилась. — Пей-ка чай, Люси.

Люси обхватила кружку ладонями, наслаждаясь ее теплом, и с удовольствием начала пить. Обе молча смотрели в окно. Потом появилась одинокая машина, объехала церковь и устремилась по направлению к шоссе. Она ехала медленно и осторожно, оставляя за собой след из пары темных полос. Когда она скрылась, Люси спросила:

— А который теперь час во Флориде?

Элфрида опешила. Люси никогда не говорила ни о Флориде, ни о матери, ни о ее новом друге.

— Не знаю, — спокойно ответила она. — Кажется, разница в пять часов. Значит, три часа ночи. Наверное, там тепло и влажно. Довольно трудно представить. Я никогда не была во Флориде. И вообще в Америке. — Элфрида ждала, что Люси продолжит разговор, но девочка ничего больше не сказала. — Тебе хотелось бы там побывать? — мягко спросила Элфрида. — Синее небо, пальмы, бассейны…

— Нет. Я бы все это возненавидела. Потому я туда и не поехала.

— Но твоей маме это было бы приятно. А у тебя получились бы замечательные каникулы.

— Мне не нравится Рэндал Фишер.

— Почему же?

— Он такой скользкий. Противный.

— А может, на самом деле он милый и безобидный.

— Вот мама так и считает.

— Тем лучше для нее.

— Мне в тысячу раз приятнее быть здесь, чем во Флориде. Здесь *настоящее* Рождество. Правда, оно будет *настоящим*?

— Я надеюсь, Люси. Но не уверена. Подождем — увидим.

— Оскар!

Оскар, расположившийся возле камина, поднял глаза от газеты.

— Да, дорогая…

— Оставляю тебя в одиночестве.

— Навсегда?

— Нет, примерно на полчаса. Я позвонила Табите Кеннеди и еду к ней, чтобы взять напрокат бокалы для нашей вечеринки. У нее несколько запасных наборов для рождественских визитов прихожан, и она сказала, что мы можем на них рассчитывать.

— Как мило с ее стороны.

— Придется взять машину. Буду ехать со скоростью пять миль в час и очень осторожно.

— Хочешь, я поеду с тобой?

— Если ты сам этого хочешь.

— Я предпочел бы остаться тут, но готов тебе помочь.

— Может, лучше, когда я вернусь, поможешь мне выгрузить коробки из багажника и внести в дом?

— Конечно, позови меня. Между прочим, почему так тихо? Где все?

— Сэм с Кэрри поехали в Бакли. А Люси закрылась в мансарде, завертывает рождественские подарки. Если хочешь, можешь немного погулять и взять с собой Горацио. Снег перестал.

Оскар не выказал особого восторга по поводу этого предложения.

— Может быть, — неопределенно сказал он.

Элфрида улыбнулась, потом наклонилась поцеловать его.

— Будь осторожен, — сказала она, но Оскар уже углубился в газету.

На улице дул холодный злой ветер. Закутавшись — в сапогах, в

пальто-накидке и шерстяной шапке, — Элфрида вышла из теплого дома и поежилась. По небу неслись облака, в морозном воздухе кружили чайки. Машина Оскара была укутана снежным покрывалом. Элфрида рукой в перчатке смахнула слой снега с ветрового стекла, но под ним был лед, поэтому она села, запустила двигатель и включила обогреватель. Вскоре по стеклу потекли струйки воды, заработали дворники и образовались два сектора чистого пространства. Она осторожно двинулась вперед, медленно проехала по улице, потом свернула на дорогу, ведущую по холму к дому священника. Проезжую часть уже посыпали песком, и Элфрида без всяких происшествий благополучно достигла цели.

Она остановилась у калитки, протоптала тропинку через палисадник, счистила снег с сапог, ступила на крыльцо, нажала кнопку звонка и отворила внутреннюю дверь.

— Табита!

— Я здесь. На кухне.

Дом уже принарядился к Рождеству. У подножия лестницы стояла елка (не очень большая), украшенная блестками и звездами. Сверху фестонами свисали бумажные цепи (как видно, прошлогодние). Из открытой двери в глубине прихожей появилась Табита, в фартуке, волосы стянуты на затылке тугим узлом.

— Элфрида! Как я рада вас видеть! А я совсем захлопоталась. И только что сварила кофе. Входите скорее и закрывайте дверь. Вы пешком?

Элфрида расстегнула пальто и повесила его на перила лестницы.

— Нет, набралась храбрости и приехала на машине. А иначе нельзя — две коробки я бы не донесла. Поскользнулась бы и разбила все бокалы, да еще бы ногу сломала в придачу. — Она последовала за Табитой на кухню. — Какой, однако, вкусный запах!

— Я пеку. Сладкие пирожки, булочки с сосиской, два торта и несколько песочных коржей. Вообще-то я люблю печь, но Рождество — это вам не шуточки. Вожусь с раннего утра, и еще надо сделать прослойку и пропитать торты коньяком. А рождественский пирог надо поставить в холодильник и отварить ветчину. Дело в том, что в эти дни к нам заходит множество прихожан — с поздравительными открытками, с подарками Питеру, и всех надо пригласить в дом, напоить, накормить, хотя бы из благодарности.

— Вы так заняты, а я неожиданно вторглась — прошу прощения.

— Вы нисколько мне не помешали. Я хоть посижу и отдохну пять минут. — Табита налила кофе и поставила кружку на стол. — А вообще-то мне ужасно хочется удрать из дома. Погулять бы по берегу или покататься

на санках, сбросить с себя все заботы, а не торчать у плиты из-за этих праздников. Наверное, праздники не были задуманы как тяжкий труд. Каждый год я даю себе слово упростить всю эту церемонию и каждый год все больше ее усложняю.

От кофе исходил такой дивный аромат, что Элфрида поддалась уговорам хозяйки и села к столу. Кухня в доме священника была оборудована, пожалуй, не менее старомодно, чем в Усадьбе, только выглядела куда веселее: двери украшали рисунки Клодэг, а старый стол был завален какими-то бумагами и фотографиями. Ясно было, что это царство Табиты, где она не только варит, жарит и кормит семью, но и организует свою деловую жизнь — звонит по телефону, пишет письма. Сейчас она налила кофе себе и села по другую сторону стола.

— Ну, рассказывайте новости. Что происходит в вашем семействе?

— Ничего особенного. Оскара я оставила за чтением газеты, Сэм и Кэрри поехали в Бакли осмотреть шерстяную фабрику.

— Сэм — это тот таинственный незнакомец, который возник из снежных хлопьев? Он все еще у вас?

— И останется с нами на Рождество. Погода стоит ужасная, и ему никуда не проехать.

— Боже, как грустно! Они с Кэрри подружились?

— Кажется, да, — осторожно ответила Элфрида.

— Очень романтично.

— Табита, он женат.

— Тогда почему он без жены?

— Она в Нью-Йорке.

— Они в натянутых отношениях?

— Кажется, расстались. Подробностей я не знаю.

— Ну и ладно, — философски заметила Табита. — Мало ли что бывает.

— Даже не верится, что мы с ним так недавно знакомы. Кажется, что мы все живем в одном доме уже не один месяц, а на самом деле прошло лишь несколько дней. Как бы там ни было, но завтра вечером вы познакомитесь и с Сэмом, и с Кэрри. У нас в Усадьбе от шести до восьми вечеринка.

— Я поставила коробки в прихожей. Шесть бокалов для вина, шесть стаканов и пара кувшинов. Тарелки понадобятся?

— Не думаю. Кормить мы не будем, только маленькие бутерброды. Кэрри их сделает.

— Сколько ждете гостей?

— Думаю, вместе с нами будет человек семнадцать. Вас четверо…

— Клодэг скорее всего не придет. Она приглашена на ужин к своей школьной подруге и останется там ночевать. Вы не обидитесь?

— Нисколько. Там ей будет веселее.

— Но Рори точно будет. А кто еще?

— Джеми Эрскин-Эрл с женой.

— Джеми и Эмма? Я и не знала, что вы с ними познакомились.

— Он приходил к нам оценить мою картину, но оказалось, что это копия и автор вовсе не Дэвид Уилки, так что еще одна мечта развеялась, как дым.

— Вы хотели ее продать?

— Я *должна* была ее продать, но теперь не продам.

— Правда, он забавный? Я имею в виду Джеми. Выглядит юнцом лет пятнадцати, но он не только известный эксперт в своей области, но и отец троих озорных мальчишек. А с Эммой вы знакомы?

— Только говорила по телефону — приглашала ее.

— Она очень славная, простая, сердечная. Разводит шотландских пони, занимается обучением собак и присматривает за всем в Кингсферри. Джеми куда больше интересуется розысками антиквариата, старинными подсвечниками и забытыми портретами. Эмма одна управляет фермой, помогает, когда начинается окот овец, следит за починкой крыши. Кого еще пригласили?

— Ратли, хозяина книжной лавки, с женой.

— Хорошо.

— Доктора Синклера с женой.

— Тоже хорошо.

— Но я не знаю их имен.

— Джорди и Джэнет.

— И миссис Снид с супругом.

— Миссис Снид и Арфур?

— Понимаете, услышав, что я приглашаю гостей, она предложила прийти и помочь, помыть бокалы. Ну а для меня было бы невыносимо думать, что она сидит одна на кухне, и я пригласила ее присоединиться к нам и привести с собой Арфура. И она сказала, что Арфур будет разносить напитки.

— Как дворецкий.

— Она с такой теплотой отнеслась к Оскару и ко мне. Я не могла их не пригласить.

— Они будут душой общества.

Табита допила кофе, отставила кружку, и глаза их встретились.

— Как Оскар? — спросила она.

— Все еще предпочитает сидеть в тишине и в одиночестве, читает газету или разгадывает кроссворд.

— Питер дал ему запасной ключ от органа. Вы знаете об этом?

— Нет. Оскар мне ничего не сказал.

— Питер считает, что это пошло бы ему на пользу. Музыка. Своеобразная терапия.

— Он им не воспользовался. В Церкви он был только однажды, с Люси, ей хотелось посмотреть здание. Насколько я знаю, больше он туда не заходил.

— Вряд ли это утешило бы его.

— А Оскар и не нуждается в утешении. Он только хочет, чтобы его оставили в покое, чтобы он сам, как сможет, быстрее или медленнее, пережил это время. А что касается наших гостей, званых и незваных, мне кажется, как ни странно, ему вся эта суматоха доставляет удовольствие. Он очень ласков с Люси. И все-таки, Табита, я знаю: какая-то часть его души все еще закрыта, даже для меня. Как будто она в другом месте. В другой стране. Странствует. Или в изгнании. За морем. И я не могу быть там с ним, потому что мне нет туда доступа.

— Питер сказал бы, что надо набраться терпения.

— Терпение никогда не входило в число моих добродетелей. Да их у меня вообще раз-два и обчелся.

Табита засмеялась.

— Чепуха! Просто они не такие, как у других людей. Еще кофе?

— Нет. Но было очень вкусно. — Элфрида поднялась. — Не буду больше вам мешать. Спасибо за бокалы и за то, что выслушали меня.

— Я провожу вас и помогу поставить коробки в багажник. Они не столько тяжелые, сколько неудобные. И завтра мы обязательно будем у вас.

27
ОСКАР

Элфрида еще и десяти минут не отсутствовала, когда одиночество Оскара, с деловым видом углубившегося в кроссворд из «Таймс», было прервано внезапным появлением Люси. На ней были теплая красная куртка и сапоги: девочка явно собиралась уходить.

— Оскар!

— Привет, утенок, — и он положил на стол газету, — а я-то думал, что ты заворачиваешь в красивую бумагу рождественские подарки.

— А я и заворачивала, но у меня кончилась лента. А где Элфрида?

— Она поехала к жене священника, взять кое-что из посуды. Скоро вернется.

— Я просто хотела узнать, не нужно ли ей что-нибудь в магазине.

— Думаю, она бы попросила выгулять Горацио.

— Ладно, схожу сначала в магазин, а потом прогуляюсь с ним по берегу.

— Снег идет.

— Ну и что! Я в сапогах.

— Будь осторожнее. Не попадайся на глаза ротвейлерам.

Люси скорчила гримасу.

— Не напоминайте мне о нем.

— Я скажу Элфриде, что к обеду ты вернешься.

Люси вышла. Через минуту послышался радостный лай предвкушающего прогулку пса. Открылась и захлопнулась входная дверь, и Оскар снова остался один. Он вернулся к кроссворду. Шестое по горизонтали. «Художник-пейзажист». Он задумался. И тут зазвонил телефон.

Первым инстинктивным побуждением было не подходить, не отвечать, пусть кто-нибудь другой возьмет трубку, но потом он вспомнил, что в доме кроме него никого нет. С некоторым раздражением он отложил газету, воткнул ручку в нагрудный карман, тяжело поднялся из кресла и пошел к лестничной площадке.

— Усадьба.

— Скажите, дома ли мистер Бланделл?

Женский голос с сильным шотландским акцентом.

— Я у телефона.

— О, мистер Бланделл. Это сестра Томсон из госпиталя «Ройал Вестерн» в Инвернессе. Боюсь, огорчу вас, но у меня печальные новости. Сегодня рано утром скончался майор Билликлиф. А вы у меня записаны как его ближайший родственник.

Старик Билликлиф. Умер. Оскар растерялся, не зная, что сказать.

— Я понял, — промямлил он.

— Он отошел с миром. Это был спокойный конец.

— Я рад это слышать. Большое спасибо, что вы меня известили.

— Остались кое-какие личные вещи, которые вы могли бы забрать. Если бы вы смогли…

— Ну, разумеется.

— А также заняться приготовлениями к…

Сестра тактично оборвала фразу, но Оскар сразу понял, что она имеет в виду.

— Разумеется. Благодарю вас. Спасибо за то, что вы заботились о нем. Я с вами свяжусь.

— Спасибо, мистер Бланделл. Очень сожалею. До свиданья.

— До свиданья, сестра…

Оскар положил трубку. Ему сразу же захотелось сесть, и он сел на нижнюю ступеньку лестницы, что вела в мансарду Люси. Билликлиф умер, и он, Оскар, не только его «ближайший родственник», но также и душеприказчик. В голову полезли недостойные и мелочные мысли, и он был рад, что Элфриды нет дома, а то он мог бы высказать их вслух.

Ну как это характерно для старого идиота: взять и умереть *сейчас*, именно сейчас. В доме полно народу, Рождество на носу и дороги в Инвернесс занесены снегом. Да, если бы Билликлиф сам запланировал время смерти, он не смог бы выбрать более «подходящего» момента.

А потом Оскар вспомнил, как он уходил из больницы, оставив майора в одиночестве, и злость прошла. Ему стало грустно при мысли, что старик умер один-одинешенек, а они, Оскар и Элфрида, несмотря на благие намерения, так и не смогли добраться до госпиталя и навестить его, загладив тем самым свое прежнее нелюбезное отношение.

Оскар задумался о предстоящих хлопотах. Мяч в его воротах, и ему следует проявить инициативу, а он понятия не имеет, с чего начать. И вдруг он вспомнил, как сидел у подножия лестницы, беспомощный, словно выброшенный на берег кит, узнав о гибели Глории и Франчески. Он мало что помнил о последовавших за тем вечером днях. В день похорон церковь в Дибтоне была полна народу, и не очень красноречивый викарий все искал подходящие слова, а он, Оскар, в своем добротном черном пальто стоял в

первом ряду. Однако он не мог бы сказать, как там очутился, и совершенно не помнил о предшествовавших похоронам обстоятельных, трудоемких приготовлениях. Он знал только, что в какой-то момент появился Джайлз, старший сын Глории, и все взял в свои руки, а он, Оскар, совершенно раздавленный случившимся, онемевший от удара, просто исполнял чужие указания. Джайлз, который никогда не нравился Оскару, тем не менее был чрезвычайно активен и очень полезен. Все шло как по маслу, и кошмарное действо быстро скользнуло мимо и стало свершившимся фактом.

Когда все было кончено, Оскар жил как зомби, с ощущением, что с ним уже никогда ничего не случится и дни просто-напросто шелестят, как опавшие листья, и уходят в небытие. А затем Джайлз снова появился в Грейндже и сообщил Оскару, что ему придется выехать из дома, который, как бывшая собственность Глории, будет выставлен на продажу. И Оскар не ощутил ни обиды, ни недовольства. Джайлз опять взял дело в свои руки, а Оскар избрал путь наименьшего сопротивления и плыл по воле волн, соглашаясь на все. И лишь когда зашел разговор о приюте для престарелых, Оскар почувствовал первые симптомы беспокойства.

Однако сейчас все иначе, и настала *его* очередь действовать. И как же он сподобился сам себя загнать в угол? Он снова припомнил то холодное утро, когда привез майора Билликлифа в госпиталь Инвернесса. И как старик все болтал, все барахтался в потоке бессвязных смутных воспоминаний. А затем сказал: «Готовься к худшему, но надейся на лучшее» и попросил Оскара стать его душеприказчиком.

Адвокат. В своем ежедневнике Оскар записал имя адвоката. Он поднялся с лестницы, прошел в гостиную, увидел ежедневник на своем так называемом письменном столе и перелистал страницы. Мурдо Маккензи. Только Билликлиф мог выбрать себе адвоката с таким невообразимым именем. Мурдо Маккензи, фирма «Маккензи и Стаут», Саут-стрит, Инвернесс.

Оскар заглянул в телефонный справочник и переписал номер в ежедневник. Вернувшись на лестничную площадку, он снял трубку.

А сам думал: должны быть похороны. Служба в церкви. И перед этим ночное бдение над телом. Надо оповестить жителей городка. Сообщить Питеру Кеннеди. И дать извещение в газете. Всего несколько строчек. Но в какой газете? В общенациональной или только в местной?..

— «Маккензи и Стаут» слушают.

— Доброе утро. Могу я поговорить с мистером Мурдо Маккензи?

— Как вас представить?

— Оскар Бланделл. Из Кригана.

— Подождите минуту, пожалуйста.

Сердце у Оскара упало. Он и раньше слышал подобные ответы и вынужден был ждать гораздо дольше минуты, слушая какую-нибудь пошлую мелодию. Но его страхи оказались беспочвенны. Мурдо Маккензи взял трубку почти незамедлительно.

— Мистер Бланделл, доброе утро. Мурдо Маккензи у телефона. Чем могу служить?

Хороший, приятный голос с шотландским акцентом, спокойный, внушающий доверие.

— Доброе утро. Извините, что беспокою вас, но мне только что позвонили из госпиталя и сообщили о смерти майора Билликлифа. Он умер сегодня утром. Майор Годфри Билликлиф, — добавил Оскар, словно майоров Билликлифов было двое.

— О, это печальная новость, сожалею, — и в голосе адвоката действительно послышалась печаль, — но нельзя сказать, что неожиданная.

— Они мне позвонили первому, потому что я у них зарегистрирован как ближайший родственник. И к тому же майор Билликлиф просил меня быть его душеприказчиком. Очевидно, больше ему некого было попросить.

— Да. У него не было родных. Он мне рассказывал о вашей договоренности и о том, что вы согласились принять на себя эту обязанность.

— Вот поэтому я и звоню. Должны состояться похороны, но где, когда и как? У него были друзья в Кригане, которые захотят присутствовать на прощании, но, насколько мне известно, дороги сейчас непроходимы и нет надежды, что они сумеют добраться до Инвернесса. Не говоря уж о том, что вот-вот наступит Рождество. И надо бы связаться с похоронным бюро, и сообщить в банк, и регистратору…

Мурдо Маккензи мягко перебил:

— Мистер Бланделл, предоставьте это мне. Во-первых, майор Билликлиф оставил указания относительно кремации, и это уже избавляет нас от многих хлопот. Что касается похоронного бюро, это я тоже возьму на себя. В Инвернессе есть фирма с хорошей репутацией, и я хорошо знаком с тамошними служащими. Как вы отнесетесь к тому, что я свяжусь с мистером Лаггом и оговорю с ним всю необходимую процедуру?

— О, вы чрезвычайно добры… но… когда это будет?

— Я бы предложил назначить похороны на конец следующей недели. Перед Новым годом. К тому времени погода должна немного улучшиться, и вы, и остальные друзья майора из Кригана сможете проехать через Черный

остров и присутствовать на церемонии.

— Но разве не должны мы где-то собраться, чтобы помянуть его? Я готов оплатить расходы.

— Мистеру Лаггу нетрудно позаботиться и об этом. Можно устроить поминальный вечер в фойе гостиницы или в другом подходящем помещении. Все зависит от того, сколько соберется народу.

— Но есть еще другие проблемы — надо официально заверить завещание. Заморозить счет.

— Этим мы тоже займемся.

— И его личные вещи. Их нужно взять из госпиталя.

Оскар вспомнил о застиранных старых пижамах Билликлифа, его слуховом аппарате и обшарпанном кожаном чемодане. Все это было так душераздирающе трогательно, что, к своему смятению, он почувствовал в горле комок.

— Я позвоню туда и поговорю с сестрой в отделении, — предложил адвокат. — Вы помните номер?

К своему удивлению, Оскар помнил.

— Четырнадцать.

— Отделение номер четырнадцать. — Наступило молчание. Мудро Маккензи, наверное, делал заметки. — Я попрошу своего секретаря позаботиться об этом.

— Не могу выразить, как я вам благодарен. Вы сняли тяжкое бремя с моей души.

— Насколько я знаю, майор Билликлиф не хотел причинять вам каких-либо неудобств. Я сам позвоню мистеру Лаггу, а потом перезвоню вам, когда узнаю, как он собирается всем распорядиться. Вы дадите мне номер своего телефона?

Оскар назвал.

— Вы живете в Старой усадьбе в Кригане?

— Да.

— Ну, значит, никаких проблем. А если возникнут, я вам сообщу.

— Я очень вам благодарен, а если к тому же вы будете держать меня в курсе… Еще раз спасибо. Не буду больше отнимать у вас…

— Мистер Бланделл!

— Да?

— Не кладите трубку. Я должен вам кое-что сообщить. Разумеется, я напишу вам об этом официально, однако в это время года не всегда можно полагаться на почту, а так как у нас уже состоялся разговор, то хочу обрисовать вам в общих чертах создавшуюся ситуацию.

— Извините, но я не вполне понимаю, — нахмурился Оскар.

— Поступив в госпиталь, майор Билликлиф позвонил мне и сказал, что хочет увидеться. Я живу на улице Нэйрн и по дороге на работу проезжаю мимо госпиталя, так что рано утром в прошлый понедельник я к нему заехал. Он лежал в постели и был очень слаб, но совершенно в здравом уме и твердой памяти. Он беспокоился насчет завещания. После смерти жены он не позаботился составить новое и желал немедленно исправить положение. Он дал мне соответствующие инструкции, и в тот же день я составил у себя в офисе новое завещание. Майор был в состоянии его подписать. Мистер Бланделл, вы являетесь его единственным наследником. У него не было солидной собственности, он небогатый человек, но он хотел, чтобы вы стали владельцем его дома в Корридэйле, автомобиля и собаки. Боюсь, что машина и собака — не совсем то наследство, которое вам хотелось бы получить, но таково было желание майора. Что же касается денег, то он жил, и очень экономно, на свою пенсию, однако у него остались некоторые сбережения, и после того, как будут погашены расходы на похороны и оплачены оставшиеся счета, сумма составит примерно две с половиной тысячи фунтов.

Оскар сидел на лестнице, прижимая трубку к уху, и не находил слов.

— Мистер Бланделл?

— Да, я здесь.

— Я подумал, что, может быть, связь прервалась.

— Нет, я слушаю.

— Боюсь, наследство не очень существенное, но майор Билликлиф очень хотел, чтобы вы знали, как высоко он ценил вашу доброту.

— Но я не был с ним добр.

Если адвокат и слышал, что сказал Оскар, он это проигнорировал.

— Не знаю, видели вы дом или нет?

— Да, я ведь заезжал к майору за ключом и потом еще, когда он был болен. И, конечно, бывал там раньше, когда в доме жил лесничий.

— Когда майор Билликлиф приобрел дом у последнего владельца Корридэйла, я составлял купчую. Конечно, это очень скромное жилище, но, я бы сказал, с определенными возможностями.

— Да. Да, конечно. Извините, что я так лаконичен, но, право же, я потерял дар речи.

— Понимаю.

— Никогда не думал… не ожидал…

— Все сказанное я изложу в официальном письме, и вы сами решите, что предпринять. И ни о чем не беспокойтесь. Я поговорю с мистером

Лаггом, и он все возьмет в свои умелые руки.

— Спасибо. — Тут Оскар почувствовал, что уж чересчур немногословен, и добавил: — Я вам действительно очень благодарен.

— Был рад поговорить с вами, мистер Бланделл. До свиданья. Счастливого вам Рождества.

И Мурдо Маккензи положил трубку. Оскар медленно опустил свою. Под конец старик Билликлиф его переиграл. И Оскар провел рукой по лбу. Он был совершенно сбит с толку и громко сказал, обращаясь к пустому дому:

— Да, он меня переиграл.

И надолго задумался, вспоминая, каким был маленький дом, когда там жили старший лесничий и его некрасивая жена. Тогда там кипела жизнь, под ногами крутились четверо детей и три собаки, в клетке у черного хода сидели ласки, а во дворе на веревках хлопало от ветра выстиранное белье. В очаге весело горел огонь, маленького Оскара всегда громко и радушно приветствовали и ставили перед ним тарелку с горячими булочками, с которых стекало тающее масло. Оскар попытался припомнить расположение комнат в доме, но в те дни он бывал не дальше гостиной, где пахло керосиновыми лампами и свежеиспеченным хлебом.

А теперь этот дом принадлежит ему.

Оскар взглянул на часы. Пять минут первого. Ему ужасно хотелось выпить. Обычно он никогда не пил в середине дня, а если и пил, то лишь стакан светлого пива. Однако сейчас он чувствовал непреодолимую потребность в порции джина с тоником, чтобы подкрепить силы и привести мысли в порядок.

Он с трудом поднялся со ступеньки, сошел вниз, отыскал бутылку джина, взял другую, с тоником, и налил себе.

Входная дверь отворилась. Это пришла Элфрида.

— Оскар!

— Я тут.

— Ты можешь выйти и помочь мне?

Он вышел ей навстречу со стаканом в руке и сказал:

— А я тут выпиваю тайком от тебя.

Но Элфриду это не смутило.

— Хорошо, но у меня на заднем сиденье две огромные коробки.

Дверца машины была распахнута. Он протянул руку над плечом Элфриды и захлопнул ее.

— Потом.

— Но…

— Мы внесем коробки потом. Иди сюда. Мне нужно с тобой поговорить. Есть новости.

Элфрида широко раскрыла глаза.

— Что-нибудь плохое?

— И да, и нет. Снимай пальто и пойдем на кухню, чтобы сесть и спокойно поговорить.

— А где Люси?

— Повела Горацио на прогулку. А Сэм и Кэрри еще не вернулись. Так что впервые за все время мы предоставлены самим себе. И давай не терять понапрасну драгоценные минуты спокойствия и тишины. Хочешь джина с тоником?

— Если мы действительно будем теперь пить среди бела дня, то я бы предпочла шерри.

Элфрида расстегнула пальто, бросила его на перила лестницы и проследовала за Оскаром на кухню.

— Оскар, ты весь красный и так возбужден. *Что* происходит?

— Сейчас расскажу.

Она села за стол, он принес ей шерри и тоже сел.

— Твое здоровье, дорогая.

— И твое, Оскар.

Джин с тоником был довольно крепок, но замечательного вкуса и как раз такой крепости, что требовалась желудку. Оскар поставил стакан и сказал:

— Я буду говорить медленно, потому что дело очень важное и сложное, но не перебивай меня и не задавай вопросы, хорошо? Иначе я собьюсь.

— Постараюсь..

— Ладно. Первое: сегодня утром умер майор Билликлиф. Мне позвонили из госпиталя.

— Ах, *Оскар*, — и Элфрида поднесла руку ко рту.

— Да. Знаю. Мы так и не выбрались, чтобы с ним повидаться. Мы так и не посидели у его кровати и не покормили его виноградом. Но, честно говоря, по таким дорогам мы к нему никогда бы не доехали.

— Да, но это не самое печальное. Печальнее то, что он был так одинок и умер в одиночестве.

— Нет, он был не один. Он лежал в отделении под присмотром заботливых медсестер, и вокруг все время были люди. Он был не так одинок, как дома после смерти жены.

— Надеюсь. — Элфрида подумала и вздохнула. — Но это все очень

сложно. Ведь ты записан, как ближайший родственник… Это значит?

— А теперь слушай.

И он ей все рассказал. Как позвонил адвокату Мурдо Маккензи, и как тот снял с него весь груз ответственности. О гробовых дел мастере из Инвернесса, мистере Лагге, и что тот обо всем позаботится, и о кремации, и о поминальном зале.

— Но когда будут похороны?

— В конце следующей недели. К тому времени все жители Кригана, возможно, уже сумеют добраться до Инвернесса. Не будет же снег лежать вечно. Рано или поздно начнется оттепель.

— Надо бы дать извещение в газете.

— Мистер Маккензи и это взял на себя.

— И хорошо бы оповестить местных жителей.

— Я позвоню Питеру Кеннеди.

— Господи, какое же неудобное время выбрал майор, чтобы умереть.

— Это именно то, что я подумал, узнав о его смерти, но потом взял себя в руки и подавил такие нехристианские мысли.

— Ну ладно, на том и кончим.

— Нет, Элфрида, это еще не конец.

— Еще что-нибудь?

— Прежнее завещание Билликлифа утратило силу, поскольку его жена умерла. И ему пришлось составить новое. Так вот, он сделал меня своим единственным наследником. Нет, ни слова, пока я не закончил! Это значит, что он оставил мне свой дом, автомобиль, собаку и прочее имущество. После уплаты всех расходов останется около двух с половиной тысяч фунтов. Это все его сбережения. Он жил на одну пенсию.

— Свой дом? Он завещал тебе свой дом? Потрясающе! И как трогательно. Как мило с его стороны. Какая доброта! А у него действительно больше нет никого? Из родственников?

— Никого.

— Бедняга. Как же он был одинок. А мы, Оскар, как же мы ужасно к нему относились.

— Но он об этом не знал.

— Прятались, опасаясь, как бы он не пришел в гости.

— Не напоминай мне об этом.

— А что ты будешь делать с домом?

— Не знаю. Еще не успел об этом подумать. Наверное, продам. Но сначала надо освободить его от хлама и, возможно, продезинфицировать.

— А какой он, этот дом?

— Ты же знаешь, видела. Никудышный.

— Нет, я хочу спросить, сколько там комнат? Там есть кухня? Ванная?

— Наверное, если говорить на жаргоне агента по продаже недвижимости, «две сверху, две снизу». Очевидно, после войны пристроили кухню и ванную, где-нибудь сзади.

— А куда выходит фасад?

Оскар должен был сначала поразмыслить.

— Дверь выходит на север, значит, фасад на юг.

— А сад есть?

— Да, небольшой земельный участок. Я плохо помню, но миссис Фергюсон выращивала там картофель и лук-порей. И еще там была яблоня.

С минуту Элфрида молчала, переваривая новость. А затем, к удивлению Оскара, спросила:

— А почему бы тебе туда не переехать?

Оскар воззрился на нее, не веря своим ушам.

— И жить там? В одиночестве?

— Да нет, глупый. Я перееду с тобой.

— Но ты же говорила, что дом ужасный.

— Нет таких домов, которые невозможно переделать. Нет такого жилья, которое нельзя улучшить, увеличить, заново перепланировать и перекрасить. Уверена, что когда там жил лесничий, это был уютный маленький домик. Нам он показался таким ужасным из-за пепельниц с окурками и захватанных грязных стаканов.

— Но у меня есть дом. Вот этот.

— Половина дома. Это недостаточная гарантия стабильности. Ты мог бы продать свою половину и получить семьдесят пять тысяч фунтов, которые можно истратить на ремонт дома майора Билликлифа, и потом жить в нем спокойно и счастливо.

— Ты хочешь, чтобы я продал свою половину дома? Покинул Криган?

— Оскар, не надо так ужасаться. Это действительно удачная мысль. Сэм Ховард хочет приобрести весь дом, а Хьюи Маклеллан спит и видит, как бы отделаться от своей половины. Я знаю, что тебе здесь нравится, и мне тоже, но, согласись, дом большой, почти без мебели, и когда Сэм, Кэрри и Люси уедут, мы снова будем здесь одни, как пара горошин в пустом стручке. И еще, мне кажется, что этот дом предназначен для целой *семьи,* а не для двух милых старичков вроде нас с тобой. Здесь должна жить молодежь, расти дети…

— Но у Сэма нет детей.

— Сейчас нет, но он обязательно снова женится…

Элфрида не закончила фразы и нерешительно поглядела на Оскара.

— Но не на Кэрри, — произнес он.

— А почему не на Кэрри?

— Не стоит тебе заниматься сватовством.

— Знаешь, от этого трудно удержаться. Они так замечательно подходят друг другу.

— Совершенно не подходят. Он все время проявляет любезность, а она держится отчужденно и колюча, как дрок.

— Она сейчас страдает. А вчера они вместе поехали за елкой и долго не возвращались. Кэрри сказала, что они осматривали Корридэйл, но я не верю, что они два часа подряд ходили там по дорожкам и словом друг с другом не обмолвились.

— Их свело вместе простое стечение обстоятельств.

— Возможно. — Элфрида вздохнула. — Да, наверное, ты прав. Но даже без Кэрри этот дом именно таков, каким должен владеть мужчина вроде Сэма Ховарда. Деловой человек, управляющий фабрикой, уважаемый член общины. Я так и вижу, как он принимает и развлекает здесь партнеров из Японии и Германии, играет в гольф с президентом фирмы, которого пригласил на выходные. А кроме того — и это самое главное, — Сэм действительно жаждет приобрести этот дом в полную собственность. Мне кажется, он чувствует здесь себя на своем месте. Так не лучше ли будет продать свою половину именно ему, а не какому-нибудь чужаку? И положить себе в карман семьдесят пять тысяч?

— Элфрида, я человек бедный. Если я действительно продам свою половину Усадьбы, эти деньги надо будет отложить на черный день. А вдруг у меня начнется старческий маразм? Я не собираюсь ухнуть все деньги на ремонт коттеджа майора Билликлифа и остаться без гроша.

— Но мы же еще не знаем, сколько придется истратить.

— Много.

Однако Элфрида не собиралась сдаваться.

— Тогда, предположим, я продам мой домик в Гэмпшире, и мы используем эти деньги на…

— Нет, — категорически отрезал Оскар.

— Но почему?

— Потому что это *твой* дом. Это твоя единственная собственность, и ты ни при каких обстоятельствах не должна его продавать. Сдай его, если найдется желающий там жить, но ты никогда и ни за что не должна его продавать.

— Ладно, — покорно согласилась она, и Оскар почувствовал, что

чудовищно груб и резок. — Моя идея хороша, но ты, наверное, прав.

Однако вскоре она снова завела ту же волынку.

— Как бы то ни было, новость потрясающая. Ясно одно: мы должны туда поехать и осмотреть этот несчастный, осиротевший дом, от подвала до чердака. И спасти от смерти в снегу машину. А еще собака. Что нам с ней делать? Помнишь, она прямо как собака Баскервилей, выла и ломилась в запертую дверь?

— Честно говоря, я предпочитаю иметь дело с Горацио. Может, мне удастся уговорить Чарли Миллера оставить собаку при себе? Я намекну Розе…

На лестничной площадке зазвонил телефон.

— Черт возьми, ну почему телефоны звонят так не вовремя? — воскликнула Элфрида.

— Не обращай внимания. Притворимся, что нас нет дома.

— Хотела бы я обладать такой силой воли. Увы, не получается.

Элфрида встала и вышла из кухни. Оскар слышал, как она взбежала по лестнице, и настойчивые звонки смолкли.

До него долетел слабый отзвук ее «алло».

Оскар сидел, терпеливо ожидая ее возвращения и примериваясь к странным идеям. Может, она права? Однако если он продаст Усадьбу Сэму, то вырученная сумма будет его единственным капиталом на черный день. Да, разумеется, надо поехать и взглянуть на старый дом майора. Может быть, если его почистить и заново кое-что покрасить, он станет не таким уж скверным, каким показался сначала. И все-таки жить в маленьком, неудобном темном доме после просторной величественной Усадьбы…

Он будет невыносимо скучать по солнечным, полным воздуха комнатам, по ощущению пространства, чувству защищенности и основательности. И ему нелегко будет продать свою часть дома — даже человеку вроде Сэма Ховарда — и навеки расстаться с Усадьбой.

Наверху Элфрида все еще разговаривала. Он слышал звук ее голоса, но слов не разбирал. Время от времени она замолкала, а потом снова начинала говорить. Оскар понятия не имел, с кем это она болтает, и только надеялся, что ей не сообщат какую-нибудь дурную или тревожную новость.

Он допил свой джин с тоником. Встав, чтобы ополоснуть стакан в раковине, он вспомнил о двух коробках с бокалами, которые все еще лежали в машине, прошел в холл, открыл входную дверь и вышел на мороз.

Коробки были неудобные, и ему пришлось вносить их по очереди. Он поставил вторую коробку на кухонный стол, вернулся, чтобы закрыть входную дверь, и в этот момент услышал щелчок, какой бывает, когда

положили на рычаг телефонную трубку. Оскар остановился у лестницы, глядя наверх и ожидая появления Элфриды, но ее все не было. Он окликнул ее.

Она молча спустилась вниз. Выражение ее лица было непередаваемо. Он еще никогда не видел, чтобы у нее так блестели глаза, никогда она не выглядела так молодо, так не сияла. И дело было не только в солнце, зажегшем нимб вокруг огненной шапки ее волос.

— Дорогая моя…

— Оскар!

Элфрида, стоя на ступеньку выше, потянулась к нему, обняла и прижалась щекой к его лицу.

— Со мной случилось нечто замечательное и чудесное!

— Хочешь рассказать?

— Да, но сначала лучше сесть.

Он взял ее за руку и повел обратно в кухню, и они снова сели за стол друг напротив друга.

— Звонил Джеми Эрскин-Эрл. Насчет моих маленьких часов. Ты помнишь, он сказал, что покажет их коллеге из «Бутби»? Так вот, он послал ему в Лондон факс с подробным описанием часов и несколько фотографий. И коллега, не знаю, как зовут, позвонил ему сегодня утром и сказал, что часики мои особенные. Очень редкий экземпляр. Они французские и сделаны каким-то Ж.Ф. Урье примерно в 1830 году. И официально они называются «Серебряный хронометр турбийон». Ты представляешь, все эти годы я владела серебряным турбийоном и совершенно об этом не подозревала. Потом он пожелал узнать, каким образом они очутились у меня, и Джеми рассказал, что часы достались мне в наследство от крестного отца, он был моряк, но я, конечно, понятия не имею, как они попали к нему. Так или иначе, но Джеми говорит, что часы просто сокровище и я обязательно должна хорошенько их застраховать. Поэтому я набралась храбрости и спросила: «А они ценные?» И он сказал «да». И я спросила, сколько они могут стоить, а он ответил, что на аукционе… возможно… нет, Оскар, ты догадайся!

— Не могу. Не мучай, говори.

— От семидесяти до восьмидесяти тысяч фунтов! — радостно выкрикнула Элфрида.

— Я, наверное, не расслышал. Этого быть не может.

— Нет, ты правильно расслышал, и я ничего не путаю. Джеми сказал, что его коллега считает, будто мои часы очень серьезная находка для любого коллекционера. Как тебе нравится это чудное слово «серьезная»?

Что у них есть шанс попасть в «Бутби» на распродажу ценных напольных, настольных и наручных часов и морских хронометров, и что цена может даже повыситься.

— Нет слов.

— Я все время твердила себе, что залог моей безбедной старости — маленькая картина, а оказалось, что настоящей ценностью были часы. Ну разве это не здорово, что никто не стащил их с каминной полки в моем доме на Пултонс-роу?

— Это просто чудо. Ты же никогда не запирала входную дверь. Но ведь ты не думаешь продавать часы? Не надо этого делать.

— Оскар, ну ради всего святого! Разумеется, я хочу их продать. Неужели ты не понимаешь? Ведь на эти деньги мы сможем сделать из «виллы» Билликлифа очень милое и приятное местечко. Разбить зимний сад. Пристроить крыло с залом для бальных танцев…

— Послушай, Элфрида. Если ты продашь часы, это будут твои деньги, только твои.

— Оскар, послушай и ты меня. Деньги эти принадлежат *нам.* И мы окончим наши дни в очаровательном маленьком домике, полном солнечного света, как в Усадьбе. И если хочешь, мы тоже будем выращивать картошку и лук-порей, а нашей соседкой будет Роза Миллер. Рядом — парк и шикарная гостиница, бывший особняк твоей бабушки. Ну разве можно желать большего? Ведь это замечательно. Разве тебя не волнует такая чудесная, потрясающая перспектива?

— Разумеется, волнует, но, дорогая моя девочка, мы должны быть практичны и разумны.

— Не желаю быть практичной! Ненавижу разум! Мне хочется выскочить на улицу и танцевать. И всем прокричать с крыши, как нам повезло.

Оскар обдумал ее слова, как будто и впрямь она собиралась так поступить, и твердо сказал:

— Нет.

— Нет?

— Пока нет. Мне не хотелось бы никому ничего рассказывать, пока я не поговорю с Сэмом. Он должен знать, что мы собираемся продать половину дома. Он не ожидает этого и считает, что на его предложение купить нашу часть мы ответим отказом. То, что ему не надо будет искать другое жилье, будет для него большим облегчением. У него и так сейчас полно забот. Но мы должны ввести его в курс дела до того, как он уедет, а то мы его уже не увидим. И кроме того, ему ведь тоже надо время, чтобы

все обдумать и, может быть, собрать деньги. Мы же не знаем, как у него обстоят дела. Но, конечно, мы ему первому предложим купить нашу половину.

— Да, ты совершенно прав. А когда ты ему скажешь?

— Сегодня вечером я приглашу его в паб.

— А другим? Кэрри и Люси?

— После нашего разговора с Сэмом.

— А что если дом Билликлифа — развалюха?

— Тогда нужно будет еще раз все обдумать.

— Мне не терпится поехать и взглянуть на него. Вдвоем с тобой. Но сегодня это невозможно из-за снега. Дороги ужасно скользкие, и завтра не получится, надо готовиться к приходу гостей.

— А в воскресенье?

— Но ведь это в самый сочельник!

— День ничуть не хуже других. Скажем, в воскресенье утром?

— Хорошо. Поедем. Может быть, попросим Сэма подвезти нас на его машине. А то еще в канаву угодим.

Элфрида задумалась, и ее осенила новая идея.

— Вот что, поедем все вместе. Возьмем с собой Кэрри и Люси.

Но Оскару эта мысль не очень понравилась.

— Будет пять разных людей, и у каждого свое мнение!

— Тем лучше. Я уверена, что у Сэма замечательный практический ум. Он разбирается в потолочных балках, умеет простукивать стены и знает, как бороться с сыростью. Если мы поедем в Корридэйл утром и не будет ни дождя, ни снега, то можно устроить ланч на природе. Зимний пикник. Я сварю свой «сборный суп». Оскар, а у нас есть ключ от дома майора Билликлифа?

Вот о ключе Оскар не подумал.

— Нет.

— Тогда как же мы туда войдем?

— Ключ, наверное, у Розы Миллер, или она знает, у кого он сейчас. Я ей позвоню. Так или иначе, надо ее известить, что старик умер. И я должен позвонить Питеру Кеннеди.

28
КЭРРИ

Они ехали в Бакли по узкой пустынной дороге. Пейзаж был такой зимний, что дальше некуда: белые холмы, серое небо, туча, которую гонит северный ветер, и бескрайние заснеженные вересковые пустоши. Автомобиль въехал на вершину пологого холма, и Кэрри увидела внизу узкий морской залив, по которому шла пока еще невысокая приливная волна, черные хвойные леса на дальнем берегу и кучку белых домиков над заброшенным, полуразрушенным пирсом.

Кэрри была здесь впервые.

— Как называется этот залив? — спросила она.

— Залив Фада. Птичий заповедник, — ответил Сэм.

Дорога повернула и пошла вдоль берега. Каменистое, суровое взморье. Стремительно набирающее силу к приливу, тронутое водяной пылью море, такое же серое, как и небо над ним. Вдалеке, на песчаной отмели, — несколько отдыхающих тюленей. И еще Кэрри заметила утку, летящую с востока по направлению к уединенной заводи, пока еще не затопленной надвигающимся приливом.

В дальнем конце через залив был перекинут мост, за которым начиналась узкая горная долина, поросшая кустарником и папоротником. Выехав на главную дорогу, они повернули на север; ослепительное сверкание сразу кончилось — снег здесь был грязный, перемешанный с землей колесами грузовиков и тягачей. Между дорогой и морем лежали сельскохозяйственные угодья: сложенные из камня загоны со сгрудившимися в них овцами, небольшие фермерские усадьбы с бодро дымящими и источающими сильный запах торфа трубами. Ползущий по полю трактор тянул нагруженную сеном тележку; из двери дома высунулась женщина и швырнула хлебные корки громко кулдыкающим гусям. По обочине дороги, нагнув голову против ветра, устало тащился одинокий путник, с длинной пастушьей палкой в руке, за ним по пятам брела овчарка. Когда они поравнялись с машиной, старик остановился, пропуская автомобиль, и в знак приветствия поднял руку в варежке.

— Будто сошел с картины Брейгеля, — сказала Кэрри.

Ей вспомнились фермы южной Англии, такие зеленые, утопающие в деревьях и кустарниках, и небольшой приусадебный участок отца в Корнуолле, где коровы всю зиму пасутся на лугах.

— Не представляю, как можно вести хозяйство в таком климате. По-моему, это не жизнь, а выживание.

— Они свыклись с дурной погодой и готовы к ней. Зимы в этих местах всегда очень суровые. И народ тут выносливый.

Кэрри с Сэмом ехали осматривать фабрику, с которой было связано будущее Сэма. Кэрри уже жалела, что сама предложила поехать. И как это оно у нее вырвалось?! «Мне хотелось бы посмотреть вашу фабрику», — сказала она тогда, не подозревая, что он так загорится. А потом произошло то, что произошло… И сегодня утром, конечно, уже поздно было отступать, извиняться и делать вид, что ей не особенно интересно.

Поздно. Слишком поздно, теперь уж не вычеркнуть из памяти тот страстный порыв, когда открылась правда, которую она так тщательно прятала в себе. Кэрри не понимала, как все это вышло, но совершенно точно знала, почему так быстро рухнула ее защита, почему она открыла ему свое разбитое сердце.

Это все из-за Корридэйла. Из-за этого места. Искрящийся на солнце снег, свежий сосновый запах, темно-синее небо, горы на дальней стороне сверкающего залива. Пригревает низко стоящее солнце, свежий снег ослепительно блестит и скрипит под ногами, Кэрри с наслаждением вдыхает холодный воздух, и он глубоко проникает в легкие. Австрия. Обербейрен. И Андреас. Они неразделимы. Это он, Андреас, сейчас здесь, идет рядом с ней и говорит, говорит, это его голос, в котором, как всегда, будто слышится затаенный смех. Андреас. Андреас, говорящий о будущем. Андреас, обнимающий ее. Мираж так реален, что, кажется, она чувствует прохладный свежий аромат лимонного лосьона, которым он протирает лицо после бритья. Но, даже столь остро ощущая его присутствие, она понимает, что это всего лишь плод ее возбужденного воображения. Потому что Андреаса нет. Он вернулся к Инге, к детям, оставив Кэрри с таким опустошающим чувством утраты и боли, что она внезапно и сразу утратила хладнокровие и рассудочность.

Слушая Сэма, рассказывающего о своей жене, об их потерпевшем крушение браке, о том, что ему пришлось оставить работу в Нью-Йорке, она вновь окунулась в свое горе, и, когда с его уст сорвалось это ужасное слово «отверженность», ее охватила ярость, на которую, как ей казалось, она никогда не была способна, и прорвались наружу слова боли и гнева. Только слезы могли остановить эту лавину. Поток слез, после которых она испытала стыд и унижение. Она хотела было бежать, но Сэм схватил ее, обнял и крепко прижал к себе. Так прижимают к груди маленького безутешного ребенка.

Наверное, подумала сейчас Кэрри, в книге или в фильме этот момент стал бы счастливым концом. Заключительное объятие после круговерти непонимания и враждебности. Камера уходит в общий план, дает панораму неба, стаю летящих домой гусей или какой-нибудь другой, столь же многозначительный объект. Волнующая музыка, мелькание титров и приятное чувство от того, что все заканчивается счастливо.

Но жизнь на этом не останавливается. Продолжение следует. Объятия Сэма, кольцо его рук вокруг нее, его прикосновение, его близость успокоили ее, но не растопили ее холодности. Ничто в ней не изменилось. Она все та же Кэрри, тридцати лет от роду, и тот, кого она любит всем своим существом, ушел навсегда. Может быть, она хочет, чтобы сердце ее было ледяным, как этот зимний пейзаж. Может быть, она хочет оставаться именно такой.

Недавно Элфрида сказала с грустью:

— В этом мире полным-полно женатых мужчин.

Наверное, лучше ни с кем слишком сильно не сближаться. Чем теснее близость, тем неизбежнее ты обрекаешь себя на страдание.

Фабрика Мактаггерта стояла на окраине городка, в стороне от дороги, за каменной стеной с внушительными коваными железными воротами, достаточно широкими, чтобы в них свободно въезжала лошадь с телегой. Сверху они заканчивались декоративной аркой, увенчанной замысловатой конструкцией, смутно напоминающей какой-то герб.

Этим утром ворота были распахнуты, и за ними открывался просторный двор с круглыми клумбами, обложенными крупной галькой. Все вокруг покрывал снег, клумбы пустовали, но Кэрри догадывалась, как красиво пестрят они летом геранью, лобелией, обрецией и прочими растениями, одобренными муниципальными властями.

На снегу не было ни отпечатков ног, ни следов тракторных покрышек. Очевидно, Кэрри и Сэм были сегодня первыми и единственными посетителями. Когда они въезжали в ворота, Кэрри сквозь лобовое стекло увидела фабрику и сразу же поняла, почему ее внесли в список охраняемых строений. Конечно, здесь наличествовала фабричная труба, вздымающаяся над покатой крышей, а вокруг стояли разные сараи и склады, но главное здание поражало красотой и величественностью.

Построенное из местного камня, оно имело протяженный фасад и отличалось приятной для глаза симметрией. Центральный фронтон дополняла башня с часами. Под башней находились величественные двустворчатые двери с изящным веерообразным окном над ними. От

центральной части отходили два крыла с высокими арочными окнами. Шиферная крыша покатая, прорезанная слуховыми окнами. Там и сям каменная кладка оживлялась темно-зеленым глянцевитым плющом.

Сэм подъехал ко входу, остановился, и они вышли на снег. Кэрри минуту постояла, оглядываясь вокруг. Сэм подошел и встал рядом, глубоко засунув руки в карманы куртки.

— Что скажете? — помолчав, спросил он.

— Скажу, что очень красиво.

— Я же вам говорил, что и речи нет, чтобы сносить фабрику и возводить новое здание.

— Я ведь думала, это черная, мрачная махина заводского типа. А тут прямо настоящая частная привилегированная школа. Недостает только спортивных площадок с футбольными воротами.

— Первые фабричные постройки стояли позади, ближе к реке. А это здание воздвигнуто в 1865 году, так что оно сравнительно новое. Оно было задумано как парадное, чтобы показать товар лицом. Здесь находились контора, торговые залы, комнаты для совещаний и прочее. Был даже читальный зал для служащих — пример отеческого попечительства викторианских времен. Вы, наверное, помните, что производство шерстяных тканей начало развиваться с середины восемнадцатого века. Разумеется, это место было выбрано для строительства фабрики, потому что здесь есть река.

— Тут все в таком порядке. Трудно поверить, что фабрика пострадала от страшного наводнения.

— Соберитесь с духом. Сейчас вы увидите такое…

Он вынул из кармана большой ключ и, вставив его в латунный замок, повернул, а потом толкнул дверь и отступил в сторону. Кэрри прошла мимо него в квадратный холл с высоким потолком.

Ее взору предстала картина полного разорения.

Холл был пуст.

Метка, показывающая уровень воды во время наводнения, достигала почти пяти футов. Выше нее сохранились красивые обои, а ниже они отклеились и свисали со стен безобразными лохмотьями. Пол тоже был сильно поврежден: старые доски сгнили и провалились; сквозь зияющие дыры виднелись балки, черные провалы и далеко внизу — стены фундамента. Воздух был пропитан удушливым запахом сырости и плесени.

— Здесь находилась приемная для посетителей, ведь так важно сразу произвести хорошее впечатление. Она была прекрасно меблирована и устлана коврами, на стенах висели портреты Мактаггертов, основателей

фабрики. Видите, сохранился только лепной карниз, а все остальное после наводнения пришло в такое состояние, что восстановлению не подлежало и было вывезено на свалку.

— Долго ли ждали, когда спадет вода?

— Примерно, неделю. Как только стало возможно, установили промышленные вентиляторы, пытались просушить вещи, но было поздно — спасти ничего не удалось.

— А раньше река разливалась?

— Только однажды. Примерно пятьдесят лет назад. После этого возвели дамбу и шлюз, чтобы регулировать уровень воды. Но на этот раз дожди шли беспрерывно, а тут еще необычайно высокий морской прилив, и река просто вырвалась из берегов.

— Трудно представить.

— Да. Идемте посмотрим, только осторожно, чтобы не провалиться под пол.

Сэм отворил дверь, которая находилась в глубине холла. Кэрри шла за ним. Они попали в просторное, как склад, помещение с полом из каменных плит; свет сюда проникал сквозь стеклянную крышу. Пусто, гулко и пронизывающе холодно. По всему было видно, что это фабричное помещение, о чем свидетельствовали и вмонтированные в пол рамы, на которых когда-то стояли ткацкие станки. Вдоль дальней стены открытая деревянная лестница вела наверх, на галерею.

Заброшенность, уныние, запустение.

— Что здесь делали? — спросила Кэрри, и ее голос эхом отдался от грязных, голых стен и высокого потолка.

— Это ткацкий цех. Фергюс Скиннер — это он управлял фабрикой, когда случилось наводнение, — рассказал мне, что произошло. В ту ночь они работали допоздна, пытались сделать хоть что-нибудь. Надеялись, что вода пойдет на убыль, но не тут-то было. Самый большой финансовый урон нанесла гибель готовой продукции, упакованной и предназначенной к отправке. Фергюс сказал, что, когда он пробрался в контору, вода была ему по грудь. Компьютеры утонули, а в коридоре плавали документы, их туда вынесло водой… Как только вода спала, рабочие принялись спасать, что можно. Отчаянная, но почти безнадежная попытка. Половину всего парка машин можно было пускать на слом, в том числе и немецкие электронные челночные станки, которые установили совсем недавно, когда перешли на новую, очень дорогую технологию. Что сохранилось, так это несколько старых, более примитивных машин и станков, им уже по сорок—пятьдесят лет. Инженеры демонтировали кардочесальную машину и отчистили ее,

пока не заржавела, так что мы сможем снова ее установить. Осталось еще кое-какое итальянское оборудование. Мы хотим послать его в Милан, чтобы его там отремонтировали, и в дальнейшем будем его использовать.

Кэрри слушала заинтересованно и внимательно, но чувствовала, что начинает замерзать. Промозглый холод проникал сквозь толстые подошвы ее сапог, и она вся дрожала. Заметив это, Сэм сжалился:

— Кэрри, простите меня. Когда я сажусь на своего конька, я забываю обо всем на свете. Может быть, дальше не пойдем? Может, хватит с вас?

— Нет. Хочу посмотреть все. Хочу, чтобы вы мне все показали и рассказали, что собираетесь делать, рассказали о своих планах, о том, где что будет. Честно говоря, я сомневаюсь, можно ли тут вообще что-нибудь сделать. Мне кажется, это заведомо невыполнимая задача.

— Ничего невыполнимого нет.

— Но браться за руководство…

— В моих руках огромные возможности. Это сильно меняет дело.

— Пусть так. Но почему эту работу предложили именно вам?

Сэм усмехнулся, мальчишеский задор и нетерпеливая уверенность в себе, казалось, так и рвутся наружу. Он хорошо знал то, о чем говорил. Он был в родной стихии.

— Наверное, потому что я родом из Йоркшира. Знаете, как говорится, волков бояться — в лес не ходить. Пойдемте, пока вы не замерзли, покажу вам остальное…

К тому времени, когда они закончили осмотр и вышли за порог, Кэрри промерзла до костей. Стоя на снегу, она ждала, пока Сэм запрет двери. Обернувшись, он посмотрел на нее — она съежилась в своем теплом шерстяном пальто, руки засунула глубоко в карманы.

— Кэрри, вы совсем закоченели.

— Да.

— Простите. Мне не следовало так долго вас водить.

— Мне самой хотелось посмотреть. Вот только ноги застыли.

— Надеюсь, вам не было скучно?

— Ничуть. Я под большим впечатлением от вашего рассказа.

Он взглянул на часы.

— Половина двенадцатого. Возвращаемся в Криган или хотите чего-нибудь выпить, чтобы согреться? Судя по вашему виду, виски с имбирным вином — как раз то, что нужно.

— Кофе тоже может помочь.

— Ради Бога, все что угодно. Садимся в автомобиль и едем вас

отогревать.

По мощенной булыжником дороге они отъехали от заброшенной фабрики, миновали замечательно красивые ворота, свернули вправо и выехали на шоссе. Потом попетляли по узким улочкам Бакли, пересекли небольшую площадь за памятником жертвам войны. Народу на улицах почти не было, но магазины пестрели вывесками и яркими рождественскими украшениями в витринах. Проехали по переброшенному через лощину каменному мосту над вздувшейся рекой, и Сэм остановил машину у довольно мрачного здания с вывеской «Герцогский герб», выведенной золотыми вычурными заглавными буквами. Кэрри оглядела заведение без всякого энтузиазма.

— Уверен, что в Бакли полно более оживленных мест, но это единственное, которое я знаю, — сказал Сэм. — И оно, в своем роде, уникально.

— Да уж, весельем здесь не пахнет.

— Ничего, мы поправим дело.

Они вышли из автомобиля, прошли по тротуару, и Сэм открыл дверь в зал, откуда пахнуло теплом и пивным духом. Кэрри с опаской вошла следом за ним. Внутри было темно, убого, но восхитительно тепло. В старинном очаге вспыхивали раскаленные угли, над каминной полкой висел стеклянный ящик с огромной рыбиной. На маленьких шатких столиках лежали толстые салфетки, на которые ставили кружки с пивом и пепельницы. В баре сидело всего два посетителя — оба очень старые и молчаливые. Хозяин за стойкой вперился в маленький черно-белый телевизор с приглушенным до шепота звуком. Сурово тикали часы. Вокруг было так мрачно и неприветливо, что Кэрри захотелось повернуться и тихонько выйти вон.

Но у Сэма, кажется, были другие намерения.

— Проходите, — сказал он, и его голос разорвал царившую в баре тишину. — Садитесь сюда, поближе к огню. — Он придвинул ей стул. — Будет вам чашка кофе, если хотите, но, может быть, все-таки попробуете виски с имбирным вином. По-моему, это самый согревающий напиток в мире.

— Хорошо, — согласилась Кэрри.

Она села, сняла перчатки, расстегнула пальто и протянула руки к огню. Сэм подошел к стойке, хозяин оторвался от телевизора и принял заказ. А потом, как водится в провинциальных барах, они с Сэмом начали неторопливый разговор такими тихими голосами, точно делились секретами.

Кэрри сняла меховую шапку, положила ее на стул рядом с собой, поправила примявшиеся волосы, и в этот момент почувствовала, что сидящий у окна старик пристально смотрит на нее. Слезящиеся глаза сверкали негодованием, и Кэрри догадалась, что в «Герцогском гербе» женщина — редкий гость. Она попробовала улыбнуться старику, но тот только пожевал губами и снова уткнулся в свою кружку.

Между тем беседа за стойкой продолжалась. Сэм стоял спиной к ней в классической вальяжной позе человека, пришедшего в свой паб, — нога на латунной перекладине, локоть на полированном прилавке. Бармен, не переставая разговаривать, неторопливо обслуживал его и то и дело посматривал в телевизор, прислушиваясь к тому, что там говорят.

Кэрри наблюдала за ними, откинувшись на жесткую спинку стула и вытянув ноги. Этим утром она узнала Сэма с новой стороны. Всего каких-нибудь три-четыре дня назад этот человек ступил на порог их дома. Дурная погода вынудила его остаться, и он без видимых усилий и деланной непринужденности вошел в их разношерстную компанию… Как вошел бы верный, испытанный друг дома.

Кэрри вспомнила, как охотно, не ожидая просьб, брался он за скучные повседневные дела. Таскал огромные корзины с поленьями, загружал углем ведерко, выгуливал Горацио, разделывал жареного фазана и даже потрошил лосося, которого всучил Элфриде торговец, продающий свежую рыбу прямо из своего фургона. Сэм безропотно убирал снег, возил в супермаркете тележки с покупками, пополнял винный погреб Оскара и, наконец, привез рождественскую елку. Более того, ловко установил ее на шаткую деревянную подставку, а также распутал и подключил электрическую елочную гирлянду, с которой всегда столько мороки.

За этот подвиг Оскар был особенно ему благодарен.

Когда Элфрида решила продать картину, Сэм и тут оказал ей неоценимую услугу — неведомо откуда извлек, как кролика из шляпы, сэра Джеймса Эрскин-Эрла. Когда же затея кончилась неудачей и выяснилось, что картина поддельная, Сэм страшно огорчился. Будто в том, что Элфридино сокровище гроша ломаного не стоит, есть и его вина.

Сэм был из тех людей, которых невозможно не полюбить. У них с Оскаром, человеком весьма проницательным, сразу же установились такие близкие, дружеские отношения, будто и не было разницы в возрасте. Если они оставались вдвоем, им всегда было о чем поговорить — Оскару нравилось вспоминать те времена, когда он мальчиком проводил летние месяцы со своей бабушкой в Корридэйле. Он столько всего знал и о здешних жителях, и о самом этом крае, что мог снабдить Сэма множеством

самых разнообразных и полезных сведений о месте, где тому предстояло жить и работать.

Оскар откровенно радовался обществу человека, так не похожего на него самого и, тем не менее, сразу к себе располагающего. Он восхищался счастливой карьерой Сэма. Мальчик из Йоркшира, он преуспел в своей профессии, работал в Лондоне и Нью-Йорке, а теперь не побоялся взяться за восстановление фабрики. Оскар еще помнил, какие прочные и ноские твиды сходили с мактаггертовских ткацких станков, и теперь его изумляло все: и грандиозные проекты, составленные компанией «Старрок и Суинфилд», и чудеса современной технологии, и дорогостоящие станки, заказанные в Швейцарии, и планы сбыта высококачественной продукции, и программы переподготовки рабочих и служащих — самого ценного достояния старой фабрики.

Время от времени, переделав все дела, Оскар с Сэмом отправлялись в гольф-клуб или в паб в Кригане, чтобы за дружеской беседой в мужской компании пропустить глоток-другой горячительного.

Элфрида, в свою очередь, тоже была очарована нежданным гостем. К тому же она никогда не могла противиться обаянию привлекательного мужчины, особенно если он умел смеяться ее шуточкам и был способен приготовить настоящий сухой мартини. О Люси и говорить нечего: однажды, когда Кэрри пришла к ней на чердак, чтобы поцеловать ее на ночь, Люси призналась, что считает Сэма почти таким же красивым, как Мел Гибсон.

Кэрри, которой было приятно это слышать, спросила:

— Значит, он тебе нравится?

— Да. Он замечательный, и с ним так легко. Обычно я смущаюсь, когда разговариваю с отцами моих подруг и вообще с мужчинами. А Сэм вроде дядюшки, которого знаешь всю жизнь, или старшего друга.

Да, так было. Так бы и оставалось, если бы не то, что случилось вчера.

И сегодня утром.

На самом-то деле ровно ничего не случилось. Бродя за Сэмом по холодному пустынному зданию фабрики, по заброшенным залам и красильным цехам, Кэрри увидела его другими глазами. Описывая разрушения, причиненные зданию во время наводнения, излагая планы на будущее, приводя цифры, от которых у Кэрри кружилась голова, он говорил уверенно и внушительно. Один-два раза он пытался объяснить ей производственные тонкости процессов прядения и ткачества, но она мало что понимала, будто он говорил на чужом языке. Она досадовала на свою тупость, чувствовала робость и смущение, зато Сэм, попав в родную

стихию, удивительно преобразился — он был уже не тот милый, добродушный незнакомец, что появился в их доме несколько дней назад, но человек, облеченный властью, человек, с которым нельзя не считаться и, более того, на пути которого вставать не стоит.

Наконец, Сэм подошел к ней, неся стаканы с напитками и два пакетика с земляными орешками. Водрузив все это на стол, он придвинул свой стул.

— Прошу прощения, — сказал он. — Немного поговорили.

— О чем?

— О футболе. О рыбалке. О погоде. О чем еще?

Для себя Сэм взял пинту темного пива. Подняв высокий стакан, он сказал:

— Slainte.

Их взгляды встретились.

— Этот язык мне незнаком.

— На гэльском это значит «ваше здоровье».

Кэрри отпила глоток и торопливо поставила стакан.

— Очень крепко!

— Лучшее средство, чтобы согреться на морозе.

— А какая ожидается погода?

— Будет оттепель. Вот почему наш приятель приклеился к телевизору. Ветер меняется на юго-западный, он принесет сюда теплые воздушные потоки.

— Значит, снежное Рождество отменяется?

— Вместо снежного и морозного будет снежное и сырое. Дорога на Инвернесс снова откроется.

— И вы сразу исчезнете?

— Нет, — он покачал головой. — Меня пригласили на Рождество, и я остаюсь. Да и ехать-то мне некуда. Но на следующий день после Рождества я с треском хлопнусь с небес на землю, соберу пожитки и… в путь. — Он грустно улыбнулся. — У меня такое чувство, будто каникулы кончаются и надо снова идти в школу.

— Не огорчайтесь. Впереди еще масса развлечений. Во-первых, вечеринка, которую устраивает Элфрида.

— На ней я должен быть непременно. Обещал приготовить сухой мартини.

— Только не слишком крепкий. Не хватало нам какого-нибудь бесчинства. Представляете, леди Эрскин-Эрл отплясывает лихой шотландский танец с Артуром Снидом?

— Страшная картина.

— Когда… когда вы приедете в Инвернесс… вы там надолго останетесь?

— Нет. На следующей неделе мне надо быть в Лондоне. Пару дней перед Новым годом главная контора будет открыта, и Дэвид Суинфилд устраивает совещание. Потом, я думаю, снова в Швейцарию. Сюда вернусь не раньше двенадцатого января.

— А мы с Люси улетаем третьего. Утренним рейсом. — Кэрри закусила губу. — Стараюсь об этом не думать. Люси будет чувствовать себя несчастной, и я не знаю, что сделать, чтобы ее ободрить. Не хотелось бы мне оказаться на ее месте. И свобода, и все радости в жизни остаются здесь, а в Лондоне — надоевшая квартира и мать, которая не слишком ей обрадуется.

— Неужели все так плохо?

— Да, Сэм.

— Грустно. Надо купить ей какой-нибудь приятный рождественский подарок. Чего бы ей хотелось, как вы думаете?

— Как, вы еще не купили подарков? — изумилась Кэрри.

— Вы же знаете, у меня совсем не было времени. Завтра поеду в Кингсферри и все сделаю.

— Завтра? Там будет светопреставление. Толпы народу на улицах, очереди в магазинах.

— В Кингсферри? Не думаю. И потом, я привык покупать подарки на Риджент-стрит или на Пятой авеню в самый канун Рождества. Мне нравится шум и суета. Отовсюду оглушительно несется по радио что-нибудь вроде: «Укрась свой дом гирляндами из хвои». Кайф!

Кэрри засмеялась.

— В дурном сне не приснится! Но я вас понимаю. В конце концов, у вас такой опыт, что главная улица Кингсферри вам нипочем. Вы смело проложите себе путь в толпе.

— Вы так и не сказали, что подарить Люси.

— А что если маленькие золотые кнопки для ушей? Красивые, но не слишком экстравагантные. На тот случай, если ей надоест носить свои колечки.

— Это подарок Рори. Думаю, она не захочет их снимать.

— И все же ей будет приятно, если вы ей подарите еще одни.

— Хорошо, я подумаю.

Они помолчали. Им было спокойно и приятно друг с другом. По улице проехал автомобиль, где-то надрывно кричала серебристая чайка. Сэм взял пакетик с арахисом, аккуратно и ловко его открыл, отсыпал в ладонь

немного орешков и протянул Кэрри.

— Вообще-то, я не люблю арахис, — сказала она.

Он съел пару орешков и бросил пакетик на стол.

— Понимаю Люси. Как-то на днях я подумал, что Усадьба, как корабль, на котором мы чудесным образом уплыли от волнений и тягот привычной жизни. Ловлю себя на постыдной мысли, что мог бы с большим удовольствием неделями плестись на первой передаче, никуда не стремясь и чувствуя себя вполне счастливым.

— По-моему, для вас все это — пустая трата времени.

Он нахмурился:

— Трата времени?

— Зачем вы приехали в Криган? Посмотреть дом Хьюи Маклеллана и, может быть, купить его. Но ничего не вышло. Вас постигла неудача. Теперь вам придется искать другое жилье.

— Это самая пустяшная из моих проблем.

— А я на части разрываюсь. С одной стороны, я была бы рада, если бы в Усадьбе поселился мистер Ховард, директор фабрики. Это достойное жилище для человека, занимающего в обществе высокое положение. С другой стороны, для Оскара и Элфриды Усадьба — это дом, который они так счастливо обрели на закате жизни.

— Для Элфриды это еще не закат. Скорее, зенит. И все, как и в большинстве случаев, сводится к больному вопросу — наличным деньгам. Неудача? Может быть, но никак не пустая трата времени. Ничего подобного.

Кэрри взяла стакан с огненным живительным напитком и сделала еще один большой глоток. Поставив стакан на изрезанный ножом деревянный стол, она подняла глаза на Сэма. *Никак не пустая трата времени.* Произошло что-то непонятное, ей вдруг показалось, что она только сейчас по-настоящему узнала этого человека, и тут же обреченно поняла — слишком поздно, он должен уезжать, все кончено, и, наверное, она никогда его больше не увидит.

Может быть, под действием виски или тепла камина, но Кэрри вдруг охватило какое-то пугающее волнение и вместе с тем неуверенность. Ей вдруг представилась картина: некая жестоко искалеченная жертва несчастного случая, лежащая на больничной койке и опутанная множеством трубок и проводов; вокруг сидят родные и близкие, кто-то держит ее за руку, кто-то, вопреки очевидному, говорит о проблесках сознания и других обнадеживающих признаках. И вдруг чудо. Веки дрогнули, глаза открылись. Жизнь возвращается.

Вчера, в Корридэйле, когда она не выдержала, сорвалась, а потом горько заплакала, Сэм обнял ее и не отпускал, пока слезы не высохли. Тогда она не чувствовала к нему ни нежности, ни волнения от его близости, только сдержанную благодарность и стыд оттого, что так глупо себя вела.

А сейчас… Наверное, началось возвращение к жизни. Холодность, которая была ее единственной защитой, растоплена. Ей хотелось снова любить. Быть любимой…

— Кэрри.

— Да?

— Мы можем поговорить?

— О чем?

— О вас и обо мне.

Кэрри не ответила. Ободренный ее молчанием, Сэм снова заговорил.

— Мы с вами встретились и узнали друг друга в тяжелое время. Мы оба какие-то неустроенные. Наверное, нам нужно время, чтобы привести в порядок наши домашние дела. Ни вы, ни я не свободны. На вас лежит ответственность за Люси, а я все еще женат на Деборе.

Он смотрел на Кэрри серьезно и внимательно. Ему было очень важно, что она ответит.

— Сэм, что вы хотите сказать?

— Просто мы должны дать друг другу время. Вы вернетесь в Лондон, снова въедете в свой дом, начнете работать на новом месте. А я свяжусь с адвокатом Деборы в Нью-Йорке. Уверен, теперь она согласится начать судебную процедуру. Не знаю, как долго это протянется, но так как детей у нас нет, то ни препятствий, ни серьезных осложнений быть не должно. Всего лишь имущественные дела. Квартира, автомобиль, деньги.

— Вы действительно хотите развода?

— Нет, — с откровенной прямотой ответил он. — Не хочу. Но у меня нет выбора. Прежде чем начать новую жизнь, я должен привести в порядок свое прошлое. Избавиться от множества эмоциональных зависимостей.

— Дебора выдержит?

— Надеюсь. И, надеюсь, она еще будет счастлива. Чем она хуже других? Кроме того, у нее есть поддержка — любящая и преданная ей семья.

— Вам придется лететь в Нью-Йорк?

— Возможно.

— Процедура будет болезненной, да?

— Рвать с прошлым, в котором было что-то хорошее, всегда больно. Но когда дело сделано и все кончено, наступает облегчение.

— Мне понятно, о чем вы говорите, — сказала Кэрри.

— Я буду жить и работать здесь, в Бакли. Вы — в Лондоне. В сотнях миль отсюда. Но, думаю, мне постоянно придется летать в Лондон, буду сновать, вроде челнока, туда-сюда на разные встречи, совещания и прочее. Может быть… мы могли бы снова встретиться. Пойти на концерт, куда-нибудь пообедать. Начать сначала. Заново. Будто этой нашей встречи здесь, в Кригане, не было.

Начать сначала. Заново. Им обоим.

— А мне бы не хотелось, чтобы ее не было.

— Я рад. Эти дни такие необыкновенные, правда? Волшебные. Будто украдены у иной жизни, у иного мира. Когда они кончатся и я уеду, то впаду в ностальгию.

Рука Кэрри лежала на столе. В свете, падающем из камина, ее кольцо с сапфиром и бриллиантами сверкало, и в его гранях вспыхивали разноцветные лучи.

— Откуда у вас это кольцо? — спросил Сэм без всякого любопытства.

— Его подарил Андреас.

— А я думал, завещала старая любящая тетушка.

— Нет. Это Андреас. Мы с ним были в Мюнхене. Он увидел кольцо в витрине антикварного магазина, оно лежало на бархатной подушечке. Андреас пошел и купил его.

— Вы должны носить его всегда, — сказал Сэм. — Оно так мило смотрится на вашей руке. Кэрри, как найти вас в Лондоне?

— Туристическое агентство «Оверсиз» на Брутон-стрит. Номер найдете в телефонной книге. А в феврале я вернусь в свой дом на Рэнферли-роуд.

— С тех пор, как я продал дом в Ил-Парк-Коммон и переехал в Нью-Йорк, я в Фулэме не был. Совершу путешествие в прошлое. И вы мне покажете, где вы живете.

— Договорились. Я приготовлю обед.

— Никаких обещаний. Никаких обязательств.

— Да. Никаких.

— Оставляем все, как есть?

— Оставляем все, как есть.

Сэм сказал:

— Вот и ладно.

И, как бы скрепляя договор печатью, он накрыл ее руку своей, а она повернула ее ладонью кверху и обхватила его запястье. Напитки выпиты, нетронутые орехи так и остались лежать на столе. Пора было идти, но они

все медлили. Бармен, рассеянно вытиравший стаканы кухонным полотенцем, снова уставился в телевизор, где шла какая-то юмористическая программа. Два старика сидели, спрятав головы в воротники своих поношенных пальто, древние и молчаливые, как черепахи, погруженные в зимнюю спячку. Сидели и коротали утро, и не было им никакого дела до целого мира, такого огромного и изменчивого.

29
СЭМ

Вечером, в половине седьмого, Сэм снова очутился в пабе, но на этот раз в Кригане и с Оскаром.

— Не хотите ли пойти куда-нибудь выпить? — предложил Оскар, когда они сидели вдвоем в гостиной.

Остальные обитатели дома были заняты своими делами. Кэрри и Элфрида гремели посудой на кухне, готовясь к завтрашней вечеринке и предстоящему Рождеству. После обеда появился Рори Кеннеди с охапкой остролиста в красных ягодах. Они с Люси начали украшать комнаты и все еще этим занимались. С дальней садовой стены они сорвали зеленые побеги плюща и очень старательно и долго увивали двойной гирляндой перила лестницы от самого холла до чердака.

Атмосфера в криганском пабе была гораздо жизнерадостнее, чем в «Герцогском гербе», хотя Сэм подозревал, что всегда будет вспоминать это унылое место с большой и даже несколько сентиментальной нежностью. Здесь, в Кригане, чувствовалось, что праздники уже начались, и бар был полон незнакомых лиц. В одном углу веселилась шумная компания: молодые люди в элегантно-поношенных твидовых пиджаках и их модные подружки с хорошо поставленной лондонской дикцией — видимо, они приехали провести праздники в фамильном охотничьем домике где-нибудь поблизости. По мнению Сэма, который успел забыть, что некогда шумел и орал так же нахально, молодые люди могли бы вести себя и потише, не причиняя неудобства другим посетителям.

Но в общем обстановка была очень приятная. В очагах ярко горел огонь, стены были украшены остролистом, бумажными гирляндами, картонными фигурками оленят и яркими Санта-Клаусами.

Сэм и Оскар немного постояли в очереди к бару и с трудом завладели вниманием бармена, обезумевшего от наплыва жаждущих выпить, но, в конце концов, Оскар заказал два виски «Феймос граус», для Сэма со льдом, для себя с водой. Потом им пришлось поискать свободные места, и поиски увенчались успехом. Они уселись за маленький столик в темном углу и вдалеке от огня, но это не имело значения. В пабе было достаточно тепло.

— Будьте здоровы, — сказал Оскар, отпил глоток и сразу перешел к делу. — Я решил, что здесь нам будет удобнее разговаривать, чем дома. Там телефон звонит не вовремя или кто-нибудь внезапно влетает в комнату что-

нибудь спросить. А я не хочу, чтобы нас прерывали.

— Оскар, ваши слова звучат пугающе.

— Совсем, совсем нет, дорогой мой мальчик, просто у меня затруднения, и я хотел поговорить с вами наедине.

— Что случилось?

— Случилось то, что умер майор Билликлиф. Вы, наверное, слышали… вы знаете, кто такой майор Билликлиф?

— Бывший управляющий, которого вы отвезли в больницу.

— Именно так.

— Сожалею.

— Нам всем его жалко, по разным причинам. Как бы то ни было, он умер. Думаю, что он уже давно был болен, гораздо дольше, чем кто-либо из нас подозревал. Короче говоря, Сэм, он завещал мне свой дом в Корридэйле.

— Но это замечательная новость.

— Я в этом не столь уверен. Дом в довольно запущенном состоянии.

— Мы с Кэрри видели его, когда ездили за елкой. Немного заброшенный и совершенно заваленный снегом, но я бы сказал, что это неплохая, хотя и маленькая, недвижимость. К тому же оттуда открывается замечательный вид.

— Кроме того, — решительно продолжал Оскар, — он оставил мне свою машину и своего Лабрадора, плюс небольшую сумму денег.

Сэм поморщился.

— Ну, я не в восторге от машины. У меня такое впечатление, что мотор больше не заведется. А что касается собаки, так я думаю, это с ней был Чарли Миллер. Может, удастся уговорить его оставить лабрадоршу у себя.

— Хорошо бы.

— Оскар, что вы будете делать с домом майора? Продадите? Или будете использовать его как летний домик, сдавать отдыхающим и зарабатывать на этом деньги?

— Пока не знаю. Мы с Элфридой подумываем, не переехать ли нам туда на постоянное житье. Все зависит от реакции Элфриды, когда она осмотрит дом и окрестности. Понимаете, она еще не видела Корридэйла. До вашего приезда мы вообще мало куда выбирались. Старались не высовываться. И еще она каким-то образом догадывалась, что я боюсь вернуться в те места, где когда-то, давным-давно, был так счастлив.

— Понимаю.

— Мы, конечно, заезжали туда ненадолго, в первый же вечер, потому что нам надо было взять ключ от дома, но было темно и холодно, и мы

устали, а старик Билликлиф был не самый чистоплотный хозяин, так что мы еле дождались, когда можно было убраться оттуда. Потом я заходил к нему, когда он был болен и лежал в постели, и все выглядело еще хуже. Так что наши впечатления от того места чрезвычайно безотрадны, и прежде чем на что-либо решиться, надо хорошенько подумать и всесторонне оценить ситуацию.

— Но понравится ли вам там жить? Ведь это не очень близко?

— Да нет, немного в стороне от дороги, но там повсюду соседи — фермер, Чарли Миллер и Роза, которая служила горничной у моей бабушки. Небольшое общество. Дом, наверное, потребует затрат, чтобы привести его в порядок, и надо все оценить и взвесить, но саму идею нельзя назвать бесперспективной.

— У него, конечно, несколько запущенный вид, но крыша не провалилась, окна целы. А каков он внутри? Сколько комнат?

— Все приусадебные дома построены по единому образцу, две комнаты внизу, две наверху. После войны были пристроены небольшие кухни и ванные.

— Этого не маловато для двоих?

— Думаю, нам хватит. У нас с Элфридой мало вещей.

— А что будет с Усадьбой?

— Вот об этом я и хочу с вами поговорить. Если мы переедем в Корридэйл, то и я, и Элфрида предпочли бы, чтобы моя половина Усадьбы перешла к вам. Это значит, что вы можете связаться с Хьюи и передать ему, что готовы купить весь дом.

— *Если* вы переедете в Корридэйл?

— Да.

— А если Элфрида не захочет там жить? Если, осмотрев дом как следует, вы передумаете?

— Тогда нам снова придется поразмыслить над этой проблемой. Но я почему-то думаю, что будет иначе. Разумеется, придется потратить определенную сумму, чтобы подновить дом, сделать его сухим и теплым, покрасить и тому подобное, может быть, сделать новые оконные рамы. Но мы с Элфридой это осилим. Если я получу за свою часть Усадьбы семьдесят пять тысяч, то в финансовом отношении у нас не будет никаких затруднений.

— Семьдесят пять тысяч, Оскар?

— Вы сами упомянули эту цену.

— Нет, эту сумму назвал *Хьюи*. А то, что вы сию минуту мне рассказали, меняет все дело.

— Не понимаю.

— Ваш двоюродный брат Хьюи, как я понимаю, очень нуждается в наличных, и они ему необходимы прямо сейчас. Вот почему он так старался всучить мне свой ключ от дома и желает избежать платных услуг агента по продаже недвижимости. Лично я полагаю, что Усадьба стоит дороже ста пятидесяти тысяч. Так что вы, Оскар, имеете полное право не уступать. Но прежде чем мы продолжим этот разговор, вы должны вызвать агента для объективной оценки дома, учитывая, что вы хотите его продать, а я хочу купить. После этого проконсультируйтесь с адвокатом, который занимается вопросами собственности. И вам, очевидно, скажут — думаю, так оно и будет, — что дом стоит гораздо больше, чем сто пятьдесят тысяч. Лично я могу прибавить еще пятьдесят. А возможно, и больше.

— Двести тысяч фунтов, столько будет стоить Усадьба? — Оскар от изумления разинул рот.

— По крайней мере. И еще одно, Оскар. Вы можете выставить дом на торги.

— Нет, я хочу продать его *вам.*

— То есть заключить частную сделку?

— Да.

— В этом случае с моей стороны будет вполне законно предложить вам сумму гораздо больше оценочной.

— Я потрясен. Чьи интересы вы защищаете?

— Ваши с Элфридой. У вас замечательная собственность, и мне ужасно хочется купить ее у вас. Но я не прощу себе, если сделка не будет справедливой.

— А у вас есть такие деньги?

— Да, а если бы даже не хватило, то я нашел бы выход. Ведь я работаю в фирме «Старрок и Суинфилд», надежной, как скала, и мне есть на кого опереться. Работа в крупной компании дает известные преимущества.

Совершенно ошеломленный таким поворотом событий, Оскар покачал головой:

— Ну, вы меня купили.

Сэм рассмеялся.

— Не радуйтесь преждевременно. Во всяком случае, пока не осмотрите свою новую недвижимость.

— Дом Билликлифа? Элфрида считает, что мы все могли бы поехать в Корридэйл в воскресенье утром и взглянуть на него. Совершить нечто вроде увеселительной прогулки. Взять с собой еду и устроить пикник в

саду. А если хлынет дождь или пойдет снег, мы устроимся в самом доме. Только мне надо узнать, у кого сейчас ключ. Я позвоню Розе. Она найдет.

— А вы действительно хотите, чтобы мы поехали все вместе? Я считаю, что никто не должен оказывать на вас давление. Вы с Элфридой должны принять решение самостоятельно.

— Ну конечно, надо ехать всем вместе! Элфрида хочет, чтобы вы простукали стены и проверили, нет ли жучка-древоточца.

— Но вы меня искушаете. Я могу сделать вид, что все в порядке.

— Думаю, вы так не сделаете, — и Оскар решительно кивнул головой в подтверждение своих слов, — вы честный человек, Сэм.

— Ну, прямо святой. И чтобы это доказать и скрепить нашу сделку, позвольте вернуть вам комплимент. Ну, раз мы оба теперь собственники, давайте выпьем за здоровье друг друга.

30
ЛЮСИ

И почему мне здесь так нравится? Наверное, потому, что, чего бы я ни пожелала, все непременно исполняется в срок. Сегодняшний день был переполнен неожиданностями. На улице страшно холодно и ветер, от которого становится еще холоднее, но все равно хорошо. Снег уже не идет, но, тем не менее, везде его много, на тротуарах местами слякоть, а местами лед. В магазины за покупками ходим по середине улицы.

Сегодня утром я заворачивала рождественские подарки, извела всю тесьму, пришлось купить еще немного и заодно погулять с Горацио. Мы с ним ходили на побережье, и было так радостно вернуться домой, в тепло. После обеда появился Рори с охапкой веток остролиста, которые он наломал в гостиничном саду (гостиница сейчас закрыта), и до вечера помогал мне украшать дом. Мы везде разложили ветки остролиста, и в большой кувшин на лестничной площадке тоже поставили букет. Потом раздобыли плющ и с помощью зеленой тесьмы перевили им перила всей лестницы сверху донизу. В плюще мы заметили маленьких жучков, которые вскоре исчезли, наверное, расползлись по уютным щелкам. Плющ очень сильно пахнет, но это приятный рождественский запах. Мы с Рори допоздна занимались украшением дома, и Элфрида пригласила Рори остаться на ужин, поэтому мы смогли закончить нашу работу. А в это время Элфрида с Кэрри стряпали в кухне и наготовили всякой еды на ближайшие два дня. К чаю Кэрри напекла пшеничных лепешек.

Около шести, когда Элфрида и Кэрри варили ужин, Оскар с Сэмом пошли в паб, а мы с Рори к их возвращению уже все украсили остролистом и плющом. Оскар сказал, что получилось очень здорово. Сэм сказал, что хорошо бы перевить плющ длинной-длинной гирляндой китайских фонариков, но у нас, конечно, ее не

было, и Сэм сказал, что завтра собирается в Кингсферри, в магазин, и что там купит гирлянду. По-моему, он очень внимательный и щедрый.

На ужин были спагетти с соусом «болоньезе», сыр и сладкий пирог со сливками. Когда после ужина мы сидели и разговаривали, Оскар попросил нас послушать, что он скажет. Мы все замолчали. И он сказал, что у него теперь есть еще один дом. Майор Билликлиф, бывший управляющий имением в Корридэйле, скончавшийся в госпитале в Инвернессе, сделал завещание, по которому оставил Оскару все, чем он владел, в том числе и небольшой коттедж в Корридэйле.

Я там не была, но Сэм с Кэрри, конечно, видели коттедж, когда ездили за елкой. Элфрида тоже там однажды была, правда, уже вечером, в темноте.

И теперь Оскар хочет продать свою половину Усадьбы Сэму и переехать с Элфридой в этот коттедж. Мысль, что их здесь не будет, мне нестерпима, но Элфрида говорит, что Усадьба слишком велика. И правда, когда мы уедем, дом им будет казаться совсем пустым. Элфрида говорит, что у них у двоих хватит денег, чтобы превратить коттедж майора Билликлифа в хорошенький домик, и что им не будет одиноко, ведь у них есть соседи, к которым можно обратиться за помощью.

Но прежде мы все должны съездить в Корридэйл и посмотреть все своими глазами. Мы собираемся туда утром в воскресенье, Сэм повезет нас в «лендровере», и мы устроим пикник. Я спросила, нельзя ли взять с собой Рори, а Элфрида говорит: «Конечно, само собой». Едем утром, с тем чтобы вернуться засветло, и если повезет и будет солнце, то получится настоящий праздник.

Уже десять часов вечера, и я, честно говоря, устала.

Надеюсь, что коттедж нам понравится. Вообще-то, по-моему, хорошо, что Оскар вернется в Корридэйл, где был дом его бабушки. Будто колесо жизни совершило полный оборот. Оскар такой славный, и я, правда, очень хочу, пусть этот коттедж окажется

замечательным, чтобы, когда вернусь в Лондон, я знала, что им с Элфридой там будет весело.

Подарки, которые я завернула в нарядную бумагу, выглядят классно. Я их положила под елку в столовой. И уже видела там несколько свертков. Я их рассмотрела — они для всех для нас от Кэрри. И еще будет куча подарков, если повезет.

31
ВЕЧЕРИНКА У ЭЛФРИДЫ

В это утро Сэм первым спустился вниз. Было только восемь часов, и остальные домочадцы еще спали. Войдя в кухню, он поставил чайник, открыл дверь черного хода и выпустил Горацио в сад. Погода совершенно переменилась. Бармен из «Герцогского герба» оказался прав — холод в это еще темное утро уже потерял свою колючую пронзительность. Ночью северный ветер переменился на западный, и сосны тихо шелестели под его смягчившимся дуновением. При свете уличного фонаря Сэм заметил, что снег подтаял и кое-где проглянули клочки прошлогоднего дерна. В воздухе пахло мхами и влажной землей.

Когда Горацио вернулся, Сэм вошел в дом и увидел в кухне Люси. Она делала тосты.

— Привет, уже за работой?

— Я проснулась — еще семи часов не было — и стала читать, а потом услышала, как кто-то спустился вниз, и встала. Вы едете в Кингсферри?

— Да. Поедешь со мной? Надо купить рождественские подарки до наплыва народа. Ты могла бы мне помочь.

Дороги были мокрыми, лед растаял, и небо постепенно светлело. Проезжая через мост над морским заливом, они увидели внизу темно-стальные воды. Залив вонзался в гряду холмов на западе, все еще покрытых снегом, который, очевидно, не растает до конца зимы. На восточной стороне ветер бороздил море крутыми гребешками волн, и над прибрежным пастбищем летела пара журавлей.

— Правда, похоже на старинную картину? — спросила Люси. — Ну, вы, наверное, видели такие у богатых людей в их громадных домах. Они висят в столовых.

— Да, и я понимаю, что ты имеешь в виду. Картины не слишком веселые, но впечатление производят.

— А вы хотите остаться жить здесь, в Шотландии?

— Да, наверное. Думаю, я полюблю здешние места.

— А я хотела бы приехать сюда летом. Рори говорит, что летом здесь здорово. Они виндсерфингом занимаются. А Табита сказала, что на дюнах растут цветы невероятной красоты, а в садах полно роз.

— Сейчас трудно это представить.

— А вы действительно собираетесь жить в этом доме?

— Если Оскар захочет продать его мне.

— Но для одного человека дом слишком большой.

— А я стану жить во всех комнатах поочередно.

— И сделаете дом ужасно современным и модным?

— Не знаю, Люси. — Сэм вспомнил квартиру в Нью-Йорке, неузнаваемо изменившуюся, когда Дебора и ее дизайнер по интерьеру закончили ремонт. — Вообще-то, он мне и так нравится.

— А моя бабушка любит, как она говорит, «украшать комнаты». Гостиная у нее розово-голубая и много разных фарфоровых безделушек.

— А у нее большая квартира?

— Даже очень. И там хороший вид из окна на реку. Но моя комната выходит на другую сторону и у меня перед окном двор, он как колодец, так что вида никакого. — И затем, спохватившись, как бы Сэм не подумал, что она жалуется, Люси добавила: — Но я *очень* люблю свою комнату, потому что она только моя.

— Хорошо иметь собственное жилье.

— Да. — Немного помолчав, она призналась: — Странно, здесь я почему-то совсем не думаю о Лондоне. Обычно я радуюсь, когда возвращаюсь в школу после каникул и встречаюсь с друзьями, а сейчас мне как-то все равно.

— Да, я тоже. Вот пройдет праздник, и снова надо будет ехать в Инвернесс, погружаться в дела…

— Но вы ведь вернулись сюда насовсем. Чтобы здесь жить.

— Ты тоже можешь вернуться, — напомнил Сэм, — и жить с Элфридой и Оскаром.

— Но не в Усадьбе. А в коттедже, если им придется переехать, может не оказаться лишней спальни.

— Вот уж не думаю, что такая мелочь смутит Элфриду. Она положит тебя спать в ванной, или на диване в гостиной, или в палатке в саду.

— А что, летом это даже забавно.

Впереди уже светились огни Кингсферри: на шпиле церкви и на городской ратуше.

— Вы уже решили, что кому подарить?

— Нет. Но, думаю, меня должно посетить вдохновение.

В тот момент, когда они въехали на главную улицу, часы на ратуше пробили девять. Утренняя суета была в разгаре: магазины открылись; повсюду, брызгая водой и грязью, сновали машины; люди покупали утренние булочки и газеты. Из грузовика сгружали ящики с фруктами и овощами, охапки остролиста и маленькие рождественские елочки.

Парковочная площадка за церковью была уже заставлена машинами, но Сэм нашел свободное местечко, заплатил за стоянку, и они отправились пешком по магазинам.

Люси не очень любила делать покупки. Когда в Лондоне она ходила с матерью в магазины, то сначала была полна энтузиазма, но, пробегав часа два по душным универмагам и постоянно дожидаясь, пока Никола решит, какие туфли или губную помаду выбрать, начинала скучать, жаловаться на жару и требовать, чтобы ей разрешили вернуться домой.

Однако с Сэмом делать покупки было одно удовольствие. Они носились «как ошпаренные», говоря словами миссис Снид, принимали решения внезапно и никогда заранее не спрашивали, сколько что стоит. Сэм за все платил кредитной карточкой, и Люси начала подозревать, что он ужасно богатый человек.

Покупки накапливались, пластиковые пакеты раздувались: кардиган из кашемира цвета морской волны для Элфриды, кожаные перчатки с меховой подпушкой для миссис Снид, пишущая ручка «Монблан» для Оскара, ежедневник в переплете из лучшей итальянской кожи — для него же.

Люси увидела несколько рулонов золотистой оберточной бумаги.

— А у вас есть, во что заворачивать подарки?

— Нет.

— Тогда купим? И еще ленты и карточки?

— Выбирай сама. Если в Нью-Йорке что-нибудь покупаешь, то там продавщица всегда спрашивает: «Вам завернуть как подарок?» И если отвечаешь утвердительно, она сама все делает. А я не заворачивал подарки много лет, и, наверное, у меня плохо получится.

— Я все заверну для вас, — пообещала Люси, — но карточки вы должны надписать сами.

Она отошла и вскоре вернулась с шестью рулонами бумаги с изображением остролиста в красных ягодах и с мотком красно-золотой ленты.

Они уже порядком нагрузились, а Сэм еще далеко не покончил с подарками. В бакалейной лавке «под старину», где пахло примерно так же, как на первом этаже универмага «Фортнэм и Мэйсон», а на двери красовалась золотая надпись «Итальянские продукты», Сэм долго выбирал и покупал деликатесы: копченую лососину, перепелиные яйца, банку икры, большие коробки шоколадных конфет марки «Бендик» и стилтон в глиняном горшочке. Продавец, распознавший в нем выгодного покупателя, был крайне любезен. Посовещавшись, они остановили выбор на дюжине бутылок какого-то особенного кларета, четырех бутылках шампанского и

одной — коньяка.

Выставленные на прилавок, бутылки представляли внушительное зрелище.

— А как же мы все это увезем домой? — удивилась Люси, но продавец сказал, что он доставит покупки сам на фирменном грузовичке.

Сэм назвал свое имя и адрес Усадьбы и снова достал кредитную карточку. И когда со всеми хлопотами было покончено, продавец вышел из-за прилавка и предупредительно распахнул перед ними дверь, пожелав обоим счастливого Рождества.

— Да, так покупать гораздо приятнее, чем толкаться в супермаркете, — призналась Люси, — но вы еще не всем купили подарки.

— Что же подобрать для Кэрри?

— Наверное, коробку шоколадных конфет?

— Не думаю, что она сладкоежка.

— Ну, тогда какое-нибудь украшение? Здесь недалеко ювелирный магазин. Я знаю, потому что Рори водил меня туда прокалывать уши, и там же мы купили мне медицинские сережки.

— А ну-ка покажи, где это?

Тут Сэм заметил художественный салон.

— Давай-ка заглянем сюда, — предложил он.

Они перешли через дорогу, остановились перед витриной и стали ее разглядывать. Там стоял бело-голубой кувшин с двумя веточками, а на мольберте покоилась небольшая картина в золотой раме: розы в серебряной вазе, три пунцовые и одна белая, рядом с вазой что-то вроде шарфика, и все это на фоне занавески.

Сэм долго молчал, и Люси, взглянув на него, поняла, что его по какой-то причине очень заинтересовал этот натюрморт.

— Вам нравится? — спросила она.

— А? Что? Да, нравится. Это Пеплоу.

— Что?

— Это картина Сэмюела Пеплоу. Шотландского художника. Давай зайдем.

Он открыл дверь и вошел. Они оказались в довольно большой комнате, все стены которой были увешаны картинами. Здесь также были выставлены и другие предметы искусства: статуэтки, декоративные, ручной работы горшки, которые, как показалось Люси, сразу протекут, если в них налить воду. В углу за столом сидел чрезвычайно худой молодой человек в огромном мешковатом свитере домашней вязки. У него были густые взъерошенные волосы и небритый подбородок. При появлении Сэма и

Люси он с утомленным видом встал.

— Здравствуйте.

— Доброе утро, — ответил Сэм, — картина у вас в витрине…

— Да, это Пеплоу.

— Подлинник?

— Разумеется. Я с копиями дела не имею.

Сэм невозмутимо продолжал:

— А я могу взглянуть на нее?

— Если желаете.

Молодой человек подошел к витрине, открыл ее, снял картину с мольберта и, подойдя к Сэму, поднял так, чтобы на нее падал верхний свет.

Сэм поставил на пол пластиковую сумку:

— Позвольте мне, — и он осторожно взял в руки картину.

Наступило молчание. Сэм внимательно изучал ее, а молодой человек, очевидно, не в силах больше стоять прямо, оперся спиной о край стола и сложил руки на груди.

Все долго молчали, и Люси, заскучав, стала бродить по комнате и рассматривать другие картины, по большей части — абстрактную живопись, а также керамику и скульптуру. Ее внимание привлекла композиция под названием «Рациональность номер Два», состоящая из двух кусков дерева, соединенных ржавой железной проволокой. Люси посмотрела на ценник: «500 фунтов» и подумала, что если ей когда-нибудь срочно потребуется большая сумма денег, то она может соорудить композицию не хуже.

Мужчины наконец нарушили молчание.

— Как она к вам попала? — спросил Сэм.

— Из одной старой усадьбы. На распродаже. Умерла некая старая леди. Она дружила с Пеплоу до самой его смерти. Кажется, картина была свадебным подарком.

— Вы проявили проницательность, купив ее.

— Вовсе нет. Я выкупил ее у дилера. А вы поклонник Пеплоу?

— У моей матери была одна его картина. Теперь она принадлежит мне и хранится на мебельном складе в Лондоне.

— Ну, в таком случае…

— Нет, я покупаю ее не для себя.

— А для кого? — вмешалась Люси.

Сэм, очевидно, забыл о ее существовании.

— Люси, мне придется тут немного задержаться. Тебе незачем торчать около меня. — Он нащупал в заднем кармане брюк бумажник, вытащил из

него три десятифунтовых бумажки и сунул девочке в руку. — Мы еще не купили китайские фонарики для перил. Возле итальянской лавки есть магазин электротоваров. Сбегай туда, купи лампочек и договорись о доставке, а потом возвращайся сюда. Оставь свои сумки здесь. Не надо тащить все с собой. А если увидишь еще что-нибудь подходящее, то покупай. Договорились?

— Договорились, — ответила Люси.

Она положила деньги в карман (целых тридцать фунтов!), сунула свои сумки под стул и направилась к двери. Девочка поняла, что Сэм хочет отделаться от нее, и догадывалась, почему: во-первых, чтобы она не знала, сколько стоит картина, и во-вторых, потому что он еще не купил подарка для нее самой.

Она очень надеялась, что Сэм не купит ей какой-нибудь замысловатый горшок. Интересно, подумала она, уж не Кэрри ли предназначается картина Сэмюела Пеплоу? А, между прочим, на тридцать фунтов можно купить несколько ярдов китайских фонариков!

Немного поторговавшись, Сэм купил картину. Пока ее упаковывали, он вышел из салона и быстро отыскал на другой стороне улицы ювелирный магазин. Его витрина была уставлена серебряными рамками для фотографий и каминными часами с лепниной и завитушками. В магазине был большой выбор сережек, и он купил золотые в виде маргариток. Продавщица положила их в коробочку, а потом завернула в блестящую бумагу. Сэм заплатил, сунул коробочку в карман и вернулся в галерею. Молодой человек отказался принимать у него кредитную карточку, и Сэму пришлось выписать чек.

— На кого? — спросил он.

— На меня.

— А имя у вас есть?

— Да, — и молодой человек подал Сэму визитку. — Тристрам Найтингейл.[20]

Сэм, выписывая чек, невольно подумал, что с таким причудливым именем немудрено быть занудой. Тут появилась Люси с коробкой в руках.

— Ты купила гирлянды?

— Да. Целых четыре. Думаю, хватит.

— Наверняка. Мы попросим Рори помочь нам украсить лестницу. — Сэм отдал чек молодому человеку и поднял упакованную и туго завязанную картину. — Большое спасибо.

Тристрам Найтингейл проводил их до двери.

— Приятного Рождества, — сказал он на прощанье.

— И вам того же, — ответил Сэм и, когда они удалились на расстояние, недосягаемое для слуха продавца, добавил: — Среди роз, мистер Найтингейл.

— Мистер *кто*? — переспросила Люси.

— Его зовут Тристрам Найтингейл. Ну и родители, разве можно так называть младенца! Неудивительно, что ему жизнь не мила.

— Какое странное имя… Хотя, может, он уже привык к нему. Сэм, а для кого картина?

— Для Кэрри. Но ты ей не говори.

— Конечно, не скажу. Наверное, она ужасно дорогая?

— Да, но когда вещи так дорого стоят, это уже не вещи, а выгодное помещение капитала.

— Я думаю, что это очень красивый подарок. Когда Кэрри вернется в Лондон, на Рэнферли-роуд, то сможет повесить ее у себя в гостиной.

— Мне так и хотелось.

— Она будет смотреть на картину, вспоминать Шотландию, Криган и все-все.

— И об этом я тоже подумал.

— А вы когда-нибудь опять встретитесь?

— Не знаю, — Сэм с улыбкой взглянул на Люси, — но надеюсь.

— И я тоже, — и, немного помолчав, Люси добавила: — Хорошее было утро. Спасибо, что взяли меня с собой.

— Спасибо тебе, что поехала со мной. Ты очень мне помогла.

*** * ***

К половине шестого вечера дом был уже полностью готов к праздничному приему.

На входной двери красовался венок из остролиста, а верхние огни ярко высвечивали картонку, прилепленную к двери, с надписью: «Добро пожаловать!». Это, как считала Элфрида, избавит гостей от необходимости звонить, Горацио — лаять, а хозяев — бегать вверх-вниз, чтобы приветствовать вновь прибывших. В открытую дверь столовой видна была рождественская елка во всем своем пышном блестящем убранстве и груда подарков под ней. Широкая лестница была увита остролистом, плющом и гирляндами ярко сверкавших китайских фонариков.

Площадку лестницы превратили в бар. Оскар и Сэм перенесли туда большой стол из гостиной и покрыли белой скатертью, точнее, одной из лучших льняных простынь, выстиранных миссис Снид. На столе аккуратно расставили бутылки, ведерко с кубиками льда и ряды до блеска отполированных стаканов. Чтобы это приготовить, потребовалось немало времени и усилий, и когда приехала чета Снидов, чтобы завершить последние приготовления, то есть разогреть крохотные пиццы и насадить на шпажки горячие сосиски, все отправились приводить себя в порядок. Из-за дверей доносились шум воды, жужжанье электрических бритв и тянуло влажным ароматом гелей для душа.

Горацио, пробравшийся наверх в поисках подходящей компании, обнаружил там только Снидов и ушел в гостиную, где уютно устроился перед ярко горящим камином.

Первым появился Оскар. Он закрыл за собой дверь спальни и немного постоял в одиночестве, любуясь преобразившимся домом. Он оглядел аккуратную вереницу чистейших бокалов, сверкающих под ярким светом люстры, зеленые с золотом бутылки шампанского, торчащие в ведерке со льдом, белоснежные льняные салфетки и скатерть и празднично украшенную лестницу.

Слишком пышно, подумал Оскар, для дня холодного зимнего солнцестояния. Это был единственный праздник, который он обещал Элфриде отметить. Усадьба, в обычные дни такая неулыбчивая, строгая на вид, а теперь нарядная и разукрашенная снизу доверху, напоминала ему чопорную пожилую тетушку, которая пышно нарядилась и блистает всеми своими драгоценностями.

Он и сам сегодня был в любимом сюртуке и лучшей шелковой рубашке. Элфрида подобрала ему галстук и настояла, чтобы он надел черные с золотом бархатные домашние туфли. Ему не хотелось вспоминать, когда он наряжался в последний раз, и он просто с удовольствием ощущал ласковое прикосновение шелка рубашки к коже и аромат одеколона.

Элфрида, которая все еще стояла в халате перед зеркалом, надевая серьги, сказала, что он выглядит «потрясающе».

Из кухни доносились голоса супругов Снид и перезвон посуды. Сегодня миссис Снид пришла не в обычной рабочей одежде, но в лучшем черном платье, расшитом цехинами, позвякивающими на груди. Она уложила волосы и украсила свою прическу черным шелковым бантом.

Пока Оскар принимал душ, брился и одевался, одновременно разговаривая с Элфридой, он не позволял себе думать о прошлом Рождестве в Грейндже: о горах снеди, множестве гостей, чрезмерном

количестве подарков и слишком большой елке. Глория всегда с энтузиазмом демонстрировала свою прирожденную щедрость.

Он уже давно избегал воспоминаний, но сейчас, в этот редкий момент одиночества, отдался им без сопротивления. Ему казалось, что прошлое Рождество было давным-давно, в какой-то другой жизни. Он едва мог поверить, что минуло всего двенадцать месяцев. Он подумал о Франческе, вспомнил, как она сбежала вниз по большой лестнице в холл Грейнджа, увидел ее развевающиеся на бегу волосы, ее черное бархатное платье — материнский подарок. Она словно дорожила каждым мгновением жизни и опасалась растратить ее впустую.

Совсем недавно воспоминание о дочери наполнило бы его сердце невыносимым горем. Но сейчас Оскар благодарил судьбу за то, что Франческа навсегда останется частью его жизни, за то, что после всего случившегося он сумел выжить и, более того, оказался в кругу друзей, которые всемерно его поддерживали.

Внизу открылась кухонная дверь и раздался голос миссис Снид, отдававшей мужу приказания. Потом на лестнице показался Артур с подносом орехов и того, что миссис Снид называла «канапе»: маленьких крекеров с паштетом и другими вкусными пастами. Артур сегодня надел свои лучшие серые брюки из шерстяной фланели и блейзер, украшенный на груди золотой эмблемой его боулинг-клуба.

Взойдя на последний марш, он увидел Оскара,

— А вот и вы, мистер Бланделл, при полном параде! Жена велела подать вот это наверх, в гостиную, и всех обнести. А горячее подадим попозже. Вот только *Орацо* сюда пробрался. Бьюсь об заклад, нежится сейчас у огонька. Не хотелось бы, чтобы он все слопал.

— А мы поставим все так, чтобы он не достал…

И Оскар провел Артура в большую комнату, теплую и приветливую. Горели все лампы, в камине пылал огонь, Элфрида расставила повсюду кувшины с остролистом и белыми хризантемами, но главным украшением гостиной был букет чудесных заморских лилий, подаренный ей Люси и теперь благоухавший в большой вазе. Артур доставил лилии сегодня утром. Они были завернуты в целлофан и перевязаны широкой розовой лентой с большим бантом. Элфрида чуть не расплакалась, так была тронута. Лилии красовались на маленьком столике около дивана. Их экзотические лепестки постепенно раскрывались в тепле, источая тяжелый, почти тропический аромат.

Оскар и Артур поставили поднос повыше, чтобы Горацио не смог до него добраться, но пес, лежавший у камина, притворился, что крепко спит и

ему нет никакого дела до «канапе». Оскар хотел было прогнать его, но тот так уютно устроился, что у Оскара духа не хватило. Он спустился вместе с Артуром к бару, где они встретили Сэма в щегольском темном костюме и прекрасной рубашке в бело-синюю полоску.

— Вы знакомы с Сэмом Ховардом, Артур?

— Не думаю, что имел удовольствие. Приятно познакомиться с вами.

— Артур будет нашим барменом, Сэм.

— А вы умеете открывать шампанское, Артур? — спросил Сэм.

— Ну, не могу сказать, что имел много практики в этом деле, я сам-то любитель пивка. По телевизору показывали, что надо немного потрясти и повертеть бутылку, будто это пожарный шланг. И тогда забьет струя. Мне, признаться, всегда жалко было, что столько добра пропадает.

Сэм рассмеялся.

— Я с вами полностью согласен. Но можно обойтись без стрельбы пробками в потолок и фонтанов пены. — Он взял бутылку шампанского из ведерка. — Для этого надо осторожно распутать проволоку вокруг горлышка и немного ее ослабить, а потом вынуть пробку… вот так. И вращать нужно не пробку, а бутылку, причем очень медленно.

Он подтвердил свои слова делом, и пробка почти беззвучно выскользнула из бутылки. Золотистое вино вспенилось в подставленном вовремя бокале, и ни одной капли не пролилось.

— Вот это да, — сказал Артур. — Никогда не думал, что такое можно сделать по-тихому.

Элфрида, подмазав последнюю ресничку, посмотрела на свое отражение в длинном зеркале гардероба. Черные шелковые брюки, прозрачная черная блузка, поверх которой надет свободный жакет из зеленого шелка. Висячие серьги и длинные нити бус казались зеленоватыми, отражая ткань жакета. Голубые веки, алый рот и пламенеющие, как только что разгоревшийся огонь, волосы.

Она надеялась, что новые друзья не сочтут ее чересчур экстравагантной.

Выйдя из спальни, она увидела у импровизированного бара Артура Снида, полностью готового к исполнению обязанностей.

— Артур! Вы такой красивый сегодня. А где миссис Снид?

— Кончает готовить котлетки «по-киевски», миссис Фиппс. Через минуту поднимется. Вы смотритесь потрясающе. Я бы вас и не узнал, встреться вы мне на улице.

— Спасибо, Артур. А все остальные уже готовы?

— Сидят у огонька. Гости вот-вот наедут.

— Я надеюсь, они сами войдут, без звонка, но если что, вы не сможете спуститься и открыть дверь?

— Сделаю, миссис Фиппс. А сейчас как насчет стаканчика шипучего? Остальные уже запаслись. Для поднятия духа, как сказал мистер Бланделл. Но, сдается, ему в такой праздник дух поднимать не потребуется.

Артур налил Элфриде шампанского, и с бокалом в руке она прошла в гостиную. И комната, и все присутствующие, казалось, сошли со страниц иллюстрированного журнала в яркой глянцевой обложке. Люси высоко зачесала волосы, и со своей тонкой шейкой и серьгами в ушах казалась повзрослевшей. Лицо Кэрри разрумянилось, и Элфрида не могла припомнить, когда у нее так сияли глаза. Кэрри надела черное платье с закрытым горлом, но без рукавов, с юбкой, струившейся мягкими складками от узких бедер до самых щиколоток, и открытые серебряные босоножки на высоком каблуке. На пальце у нее сверкало сапфировое кольцо, в ушах — бриллиантовые серьги. Элфриде казалось, что в Кэрри невозможно не влюбиться сразу и навсегда, и она не могла понять, как это Сэм может сосредоточенно играть в карты, словно считая потрясающую красоту Кэрри само собой разумеющейся. Хотя это, наверное, обнадеживающий признак. Больше всего на свете Элфриде хотелось, чтобы Кэрри снова была счастлива, но Оскар прав, слишком рано еще строить планы и заниматься сватовством. Пока нужно радоваться уже самому появлению Сэма и тому, что они с Кэрри вроде бы подружились.

Все были заняты разговором, поэтому только Оскар, который стоял у камина, видел, как вошла Элфрида. Их взгляды встретились, и на мгновенье им показалось, что в этой ярко освещенной людной комнате их только двое. Он поставил стакан на полку, подошел и взял Элфриду за руку.

— Ты само *совершенство,* — сказал он.

— Нет, просто старая актриса. Но очень счастливая старая актриса.

И она осторожно, чтобы не испачкать помадой, поцеловала его в щеку.

— Ну, а ты как, Оскар? — Они очень хорошо понимали, в чем суть ее вопроса. — Нормально?

Он кивнул. Тут кто-то позвонил в дверь. Горацио вскочил с оглушительным лаем и бросился вниз по лестнице.

Элфрида рассмеялась.

— А я-то старалась!..

— Я спущусь, — встрепенулась Люси в тайной надежде, что явилось семейство Кеннеди: она сгорала от нетерпения произвести впечатление на Рори.

Послышались голоса:

— Мы первые? Мы пришли слишком рано?

— Ну конечно не рано, — возразила Люси. — Мы ждем вас. Давайте мне ваши пальто. Все уже наверху.

И вечеринка началась.

В четверть девятого она закончилась. Супруги Ратли, Синклеры и Эрскин-Эрлы отбыли, задержались только Кеннеди, которые приехали в Усадьбу после ежегодной рождественской встречи в Доме престарелых. Питер, который был сегодня в облачении священника, с белым воротничком, похожим на собачий ошейник, объявил, что по горло сыт чаем и булочками, но с благодарностью опрокинул бы стаканчик виски в веселой компании.

Сэм подбросил в камин дров, и все с удовольствием опустились в кресла, давая отдых усталым ногам. Рори и Люси ушли на кухню помочь миссис Снид и Артуру с мытьем посуды и уборкой, оттуда доносились их веселые голоса и смех.

Элфрида, подложив под спину подушки и сбросив туфли, сказала:

— Просто не верится, что все уже позади. Мы суетились целый день, и вдруг оказалось, что уже восемь вечера и гости поглядывают на часы и говорят, что пора отправляться восвояси.

— Это признак удачной вечеринки, — заметил Питер, — время летит как на крыльях, когда людям хорошо.

Он восседал в большом кресле, а у его ног на ковре уютно устроилась Табита.

— Мне понравилась леди Эрскин-Эрл, — сказала Кэрри. — В своей пушистой шали и жемчугах она была похожа на маленького пони из горной Шотландии.

— Это наша звезда, — рассмеялась Табита.

— Они с миссис Снид болтали без передышки.

— Это потому, что обе работают в комитете по сбору средств для церкви и «Женского института». Впрочем, Элфрида, попросив миссис Снид и ее супруга помочь вам, вы могли не опасаться затянувшихся пауз в разговоре.

— Артур оказался мастером на все руки, — вставил Оскар. — Успевал быть и дворецким, и барменом, принимал заказы на цветы и фрукты к Новому году. Эмма Эрскин-Эрл заказала ему хризантемы, а Джэнет Синклер — шесть авокадо. Джэнет очаровательна, жаль, что мы с ней прежде не были знакомы, хотя ее муж приходил лечить Кэрри.

— Между прочим, — добавила Кэрри, — Джэнет архитектор. И три дня в неделю работает в Кингсферри.

— Причем, — вмешался Питер, — весьма успешно. Это она спланировала новое крыло Дома престарелых, и очень удачно. Правда, теперь, с новой пристройкой, основное здание выглядит немного мрачно. — Он поставил стакан на стол и, взглянув на часы, сказал: — Табита, дорогая, нам надо двигаться,

— Ой нет, не уходите, — взмолилась Элфрида. — Сейчас у нас самая лучшая часть вечеринки: мы обсуждаем, что и как прошло. Оставайтесь, и мы вместе поужинаем на кухне. Прикончим все остатки и поедим супа. Кроме того, у нас еще есть копченая лососина, Сэм подарил. И еще чудесный стилтон.

— Вы правда хотите, чтобы мы остались? — спросила Табита. — У нас дома на ужин только яйца всмятку.

— Тем более вы должны остаться.

— Пойду посмотрю, как дела на кухне, — поднялась с дивана Кэрри. — Нет, Сэм, не вставайте, вы сегодня хорошо потрудились.

— Спасибо, дорогая, — обрадовалась Элфрида. — Если понадобится помощь, ты только свистни.

— Обязательно.

Кэрри вышла и плотно притворила за собой дверь гостиной. На лестничной площадке остался только стол под белой скатертью. Супруги Снид, Рори и Люси уже убрали бутылки, стаканы и все прочее.

И тут зазвонил телефон. Кэрри взглянула на него удивленно и сняла трубку:

— Алло.

— Это кто? — Женский голос был отчетлив, но в нем слышалась некоторая нерешительность.

— Это Кэрри.

— Кэрри, это Никола. Я звоню из Флориды.

— Господи, что случилось? Как ты?

— Я замечательно. Просто чудесно. А ты?

— У нас только что закончилась вечеринка. Сидим, приходим в себя.

— Люси далеко?

— Внизу, помогает наводить порядок. Она хорошо повеселилась. Сейчас я ее позову.

Кэрри положила трубку на стол и пошла вниз. В кухне был полный порядок, а миссис Снид уже надела свое манто из искусственного каракуля и застегивала серебряные пуговицы. Артур с наслаждением допивал пиво,

Рори стоял, прислонившись к раковине, а Люси сидела на кухонном столе, болтая ногами.

— Вечеринка получилась — первый класс! — возбужденно воскликнула миссис Снид и негромко икнула. Черный шелковый бант на ее голове слегка съехал на сторону, придавая ей немного бесшабашный вид. — Очень приятная собралась компания.

— Да, мне тоже понравилось, — сказала Кэрри. — Люси, быстро беги наверх. Мама звонит.

Девочка едва заметно вздрогнула и с тревогой взглянула на Кэрри.

— Мама?

— Да. Из Флориды. Быстро беги, потому что звонить оттуда — очень дорогое удовольствие.

Люси соскользнула со стола, посмотрела на Рори, потом опять на Кэрри, вышла из кухни и поднялась по лестнице.

Кэрри закрыла за ней дверь.

— Подумать только, — подал голос Артур, — звонит из самой Флориды. Даль такая.

— Но там еще день. Всего пять часов разницы, — проинформировала всех с очень важным видом миссис Снид. Застегнув манто, она сняла замшевые вечерние туфли, натянула крепкие, на толстой подошве, сапожки и теперь была готова идти домой.

— Люси очень мне помогла, что верно, то верно: мы все быстро делали, ну как ошпаренные, правда, Рори? Артур убрал все съестное на холод, а для Горацио я собрала остатки сосисок. Пойдет ему завтра на обед.

— Вы отлично со всем справились. Благодаря вам вечеринка прошла без сучка, без задоринки, — поблагодарила Кэрри.

Артур осушил стакан до дна.

— А я согласен с женой. Компания собралась подходящая. Покупатели. И скажите своему дружку, что я очень ему благодарен за науку. Теперь-то уж я знаю, как открывать шампанское. Да, настоящее искусство, можно сказать. Когда мы в следующий раз соберемся с приятелями в боулинг-клубе, я им покажу, как здорово управляюсь с бутылкой.

— Артур, вы просто молодчина.

— Да я всегда говорю: если в какой день чему-то научаешься, значит, этот день хороший.

Миссис Снид собрала вещи: сумочку и пластиковый пакет со своими выходными туфлями.

— Спокойной вам ночи, Кэрри.

— Доброй ночи, миссис Снид. Желаю вам веселого, счастливого Рождества.

— И вам того же самого. И передайте миссис Фиппс, что я буду в четверг, как обычно.

Когда супруги Снид, взявшись за руки, ушли в ночь и кухонную дверь заперли, Рори спросил:

— А зачем позвонила мама Люси?

— Не знаю, Рори. — Кэрри сняла с крючка передник Элфриды и повязала его поверх черного платья. — Наверное, чтобы пожелать счастливого Рождества.

— Но ведь Рождество еще через два дня.

— Может, хочет поздравить заранее. Рори, Элфрида просит тебя и твоих родителей остаться поужинать с нами, поэтому мне надо кое-что приготовить.

— Вам нужна помощь?

— Да ты сегодня и так уже потрудился достаточно.

— И с удовольствием помогу еще. Это лучше, чем болтать наверху ни о чем…

— По-моему, у тебя и это неплохо получается.

— Со знакомыми — да. Так что делать?

— Может, накроешь на стол? Нас восемь человек. Ножи и вилки в том ящике, а тарелки в буфете. И в холодильнике лежит копченая лососина. Она уже, наверное, нарезана, так что ее надо просто выложить на блюдо, и еще намазать маслом хлеб.

Кэрри ушла в холодный чулан и вернулась с огромной кастрюлей супа. Она зажгла газ и поставила кастрюлю на тихий огонь, чтобы суп разогревался постепенно.

Рори сказал:

— Люси рассказала мне.

— Извини, что? — Кэрри повернулась к нему лицом.

— Люси, — он положил с обеих сторон тарелки вилку и нож, — со мной говорила. О Лондоне и вообще о том, что родители в разводе. О своей бабушке. И о том, что ей не очень хочется туда возвращаться.

— Ох, Рори, я чувствую себя ответственной за Люси. Даже ощущаю некоторую вину. Я слишком долго жила в Австрии и почти потеряла связь с семьей. Только вернувшись в Лондон, я узнала, в каких невыносимых условиях живет Люси. Не то чтобы с ней *плохо* обращались. Нет, ей ни в чем не было отказа. Однако она тосковала по отцу, и никто не хотел, чтобы она общалась с дедом. Там в отношениях накопилось много желчи и

горечи. И ей нехорошо жить в такой атмосфере.

— А разве ее нельзя было отправить учиться в пансион? Ведь у нее, по крайней мере, было бы другое окружение.

Кэрри удивилась рассудительности этого восемнадцатилетнего юноши.

— Да, наверное, так и надо было поступить. Но, понимаешь, Рори, я всего лишь незамужняя тетушка, последняя спица в колеснице, настаивать ни на чем не могу. Иначе меня просто отставят от двора. — Кэрри помолчала, а потом добавила: — Но школа у нее *хорошая*. Там замечательная директриса, которую Люси очень любит.

— Но ведь там только девочки. — Рори уже закончил накрывать на стол. — А где лососина?

— В холодильнике, в посудной.

Кэрри достала темный хлеб из хлебницы и подошла к плите, чтобы помешать суп. Потом она вынула из буфета большое овальное блюдо. Рори принес лососину, вскрыл вакуумную упаковку и начал аккуратно выкладывать тонкие розовые ломтики на блюдо. Тем временем Кэрри приготовила пару лимонов и стала нарезать их полупрозрачными кружками, незаметно разглядывая Рори, его юное, но твердо очерченное лицо. Юноша на пороге возмужания. Рукава его темно-синей хлопчатобумажной рубашки были закатаны вверх, обнажая ловкие, сильные, загорелые руки. Кэрри прекрасно понимала, почему он так нравится Люси, но молилась, чтобы племянница не влюбилась, потому что они оба были еще слишком молоды для настоящей любви. Влюбленность четырнадцатилетней девочки почти всегда кончается разбитым сердцем.

— Рори, спасибо тебе, ты так добр к Люси.

— Мне ее жалко. Она кажется такой одинокой.

Кэрри не удержалась, чтобы не поддразнить его.

— Поэтому ты покупаешь ей сережки?

Рори посмотрел на нее и усмехнулся.

— Это просто намек ее мамочке. Люси сама захотела проколоть уши. Ну и что такого? Она же взрослеет. — И он отступил назад, чтобы окинуть взглядом блюдо с аппетитно разложенной лососиной. — Так годится?

— Отлично. Остальное мы прибережем к рождественскому ужину.

— Интересно, как там Люси.

— Надо пойти посмотреть. Идем вместе? Ты уже достаточно потрудился.

— Нет, я останусь, как и положено шеф-повару. Люблю готовить. Знаете, мама научила меня даже замешивать имбирное тесто для сухариков

к пиву. Вы идите, а я пока намажу хлеб маслом. И еще остались маленькие пиццы, я поставлю их в духовку. Хотите, я откупорю бутылку вина?

— Давай. — Кэрри сняла передник и повесила его на крючок.

Оставив Рори в одиночестве, она вышла из кухни и поднялась наверх. На лестничной площадке было пусто. Телефонная трубка лежала на рычаге, а Люси нигде не было видно. Кэрри замерла на мгновенье, ощутив смутное беспокойство. Тут снова зазвонил телефон.

— Алло? — Кэрри подняла трубку.

— Это Усадьба? Мне нужно поговорить с Кэрри.

Ошибки быть не могло. Сердце у Кэрри упало.

— Да, я слушаю. Здравствуй, мама.

— Это ты! Слава Богу! Дорогая, Никола тебе не звонила?

— Звонила, минут двадцать назад. Но ей нужна была Люси.

— Она тебе сказала?

— Сказала что?

— О, дорогая, она вышла замуж за Рэндала Фишера. Сегодня утром. Их молниеносно сочетали в Церкви Всех Святых, и теперь они муж и жена. Она не говорила мне даже, что они были помолвлены. Я понятия об этом не имела, пока она не позвонила.

Кэрри приказала себе сохранять спокойствие.

— Никола звонила тебе до того, как она позвонила Люси?

— Да, она хотела обо всем с ней договориться.

— Договориться о чем?

— Ну, насчет самой Люси, разумеется. О чем же еще? Когда она вернется из Шотландии и так далее.

«О Господи, — подумала Кэрри, — опять двадцать пять».

— О предстоящем медовом месяце и о том, что до его окончания в Лондон не собирается. Она хочет сдать обратный билет и задержаться во Флориде, и попросила меня вернуться в Лондон, когда Люси пойдет в школу. Но я с самого начала планировала остаться в Борнмуте до конца января и не собираюсь менять свои планы. Это уж слишком, Кэрри. Я просто не выдержу такого напряжения. Я ей так и сказала. «Я не способна выдержать такое напряжение, Никола». Но ты ведь знаешь, какая эгоистка твоя сестра. Она без ума от этого мужчины и думает только о нем одном.

— Она собирается остаться в Америке навсегда?

— Полагаю, что так. В конце концов, она вышла замуж за американца.

— А как же Люси?

— Должна слушаться свою мать. Но сейчас главная трудность в том, кто будет ее опекать, пока Никола не приедет за ней в Лондон.

Кэрри не знала, что отвечать. Она стояла на площадке, сжимая трубку в руке, вне себя от негодования и злости на мать и сестру. Такое случалось и раньше, но никогда еще ее чувство не было таким сильным. Что за бестактного, глупого, бесчувственного мужа выбрала себе Никола! Ведь мог же он уговорить ее сказать семье о грядущем событии, прежде чем повести в Церковь Всех Святых и напялить кольцо ей на палец? Но Кэрри понимала, что если позволит себе сейчас хоть малейшее замечание, то это вызовет лишь обмен колкостями.

— Кэрри?

— Мама, я лучше тебе перезвоню.

— Ты уже говорила с Люси?

— Еще нет. Я впервые слышу о счастливом событии.

— Ты злишься?

— Нет.

— Ты знаешь мой телефонный номер в Борнмуте?

— Да, я тебе перезвоню.

— Когда?

— Через некоторое время. Может быть, и завтра.

— Не тяни с этим. Я просто больна от беспокойства.

— В этом я не сомневаюсь.

— Ладно. Ой, дорогая, желаю тебе прекрасно провести Рождество.

— Да уж, я проведу его прекрасно.

Кэрри положила трубку и с минуту постояла, чтобы остыть, собраться с мыслями и трезво оценить ситуацию. Теперь Никола — миссис Рэндал Фишер. Она вышла за него в Церкви Всех Святых, штат Флорида. Кэрри попыталась представить себе эту картину: голубые небеса, пальмы, Рэндал Фишер в белом костюме и Никола в чем-то, едва прикрывающем наготу, но модном и красивом. Интересно, были на свадьбе друзья? И кто стал посаженным отцом? Наверное, какой-нибудь старый приятель жениха. А жена этого приятеля, скорее всего, исполняла роль главной распорядительницы и красовалась в платье до пят с орхидеями у корсажа. Ну и, конечно, после церемонии все четверо укатили в какой-нибудь местный клуб отметить событие с гостями.

Но воображение Кэрри отказывалось рисовать радужные картины. Как, когда состоялось бракосочетание — неважно, главное — это свершившийся факт, который вызывает столько эмоций, переживаний и размышлений, что не знаешь, как быть.

Люси. Прежде всего надо подумать о Люси. Она первая узнала о счастливом событии, положила трубку на рычаг и куда-то исчезла. Но куда?

Ей не нравится Рэндал Фишер, недаром она устроила бунт, услышав о перспективе поездки во Флориду. Что из всего этого выйдет? Если Никола настоит на своем, Люси грозит переезд туда насовсем. А ей всего четырнадцать. Ее насильно вырвут из родной почвы, перевезут в чужую страну, и для девочки начнется новая и тяжелая полоса жизни.

У Кэрри появилось дурное предчувствие. *Где же* сама Люси? Может, она убежала к морю, на берег, в дюны, в этот пробирающий до костей холод? Хорошо, что тут хотя бы нет скал.

Кэрри взяла себя в руки и изгнала из воображения страшные картины. Глубоко вздохнув, она поднялась в мансарду. Свет на площадке горел, но дверь спальни была плотно захлопнута. Кэрри постучала. Ответа не последовало. Она тихо открыла дверь. В комнате царила тьма. Нащупав выключатель, Кэрри зажгла свет.

— Люси?

Фигурка под бело-голубым одеялом осталась недвижима, но Кэрри почувствовала хотя и слабое, но облегчение: по крайней мере, Люси *здесь*, в безопасности, она не убежала из дома в ночную тьму…

— Люси.

Кэрри вошла в комнату, закрыла дверь, приблизилась к постели и присела на краешек.

— Люси.

— Уходи.

— Миленькая, это я, Кэрри.

— Я не желаю ни о чем разговаривать.

— Дорогая, я все знаю. Бабушка позвонила из Борнмута. И все рассказала.

— Какая разница. Все пропало. Все теперь пропало. Они все испортили и разрушили. Как всегда.

— Послушай, Люси, — Кэрри положила руку на одеяло, желая утешить племянницу, но та дернула плечом и сбросила руку.

— Уходи. Оставь меня в покое, — прорыдала Люси, задыхаясь от слез. И слезы эти были желчные, полные горечи и разочарования. Кэрри ее понимала, но не могла оставить в одиночестве.

— По правде говоря, я считаю, что маме не надо было так поступать и, тем более, сообщать об этом по телефону. Ясно было, что ты не придешь в восторг.

Люси откинула одеяло и повернулась к Кэрри. Мокрое лицо ее распухло от слез, а волосы, которые она так тщательно уложила в прическу, повисли сосульками. От горя и гнева она подурнела, и Кэрри вдруг поняла,

что гнев девочки направлен не только против матери, но и против нее самой, потому что она тоже взрослая, а никому из взрослых верить нельзя.

— Ты *тоже* на ее стороне! — выкрикнула Люси. — Она ведь твоя *сестра*. А я ее ненавижу. Ненавижу за все, что она сделала, за то, что я никогда ничего для нее не значила. А сейчас — тем более. Не хочу уезжать в Америку. Не хочу жить во Флориде, Кливленде и где бы то ни было. Я ненавижу Рэндала Фишера, я не желаю о них говорить, оставь меня в покое! *Убирайся!*

Люси рывком отодвинулась от Кэрри как можно дальше, натянула одеяло на голову, зарылась лицом в промокшую от слез подушку и снова безутешно зарыдала.

— Все Кеннеди остались с нами поужинать, — нерешительно начала Кэрри.

— А мне какое дело, — еле слышно раздалось из-под одеяла.

— Я могу принести тебе ужин сюда.

— Мне ничего от вас не надо. Я хочу только, чтобы ты *ушла*!

Кэрри встала, понимая, что настаивать бесполезно. Она вышла и снова плотно закрыла дверь. Что же теперь делать? Она была потрясена и растеряна. Стоя на лестничной площадке, Кэрри прислушалась к голосам в гостиной. Раздался взрыв смеха. Она спустилась вниз, и тут в третий раз за вечер зазвонил телефон.

Хуже не придумаешь. Она подняла трубку.

— Алло?

— Кэрри! Это Кэрри?

— Никола?

— Да, это снова я. — Голос у Николы был пронзительный и негодующий. — Звоню уже десять минут. Не могу прорваться! Люси бросила трубку, а я ей говорила…

— Я знаю, что ты ей сказала.

— Но она швырнула трубку! Посреди разговора! Ступай и приведи ее сейчас же. Она не смеет так вести себя со мной.

— А я полагаю, что она совершенно права. Она думала, что ты звонишь, чтобы поздравить ее с наступающим Рождеством, а ты огорошила ее новостью о своем замужестве. Почему ты решила, что она придет от этого сообщения в щенячий восторг?

— Она должна радоваться! У нее теперь есть прекрасный новый папа и чудесный дом. И если бы она сразу улетела со мной тогда из Лондона, то сама бы уже во всем убедилась. Почему все мои поступки она встречает в штыки? Я же все для нее делала и делаю! Не пора ли ей подумать о благе

других людей? Почему она не рада за меня? Наконец-то…

— Никола…

— И мать туда же! Ей, видишь ли, не нравится, что я немного задержусь в Америке, продлю свой медовый месяц.

— Никола, я тебя не осуждаю. Я радуюсь за тебя, правда. Но у тебя есть дочь, с которой надо считаться, ведь она уже не ребенок. Вряд ли можно ожидать от нее безумного восторга, ведь вся ее жизнь отныне пойдет кувырком.

— Я даже слушать об этом не желаю. Понятия не имею, из-за чего столько шума. Ступай и приведи ее!

— Нет, не хочу и не могу. Она у себя в комнате, забралась под одеяло и рыдает так, словно у нее сейчас разорвется сердце. Я пыталась ее успокоить, но она даже разговаривать со мной не желает, так расстроена. Поговорим лучше о другом. После Нового года мы возвращаемся в Лондон, и Люси начнет учиться. Кто будет о ней заботиться? Мама хочет остаться в Борнмуте.

— Но неужели ты не сможешь сделать для меня такой *малости*?

— У меня нет своего дома в Лондоне.

— Ты можешь жить в квартире матери и присматривать за Люси.

— Никола, меня ждет в Лондоне новая работа.

— Вот-вот. Все дело, конечно, в твоей *карьере*. В твоей замечательной карьере. Она для тебя всегда была важнее, чем кто-либо из нас. А я-то надеялась, что впервые в жизни…

— Я тоже надеялась, что раз в жизни ты подумаешь о других, а не о себе, любимой.

— Как ты можешь так говорить! Впервые после того, как Майлс меня оставил, я подумала о *самой себе*. Рэндал, по крайней мере, ценит меня. В моей жизни наконец появился человек, который оценил меня по достоинству!

Кэрри вспылила.

— Прекрати!

— Не смей на меня кричать! — взвизгнула Никола в праведном негодовании, и Кэрри смягчилась:

— Никола, послушай меня, извини. Так мы ни о чем не договоримся. У меня есть твой номер телефона во Флориде. Я попытаюсь что-нибудь предпринять и свяжусь с тобой.

— Скажи Люси, чтобы она мне позвонила.

— Не думаю, что из этого что-то выйдет. Постарайся не требовать от нее слишком многого. А я попробую найти какой-нибудь выход.

Наконец Никола ворчливо согласилась:

— Хорошо.

— Счастливого Рождества.

Никола, не почувствовав иронии в голосе сестры, пробормотала «тебе тоже» и отключилась.

А Кэрри ужасно захотелось, чтобы все было, как вчера. Ей хотелось снова очутиться в пустом здании заброшенной фабрики вдвоем с Сэмом Ховардом, бродить с ним по цехам, где так гулко отзывается эхо, подниматься вслед за его высокой фигурой по лестницам на крышу. Ей снова захотелось побыть с ним в «Герцогском гербе», посидеть у жаркого огня за стаканчиком горячительного, и чтобы опять в углу торчали те два старика, и негромко бубнил телевизор на стойке у бармена. И не надо было бы думать ни о ком, а только о себе и человеке напротив, который говорил об их сложном, неопределенном будущем.

Однако настало сегодня, и все переменилось. Она пригладила волосы, выпрямилась и вошла в гостиную. Все по-прежнему сидели в тех же позах в тех же креслах. Рори, покончив с обязанностями шеф-повара в кухне, восседал на коврике напротив матери со стаканом светлого пива в руке.

Шла мирная, спокойная беседа. При появлении Кэрри все повернулись к ней.

— Ну, вот и я, — сказала она бесцветным голосом, — извините, что заставила вас долго ждать.

— Что происходит, дорогая? — спросила Элфрида. — Внизу сплошные телефонные трели. Рори сказал, что звонила из Флориды Никола. Надеюсь, все в порядке?

— Да. — Это было и правдой, и одновременно чудовищной ложью. — Просто произошел очередной семейный кризис. Но это для нашей семьи в порядке вещей, так что, пожалуйста, не беспокойтесь.

— Кэрри, это звучит зловеще. Скажи, что стряслось?

— Не знаю, с чего и начать…

Сэм, сидевший в дальнем конце гостиной, встал и подошел к ней.

— Хотите выпить?

Кэрри покачала головой. Сэм подвинул ей кресло, и она без сил опустилась рядом с Элфридой, которая тут же взяла ее за руку.

— Дорогая, расскажи нам, что случилось.

И она стала рассказывать.

— Только что звонила Никола. Это мать Люси… — пояснила она для семейства Кеннеди, — и моя сестра. Она уехала во Флориду погостить у человека по имени Рэндал Фишер. И сегодня утром они поженились. Мы

ничего не знали о ее намерениях. Она позвонила Люси и сообщила ей новость, а та повесила трубку, прервав ее на середине повествования, и теперь рыдает в своей спальне наверху. Она кричит, что ей никогда не нравился Рэндал Фишер, и клянется, что ни за что не поедет жить в Америку. Потом позвонила наша мать, и это от нее я узнала о бракосочетании. Никола отложила возвращение в Лондон и решила провести медовый месяц в Америке. Мать устроила из-за этого истерику, потому что хочет остаться в Борнмуте до конца января и отказывается возвращаться в Лондон ради Люси. Потом Никола снова позвонила, рассказать мне, что Люси демонстративно повесила трубку, не дослушав ее. В результате у нас произошла обычная сестринская перепалка.

— Это просто невыносимо! — воскликнула Элфрида, и Кэрри подумала, что это слово выражает суть всего, что случилось за минувший год.

— Так что ситуация взрывоопасна, — продолжала она, — и чревата осложнениями. В Лондоне некому опекать Люси, кроме меня. Разумеется, если будет необходимо, я возьму это на себя и буду жить в квартире матери, пока она или Никола не вернутся в Лондон. Однако важнее другое. Под вопросом само будущее Люси. Никола вышла замуж за американца и, что совершенно естественно, переедет жить в Америку. Она в восторге от этой перспективы. А Люси, напротив, отказалась ехать туда даже на каникулы. Ей не нравится Рэндал, и, говоря откровенно, она не питает особой нежности к матери.

Все внимательно слушали Кэрри, но когда она кончила рассказ, повисло молчание. Табита сочувственно пробормотала:

— Господи помилуй!

— Но Люси *не обязательно* ехать в Америку, — задумчиво произнесла Элфрида, — ведь она может учиться в пансионе.

— Пока что она учится в дневной школе.

— А твоя мать не может поговорить с Николой?

— Ты прекрасно знаешь, что маме эта задача не по силам. Она даже и пытаться не будет.

— Но, может быть, отец Люси…

— Никакой надежды. Его вторая жена никогда не согласится.

— Но…

— Это просто смешно! — вдруг воскликнул Рори Кеннеди. Кэрри удивленно взглянула на него и увидела, что он уже не сидит, с удобством устроившись на половичке, но стоит спиной к камину, обращаясь ко всем присутствующим, и его синие глаза полыхают негодованием. Все

посмотрели на него. — Это смешно. Люси не может вернуться в Лондон. Ей там очень плохо, она мне сама сказала, у нее там нет ни друзей, ни настоящего дома, ее там никто не любит. Она призналась, что еще никогда в жизни она не жила так замечательно, как здесь. И ей совершенно не хочется возвращаться в Лондон. Не забирайте ее туда. Оставьте здесь. Она может жить с Элфридой и Оскаром, и рядом будут мои мама и папа, и Клодэг, она подружится с нашими друзьями, а учиться может в дневной школе в Кригане. Папа договорится с мистером Макинтошем, и тот возьмет ее в свой класс. Вот что, по-моему, вы должны сделать. А если вы отправите ее в Лондон, то это будет просто преступление. Несчастные подростки способны на ужасные глупости. И мы все об этом знаем. Для Люси вы все гораздо ближе, чем родная мать. Поэтому она должна остаться здесь. Я считаю, что вы просто обязаны так сделать. То есть оставить ее в Кригане.

И Рори замолчал. Щеки у него пылали. Потрясенная тишина царила в гостиной, и взрослые с безмолвным уважением смотрели на Рори. Он смутился и тихо добавил:

— Простите, я говорил не так, как подобает.

Опять наступила тишина. А потом Питер Кеннеди встал и подошел к сыну.

— Все правильно, — и он положил руку на плечо юноши. — Хорошо сказано, Рори.

Люси лежала, глядя на покатый потолок спальни. Она очень устала от слез и начала испытывать нечто вроде угрызений совести из-за своего поведения с Кэрри. Ей не свойственно было впадать в истерику, и она не знала, как же теперь себя вести. Ничто не наладится, пока она не извинится перед Кэрри, пока та не обнимет ее и не скажет, что прощает, но Люси не могла заставить себя встать, причесаться, умыться, спуститься в гостиную и предстать взглядам всех собравшихся. Еще не уехали Кеннеди, они остались на ужин, и от этого все было еще хуже.

У нее болела голова. Она чувствовала опустошение и в то же время ужасный голод. Она вспомнила, с каким мстительным удовлетворением швырнула трубку на рычаг, прервав воркование матери, расписывавшей, как она вышла замуж за Рэндала Фишера и как все они отныне счастливо заживут на благословенных берегах Флориды, омываемых теплым Гольфстримом.

Сейчас, в одиночестве, бесконечно несчастная, она упрекала себя за трусость. Надо было, напротив, обрушить на мать всю силу своего негодования и злости. Она, Люси, должна была заставить мать понять, как

невыносима для нее сама идея уехать из Англии, убедить ее, что она, Люси, не допустит, чтобы вся ее жизнь пошла наперекосяк.

Однако уже ничего не исправишь. О, если бы она была старше! Если бы ей было уже восемнадцать, она находилась бы под защитой английских законов. С ней уже не могли бы обращаться как с вещью. Она могла бы жить там, где ей все знакомо и близко, где она в безопасности и сама может строить свое будущее. Однако четырнадцать лет — это ужасный возраст. Она уже не такая маленькая, чтобы не жаловаться, когда тебя швыряют туда-сюда, как мешок, но еще недостаточно взрослая, чтобы стать независимой. Ей и прежде жилось не очень-то сладко. Но теперь жизнь обещает стать совсем невыносимой.

В окошке над головой виднелось небо. Люси вообразила, как под напором холодного морского ветра распахнется окошко и ее вынесет наружу какая-то неодолимая сила, и вот она уже летит вверх и земля все дальше уходит из-под ног, а звезды с каждой секундой становятся все больше и ярче. И она, Люси, как ракета, летит на луну, чтобы никогда не вернуться.

Послышались шаги на лестнице. Кэрри. Только бы опять не сорваться! Люси ненавидела себя за то, что потеряла над собой контроль.

Раздался стук в дверь. Люси лежала, уткнувшись щекой во влажную подушку, и молчала. Дверь отворилась.

— Люси?

То была не Кэрри. То был Оскар. И Люси ужасно сконфузилась, представив, как сейчас выглядит: в измятой одежде, растрепанная, неопрятная, заплаканная. Зачем он пришел? И почему они позволили *ему* подняться к ней? Лучше бы пришла Кэрри или Элфрида!

Но она ничего не сказала. А он спросил:

— Можно мне войти?

Не услышав возражений, он оставил дверь полуоткрытой, подошел и сел на край ее кровати. От его тяжести одеяло натянулось, и Люси немного отодвинулась, протяжно, прерывисто вздохнув.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, словно добрый доктор тяжелобольную.

— Ужасно.

— Кэрри нам все рассказала.

— Я вела себя с ней по-свински.

— Об этом она ничего не говорила. Просто сказала, что ты расстроена. Да и кто бы не расстроился, услышав такую весть по телефону? Я всегда не любил за это телефон. Чувствуешь себя таким бессильным. И таким

далеким, потому что не видишь собеседника.

— Все было бы не так ужасно, если бы он мне нравился. Я о Рэндале говорю.

— Но, может быть, он тебе со временем понравится?

— Нет, вряд ли.

Люси посмотрела на Оскара, в его доброе лицо с печальными глазами под нависшими домиком веками, и подумала, что некоторые люди нравятся сразу, и вот так сразу ей понравился Оскар. И что никогда в жизни не будет она относиться к Рэндалу Фишеру так, как к Оскару.

— Я нагрубила Кэрри.

Глаза Люси снова наполнились слезами, но теперь ей это было безразлично. Она почувствовала, как важно сейчас обо всем рассказать Оскару.

— Я на нее накричала. Я крикнула, чтобы она убиралась вон. А она приходила меня утешить. И у меня ужасно тяжело на сердце.

Она зашмыгала носом, и губы у нее скривились, как у младенца. Оскар сунул руку в нагрудный карман своего красивого бархатного сюртука и достал много раз стиранный льняной носовой платок, от которого приятно пахло одеколоном. Он протянул Люси платок. Она взяла его и громко высморкалась.

Почувствовав себя немного лучше, она пояснила:

— Я обычно на людей не кидаюсь.

— Я знаю. К сожалению, когда мы расстроены, то всегда вымещаем свои чувства на самых близких и любимых людях.

— Правда? — удивилась Люси.

— Правда.

— Не могу представить, что вы на кого-нибудь кричите.

Он улыбнулся своей доброй улыбкой. Он улыбался очень редко, но улыбка всегда так его преображала!

— А это случалось, и не раз.

— Я… Я себя ужасно чувствовала вместо того, чтобы, наоборот, радоваться.

— Да, я знаю. Ты была потрясена.

— Если бы мама вышла замуж за кого-нибудь другого, за англичанина, я бы так не расстроилась. Но я не хочу, чтобы меня насильно отправили в Америку, и не хочу ходить там в школу и жить там, и вообще. Лондон мне тоже не очень нравится, но я хотя бы знаю, что там к чему. И еще я не могу жить у бабушки, потому что она из-за всего поднимает шум и требует, чтобы все было по ее, и хочет выезжать, и встречаться со своими друзьями,

и играть в бридж. А когда она играет, ей не нравится, если я вхожу в комнату, даже просто поздороваться. И терпеть не может, когда ко мне приходит Эмма, потому что, как она говорит, мы ужасно шумим. Я не могу с ней жить, Оскар.

— Да, понимаю.

Он похлопал по одеялу. Люси отдала носовой платок, и он его спрятал, а потом взял Люси за руку. Ее пальцам стало тепло и покойно. Прикосновение было таким добрым, что на сердце у Люси полегчало и она заговорила свободнее.

— Я не знаю, что теперь со мной будет. Вот это самое ужасное. Не знаю, что мне делать. Я еще маленькая, чтобы делать как *хочу.*

— Не думаю, что тебе вообще надо что-либо делать. За тебя должны действовать другие.

— А кто?

— Я, например.

— Вы?

— Послушай меня. Есть предложение. Мы там внизу кое-что придумали. Что если после Нового года ты не поедешь с Кэрри в Лондон, а останешься здесь, с Элфридой? А с Кэрри поеду я, чтобы повидаться с твоей бабушкой в Борнмуте.

Люси встревожилась.

— А о чем вы с ней хотите говорить?

— Я хочу предложить ей, чтобы, пока у твоей мамы не наладится новая жизнь, ты осталась в Кригане у нас с Элфридой. Временно.

— А школа? Мне же надо в школу ходить…

— Да, разумеется, но можно открепиться на одну четверть из твоей лондонской школы и поучиться в Кригане. Питер Кеннеди в большой дружбе с директором здешней школы и замолвит словечко, чтобы тебя приняли в подходящий класс. Это очень хорошая школа. Уверен, что твоя директриса возражать не будет.

— Мисс Максвелл-Браун?

— Так ее зовут?

— Но я не могу *бросить* школу.

— А я этого и не предлагаю. Просто надо открепиться на четверть, взять как бы отпуск. Многие ученики так делают, когда их родителей посылают работать в другие страны или по каким-нибудь еще причинам. Думаю, мисс Максвелл-Браун отпустит тебя на одну четверть, чтобы ты могла вернуться в школу, когда все семейные проблемы утрясутся и мы будем точно знать, как действовать дальше.

— Вы хотите сказать, — Люси решила, что надо сразу же все выяснить, потому что предложение Оскара показалось ей просто чудесным, — вы хотите сказать, что после Нового года я не поеду в Лондон? И останусь с вами и Элфридой?

— Если хочешь. Сама решай.

Люси молчала, обдумывая услышанное. Чтобы осуществить этот план, надо преодолеть немало препятствий. И одно из них — сама Элфрида.

— Бабушка не одобряет поведение Элфриды, — выпалила она.

— Верю, — рассмеялся Оскар, — но, полагаю, *меня* она одобрит. Я представлюсь как школьный учитель и церковный органист с безупречным прошлым и незапятнанной репутацией. Неужели она против этого устоит?

— Не устоит, если это поможет отделаться от меня, — с легкой насмешкой отозвалась Люси.

— А твоя мама?

— А ей будет все равно. Она никогда особенно не заботилась обо мне, а сейчас, когда у нее есть Рэндал, я ей совсем не нужна.

— Значит, она не станет возражать?

— Думаю, что нет.

— Кэрри собирается им обеим завтра позвонить и изложить вкратце наши планы. В конце концов, это продлится лишь до пасхальных каникул. А потом нам опять придется все как следует обдумать.

— Но я не хочу ничего обдумывать, Оскар. Я никогда не захочу уехать отсюда в Америку и жить там.

— Не обязательно уезжать насовсем. А вот поехать, если подвернется возможность, ради интереса и в образовательных целях, вовсе неплохо. Интересно побывать в другой стране и посмотреть, как там живут люди. А жить надо там, где тебе хорошо.

— Но мне хорошо только здесь.

— Значит, ты согласна остаться в Кригане, у нас с Элфридой? Учись в местной школе. Получи аттестат об общем образовании. А потом ты уже сможешь расправить крылышки. Поступить, например, в частный пансион и сдать экзамены повышенной сложности. Я знаю несколько очень хороших учебных заведений, где учиться будет одно удовольствие. Могу навести справки и запросить проспекты курсов обучения, и мы вместе все обсудим. А ты их сама изучишь, поездишь, посмотришь и сможешь сделать выбор.

— И Рори сказал то же самое, когда мы с ним говорили. О том, что надо поучиться в таком пансионе.

— Он умный парень. И твой защитник. Это он заставил нас

действовать, когда Кэрри рассказала, что твоя мама снова вышла замуж. *«Она должна остаться здесь»,* — он так и сказал. И, конечно, был прав.

— Но, Оскар…

— Что еще?

— Вы с Элфридой вряд ли захотите, чтобы я прожила у вас *два года*?

— Почему же нет?

— Потому что вы старые. Как бабушка. А она все время твердит, что ей со мной не справиться.

Оскар рассмеялся.

— Знаешь, Люси, бабушки и дедушки — замечательное изобретение природы. Во всем мире именно они по той или иной причине занимаются воспитанием внуков, и радуются этому, и делают доброе дело. Думаю, мы все от этого получим только удовольствие.

— Разве я вам *нужна*?

— Более чем кто бы то ни было.

— И я вам не помешаю?

— Никогда.

— Но, предположим, вы переедете в Корридэйл и продадите этот дом Сэму?

— Ну и что?

— В коттедже не хватит для меня места.

— Но мы ведь еще не видели этот дом. Если потребуется, мы его перепланируем. И там будут особые апартаменты под названием «комната Люси».

— Оскар, просто не знаю, почему вы так добры ко мне.

— Потому что мы тебя любим. Потому что ты нам нужна. Я не хочу с тобой расставаться. Мне хочется, чтобы в моем доме жило молодое существо. Я уже привык к твоему голосу, твоим шагам на лестнице, к тому, как ты распахиваешь дверь и влетаешь в комнату. И к твоему смеху. Мне будет очень грустно, если ты уедешь. Может, у меня даже снова начнется депрессия.

— Когда мы с Кэрри прилетели сюда, в Криган, я ужасно нервничала, потому что Кэрри рассказала мне о вашей дочери.

— Франческе.

— Она рассказала мне о Франческе, и я боялась, что расстрою вас… буду вам о ней напоминать, и вы опять станете грустить.

— Ты действительно напоминаешь мне о ней, но я от этого не расстраиваюсь.

— А какая она была?

— Похожа на тебя. Длинные светлые волосы, на носу веснушки. Брэкеты на зубах. Она была на два года младше тебя. И всегда была в движении, минутку не постоит спокойно. Успокаивалась только, когда мы усаживались с книжкой в мое большое кресло и читали друг другу вслух по очереди.

— И мы с папой так же читали. Когда я была маленькая и мы еще все жили вместе. И еще он в ванну всегда наливал «Бадидас» и во всем доме пахло сосной. А что Франческа еще любила делать?

— Да все. У нее был маленький пони, и старый велосипед, и морская свинка, а в комнате — полно книжек. В дождливые дни она обычно отправлялась на кухню печь печенье, и оно всегда или пригорало, или оставалось недопеченным, но мне приходилось есть его и божиться, что оно просто замечательно вкусное. Мы вместе слушали музыку и иногда играли в четыре руки на рояле.

— Она хорошо играла?

— Не очень.

— А что она умела делать лучше всего?

— Жить.

Их взгляды встретились, и они долго молча смотрели друг на друга. Франческа умела жить, но умерла! Ее юная жизнь оборвалась из-за автомобильной аварии, в роковой, беспощадной катастрофе.

Люси не знала, что сказать. Она с ужасом увидела, как глаза Оскара заволокло слезами, а губы дрогнули. Порывистым движением он закрыл глаза ладонью. Он хотел что-то сказать, но не смог, из груди его вырвалось рыдание.

Люси еще никогда не видела, как взрослые плачут от невыносимого горя. Она смотрела на Оскара, не зная, как его утешить. Он покачал головой, словно сожалея о своей слабости, пытаясь, несмотря на всю боль, взять себя в руки. Через минуту, к ее огромному облегчению, он вынул из кармана еще один платок, высморкался и даже улыбнулся:

— Извини.

— О, это ничего, Оскар. Все в порядке. Я понимаю.

— Да, думаю, что ты понимаешь. Смерть и жизнь неразрывны. Я должен всегда помнить об этом, но иногда эта истина от меня ускользает.

— Но ведь жить необходимо? И помнить тоже?

— Это важнее всего на свете.

Он снова спрятал платок.

— Знаешь, в день твоего приезда, когда мы с тобой сидели в церкви и говорили о Рождестве и о зимнем солнцестоянии, то есть о самом коротком

дне в году, я впервые подумал о Франческе без отчаяния. Я вспомнил, как год или около того назад у нас с ней был такой же разговор. Я пытался объяснить ей смысл появления рождественской звезды с научной точки зрения. Она слушала внимательно, однако я ее не убедил. Она не желала, чтобы ее убедили. Ей нравилась легенда.

Мрачной зимою
ветер выл.
Землю сковало.
Вода стала льдом…

Франческа хотела, чтобы Рождество было таким, как в легенде, иначе оно теряло для нее свою волшебную притягательность. Потому что рождественские гимны, ночная темнота и подарки были неразрывно связаны с тем временем года, когда жизнь обретает крылья и весь мир воспаряет вверх, к звездам.

— Правильно, таким и должно быть Рождество.

— Оставайся с нами, Люси.

— Оскар, я вас люблю.

— В мире, вокруг нас, много любви. Никогда об этом не забывай.

— Не забуду.

— Ты не хочешь спуститься в кухню и поужинать вместе со всеми? Если они, конечно, что-нибудь для нас оставили.

— Мне надо причесаться и умыться.

— Ну, так давай. — Оскар отпустил ее руку, слегка похлопав по ней, встал и пошел к двери. А она смотрела, как он уходит. Открыв дверь, он обернулся и с ободряющей улыбкой сказал: — Мы тебя ждем, утеночек.

32
ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

В изменчивом северном климате, проснувшись поутру, часто не ведаешь, как распорядятся погодой первозданные стихии, но в этот день рассвет был удивительно чист и тих, словно его украли у весны. На улицах и в полях снег стаял, и только горы по-прежнему красовались в своих белоснежных мантиях и их вершины сверкали в лучах низко стоящего солнца. Небо было безоблачным, ни ветерка, и уже чувствовалось тепло солнечных лучей. На голых деревьях щебетали птицы, а под сиреневым кустом среди бурой прошлогодней некошеной травы показались головки ранних подснежников. В саду Розы Миллер стояла кормушка для птиц, усыпанная крошками. Голуби и скворцы клевали корм со свойственной им жадностью, синицы и воробьи поклевывали орешки и кусочки сала, которые Роза подвесила на нитках. Они порхали стайкой и, клюя, застывали на миг в воздухе, а потом стремглав летели в свое убежище на боярышнике, ветки которого дрожали и качались от суетливой активности пернатых.

День был прекрасный, снег на дорогах растаял, и Элфрида с Оскаром приехали в Корридэйл на своей машине. Остальные — Кэрри, Сэм, Люси и Рори Кеннеди — должны были прибыть позже, так как Кэрри решила дождаться полудня, чтобы позвонить сестре во Флориду. Она уже поговорила с Доди, застав ее в гостиничном номере в Борнмуте, и разговор прошел спокойнее, чем они обе смели надеяться. Доди явно обрадовалась, что с нее сняли единоличную ответственность за Люси. Она даже похвалила Элфриду за доброту и гостеприимство, совершенно забыв, что ни разу в жизни еще не сказала ни одного благожелательного слова о «вульгарной кузине» своего бывшего мужа.

— Оскар навестит тебя в Борнмуте, — пообещала Кэрри, — он сказал, что хотел бы с тобой познакомиться и, если ты не возражаешь, поговорить на эту тему.

Доди ничего не имела против и сказала, что будет ждать его в назначенный день к пятичасовому чаю в зале приемов отеля «Палас».

Оставалось только договориться с Николой, рассказать ей о заманчивых планах жизнеустройства Люси и, получив одобрение Николы, начать их осуществление. Слушая, как Кэрри мило и сочувственно разговаривает с Доди, Элфрида почти поверила, что и с Николой она так же

успешно договорится. Если та и станет возражать, то лишь для видимости. Николе вообще не свойственно беспокоиться о ком бы то ни было, при условии, что ее собственный жизненный путь беспечален и гладок.

Кэрри вызвалась также приготовить и привезти все необходимое для пикника. Элфрида хотела было сварить суп и сделать бутерброды с ветчиной, но Кэрри и Сэм изгнали ее из кухни, попросив ни о чем не беспокоиться, и отправили их с Оскаром в Корридэйл.

И сейчас Элфрида наблюдала за птицами из окна гостиной Розы Миллер. В пустом саду клумбы и грядки были аккуратно вскопаны, земля разрыхлена и подготовлена к весенним посадкам. Сад — узкая полоса земли — как бы сбегал по склону холма. Внизу его огораживали деревянный забор и несколько искривленных стволов берез, а за ними сверкали водные просторы озера, которое тянулось к голубому заливу, окаймленному с противоположной стороны холмами. Элфрида заинтересованно вглядывалась в даль, потому что вид из окна дома майора Билликлифа должен был быть таким же, как из гостиной Розы. Сегодня в ясном зимнем воздухе все краски были особенно ярки, все так и сияло, и ветки деревьев черным кружевом вырисовывались на чистом небе. Ничего красивее Элфрида и представить себе не могла.

У нее за спиной, по обе стороны камина, где ярко горел торф, сидели Роза и Оскар, разговаривали и пили кофе.

— И, конечно, бедный джентльмен запустил хозяйство, и у дома ужасный вид, — рассказывала Роза. — Бетти Каупер, жена тракториста, помогала как могла, но у нее трое детей и о них надо заботиться, поэтому для нее наводить порядок у майора Билликлифа было непосильным делом. Но как только мы узнали, что он отошел в мир иной, мы туда отправились и постарались все убрать. Большая часть одежды заношена до дыр, и ее пришлось сжечь, но осталось несколько вещей для благотворительной лавки, и мы упаковали их в чемоданы. У него, наверное, не было ничего ценного, но мы оставили его личные вещи и книги на местах, чтобы вы сами решили, сгодятся они или нет.

— Вы поступили правильно, Роза.

— А Бетти попыталась навести чистоту, отмыла пол в кухне и ванной. Бедный одинокий старичок. Печально думать, что он умер в больнице, без единой родной души рядом. Говорите, похороны будут в конце недели? Дадите мне знать? Я бы хотела присутствовать.

— Конечно. Мы заедем за вами на машине, когда поедем в Инвернесс.

— Он не виноват, что довел дом до такого состояния. Вы, наверное, захотите переделать дом по собственному вкусу, но если наймете рабочих,

то они все там разнесут в прах, и пыли не оберешься.

— Мы еще не решили окончательно, стоит ли нам переезжать сюда на постоянное житье, — сказал Оскар.

— А почему бы вам не переехать? — спросила Роза негодующим тоном. — Ведь майор Билликлиф ни за что бы не завещал вам дом, не будь он уверен, что вы поселитесь там навсегда. Вы только представьте! После стольких лет вы снова можете вернуться и жить в Корридэйле!

— А вдруг дом окажется тесноват для нас, Роза? Понимаете, с нами, наверное, будет жить одна молодая особа.

Роза звучно расхохоталась:

— О, только не говорите, что у вас появится младенец.

Оскар остался невозмутим.

— Помните, Роза, я говорил, что мы ждем гостей на Рождество? Одна из них — Люси, ей четырнадцать лет. Ее мать только что вышла во второй раз замуж в Америке, и теперь Люси не хочет возвращаться в Лондон, и тем более ехать в Штаты. Она хотела бы остаться у нас с Элфридой и учиться в Кригане.

— Но это же замечательно! И хорошо для нас для всех, если рядом появится еще одно молодое существо. Она сможет подружиться с детьми Бетти Каупер. Они помладше, но развеселые ребятишки. А для детей здесь, в Корридэйле, сущий рай. К их услугам целый парк, и они могут гонять на велосипедах без опаски, что их собьет грузовик.

Элфрида отвернулась от птиц, села рядом с Оскаром и Розой на старый стул с круглой, как прядильное колесо, спинкой и взяла свою чашку кофе.

— Может, нам удастся немного расширить дом майора. Пристроить еще комнату или что-то вроде этого. Но сначала надо все осмотреть.

— Тогда вам надо будет получить разрешение на перепланировку, — умудренно предупредила Роза. Несмотря на возраст, она хорошо разбиралась во всех уловках и ухищрениях местных властей. — Том Каупер построил без разрешения теплицу, и почти сразу же ему пришлось своими руками ее сломать. А где сейчас девочка?

— Они приедут попозже, — объяснила Элфрида. — Люси, ее тетя Кэрри, моя племянница, и Рори Кеннеди. И еще Сэм Ховард. Сэма мы в гости не ждали. Он сам приехал в Усадьбу и застрял у нас из-за снегопада. Не может добраться до Инвернесса.

— А *он* кто таков?

— Новый управляющий фабрикой Мактаггерта в Бакли.

— Вот уж ни за что бы не подумала! Какое общество у вас будет на Рождество! Когда мне Оскар позвонил и сказал, что вы сегодня собираетесь

сюда на пикник, я взяла у Бетти ключ и немного протопила на тот случай, если вам станет холодно. Но в такой-то день можно расположиться и в саду. Наверное, добрый Боженька хотел, чтобы вы сразу увидели, как здесь хорошо.

— Да, — согласилась Элфрида, — похоже на то.

Роза была женщиной старой и хрупкой, но юркой, как птичка. Сегодня она облачилась в твидовую юбку, блузку, которую заколола брошью у воротника, и красный кардиган из шотландки. Казалось, ее ясные, темные глаза замечают и видят все без очков. Тонкие седые волосы она зачесала со лба в небольшой пучок на затылке, и единственным признаком старости были ее морщинистые руки. Дом Розы был под стать хозяйке: опрятен, красочен и надежен. На полированных столиках красовались немногочисленные фарфоровые безделушки, сувениры и любительские снимки. На каминной доске стояла увеличенная фотография ее брата в морской форме. Он погиб на «Арк Ройал», потопленном во время Второй мировой войны. Роза никогда не выходила замуж. Вся ее жизнь была посвящена заботам о миссис Маклеллан и Корридэйле, однако она не отличалась сентиментальностью, и тот факт, что ныне старый особняк превратился в гостиницу и больше Маклелланам не принадлежал, воспринимала как нечто вполне закономерное.

— А что вы завтра делаете? — спросила она.

Элфрида рассмеялась:

— Не знаю. Наверное, будем разворачивать свертки с подарками. В столовой у нас елка, там мы и соберемся на рождественский обед.

— Рождественский обед! Помню, какие были рождественские обеды в Корридэйле в прежние времена. Длинный стол с кружевными салфетками и свечами. На Рождество устраивали домашний прием для друзей, двоюродных братьев и сестер и других родственников, и все надевали смокинги и вечерние платья. Канун Рождества всегда был очень торжественным. После обеда садились в машины и ехали в Криган, в церковь, на полночную рождественскую службу, и подавали отдельную машину для слуг и всех желающих. Какая же это была замечательная картина, когда все входили в церковь и рассаживались в своем приделе, такие нарядные, а миссис Маклеллан в черном шелковом платье с треном и в норковом манто шла впереди всех. А мужчины были в своих лучших пальто и черных галстуках. Ты, Оскар, этого не помнишь.

— Да, я никогда не бывал в Корридэйле на Рождество.

— Но когда здесь поселился Хьюи, то от старых традиций ничего не осталось. Я думаю, он и в церковь-то никогда не ходил, даже на Рождество.

Печально об этом думать. Такое чудное поместье, а досталось в наследство безвольному человеку, и он все разорил! — Она покачала головой и вздохнула, вспоминая о недостойных проделках никчемного Хьюи. — Но теперь это уже в прошлом. А как насчет тебя, Оскар? Ты пойдешь на рождественскую службу? Тебе и машины не потребуется. Просто перейти через дорогу.

Элфрида, не глядя на Оскара, ждала, что он ответит.

— Нет, Роза. Я не пойду. Но остальные, может быть…

«Ах, Оскар», — печально подумала Элфрида, но ничего не сказала. Оскар сам должен решать, что и как делать. Все это похоже на размолвку со старым другом. Словно кто-то один сказал, чего говорить не следовало, и пока кто-нибудь из двоих не протянет руку дружбы, отношения в тупике. «Ну, может быть, на следующий год, — подумала она. — Еще каких-то двенадцать месяцев, и он почувствует себя достаточно сильным, чтобы одолеть этот последний барьер».

А вслух произнесла:

— Я обязательно пойду. Ночью в церкви так красиво, и, как вы правильно говорите, Роза, надо всего лишь улицу перейти. Думаю, что и Люси захочет пойти, и Кэрри, конечно, тоже. А как вы, Роза? Вы будете на службе?

— Уж я-то ни за что ее не пропущу. Мой племянник Чарли сказал, что отвезет меня в Криган.

— Ну что ж, тогда увидимся.

Оскар вдруг кое-что вспомнил. А может, просто захотел переменить разговор.

— Роза, мне завещана еще одна собственность майора Билликлифа, и она не вызывает у меня особого восторга. Это собака.

— Неужели он завещал вам Брэнди?

— Представьте, да.

— А вы не хотите ее брать?

— Нет, у нас уже есть пес.

— Ну, в таком случае Чарли оставит ее себе. Он привязался к старушке, и она всегда рядом с ним, когда он работает в сарае. Да и ребятишки его будут ревмя-реветь, если им придется с ней расстаться.

— Правда? Может, нам все-таки сначала переговорить с Чарли?

— Я сама с ним переговорю, — сказала Роза тоном, не предвещавшим ничего хорошего племяннику, если тот вдруг не захочет согласиться с ее планом. — Он оставит собаку у себя, как миленький. Ну, что, еще по чашечке кофе?

Однако пора было прощаться. Все встали, Роза достала ключ из старого чайника в цветочек, который стоял на каминной полке, подала Оскару и подошла к двери, чтобы проводить их.

— Можете оставить машину у меня и пройтись пешком, — предложила она. — Тут всего два шага, а около майорского дома маловато места для парковки.

— А вам автомобиль не помешает?

— А почему он должен мне помешать?

Они последовали ее совету, задержавшись только, чтобы открыть дверцу и выпустить Горацио. Пока они болтали с Розой, бедный песик пребывал в заточении. Сейчас он поспешно выпрыгнул из машины и сразу же восхитился местными запахами.

— Для собаки оказаться здесь — все равно что мне зайти в отдел духов универмага «Хэрродс», — сказала Элфрида. — Здешние ароматы для него что-то вроде одеколона под названием «Другая собака». Он сейчас возьмет флакончик и мазнет себя лапой за ушами.

На дереве кричали грачи, и Элфрида, запрокинув голову, увидела прямую, как линейка, пушистую белую полосу, которую тянул за собой по синему небу реактивный пассажирский самолет. Он летел так высоко, что Элфрида с трудом его различала, но след видела хорошо. Самолет направлялся на северо-запад. Быть может, из Амстердама, предположила она.

— Представляешь, Оскар, вон в той крохотной летящей точке люди сейчас едят орешки, читают журналы и заказывают джин с тоником?

— По правде говоря, никогда об этом не думал.

— Интересно, куда они летят?

— Может, в Калифорнию? Через Северный полюс.

— Через полюс на Рождество! Нет, не хотела бы я лететь в этом самолете.

— Неужели?

— Я с большей радостью направляюсь на пикник в дом майора Билликлифа. Кстати, нам надо придумать для дома новое название. Раз майора больше нет, то и дом не может носить его имя.

— Когда-то он был домом лесничего, но думаю, что с течением времени станет называться домом Оскара Бланделла. Разве не так?

— Оскар, все *так*, что бы ты ни сказал.

Через несколько минут они преодолели сотню шагов, разделяющих два дома, и вошли в калитку новых владений Оскара. Дом, как близнец, напоминал Розин, но вид у него был не столь привлекательный, а

ржавеющий автомобиль у входной двери усиливал неприятное впечатление. Элфрида, стоя бок о бок с Оскаром, вспомнила тот темный вечер, когда, измученные долгой дорогой, они наконец нашли обиталище майора Билликлифа и взяли у него ключ от Усадьбы.

С тех пор произошло столь многое, что казалось, будто все случилось несколько лет назад.

Скрипя подошвами сапог по морской гальке, они подошли к дому. Оскар вставил ключ в замок, повернул его и нажал медную ручку. Дверь распахнулась внутрь. Элфрида, скрестив пальцы, вошла следом за Оскаром, и почти сразу они очутились в маленькой гостиной.

Здесь было очень холодно и немного пахло затхлым, но комната не произвела на Элфриду прежнего безотрадного впечатления, которое ей запомнилось и которое она опасалась испытать снова. В дальнее от двери окно врывался поток солнечного света, а Бетти Каупер и Роза все вычистили, вымыли, опустошили пепельницы, вытрясли половики, отполировали мебель и выбросили большую часть хлама. В воздухе еще чувствовался запах хозяйственного мыла и карболки.

Крышка бюро была опущена, и со столика на колесиках, который майор Билликлиф называл своим баром, исчезли пустые бутылки и грязные стаканы. Бетти и Роза выстирали и выгладили ветхие, выцветшие занавески, а в камине лежали приготовленные бумага и ветки, достаточно было только чиркнуть спичкой. Здесь же стояло начищенное до блеска медное ведерко с углем, лежала кучка сухих поленьев.

— Ну, начнем сначала, — сказал Оскар, снял куртку, стал на колени и поднес зажженную спичку к газете. Ветки занялись и затрещали. В конце комнаты была дверь, за которой в прошлый раз выла и бесновалась бедняжка Брэнди, напугав тогда Элфриду до полусмерти. Теперь Элфрида осторожно открыла дверь и вошла в неприветливую, холодную маленькую кухню в деревянной пристройке с окнами в некрасивых металлических рамах. Здесь были фаянсовая раковина, крошечный холодильник, газовая плита и небольшой стол, покрытый клеенкой. Линолеум на полу потрескался и местами протерся до дыр. Наполовину застекленная дверь слева открывалась в чулан, где стояли сломанная тачка, вилы и рассохшийся ящик с давно увядшей геранью. Нигде ни следа труб отопления или еще чего-нибудь, что могло бы обогревать дом. Все выглядело холодным и бесчувственным, как муниципальная благотворительность.

Элфрида вернулась к Оскару, который подкладывал уголь в разгоревшийся огонь. Потом он положил туда пару маленьких поленьев.

— Как майор Билликлиф обогревался? — спросила она.

— Наверное, никак. Не знаю. Надо посмотреть. — Он поднялся во весь рост и вытер руки о вельветовые штаны. — Давай осмотрим дом.

Они прошли через маленькую прихожую в другую комнату, столовую майора Билликлифа, где, Оскар вспомнил, на спинках стульев висели рубашки старика. Но здесь Бетти с Розой тоже потрудились и навели порядок. Старые картонные коробки и груды газет исчезли, стол был тщательно отполирован и вокруг него стояли четыре стула.

Из столовой они поднялись по очень крутой и узкой лестнице на второй этаж. В спальне майора Билликлифа стояли два старых кожаных чемодана, видимо, те, о которых говорила Роза. Кровать была застелена чистым хлопчатобумажным вышитым покрывалом, пол — свежевыстиранными матерчатыми половичками.

— Сюда можно переезжать хоть завтра, — воскликнула Элфрида и, испугавшись, как бы Оскар не поймал ее на слове, торопливо добавила: — конечно, если в этом была бы необходимость.

— Дорогая, не думаю, что стоит так спешить.

Вторая спальня была поменьше, а ванная, хотя и не производила ужасного впечатления, имела спартанский вид и не внушала желания искупаться. Сама ванна на ножках заржавела и покрылась пятнами, в раковине виднелась трещина, линолеум загибался по углам. На деревянной вешалке висело чистое, почти прозрачное от ветхости полотенце, а на раковине лежал кусок дешевого туалетного мыла.

Самое лучшее, что было в ванной, так же как и в кухне, — вид из окна. Элфрида подошла к окну, с некоторым трудом открыла его и выглянула. Вокруг все было тихо и спокойно, слышалось, как шелестят ветки в саду под неощутимым, неуловимым ветерком. Мимо с печальным криком пролетели к воде два кроншнепа. Лежащий внизу сад был неухожен: некошеная трава, сорняки, два заржавленных железных кола с обрывками когда-то натянутой между ними веревки. Видимо, за садом уже несколько лет никто не ухаживал, но Элфрида не почувствовала ни разочарования, ни уныния. Общий вид был таким же чудесным, как из гостиной Розы. Поля на склонах, сверкающая синяя вода залива и дальние холмы. Этот вид примирял с унылым домом, да и сад был запущен не безнадежно. Просто растениям, как человеку, нужно немного любви и нежной заботы, и все снова возродится к жизни.

У нее за спиной Оскар сказал:

— Хочу пройтись и осмотреть свои владения.

— Иди-иди, ты лопнешь от гордости, увидев свои сорняки.

Она слышала, как он спустился по лестнице и свистом подозвал Горацио. Вот он уже выходит из кухонной двери в сад, замирает на солнечном свету и осматривается вокруг. А потом, вместе с Горацио, идет по своему участку, словно решив узнать, сколько в нем шагов в длину. Дойдя до покосившегося забора, Оскар остановился и, облокотясь на перекладину, стал смотреть на чаек у залива.

«Надо подарить ему бинокль», — подумала Элфрида. Она наблюдала за Оскаром, и ей казалось, что он выглядит удовлетворенным. Сельский житель наконец-то вернулся домой.

Элфрида улыбнулась, закрыла окно, прошла в спальню поменьше и окинула ее быстрым взглядом. Здесь будет жить Люси. Интересно, хватит ли места для письменного стола? Хватит, если заменить огромную супружескую кровать из темного дуба на узкий диван. Единственный недостаток комнаты в том, что окно выходит на север и света маловато. Может быть, сделать еще окно в западной стене?..

Тут Элфрида услышала шум приближающегося автомобиля, выглянула в окно и увидела, как машина Сэма свернула к дому и остановилась у открытой калитки. Задняя дверца распахнулась, из нее выскочила Люси.

— Элфрида!

Голос звучал радостно, словно впервые в жизни девочки все устраивалось так, как надо. Чувствуя себя на удивление довольной и даже счастливой, Элфрида сбежала по узкой лестнице, распахнула входную дверь и распростерла объятия. Люси влетела в них и сразу же, с места в карьер, сильно волнуясь, выпалила новость:

— Элфрида, все в порядке. Кэрри поймала маму, и она страшно удивилась, и пришлось ей все объяснять *два* раза, пока она не поняла, что мы хотим сделать. И Кэрри была потрясающе убедительна и сказала маме, что, прежде всего, она должна подумать о *себе* и о *Рэндале* и провести замечательный медовый месяц, и не очень торопиться обратно в Англию. И мама сказала, что они с Рэндалом собираются провести медовый месяц на Гавайских островах, а затем отправятся в Кливленд, в другой дом Рэндала, и на это потребуется очень много времени. И еще сказала, что вы очень, очень добры, раз согласились оставить меня у себя.

Элфрида, чувствуя облегчение и радость, все же сумела подойти к вопросу практически:

— Ну, а школа? Я имею в виду лондонскую?

— О, мама все устроит. Она позвонит мисс Максвелл-Браун и все ей объяснит, и попросит оставить за мной место в школе до следующего лета,

если я захочу туда вернуться. И мама хотела поговорить с вами, но Кэрри сказала, что вы уехали, и мама пообещала позвонить в другой раз. Элфрида, какой миленький домик, правда? А зачем здесь этот старый автомобиль?

— Ржавеет.

— А где ваша машина?

— У Розы.

— А мы подумали, что вы ее, наверное, отправили в гараж, и купили вместо нее вот эту.

— Ну как такая мысль могла прийти тебе в голову?

— А этот автомобиль на ходу?

— Не знаю.

— Рори сумеет его завести. Ой, Элфрида, он письмо получил. В середине января он поедет в Непал. Правда, здорово? Жаль только, его не будет здесь, но он вернется в середине августа, чтобы подготовиться к учебе в университете. Элфрида, это гостиная, да? Надо же, вы и огонь разожгли! Здесь так уютно. А где Оскар?

— В сад вышел.

— А как к нему пройти?

— Через кухню, а из двери…

Но Люси, не тратя времени даром, уже неслась в сад, громко окликая Оскара. Потом появилась Кэрри. Она протиснулась в дверь с огромной корзиной, из которой торчали крышки термосов, а в другой руке несла сумку с бутылками.

— А вот и мы. Извини, надеюсь, мы не заставили вас очень долго ждать, — и Кэрри плюхнула корзинку на пол. Выпрямившись, она победно вскинула кулак в воздух. — Сделано! — воскликнула она. — Я дозвонилась до Николы, разговорила ее, привела в хорошее настроение. Все в порядке, родительское одобрение даровано. Люси может остаться и ходить в школу в Кригане, и Никола говорит, что созвонится с тобой насчет перевода некоей суммы за стол и кров.

— Я об этом и не помышляла.

— Да, я знаю. И Никола окажет тебе честь и нанесет визит, когда будет в Англии. Это значит, что они приедут сюда на Север в каком-нибудь фантастическом авто, с Рэндалом Фишером за рулем, чтобы продемонстрировать свое благоприобретенное богатство и бросить зоркий взгляд на тебя и Оскара.

— Кэрри, не будь такой злой.

— И она, возможно, будет разговаривать с тобой как дама-патронесса.

— Все это пустяки. У нас свой путь. Но ты молодец. — И они, ликуя, обнялись.

Потом Кэрри отодвинулась, и лицо ее стало серьезно.

— Только обещай, что не взвалишь на себя ничего непосильного.

Элфрида пожала плечами:

— Я и не собираюсь.

— Ну, а что представляет собой дом?

— Здесь холодно. Мы разожгли камин.

— Можно посмотреть?

— Конечно.

— Это кухня?

— Правда, страшная?

— Но зато полна солнца! Смотри, вон Оскар идет. — Кэрри прошла к двери через кухню, выглянула и позвала: — Оскар!

А Элфрида подняла корзину, втащила ее в кухню и поставила на стол. В этот момент вошел Сэм, крепко прижимая к груди большую коробку. Она казалась очень тяжелой.

— Это все для пикника? — изумилась Элфрида.

— У нас будет пир. Куда поставить?

— Вот сюда, рядом с корзиной. А где Рори?

— Выясняет отношения с автомобилем майора Билликлифа. Машина выглядит ужасно. От нее есть ключи?

— Понятия не имею.

— Мы попробуем завести ее и отогнать подальше, чтобы не мешала. А то она портит впечатление.

Сэм подошел к окну и взглянул вниз, в сад, откуда к дому уже направлялись Оскар, Кэрри и Люси.

— Какой удивительный вид! Это хороший дом, Элфрида. В нем есть основательность.

И Элфриде стало тепло на сердце, как матери, когда вслух похвалят ее ребенка.

Пикник накануне Рождества в Корридэйле был чем-то вроде пиршества на ходу. Началось оно со стакана вина у камина, в тепле от дружно пылавших полешек, но постепенно переместилось за двери дома, так как день выдался прекрасный, и казалось настоящим кощунством проводить его внутри. Рори и Люси первыми вышли в сад, а затем к ним присоединились остальные, усевшись на стулья из кухни, подушки от софы и толстый мохнатый коврик, который Рори принес из машины Сэма.

Воздух был холоден, но солнце щедро изливало свои лучи прямо на компанию. Под защитой дома не ощущалось ни малейшего ветерка.

Кэрри и Сэм прекрасно все устроили. Они привезли горячий суп, приправленный шерри, и все пили его прямо из кружек. Еще были свежие булочки, щедро прослоенные ветчиной с горчицей, омлет с беконом, куриные грудки, салат из помидоров, крепкие хрустящие зеленые яблоки и толстые ломти чеддера. А в завершение всего очень горячий кофе.

Элфрида, сидя на подушке от софы, прислонилась к стене дома, подняла лицо к солнцу и закрыла глаза.

— Это самый лучший пикник в моей жизни. Спасибо тебе, Кэрри. Вино изумительное. Мне кажется, что я на Майорке.

— И неважно, что на тебе пальто, — засмеялся Оскар.

Рори и Люси, захватив с собой картофельные чипсы и плитку шоколада, исчезли в дверях дома, а через некоторое время снова появились в саду.

— Там все так хорошо, Оскар, — радовалась Люси.

— Только очень холодно, прямо как в Арктике, — добавил Рори. — Надо что-то делать с отоплением.

— Рори, дом долго стоял пустой, — заметила Кэрри. — И потом, сейчас декабрь. В декабре никогда не бывает очень тепло.

— Нет, — твердо заявил Оскар, — Рори прав. Отоплением мы займемся в первую очередь. А куда вы двое снова отправляетесь?

— Хотим взять Горацио и прогуляться по берегу.

Оскар допил кофе.

— Я с вами.

Он сидел на ступеньке кухонного крыльца и теперь протянул руку Рори, чтобы тот помог ему встать.

— После такого пиршества нужно размяться. Кто с нами?

— Я пойду, — сказала Кэрри.

— А я нет, — твердо заявила Элфрида, — почему бы не посидеть, ну хотя бы недолго? Здесь такая божественная тишина и покой.

— Скоро стемнеет и гулять будет поздно. А как вы, Сэм?

— Я останусь с Элфридой. Хочу как следует осмотреть дом.

Показывать дом майора Сэму было совсем не то, что бродить по комнатам с Оскаром. С Оскаром Элфрида просто переходила из комнаты в комнату, удовлетворенная тем, что дом не такой уж маленький, неудобный и ветхий, как они опасались. Однако Сэм, конечно же, был гораздо практичнее и внимательнее. Он простукал стены, осмотрел оконные рамы,

опорные перекрытия и ничего не сказал, когда Элфрида продемонстрировала ему пристроенную ванную. Наконец, они кончили осмотр и вернулись в гостиную. Огонь в камине почти догорел, и Элфрида, помешав угли кочергой, подложила еще пару полешек. Сэм во время осмотра говорил очень мало, и она стала опасаться, что ему совсем не понравилось наследство, полученное Оскаром, и теперь он обрушит на нее новость о непригодности дома для обитания.

— Так что вы скажете, Сэм? — нервно спросила она.

— Думаю, у этого дома неплохие перспективы. И местоположение райское. Подождите минуту, я должен кое-что достать из машины. Здесь есть электричество? Можно зажечь свет? Становится темно.

Когда он ушел, она повернула выключатель. Комнату слабо осветила лампочка на потолке. Была ли она при последнем издыхании или же являлась свидетельством прижимистости майора Билликлифа? На столе рядом с камином стояла еще одна лампа. Элфрида включила и ее, и стало немного светлее. Сэм вернулся с желтым блокнотом и ручкой.

Они сели на софу.

— А теперь, — Сэм сунул руку в карман, достал очки и надел их на нос, — давайте говорить по существу. Вы готовы жить в этом доме, оставив все как есть, или же хотите кое-что переделать?

— В зависимости от обстоятельств.

— Каких?

— Сколько будут стоить переделки?

— Предположим, — и он начал составлять список, — предположим, вы ломаете существующие кухню и ванную. Они безобразны, нефункциональны и загораживают свет. Затем, мне кажется, стоит снять перегородку между двумя нижними комнатами — она из оштукатуренной дранки и не является опорной. Таким образом вы получите одну большую комнату. Я предложил бы также в столовой оборудовать кухню, а к ней пристроить небольшую веранду, выходящую окнами на юг. Южную и западную стены надо застеклить. У вас будет прекрасный вид и не пропадет ни одного лучика солнца. А кроме того, появится дополнительное крытое пространство. Небольшая терраса. Ее можно использовать в теплые летние вечера.

— А что делать с лестницей?

— Передвинуть к задней стене.

— А куда девать холодильник и стиральную машину?

— Встроить в кухонное оборудование. Здесь есть труба, и вы можете поставить кухонную печь «Ага» или «Рейберн». Она дает постоянное тепло

и зимой, и летом, а если вдруг наступит жара, что в здешних местах маловероятно, вы просто распахнете все окна и двери.

— А это заменит центральное отопление?

— Думаю, да. Дом прочный и солидный, выстроен из камня, и если вы сделаете дополнительную теплоизоляционную прокладку, в нем будет тепло. Кроме того, в гостиной у вас есть камин. Что касается спален, то там можно поставить электрические радиаторы и электрический же нагреватель для воды. Это чрезвычайно эффективно, и, даже если отключат электричество, у вас останется ваша печь.

— А что с ванной?

— Сделать новую. — Сэм быстро набросал чертежик на бумаге. — Можно оборудовать ее над столовой.

— А комната для Люси? В маленькой спальне ужасно темно.

— Если вы избавитесь от старой ванной и коридора, то в южной стене можно будет сделать еще одно окно.

Элфрида молча смотрела на желтый блокнот, в котором Сэм записывал свои простые и разумные советы, и удивлялась, как быстро он разрешил все затруднения. Ей понравилось предложение о большом открытом пространстве внизу. Она уже представляла, как они с Оскаром сидят у камина, а в дальнем конце комнаты к их услугам все удобства современной кухни.

— А прихожая как же?

— Откажитесь от нее. Это всего лишь отстойник для сквозняков. Новая входная дверь с двойным остеклением не даст холоду проникнуть внутрь.

Элфрида задумчиво покусывала ноготь.

— А во сколько это обойдется?

— Честно говоря, не знаю.

— Дороже восьмидесяти тысяч фунтов?

Сэм рассмеялся, и лицо его избороздили лучистые морщинки.

— Нет, Элфрида. Не думаю, чтобы это стоило так дорого. Вы же в конце концов не перестраиваете дом. Просто приспосабливаете его для жизни. Крыша, кажется, прочная, а это самое главное. И ни следа плесени. Однако я считаю, что вам надо вызвать оценщика, составить смету. И советую сменить всю проводку. Но даже тогда потребуется меньше восьмидесяти тысяч. — Сэм снял очки и посмотрел на Элфриду. — А у вас они есть?

— Нет еще, но я надеюсь их получить. Джеми Эрскин-Эрл собирается продать мои дорожные часы. Да, вы еще не знаете, мы вам не говорили, но

оказалось, что эти часы — очень редкий экземпляр. Коллекционная вещь. И дорого стоят. Поэтому я сказала, чтобы он их продал.

— За восемьдесят тысяч?

— Это он сам назвал сумму и сказал, что если продавать, то по самой высокой цене. Может, и за все восемьдесят пять.

— Ну, в таком случае у вас не будет никаких проблем. А я просто в восторге. Очень за вас рад. Соглашайтесь, Элфрида.

— Но мы должны нанять архитектора и получить разрешение на перепланировку.

— А почему бы вам не обратиться к жене местного врача, Джэнет Синклер? Она архитектор. К тому же местная и знает всех лучших строителей, столяров и водопроводчиков.

— А как долго будут идти работы?

— Наверное, полгода. Точнее сказать не могу.

— Тогда на это время нам придется остаться в Усадьбе.

— Ну разумеется.

— А как же вы, Сэм? Вы ведь хотите купить Усадьбу?

— Я могу и подождать. И уж, конечно, не выброшу вас на улицу.

— Но вы будете работать в Бакли, и как же с жильем?

— Что-нибудь придумаю.

И тут Элфриду осенила блестящая идея. Она сразу же, в своей импульсивной манере, высказала ее.

— Вы можете жить с нами. В Усадьбе. Вы, Люси, Оскар и я. У вас уже есть там комната, и вы можете остаться.

Сэм опять засмеялся.

— Элфрида, такие предложения следует очень серьезно взвешивать.

— Почему?

— Да потому что вы можете и передумать. Кроме того, вам следует обсудить это с Оскаром. Ему это может совсем не понравиться.

— Оскар будет очень рад, если вы останетесь с нами. И я тоже. Для меня это будет новое занятие — сдавать жилье. Знаете, я в своей жизни много чем занималась: была актрисой, хотя и не очень хорошей, одно время работала официанткой, а еще шила диванные подушки. Теперь стану домовладелицей. Пожалуйста, соглашайтесь. У меня такое чувство, что Усадьба каким-то непостижимым образом уже ваша, хотя вы ее еще и не купили. Словно ваш приезд сюда был заранее кем-то предрешен и вам самой судьбой предназначено здесь жить.

— Спасибо. В таком случае, я принимаю ваше предложение, если, конечно, Оскар его одобрит.

Когда все вернулись с прогулки, солнце уже краешком зацепило землю. Оскар и Кэрри пришли первыми, а с ними — Горацио, который явно хотел пить.

— Ну и как прогулялись? — спросила Элфрида, открывая буфет, чтобы отыскать подходящую миску для собаки.

— Прекрасно, — ответила Кэрри, разматывая шарф. — Божественное место. И на берегу — все здешние птицы. Утки, пеликаны, чайки. Ну, а вы? Поговорили с Сэмом?

— Он меня просто потряс. Уже набросал план переделок. Оскар, ты должен обязательно посмотреть. И, в сущности, нам очень мало что придется делать, всего лишь кое-что сломать, кое-что построить, убрать стену и поставить печь. Не разевай рот, Оскар. Все это очень просто. Нашим архитектором будет Джэнет Синклер. И Сэм говорит, что мы должны пригласить оценщика, а также сменить всю старую проводку. Но он считает, что это *хороший* дом. Иди сюда, посмотри…

За полчаса, пока все ждали возвращения Люси и Рори, Оскар посмотрел наброски плана, выслушал идеи Сэма, убедился в их целесообразности и дал согласие на переделку. Кэрри тоже одобрила предложения Сэма.

— Знаете, мне всегда нравилась идея большого первого этажа без всяких перегородок, особенно в маленьком доме. Увеличив пространство, вы получите больше солнечного света. Сэм, вы умница. Почему вы так хорошо разбираетесь в перепланировках, сносе стен и где научились чертить?

— Два последних месяца я не вылезаю из планов, проектов, чертежей и калек. Надо быть уж очень тупым, чтобы не приобрести крохи каких-то знаний.

Уже почти стемнело. Кэрри взглянула на часы и сказала, что пора возвращаться в Криган. Люси еще предстояло накрыть на стол для завтрашнего рождественского обеда, а Кэрри собиралась приготовить какое-нибудь сытное блюдо на вечер.

— Мы ведь пойдем на ночную службу, Элфрида? — спросила Кэрри.

— Да, наверное. Оскар хочет остаться дома, а я пойду.

— И я. Люси и Сэм тоже идут. Поужинаем попозже, ведь вечер будет долгий.

— Мы сможем сыграть в карты. Я нашел несколько колод в нижнем ящике книжного шкафа. Кто умеет играть в канасту с тремя колодами?

— В самбу, хотите сказать? — спросил Сэм. — Я умею. Когда я жил в Нью-Йорке, это было там очень модно.

— А я не умею играть, — заявила Люси.

— Ничего, мы будем играть с тобой на пару, — пообещал Оскар.

Тем временем собрали и уложили все, что осталось от пикника, отыскали шапки и перчатки и решили, кто с кем поедет. Первая партия уселась в машину Сэма. Элфрида, Оскар и Горацио остались, чтобы запереть дом и выехать попозже, а сейчас вышли проводить остальных.

Было всего лишь четыре часа дня, но уже подкрались синие сумерки и прекрасная новорожденная луна, нежная, как цветок, выплыла на сапфировое небо. Снежные вершины холмов слабо светились в странном сумеречном мерцании луны. Начался отлив. Отступая, море обнажило волнистую песчаную отмель. Еще летали кроншнепы, оглашая криком побережье, но другие птицы уже замолчали, спев все свои дневные песни.

Большой «дискавери», мигнув хвостовыми огнями, исчез за поворотом. Оскар и Элфрида стояли у двери, пока могли уловить шум мотора, потом вошли в дом.

— Не хочется уезжать. Не хочется уходить отсюда. Не хочется, чтобы этот день кончался, — сказала Элфрида.

— Тогда побудем здесь еще немного.

— Если бы здесь нашелся чай, я бы тебе заварила.

— Попьем, когда вернемся.

Оскар устало опустился на софу, на место Сэма. Он прошелся с молодежью дальше, чем собирался, и утомился. Элфрида подбросила в огонь остатки топлива, потом села напротив и протянула к огню закоченевшие пальцы.

— Мы будем здесь жить, правда, Оскар?

— Если хочешь.

— Я хочу. А ты?

— Да. Признаюсь, у меня были сомнения, но теперь, когда я снова увидел дом и Сэм рассказал, что можно сделать, считаю, что мы можем переехать.

— Это замечательно. Придут архитектор и строители, и все станет новым. Один из моих любимых запахов — это когда пахнет мокрой известкой. А на втором месте — запах свежей краски.

— А как насчет мебели?

— Какое-то время придется обходиться тем, что есть. А потом оглядимся, поездим, может, купим что-нибудь красивое на аукционе. Но прежде всего надо сделать дом таким, каким мы хотим его видеть: теплым, светлым, полным воздуха. С печью и красивой кухней. Тепло важнее всего. Как это майор прожил здесь так долго и не умер от переохлаждения?

— Ну, он был человеком старой закалки. «Толстый твидовый пиджак, длинные шерстяные кальсоны — и я не желаю слышать чепуху насчет того, что холодно».

— Но ты никогда не будешь так вести себя, правда, Оскар? Я не переживу, если ты станешь носить длинные шерстяные кальсоны.

— Если мне хоть немного повезет, я в жизни их не надену.

Тени удлинились. Темнота за окном уже поглотила голые деревья. Элфрида вздохнула:

— Наверное, пора ехать. Нельзя всю готовку взваливать на Кэрри.

— Подожди. Я еще хочу поговорить.

— О чем?

— О нас с тобой.

— Но, — она хотела было ответить: «мы весь день говорили только о нас с тобой», однако Оскар ее перебил.

— Пожалуйста, просто выслушай меня.

Он говорил так серьезно и настойчиво, что она встала, подошла и села рядом с ним на старой софе, а он положил ладонь на ее руку. Элфрида вспомнила, что это однажды уже было, когда они сидели за кухонным столом в Грейндже после гибели Глории и Франчески и она никак не могла найти подходящие слова утешения.

— Слушаю.

— Мы собираемся сделать новый шаг. Вместе. Это наше общее дело: поднять дом, истратить на это большие деньги и потом жить здесь. Кроме того, в обозримом будущем с нами будет жить и Люси. Ты не думаешь, что, может быть, настало время нам заключить брак? Стать мужем и женой? Это лишь формальность, я знаю, потому что при всем старании наш союз вряд ли может стать крепче, нежели сейчас. Но брак скрепит его, словно печатью… не в моральном смысле, но просто как бы лишний раз подтвердит нашу веру в будущее.

Элфрида почувствовала, как ее непослушные «глупые» глаза наполняются слезами.

— Оскар…

Она отняла руку и стала искать носовой платок. «Старые люди выглядят ужасно некрасиво, когда плачут», — опять подумала она.

— Тебе совершенно не обязательно это предлагать. Ведь прошло меньше двух месяцев после… Еще слишком мало мы грустили. Этого времени недостаточно, чтобы воспрянуть. И ты в данном случае не обязан думать обо мне, потому что я не отношусь к женщинам, которым обязательно надо быть замужем. Я с радостью останусь с тобой навсегда и

так, и я не хочу, чтобы ты считал своим долгом жениться на мне.

— Но я предлагаю это не из чувства долга. Я люблю тебя, я почитаю тебя и сейчас, при теперешнем положении вещей. Я думаю, ни ты, ни я не придаем ни малейшего значения тому, что о нас думают или говорят другие. Если бы все оставалось как оно есть, я бы с радостью вел нынешний образ жизни. Но у нас теперь есть Люси, и мы должны подумать о ней.

— Но какое значение имеет ее присутствие для нашего образа жизни?

— О, моя любимая, дорогая Элфрида! Ты подумай вот о чем. Пока что жители Кригана относились к нам с тобой с величайшей добротой, даже терпимостью. Нам не задавали никаких вопросов. Ни единый человек не кинул в нас камень, даже самый крохотный. Но с появлением в нашем доме Люси все изменится. Она пойдет в местную школу, а дети не всегда добры. Пойдут слухи. Да, это бывает даже в наши дни и в нашем веке. Родители могут озлобиться и повести себя некрасиво. Не хочу, чтобы подобные вещи болезненно сказывались на Люси. Нам также придется считаться и с новым мужем Николы, мы же о нем ничего не знаем. Возможно, он порядочный человек, а может, один из тех высокомерных людей с очень жестким моральным кодексом. Иногда они с Николой будут приезжать к нам. А мы ведь не хотим давать им ни малейшего повода увезти от нас Люси в Америку вопреки ее желанию, правда?

— Ты хочешь сказать, что Рэндал не захочет ее оставить у нас только потому, что мы живем во грехе?

— Именно так.

— Значит, ради нее мы должны быть женаты.

— Говоря откровенно, да.

— Но Глория…

— Глория как раз поняла бы это раньше всех.

— Прошло очень мало времени, Оскар.

— Знаю.

— Ты уверен, что так можно?

— Да, уверен. Потому что одно бесспорно: это ты помогла мне начать все сначала, это ты сделала самое мрачное и горькое время в моей жизни не только сносным, не только стоящим, чтобы продолжать жить, но даже привнесла в мою жизнь радость. Мне кажется, что тебе вообще это свойственно: дарить радость одним своим существованием. Мы не можем вернуться назад. Жизнь для нас обоих никогда не станет прежней, но она может стать другой, и — ты мне это доказала — даже стать хорошей. Я уже давно тебе сказал, что ты всегда можешь заставить меня смеяться. И еще

ты заставила меня полюбить. Я теперь не представляю себе жизни без тебя. Пожалуйста, выходи за меня замуж. Если бы у меня так чертовски не застыли суставы, я бы сейчас встал на колени.

— А вот этого не надо. — Элфрида, наконец, нашла платок и высморкалась. — Но я очень, очень хочу выйти за тебя замуж. Спасибо, что ты сделал мне предложение.

Она отложила платок в сторону, и он снова взял ее за руку.

— Итак, мы обручились. Мы объявим всем об этом сразу или будем хранить тайну?

— Давай пока не будем объявлять. Насладимся нашим секретом.

— Ты права. И так произошло столько событий. Пусть пройдет Рождество, а потом я повезу тебя в Кингсферри, куплю тебе бриллиантовое кольцо и после мы объявим о своем счастье на весь мир.

— Честно говоря, я не жажду бриллиантов.

— А тогда что же мне тебе подарить?

— Может, кольцо с аквамарином?

Оскар рассмеялся и поцеловал ее, и так бы они и сидели в сумерках весь вечер, но последние полешки догорели и в доме с заходом солнца снова стало холодно. Пора было уезжать. Снаружи воздух тоже быстро остыл и снова наступила зима. С севера налетел ветер и зашелестел голыми ветками большой березы, которая стояла напротив их калитки.

Элфрида, глубоко засунув руки в карманы, осмотрелась. Луна поднималась все выше, проклюнулась первая звезда.

— Мы вернемся, — сказала она, не обращаясь ни к кому в особенности.

— Конечно.

Оскар запер входную дверь своего дома, взял Элфриду за руку, и с Горацио на поводке они зашагали в темно-синем вечернем сумраке по дорожке, усыпанной галькой.

Вечер перед Рождеством

Уже почти восемь часов, и еще осталось много дел, но я должна все записать, а то позабуду. Так много всего случилось. Хуже всего был звонок от мамы. Она позвонила как раз во время вечеринки и сказала, что вышла замуж за Рэндала Фишера. Наверное, это было самое плохое, что могло для меня случиться. И я могла думать только о том, что придется ехать жить в

Америку, и я потеряю всех моих друзей, или же мне придется жить с бабушкой в Лондоне в полном одиночестве и я никогда и никому не буду нужна. Это было бы по-настоящему ужасно. И со мной случилась жуткая истерика. Я просто заболела от слез, мне было очень плохо, и я зверски вела себя с Кэрри, но сейчас все позади. Теперь все утряслось, и я останусь здесь, в Кригане, у Элфриды и Оскара. Это Рори им всем сказал, что я могу учиться здесь, и я так рада, что мы с ним успели обо всем поговорить, когда он чинил телевизор, так что он знал, как я ко всему отношусь, хотя больше никто ничего не знал. Я считаю, что он действительно мой самый лучший друг. Он уезжает в Непал в середине следующего месяца и ужасно радуется. Я буду по нему скучать, но снова с ним увижусь обязательно, когда он вернется в августе. Что бы до этого ни случилось, но я решила обязательно с ним тогда встретиться, а мне будет уже пятнадцать лет. Пятнадцать — это уже звучит, это не то что четырнадцать. Я буду гораздо старше.

Сегодня утром я проснулась с таким чувством, что все будет хорошо, и еще у меня было ощущение, словно с меня груз свалился, Кэрри позвонила бабушке и рассказала о наших планах, и бабушка со всем согласилась, а потом Кэрри позвонила маме во Флориду и тоже уговорила ее. Вообще, это не заняло много времени, И потом я тоже поговорила с мамой и постаралась, чтобы голос у меня звучал не очень радостно, а то она могла бы обидеться и передумать.

А потом пришел Рори, мы взяли все для пикника, и Сэм отвез нас в Корридэйл. Мне давно очень хотелось туда поехать и все посмотреть. Там очень красиво, и день был тоже чудесный, ни одного облачка, и совсем без ветра, и, честное слово, было тепло. Дом майора маленький, но симпатичный, он расположен недалеко от старинного особняка, а поблизости есть еще несколько таких же домиков. Там растут высокие деревья, а вдали виден залив и холмы. Дом довольно старый, и в нем ужасно холодно, но Оскар зажег огонь в

камине, и все выглядело даже уютно. Там есть две спальни, и та, где буду жить я, немного темновата, но Элфрида говорит, что она станет лучше после ремонта. Сэм предложил много хороших идей, и, когда дом переделают, он будет, как игрушка. Элфрида говорит, что в Корридэйле есть и другие дети, в семье Кауперов, которые живут поблизости на ферме, и что они учатся в школе в Кригане, так что я смогу по утрам ездить туда вместе с ними.

Мы вернулись с Сэмом, высадили Рори у дома священника и потом приехали домой. Кэрри приготовила тортилью, такое огромное блюдо. Туда входит картошка, лук-порей, яйца, бекон и еще много чего. Пока она готовила тортилью, я закончила накрывать стол для рождественского обеда, поставила свечи в подсвечниках, крекеры и конфеты и свернула салфетки. Посередине стоит ваза с остролистом, и все выглядит так празднично, а когда мы зажжем свечи, то будет совсем здорово, как на рождественской открытке. Кэрри сказала, что нам не хватает только бобового короля.

После тортильи мы собираемся играть в карты, чтобы скоротать долгий вечер, а потом пойдем на полночную службу в церковь, все, кроме Оскара, который говорит, что ему не хочется.

Не знаю, сколько времени пройдет до переезда в Корридэйл, ведь там много чего надо сделать. Мне бы хотелось перебраться туда к лету, но Элфрида говорит «поживем — увидим». А пока мне и здесь хорошо. И Сэм собирается к нам переехать, он будет жильцом, пока все окончательно не устроится.

Не могу поверить, что один день можно быть такой несчастной и печальной, а на другой стать самой счастливой на свете. В следующий раз, когда я снова буду писать в дневнике, уже наступит Рождество.

С трудом удерживая веером огромное количество карт, Элфрида пыталась решить, что можно сбросить. У нее уже не было двоек и троек, и она мучилась, не зная, есть ли у Кэрри на руках пара, и если есть, то пара

чего? Сброшенных карт было уже очень много, игра приближалась к концу, и если Кэрри сейчас покроет, то они с Сэмом проиграют.

— Ну, давай, Элфрида, ходи, — сказал Оскар, утомленный долгим ожиданием. — Прояви мужество. Сбрось то, что тебе не нужно.

С тайным вздохом Элфрида сбросила восьмерку червей и с замиранием сердца ожидала услышать торжествующий вопль Кэрри и увидеть, как она молниеносно выкладывает свои козыри. Однако та покачала головой.

— Если бы не надо было идти в церковь, я бы опрокинула еще стаканчик шерри, — призналась Элфрида.

Было уже десять минут двенадцатого, и карты сдали в последний раз. Сэм и Элфрида выигрывали, однако все еще могло измениться. Элфрида уже давно не играла в самбу. Когда был жив Джимбо, они иногда коротали вечер с парой друзей, но она уже позабыла некоторые правила, а нужные приемы и уловки вспоминались лишь в процессе игры. Оскар и Сэм были старыми бойцами и досконально знали все нюансы, а Кэрри и Люси — новичками. Кэрри быстро усвоила правила, а Люси играла в паре с Сэмом, который терпеливо все ей объяснял и к концу первого захода даже позволил самой выбирать, какие карты сбросить.

Кэрри взяла две карты и могла теперь выйти из игры. Оскар одобрительно хмыкнул: она сбросила четверку червей.

— Осталось всего четыре карты, — вздохнула Люси.

— И когда они кончатся, игре конец, — предупредил Сэм. — Бери, Люси, две, и посмотрим, что у нас на руках.

На лестничной площадке зазвонил телефон.

— Черт его побери, — огрызнулся Оскар, — кто может звонить в такой час!

— Я подойду, — вызвалась Элфрида, но Оскар уже положил карты на стол и встал. Он вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь, но Элфрида слышала, как он отозвался:

— Усадьба.

И затем наступила пауза, видимо, говорил звонивший. Ответ она не расслышала. Оскар снова появился в гостиной, уселся на прежнее место и опять взял карты в руки.

— Кто это был? — полюбопытствовала Элфрида.

— Да так, кто-то ошибся.

— Хочешь сказать, кто-то неправильно набрал номер?

Но Оскар уже сосредоточенно глядел в карты. Однако и Сэм поинтересовался:

— Но если номер набрали неправильно, то о чем же вы говорили?

Люси хихикнула — это был шутливый вопрос из старого анекдота. Она сидела, склонив голову набок, и все решала, какие карты сбросить.

В конце концов колода кончилась и никто не выиграл, но Сэм подтянул к себе блокнот, подсчитал персональные очки и провозгласил победителями себя и Элфриду, выразив надежду, что Оскар выдаст им заслуженную «премию».

— Ничего подобного делать не собираюсь, — с достоинством возразил Оскар, — вам просто очень повезло, а к умению играть это не имеет никакого отношения. — С этими словами он положил карты и встал: — Пойду прогуляюсь с Горацио.

Элфрида удивленно взглянула на него. Оскар частенько выгуливал Горацио по вечерам, но еще никогда не отправлялся на прогулку в такое позднее время.

— Прогуляешься? Куда же ты пойдешь? На берег?

— Не знаю. Просто мне нужно подышать свежим воздухом и размять ноги. Может, я не вернусь к тому времени, когда вы уйдете в церковь, но не запирайте дом. Я буду ждать вашего возвращения.

— Хорошо, — пообещала Элфрида.

Он ушел, захлопнув за собой входную дверь. А Элфрида пребывала в изумлении.

— Странно, и даже *забавно.* Будто он не нагулялся сегодня на неделю вперед.

— Да ладно, Элфрида, — сказала Кэрри, собирая карты и раскладывая их по разным колодам: синюю, красную и в цветочек. — Какая увлекательная игра. В какой-то момент самба переходит в канасту. Хотя система подсчета очков довольно сложна, и вы, Сэм, должны мне ее записать, иначе я позабуду.

— Хорошо, сделаю.

Карты разложили и убрали. Элфрида обошла гостиную, взбивая диванные подушки и собирая брошенные на пол газеты. Огонь в камине догорал, но она его не погасила, просто поставила перед тлеющими угольками экран.

— Наверное, нам пора уже отправляться. Сегодня будет очень много народу, и надо занять места.

— Мы словно в театр идем, — сказала Люси. — А в церкви холодно? Надеть мне красную куртку?

— Обязательно. И зимние сапоги тоже.

Одна в своей спальне, Элфрида причесалась, еще немного подкрасила

губы и брызнула на шею духами. Она достала из гардероба пальто-накидку, застегнула его на все пуговицы до самого верха и надела шапку, напоминавшую грелку для чайника. Затем села на кровать и натянула отороченные мехом сапоги. Взяла деньги для церковных сборов, носовой платок на тот случай, если растрогается, слушая рождественские гимны, и перчатки.

Готова. Она оглядела себя в длинном зеркале, себя, Элфриду Фиппс, которая скоро должна стать миссис Оскар Бланделл. И подумала, что выглядит потрясающе. *Это я. Господи. Благодарю Тебя!*

Элфрида вышла, спустилась по лестнице и заглянула на кухню проверить, все ли готово для рождественского обеда, и убедиться, что она выключила газ и не оставила на огне чайник с уже выкипевшей водой. В кухне в своей корзине спал Горацио.

Элфрида нахмурилась:

— Горацио, а я думала, что ты ушел с Оскаром погулять.

Пес посмотрел на нее и замолотил хвостом.

— Так он тебя не взял? Куда же он пошел?

Горацио закрыл глаза и ничего не ответил.

Она снова поднялась наверх, в гостиную.

— Оскар!

Но гостиная была пуста и все лампы погашены. Оскара не было.

Внизу у лестницы она увидела Сэма, надевавшего пальто.

— Оскар исчез.

— Он гуляет с Горацио, — напомнил ей Сэм.

— Нет, Горацио в кухне, в корзине. Таинственная история, правда?

Сэм ухмыльнулся:

— Наверное, он тайком заскочил в паб.

— Какое странное предположение.

— Не волнуйтесь. Он уже большой мальчик.

— Я и не волнуюсь, — сказала Элфрида, все же теряясь в догадках, куда запропастился Оскар.

Выбежала из своей мансарды Люси.

— Я готова. Элфрида, нам нужны деньги для пожертвований?

— Да, у тебя есть?

— Пятьдесят пенсов. Достаточно?

— Куча денег! А где Кэрри?

— Она еще собирается.

— Хорошо, Люси, тогда мы с тобой пойдем вперед и займем для всех места. Сэм, а вы подождете Кэрри и придете вместе с ней.

— Конечно.

Элфрида и Люси быстро сбежали вниз, и, стоя на лестничной площадке, Сэм услышал, как открылась и громко захлопнулась тяжелая входная дверь.

А он стоял на лестнице в опустевшем доме и ждал Кэрри. Из-за двери ее спальни доносились негромкие звуки. Открывались ящики комода, захлопнулась дверца шкафа. Он совсем не ощущал нетерпения. На протяжении всей его мужской жизни ему бессчетное число раз приходилось ожидать появления женщин: в баре, в фойе театра, за столиком ресторана. Он привык подолгу ждать Дебору, которая всегда и всюду опаздывала. И вот теперь в доме, который однажды станет его собственным, он ожидал Кэрри.

— Сэм! — Она вышла из комнаты и, увидев его, немного смутилась. — И вы меня ждали все это время? Извините. Я не могла найти свой шелковый шарф.

На ней были короткое пальто, меховая шапка и длинные блестящие сапоги. Шарф-беглец, в розово-голубых тонах, нежно обнимал ее тонкую шею, и хотя Сэму были уже знакомы ее лицо и одежда, еще никогда он не видел Кэрри такой прекрасной.

— А где остальные? Они ушли?

— Да.

Он положил руки ей на плечи, притянул к себе и поцеловал. Сделал то, чего жаждал с самого первого вечера, когда она открыла ему дверь, а он стоял на пороге, весь в снегу. Так что поцелуй оказался долгим. Когда, наконец, они оторвались друг от друга, Сэм увидел, что Кэрри улыбается, и еще никогда ее глаза так не сияли.

— Счастливого Рождества!

— Счастливого Рождества, Сэм. Нам пора идти.

Элфрида и Люси перешли через улицу. На освещенной площади царило оживление. Прихожане шли пешком и подъезжали на машинах, и все направлялись в церковь. Было ясно, что соберется очень много народу. Раздавались радостные восклицания, жители окрестных селений приветствовали друг друга, постепенно выстраиваясь в один ряд и продвигаясь ко входу в церковь.

— Элфрида!

Они остановились и увидели сзади Табиту, Рори и Клодэг, спускавшихся по крутой дорожке от дома священника.

— Здравствуйте. А я-то думала, что мы придем раньше всех! Никогда

еще не видела так много народу.

— Да, и это здорово, правда? — Табита надела клетчатое шерстяное пальто и замотала шею красным шарфом. — Так бывает каждый год. Люди приезжают за много миль отсюда. Единственное, в чем нам немного не повезло, — Алистер Хегги, органист, заболел гриппом, так что живой музыки не будет.

Элфрида ужаснулась.

— Вы хотите сказать, что мы должны петь без музыкального сопровождения? Да я просто *не перенесу* этого.

— Ну, все не так уж скверно. Питер звонил Биллу Крофту, на телевидение, и он пришел на помощь, установил магнитофон с усилителем, так что мы будем петь под запись. Это, конечно, не очень хорошо, но все же лучше, чем ничего.

— Ой, как же я разочарована. Бедный Питер.

— Ничего не поделаешь. Идемте. Если повезет, мы все усядемся на одной скамье.

Они прошли через широкие ворота и вступили на дорогу, ведущую к пологим ступеням храма и его двойным дверям, сейчас распахнутым настежь. Изнутри вырывался поток света и падал на каменные плиты у входа. Элфрида услышала пение. Хор. Он исполнял рождественский гимн.

Бог дарует нам веселье.
Пусть царит в душе покой…

Звук был немного искусственный, металлический. «Слегка напоминает музыку из транзистора на пикнике, — подумала Элфрида, — что не совсем уместно в настоящий момент и не соответствует настроению».

…Спаситель, Иисус Христос…

Гимн оборвался. Наступило молчание: или магнитофон сломался, или кто-то нечаянно отключил электричество.

— Ой, только не говорите, что магнитофон тоже подхватил грипп! — воскликнул Рори.

И тут началось. Хлынули мощные звуки органа. Все нарастающие аккорды и волны музыки захлестнули церковь, вырвались из ее пределов и

отозвались гулким эхом в ночи.

Элфрида замерла на месте. Она взглянула на Табиту, но та ответила невинным взглядом. Какое-то долгое мгновенье они молчали, а потом Элфрида спросила:

— Это Питер звонил Оскару, да? Примерно в четверть двенадцатого?

Табита пожала плечами:

— Понятия не имею. Идемте, дети, может, отыщем еще места.

Она взбежала по ступеням вместе со своими двумя детьми, а за ними следом — Люси.

Поднялась и Элфрида. Любезный бородатый господин словно поджидал ее:

— Добрый вечер, миссис Фиппс, — сказал он и вручил ей книжечку с гимнами.

Она машинально взяла ее, не поблагодарив, вошла в церковь и заметила, что та уже почти полна народу. Прихожане шумно усаживались, переговаривались с соседями или с сидевшими сзади. Музыка гремела, устремляясь ввысь, в арочный простор потолка, и отзываясь в длинном нефе. Элфрида медленно продвигалась к его главной части, огороженной колоннами и вымощенной красно-синей плиткой. Она шествовала в волнах музыки, в океане все нарастающих звуков.

Кто-то дотронулся до ее руки, и она остановилась.

— Элфрида, сюда, — позвала Люси, — мы держим места для вас и для Сэма с Кэрри.

Но Элфрида не обратила на ее слова никакого внимания. И не двинулась с места.

Между кафедрой и аналоем стояла великолепно убранная, переливающаяся огнями рождественская елка. За ней, у северной стены церкви, вздымались трубы органа. Место органиста было ограждено дубовой стенкой, так что сидящим он был не виден. Но Элфрида стояла, а она была высокого роста. Верхний свет падал на органиста ярким пятном, и она могла отчетливо видеть и голову, и профиль, и густую копну седых волос, взлохмаченных в экстазе самозабвения.

Бетховен. «Ода к радости».

И Оскар Бланделл, изливающий в музыке всю свою душу.

Он примирился. Он вернулся. В лоно родной стихии.

2000 г.

ОБ АВТОРЕ

Первый рассказ известной английской писательницы Розамунды Пилчер был опубликован в журнале «Woman and Home», когда ей было восемнадцать лет. Во время Второй мировой войны она работала в Министерстве иностранных дел, а потом в составе женской вспомогательной службы британских военно-морских сил в Портсмуте и на Вест-индском флоте. Она и ее муж сейчас живут в Шотландии, в окрестностях Данди. У них четверо детей и восемь внуков.

Розамунда Пилчер — автор тринадцати романов, переведенных на многие языки. Два ее бестселлера, «The Shell Seekers» («Искатели раковин», в настоящем переводе «Семейная реликвия») и «September» («Сентябрь»), завоевали признание во всем мире. Большой успех выпал и на долю других ее произведений — романа «Winter Solstice» («В канун Рождества»), сборников рассказов «The Blue Bedroom» («Голубая комната»), «Flowers in the Rain» («Цветы под дождем») и других.

---

notes

Примечания

1

«Женский институт» — организация, объединяющая женщин, живущих в сельской местности.

2

Стилтон — сорт жирного сыра с голубыми прожилками.

3

«Как называется — не помню» (*лат.*).

4

Магнификат — церковное песнопение на текст из Евангелия.

5

Корнуолл — полуостров, юго-западное побережье острова Великобритания.

6

Килт — юбка шотландского горца.

7

Херлингем — лондонский аристократический спортивный клуб и стадионы.

8

Рамми — вид карточной игры.

9

Повеса (*фр.*).

10

Дэвид Найвен — британский актер (1909–1983).

11

Замок «Времена года» (*фр.*).

12

Кэдди — обычно мальчик, который подносит игрокам в гольф клюшки и подает мячи.

13

Персонаж из сказки Шарля Перро «Синяя Борода».

14

Сеть крупных магазинов, где продается повседневная одежда.

15

Brute — животное (*англ.*).

16

Рил — быстрый шотландский танец.

17

«Кавалер роз» — опера Рихарда Штрауса.

18

Кеджери — жаркое из риса, рыбы и приправы карри.

19

Чертополох — эмблема Шотландии.

20

Nightingale — соловей (*англ.*).

Table of Contents

Розамунда Пилчер В канун Рождества
1 ЭЛФРИДА
2 СЭМ
3 КЭРРИ
4 ЛЮСИ
5 ОСКАР
6 ЭЛФРИДА
7 ЛЮСИ
8 ЭЛФРИДА
9 ОСКАР
10 ЛЮСИ
11 КЭРРИ
12 ЛЮСИ
13 ОСКАР
14 ЛЮСИ
15 ЭЛФРИДА
16 СЭМ
17 КЭРРИ
18 ЭЛФРИДА
19 ЛЮСИ
20 ЭЛФРИДА
21 ЛЮСИ
22 ЭЛФРИДА
23 ЛЮСИ
24 СЭМ
25 ЛЮСИ
26 ЭЛФРИДА
27 ОСКАР
28 КЭРРИ
29 СЭМ
30 ЛЮСИ
31 ВЕЧЕРИНКА У ЭЛФРИДЫ
32 ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ
ОБ АВТОРЕ
Примечания

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20